

Журнал индексируется базами данных

Russian Science
Citation Index

ABDC AUSTRALIAN
BUSINESS DEANS
COUNCIL

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ECONBIZ
Find Economic Literature

CNKI 学术搜索
WORLD OF CNKI CNKI OF WORLD

ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

ISSN 1994-5124

9 771994 512008 >

Т. 20 № 5 ОКТЯБРЬ 2025

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ISSN 1994-5124

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
и Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Том 20 № 5 ОКТЯБРЬ

Οικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • POLITIKA

ISSN 1994-5124

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям
5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки)

5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
(экономические науки)

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4 — Финансы (экономические науки)

5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Том 20 № 5 октябрь 2025

Главный редактор

Сергей ДРОБЫШЕВСКИЙ, д. э. н., доцент, директор по научной работе,
Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара; заместитель директора
по науке, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС
(Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Абел АГАНБЕГЯН, д. э. н., профессор, академик РАН, заведующий кафедрой
экономической теории и политики, РАНХиГС (Москва, Россия)

Андрей БЕЛЫХ, д. э. н., заместитель директора Центра прикладной истории,
Институт общественных наук РАНХиГС (Москва, Россия)

Наталья ВОЛЧКОВА, к. э. н., профессор, Российская экономическая школа;
проректор по научной работе Всероссийской академии внешней торговли,
Министерство экономического развития Российской Федерации
(Москва, Россия)

Марек ДОМБРОВСКИЙ, PhD (Econ.), профессор, Центр социально-экономических
исследований (Варшава, Польша)

Лоуренс КОТЛИКОФФ, PhD (Econ.), профессор, Бостонский университет
(Бостон, США); Национальное бюро экономических исследований
(Кембридж, США)

Юрий КУЗНЕЦОВ, к. э. н., ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский
финансовый институт Министерства финансов РФ (Москва, Россия)

Владимир МАУ, д. э. н., PhD (Econ.), профессор, главный научный сотрудник,
Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Александр РАДЫГИН, д. э. н., профессор, директор Института экономики,
математики и информационных технологий, РАНХиГС (Москва, Россия)

Елена САРДАНАШВИЛИ, ответственный секретарь, АНО «Редакция журнала
“Экономическая политика”» (Москва, Россия)

Андрей СИМОНОВ, PhD (Fin.), PhD (Sci.), профессор, Университет штата
Мичиган (Ист-Лансинг, США); научный сотрудник, Центр по исследованиям
в области экономической политики (CEPR) (Лондон, Великобритания)

Сергей СИНЕЛЬНИКОВ-МУРЫЛЕВ, д. э. н., профессор, главный научный
сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли, Министерство
экономического развития Российской Федерации; научный руководитель,
Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Дэвид ТАПР, д. э. н., PhD (Econ.), ведущий научный сотрудник международной
лаборатории исследований внешней торговли, Институт прикладных
экономических исследований РАНХиГС (Москва, Россия)

Павел ТРУНИН, д. э. н., заместитель главного редактора, директор Центра изучения
проблем центральных банков, РАНХиГС; руководитель научного направления
«Макроэкономика и финансы», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара
(Москва, Россия)

Марина ТУРУНЦЕВА, к. э. н., заведующий лабораторией макроэкономического
прогнозирования, РАНХиГС; старший научный сотрудник, Институт экономической
политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
и Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара

© АНО «Редакция журнала “Экономическая политика”», 2024

Οικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Издатель: АНО «Редакция журнала “Экономическая политика”».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство ПИ № ФС77-25546.

Редакция журнала:

Исполнительный директор	Татьяна Куликова
Научный редактор	Евгения Антонова
Литературный редактор и корректор	Алена Владыкина
Технический редактор и верстальщик	Мария Ачканова
Редактор английских текстов	Екатерина Курдюкова

Позиция авторов представленных в номере статей не всегда совпадает с позицией издателей журнала.

Перепечатка, перевод, а также размещение материалов журнала «Экономическая политика» в Интернете только при согласовании с редакцией. При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

EKONOMICHESKAYA POLITIKA

ECONOMIC POLICY (Moscow, Russian Federation)

Publisher: ANO “Editorial Board of the Journal “Economic Policy”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (ROSKOMNADZOR).

PI certificate number FS77-25546.

Editorial staff:

Executive director	TATIANA KULIKOVA
Scientific editor	EVGENIA ANTONOVA
Literary editor and proofreader	ALENA VLADYKINA
Layout editor and designer	MARIA ACHKANOVA
English language editor	EKATERINA KURDYUKOVA

The position of the authors represented in the papers does not always coincide with the position of the publishers of the journal. Reproduction, translation, and placement of the journal “Ekonomicheskaya Politika (Economic Policy)” on the Internet is allowed only in agreement with the publisher. A reference to the journal is required.

Published materials underwent the procedure of reviewing and expert selection.

EKONOMICHESKAYA POLITIKA
ECONOMIC POLICY (Moscow, Russian Federation)

Vol. 20 No. 5 october 2025

Editor-in-Chief

Sergey DROBYSHEVSKY, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Scientific Director,
Gaidar Institute for Economic Policy; Deputy Director of Research, Institute
of Applied Economic Research, RANEPA (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board

- Abel AGANBEGYAN, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Academician, RANEPA
(Moscow, Russian Federation)
- Andrei BELYKH, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director
of the Center for Applied History, RANEPA (Moscow, Russian Federation)
- Natalya VOLCHKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Professor, New Economic School;
Vice Rector, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development
of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
- Marek DABROWSKI, PhD (Econ.), Professor, Center for Social
and Economic Research (Warsaw, Poland)
- Laurence KOTLIKOFF, PhD (Econ.), Professor, Boston University (Boston, USA);
National Bureau of Economic Research (Cambridge, USA)
- Yuriy KUZNETSOV, Cand. Sci. (Econ.), Financial Research Institute
of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
- Vladimir MAU, Dr. Sci. (Econ.), PhD (Econ.), Professor, Chief of Research,
Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)
- Alexander RADYGIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Institute of Economics,
Mathematics and Information Technologies, RANEPA (Moscow, Russian Federation)
- Elena SARDANASHVILI, Executive Secretary, Editorial Board of the Journal
“Economic Policy” (Moscow, Russian Federation)
- Andrei SIMONOV, PhD (Fin.), PhD (Sci.), Professor, Chairperson of the Finance
Department, Michigan State University (East Lansing, USA); Research Fellow,
Centre for Economic Policy Research (London, United Kingdom)
- Sergey SINELNIKOV-MURYLEV, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief of Research,
Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development;
Research Director, Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)
- David TARR, Dr. Sci. (Econ.), PhD (Econ.), Chief of Research, Institute
of Applied Economic Research, RANEPA (Moscow, Russian Federation)
- Pavel TRUNIN, Dr. Sci. (Econ.), Deputy Editor-in-Chief, Director of the Center for Central
Banking Studies, RANEPA; Head of the Center for Macroeconomics and Finance,
Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)
- Marina TURUNTSEVA, Dr. Sci. (Econ.), Head of the Macroeconomic Forecasting
Laboratory, RANEPA; Senior Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy
(Moscow, Russian Federation)

**The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration and the Gaidar Institute for Economic Policy**

СОДЕРЖАНИЕ

60 лет косыгинской реформе

Андрей БЕЛЫХ

Косыгинская реформа в исторической перспективе
Вступительная статья ответственного редактора 6

Алексей САФРОНОВ

Косыгинская реформа: от идеи до сворачивания. 12

Никита ПИВОВАРОВ

Реформа Алексея Косыгина и изменение системы управления
промышленностью в октябре 1964 — октябре 1965 года 70

Алексей ПОПОВ

Экономические эксперименты
в химической отрасли СССР (1965–1970 годы) 90

Андрей БЕЛЫХ

Маркс, Канторович, Новожилов — что не так со стоимостью? 122

Любовь ЛАЗАРЕВА, Дмитрий МАСЛОВ

Эволюция осмысления сталинской экономической модели
в реформаторском контексте 156

Юрий ЛАТОВ

Реформировать нельзя разрушить: косыгинская реформа
в контексте реформ и революций XIX–XXI веков 190

Экономическая теория

Леонид СЕРКОВ

Многорегиональная модель экономики
с ограниченными ожиданиями экономических агентов 218

Макроэкономика

Павел КОЛЯДЕНКО, Юрий ПЕРЕВЫШИН

Влияние шоков бюджетной политики
на инфляцию в российской экономике 252

Экономическая политика

Роза СЕМЕНОВА, Степан ЗЕМЦОВ, Никита ПОЙЛОВ

Влияние господдержки на развитие предпринимательства
в регионах России в условиях внешних шоков. 282

CONTENTS

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Andrei BELYKH

Kosygin's Reform in Historical Perspective
Introduction by the Executive Editor **6**

Alexey SAFRONOV

The Kosygin Reform: From Conception to Curtailment **12**

Nikita PIVOVAROV

Alexei Kosygin's Reform and Changes to Industrial Management
From October 1964 to October 1965 **70**

Aleksei POPOV

Soviet Attempts to Offer Material Incentives to Workers
in the Chemical Industry (1965-1970) **90**

Andrei BELYKH

Marx, Kantorovich, and Novozhilov: What Is Wrong With Stoimost'? . . . **122**

Lyubov LAZAREVA, Dmitry MASLOV

How the Understanding of the Stalinist Economic Model
as Reformist Has Evolved **156**

Yury LATOV

Kosygin's Reforms in the Context of Reforms
and Revolutions of the 19th – 21st Centuries **190**

Economic Theory

Leonid SERKOV

Multiregional Model of the Economy
With Limited Expectations of Economic Agents **218**

Macroeconomics

Pavel KOLYADENKO, Yurii PEREVYSHIN

Fiscal Policy Shocks
and Inflation in Russia **252**

Economic Policy

Roza SEMENOVA, Stepan ZEMTSOV, Nikita POYLOV

How State Support Affected the Development
of Entrepreneurship in Russian Regions During External Shocks **282**

60 лет косыгинской реформе

Косыгинская реформа в исторической перспективе

Вступительная статья ответственного редактора

Андрей Акатович Белых

ORCID: 0000-0002-2348-586X

Доктор экономических наук, заместитель директора,
Центр прикладных исследований Института общественных наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: abelykh@inbox.ru

Исследование подготовлено в рамках НИР ГЗ РАНХиГС 10.1-2025-1 «Влияние стратегических документов Советского Союза и Российской Федерации на общественно-политический строй».

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Kosygin's Reform in Historical Perspective

Introduction by the Executive Editor

Andrei A. Belykh

ORCID: 0000-0002-2348-586X

Dr. Sci. (Econ), Deputy Director, Institute for Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, a e-mail: abelykh@inbox.ru

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Acknowledgements

This article has been prepared as part of the state assignment no. 10.1-2025-1 from the Russian Presidential Academy of Science and Public Administration.

Выступая 27 сентября 1965 года на Пленуме ЦК КПСС с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», Алексей Николаевич Косыгин объявил о начале экономической реформы. Термин «реформа» он употребил четыре раза. В постановлении пленума, имевшем то же название, что и доклад Косыгина, говорилось: «Пленум одобряет разработанные Президиумом ЦК КПСС и изложенные в докладе члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР т. Косыгина А. Н. мероприятия по улучшению управления промышленностью, совершенствованию планирования и усилению экономического стимулирования промышленного производства и поручает Президиуму ЦК КПСС и Совету Министров СССР принять решения по этим вопросам»¹. Термин «реформа» в постановлении пленума не фигурировал, разработка необходимых мероприятий была приписана Президиуму ЦК КПСС, а роль Косыгина в этом документе сводилась к тому, чтобы изложить содержание мероприятий участникам пленума.

Сразу после пленума было принято два постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР — № 728 и 729 (30 сентября и 4 октября). Название доклада Косыгина было разделено на две части — первое постановление называлось «Об улучшении управления промышленностью», второе — «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Символично, что термин «реформа» в обоих постановлениях не употреблялся.

Через 22 года, 11 июня 1987 года, в разгар перестройки, выступая на Политбюро при обсуждении вопроса о переводе предприятий на полный хозрасчет, Михаил Сергеевич Горбачёв сказал: «Вспомните 1965 год, реформу Косыгина — Либермана. Почему не получилось? Потому что не последовали совету Витте, который говорил, что если проводить реформу, то надо делать это глубоко и быстро»². Высказывание Сергея Юльевича Витте звучало несколько иначе: «...в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются»³. Отметим, что сам Витте свою главную, вполне успешную, экономическую реформу — введение золотого стандарта — проводил совсем не «быстро и спешно».

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 16 т. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 10: 1961–1965. М.: Политиздат, 1986. С. 443.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 191–192.

³ *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. М., Таллинн: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. С. 89.

Для нас, однако, важно другое. При анализе косыгинской реформы, как и любой другой, необходимо ответить на ряд вопросов: почему возникла необходимость реформы, как формировалась ее концепция, кто был автором концепции, как принималось решение о проведении реформы, как она осуществлялась, какую роль играли акторы и группы интересов, в чем состояли результаты реформы, каковы были причины успеха или неудачи?

Косыгинская реформа и связанные с ней события во многом определили развитие советской экономики в поздний период существования СССР и постсоветский период. Ей посвящено значительное количество работ экономистов и историков, по ней защищено несколько диссертаций. Внимание к истории косыгинской реформы и личности А. Н. Косыгина не уменьшается. Тем не менее консенсус по многим проблемам пока отсутствует, сохраняются старые и возникают новые мифы.

В настоящем номере журнала «Экономическая политика» публикуются шесть статей, посвященных 60-летию косыгинской реформы. В них рассматривается история подготовки и реализации реформы (статьи 1 и 2), изучаются отдельные аспекты экономической истории и экономической теории, связанные с реформой (статьи 3 и 4), реформа анализируется в более широком контексте истории реформ в СССР и постсоветской России (статьи 5 и 6).

Ниже дано краткое описание представленных статей.

1. А. В. Сафронов

Косыгинская реформа: от идеи до сворачивания

В статье представлен взгляд на реформу как на саморазвивающийся процесс — от экономических проблем, вызвавших к жизни экономическую дискуссию 1962 года, до сворачивания реформы в середине 1970-х годов. Автор обобщил идеи участников дискуссии, обрисовав альтернативную модель планового экономического механизма, в которой управление предприятиями должно было строиться на основе экономических нормативов и плановых цен, научно разрабатываемых с применением экономико-математических методов. При описании того, как реформа была реализована, он акцентировал внимание на тех элементах нового экономического механизма, которые не были воплощены, показав, к каким проблемам это привело. Сделан вывод о том, что, ослабив административный контроль, реформа не смогла заменить его экономическим регулированием, поэтому длительное сохранение ситуации первых пореформенных

лет было невозможным. Требовалось либо углубление, либо сворачивание реформы. На фоне роста дисбалансов в народном хозяйстве и неготовности государственного аппарата сокращать свою роль в управлении экономикой политическое руководство выбрало второй вариант.

2. Н. А. Пивоваров

Реформа Алексея Косыгина и изменение системы управления промышленностью в октябре 1964 — октябре 1965 года

Изучена работа комиссии во главе с Косыгиным, созданной по решению Президиума ЦК КПСС для выработки стратегии «по упорядочиванию руководства промышленностью». Автор проанализировал изменения системы управления промышленностью, осуществленные правительством Косыгина в период с октября 1964 по октябрь 1965 года. Показано, как постепенно менялись подходы Косыгина и его команды: от идеи возвращения к сверхцентрализованной (фактически сталинской) модели к компромиссной, в рамках которой управление промышленностью было распределено между центральными министерствами, регионами и самими предприятиями.

3. А. А. Попов

Экономические эксперименты в химической отрасли СССР (1965–1970 годы)

Дан критический пересмотр знаковых экономических экспериментов эпохи косыгинских реформ (карповского, щёкинского, башкирского) в химической промышленности СССР. На основе ранее недоступных архивных материалов автор показывает, что, вопреки сложившемуся мифу, эти проекты изначально имели ограниченный потенциал и были скорее политически мотивированными ответами на кадровый дефицит, нежели попыткой системной трансформации плановой экономики.

4. А. А. Белых

Маркс, Канторович, Новожилов — что не так со стоимостью?

Не будет преувеличением сказать, что успех реформы в большой степени зависел от правильного ценообразования. Выступая

на сентябрьском 1965 года Пленуме ЦК КПСС с докладом о реформе, Косыгин заявил, что цены должны отражать общественно необходимые затраты труда. Это означало, что цена товара должна определяться его стоимостью. Но как раз со стоимостью были (и есть) большие проблемы — в теории и, следовательно, на практике.

5. Л. Н. Лазарева, Д. В. Маслов
Эволюция осмысления
сталинской экономической модели
в реформаторском контексте

Авторы исследуют формирование тренда на усиление рыночных рычагов в советской экономической модели в представлениях руководителей страны, научного сообщества и социума. Убедительно доказана несостоятельность утверждений, присутствующих и в научной литературе, и особенно популярных в публицистике, что эффективную сталинскую экономику «сломали» экономические реформы от Косыгина до Горбачёва. Прослеженная цепочка от XVIII партийной конференции до горбачевской экономической реформы показывает как сложность и противоречивость поиска способа «лучше хозяйствовать», так и его четкую направленность на попытку «скрестить» план и рынок.

6. Ю. В. Латов
Реформировать нельзя разрушить:
косыгинская реформа в контексте реформ и революций
XIX–XXI веков

Автор рассматривает реформы с позиций исторической макросоциологии, изучающей роль реформ и революций в социально-экономических трансформациях. По его мнению, косыгинские реформы оказались бы по-настоящему успешными, только если бы вылились в великие реформы, направленные на качественную смену модели социализма, как это сделал в Китае Дэн Сяопин. Однако реально эти реформы оказались запланированы и реализованы только как обычные, несколько изменяющие правила игры в рамках старого (сложившегося еще в 1930-е годы) аттрактора развития, что предопределило их затухание. Резкий рост нефтяных доходов в 1970-х мог бы смягчить для СССР рыночные реформы, но оказался аргументом для полного отказа от них. Упущенные возможности предопределили более тяжелые условия для гор-

бачёвских и ельцинских реформ, которые всё равно в конечном счете привели к формированию в современной России социально-экономического строя, близкого к «социализму с китайской спецификой».

Надеюсь, что публикуемые работы ведущих специалистов будут полезны для создания научной истории косыгинской реформы.

60 лет косыгинской реформе

Косыгинская реформа: от идеи до сворачивания

Алексей Васильевич Сафронов

ORCID: 0000-0003-3301-9974

Кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Институт общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: aleksei.safronov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены идеи и ход реализации экономической реформы 1965 года. Актуальность темы обусловлена не только юбилеем реформы, но и тем, что она продолжает оставаться в центре научных дискуссий о принципиальной возможности корректировки советской экономической модели в послевоенный период без ее слома. Вписывание отдельных предложений экономистов в контекст дискуссии 1962–1965 годов позволило реконструировать представления об альтернативной модели плановой экономики, которая совместно разрабатывалась в то время экономистами-математиками, кибернетиками и практиками-хозяйственниками. Сделан вывод, что господствующая сегодня в литературе трактовка о борьбе идей экономического либерализма и компьютеризации планирования возникла позднее, а современники выдвигали комплекс реформаторских предложений, объединявших компьютеризацию, экономико-математические методы и использование экономических стимулов (материальной заинтересованности). Однако при воплощении экономической реформы не было реализовано несколько важных элементов: с запозданием проведен пересмотр оптовых цен; система сбора экономической информации, которая позволяла бы оперативно корректировать цены, не создана; не обеспечена стабильность экономических нормативов — вместо единых нормативов они утверждались по министерствам и отраслям, из-за чего работа Межведомственной комиссии во многом свелась к борьбе за «выгодные» нормативы. Реформа снизила доходы бюджета и увеличила не имеющий товарного покрытия платежеспособный спрос населения, что привело к обострению дефицита на потребительском рынке. Преодоление этих негативных явлений могло идти либо путем углубления реформы вплоть до создания рыночной экономики, либо путем восстановления административного контроля за пропорциями воспроизводства. Выбор «административного» пути был связан с неготовностью государственного аппарата отказаться от своей роли в экономическом и социальном развитии страны. Непоследовательность в проведении реформы обусловила ее противоречивые результаты: при улучшении ряда финансовых показателей перехода к интенсивному типу развития не произошло.

Ключевые слова: плановая экономика, командная экономика, материальная заинтересованность, экономико-математические методы, Либерман, Немчинов

JEL: N0, P20, P30

Исследование подготовлено в рамках НИР ГЗ РАНХиГС 10.1-2025-1 «Влияние стратегических документов Советского Союза и Российской Федерации на общественно-политический строй».

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

The Kosygin Reform: From Conception to Curtailment

Alexey V. Safronov

ORCID: 0000-0003-3301-9974

Cand. Sci. (Econ.), Research Fellow, Institute for Social Sciences,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: aleksei.safronov@mail.ru

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The article examines the ideas behind the 1965 economic reform in the USSR and the way in which it was implemented. That reform is still central to discussions about whether it would have been feasible, at least in theory, to adjust the Soviet economic model in the post-war period without breaking it. The article sets proposals by well-known economists (such as those in an article by E. G. Liberman) against the economic debate that ran from 1962 to 1965. This facilitates reconstruction of an alternative model for a planned economy which was developed jointly at that time by mathematical economists, cyberneticists, and practical business operators. In contrast with the prevailing view, the author maintains that the struggle between proponents of economic liberalism and of improving planning through computerization arose later and that contemporaries of the reform, including V. S. Nemchinov, put forward a set of reform proposals that combined computerization, economic and mathematical methods, and the use of economic incentives (material interest), which were compatible with Liberman's proposals. Several important elements of the proposed economic system were not implemented: pricing reform was carried out belatedly and only once; a way to collect economic information that would permit prompt price adjustments was not created; and stability of economic guidelines was not sustained. Guidelines were instead subject to change through annual approvals by ministries and industries. The Interdepartmental Commission (IDC), which was nominally empowered to advance reform, resorted largely to mere jockeying for “favorable” guidelines. No wholesale market for the means of production was created, and therefore the increased demand of enterprises for capital investment could not be satisfied. The state arbitration mechanism, which was meant to ensure consistency in deliveries by economic means, worked only to a limited extent. The reform reduced government revenues and increased the population's effective demand, which exceeded the ability to deliver commodities and exacerbated the deficit in the market for consumer goods. These negative outcomes might have been averted either by ratcheting up reform until a market economy was created, or else by reinstating administrative control over production quotas. But it proved impossible to refrain from choosing one of the two options. The administrative path was chosen even before the Prague Spring because the state bureaucracy was unwilling to give up its role in the economic and social development of the country. The inconsistency in the implementation of the reform led to contradictory results. Although a number of financial indicators improved, the transition to an intensive type of development did not occur.

Keywords: USSR, planned economy, command economy, material incentives, economic and mathematical methods, Liberman, Nemchinov

JEL: N0, P20, P30

Acknowledgements

The article was prepared as part of the RANEP state research program 10.1-2025-1 under the topic “The influence of strategic documents of the Soviet Union and the Russian Federation on the socio-political system.”

Введение

Среди всех экономических реформ, проводившихся в СССР до перестройки, косыгинская реформа, неофициально называемая так по фамилии председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, который на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1965 года объявил о ее начале, пожалуй, привлекла больше всего внимания и исследователей, и мемуаристов.

Реформу так или иначе упоминают и биографы Косыгина [Гвишиани, 2004; Премьер известный..., 1997], и непосредственные участники ее проведения из числа оставивших воспоминания, включая и идеологов-экономистов [Белкин, 2003; Бирман, 2001], и руководителей ведомств, отвечавших за ее реализацию [Байбаков, 2011a; 2011b]. В работах по истории экономических реформ в России косыгинской реформе также уделяется много внимания [Абалкин и др., 2007; Белых, Мау, 2023].

Если мемуаристы, как правило, дают личную оценку реформы в целом, то исследователи сегодня фокусируются на отдельных аспектах ее проведения. Особо нужно отметить серию статей и диссертацию Нины Михайловны Бабкиной, посвященные Междуправительственной комиссии при Госплане СССР [Бабкина, 2018; 2017], а также работы Любови Николаевны Лазаревой, в которых рассматриваются идеологические основы реформы [Лазарева, 2016; 2021]. Значительный пласт материалов по реформе сфокусирован на вопросе ее нереализованного потенциала по повышению эффективности функционирования советской экономики [Голанд, Некипелов, 2010; Нуреев, Латов, 2018].

В настоящей статье предпринята попытка представить косыгинскую реформу как развивавшийся по своей внутренней логике процесс, имевший определенные предпосылки и в своем развитии подчинявшийся внутренним законам советской экономической системы.

1. Социально-экономический контекст дискуссий начала 1960-х годов

Сталинская экономическая система базировалась на том, что политическое руководство формирует конкретные цели экономического развития (вплоть до объемов производства отдельных видов продукции, например стали или угля), а центральный плановый орган имеет достаточно информации о производственных возможностях предприятий, чтобы детализировать эти цели.

По мере усложнения структуры экономики система хозяйственных органов становилась всё более разветвленной, появ-

лялись всё новые и новые хозяйственные наркоматы, а над ними надстраивались новые уровни управления типа Экономсовета или (позднее) профильных бюро Совмина, курировавших развитие родственных групп отраслей, что до поры до времени позволяло системе сохранять целостность, не превращаясь в конгломерат автономно развивающихся хозяйственных агентов.

Исполнители (предприятия) экономически стимулировались за лучшее выполнение спущенных им сверху планов, но имели ограниченные возможности влиять на сами эти планы.

В 1950-е годы в силу комплекса экономических и политических причин новое политическое руководство СССР предпринимает ряд попыток привлечь трудящихся не только к выполнению, но и к составлению планов.

Среди этих причин можно отметить перегруженность верхних уровней управления, которая возрастала тем больше, чем сложнее становилась структура экономики; выход СССР на передовые рубежи по ряду направлений науки и техники, что требовало новых походов к определению перспективных целей развития; а также развернувшуюся после смерти Сталина борьбу за политическое лидерство, в которой передача полномочий «вниз» могла служить средством завоевания симпатий у руководителей среднего звена (можно вспомнить, что в 1957 году Президиум ЦК КПСС попытался снять Хрущёва, но Пленум ЦК КПСС — более широкое мероприятие — его отстоял).

Хрущёвские экономические реформы, насколько можно судить по актуальным историческим исследованиям и опубликованным документам, ни на какую стройную концепцию не опирались. С одной стороны, Никита Сергеевич не очень любил советоваться с кем-либо, с другой — общее направление преобразований в сторону демократизации и децентрализации управления как будто было и так очевидно и разделялось всеми постсталинскими руководителями.

Следует отметить, что в странах СЭВ в тот же период начинались схожие реформы, которые в отдельных случаях даже обгоняли процессы в Советском Союзе. В Югославии основы собственной модели социализма с опорой на самоуправление сложились еще на рубеже 1940–1950-х годов. В Венгрии политический кризис 1956 года дал старт разработке реформы 1957 года, в ходе которой была введена система участия трудовых коллективов в распределении прибыли [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 179]. Это значит, что реализация советской модели социализма, которую в той или иной мере копировали после войны восточноевропейские страны, выявляла в этой модели однотипные трудности, которые пытались преодолевать схожими методами.

Риторика подготовки совнархозной реформы приписывала эгоистические интересы только оторвавшимся от народа отраслевым министерствам и центральным ведомствам; совнархозы, по мысли сторонников реформы, будут сохранять связь с массами и тем самым по-государственному подходить к составлению и исполнению планов. Уже в первый год шестой пятилетки — 1956-й — выяснилось, что ее задания трудновыполнимы. Отмена шестой пятилетки и разработка вместо нее семилетнего плана объяснялась изменением подхода к управлению промышленностью, который должен был найти отражение в планировании. Подразумевалось, что новые формы управления обеспечат необходимый темп роста производства и позволят выполнить то, что не удавалось при старых.

Для разработки семилетнего плана при Госплане СССР были созданы межведомственные комиссии: по основной экономической задаче СССР¹, по повышению уровня жизни, вопросам труда и заработной платы, финансовым проблемам, развитию важнейших отраслей народного хозяйства, проблемам развития науки и ряду других. В состав комиссий вошли работники Академии наук, ЦСУ, отраслевых НИИ, вузов и др. Материалы комиссий должны были создать основу для разработки семилетнего плана². Таким образом, семилетка стала первым перспективным планом, для подготовки которого привлекалась широкая научная общественность.

Среди межведомственных комиссий, образованных в конце 1957 года, комиссии по вопросам методологии планирования не было. Но академические ученые воспользовались открывшейся благодаря хрущёвским реформам возможностью участия в работе плановых органов, чтобы заявить, что сам подход к планированию нуждается в пересмотре.

Реформа вызывала сбои межрайонных поставок и снижение темпов роста производства. Объем незавершенного строительства резко увеличился: совнархозы, пользуясь своими полномочиями, начинали больше строек, чем можно было закончить, так как Госплан СССР оказался фактически не в состоянии выполнять свою важнейшую функцию по балансированию ресурсов и потребностей.

По мере нарастания проблем с совнархозами требовался либо возврат к высокоцентрализованной сталинской модели управления, в которой плановики должны иметь информаци-

¹ Основная экономическая задача сформулирована на XX съезде КПСС: «В исторически кратчайшие сроки на путях мирного экономического соревнования догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 344. Л. 2.

онные и административные ресурсы, чтобы проверять поступающие заявки на снабжение и вскрывать скрытые ресурсы производства, задавая напряженные, но реальные планы, либо поиск механизма, который стимулировал бы предприятия самостоятельно экономить ресурсы и принимать повышенные плановые обязательства.

Ответом на этот запрос стал комплекс идей, в котором соединялись рентабельность и материальная заинтересованность, концепция оптимального планирования и большие надежды на кибернетику и электронно-вычислительные машины.

2. Три основных идейных направления экономической дискуссии и их взаимосвязь

Современные исследователи по-разному структурируют идейное поле экономических дискуссий, предшествовавших реформе. Андрей Акатович Белых и Владимир Александрович Мау выделяют три направления обсуждений: повышение качества планирования (улучшение кадровой работы и технологии планирования), выбор наилучшего оценочного показателя и совершенствование системы стимулирования исполнителей. Выполнение плана в качестве оценочного показателя предлагалось заменить показателями прибыли и рентабельности, а поощрение привязать не к перевыполнению планов, а к росту прибыльности, что, в свою очередь, требовало расширения самостоятельности предприятий [Белых, Мау, 2023. С. 98–99].

Главный редактор журнала ЦЭМИ «Цифровая экономика» Анатолий Николаевич Козырев структурирует пространство идей чуть иначе, тоже выделяя три направления дискуссии: рыночное, технократическое и экономико-математическое (идеи оптимального планирования)³. Он подробнее, чем Белых и Мау, показывает взаимное проникновение этих направлений. По мнению автора настоящей статьи, основные направления Козыревым были определены верно, но описание их взаимного влияния требует уточнения.

Рентабельность и материальная заинтересованность

Хотя перестройка управления промышленностью по территориальному принципу практически не изменила статус предприятий, во время ее обсуждения постепенно выкристаллизовалось

³ Козырев А. Н. Три утопии и призрак коммунизма за круглым столом. <https://web.archive.org/web/20191209233045/https://medium.com/cemi-ras/три-утопии-и-призрак-коммунизма-за-круглым-столом-1-eaf2adb3b6ac>.

мнение о промышленном предприятии как о самостоятельном хозяйственном организме, который не только выполняет задания вышестоящих органов, но и обладает собственными экономическими интересами.

Острее всего противоречие между общегосударственными и частными интересами проявлялось в области капитальных вложений. Новые цеха строились за государственный счет, то есть для директоров предприятий были как бы «бесплатными». Директора предприятий при содействии совнархозов начинали множество новыхстроек, на которые во всей стране не хватало стройматериалов. В результате предприятия строились годами и зачастую морально устаревали уже к моменту ввода в эксплуатацию.

Хрущёв, еще только анонсируя в начале 1957 года идею совнархозов, требовал сделать так, чтобы капитальное строительство велось за счет собственных оборотных средств предприятий и они не обивали бы пороги Госплана и Минфина. Ту же мысль он повторил на XXII съезде партии: «Мы должны поднять значение прибыли, рентабельности. В интересах лучшего выполнения планов надо дать предприятию больше возможностей распоряжаться прибылью, шире использовать ее для поощрения хорошей работы своего коллектива, для расширения производства» [Материалы XXII съезда., 1961. С. 181].

Признание обособленных от общества экономических интересов предприятия, или, другими словами, признание товарного характера советской экономики, ставило на повестку дня вопрос о заключении своего рода соглашения между предприятиями и обществом в лице плановых органов: предприятия обязуются выполнять план, но ожидают вознаграждения пропорционально своему вкладу в доход общества.

В советской экономической модели естественной связи между денежным вознаграждением рабочих и реализацией продукции не было. В начале года устанавливалось соответствие между общим объемом фонда оплаты труда и общим объемом утвержденной производственной программы предприятия. Выполнение определенного процента годовой производственной программы давало бухгалтерии право начислить рабочим соответствующий процент от годового фонда оплаты труда. Выплата зарплаты не зависела от финансового состояния предприятия, государство могло установить такие цены и такие ставки отчислений в бюджет, что предприятие стало бы планово убыточным, но при этом работники всё равно получали бы зарплату. При необходимости зарплатные счета предприятий пополнялись из бюджета. С одной стороны, такой подход защищал рабочих, но с другой — создавал

предпосылки их незаинтересованности в тех показателях работы, которые на зарплату не влияли.

19 марта 1962 года «Экономическая газета» обратилась к широким кругам читателей с анкетой «Делового клуба». Центральное место среди вопросов анкеты занимала связь экономических интересов отдельного предприятия и государства в целом. Большинство ответов сводилось к необходимости «переизобрести» систему планирования таким образом, чтобы заинтересовать предприятия в совершенствовании технологии и повышении качества продукции [Лисицына, 1971. С. 6].

7 июля 1962 года газета «Правда» начала дискуссию под заголовком «Совершенствовать хозяйственное руководство и управление», призвав читателей высказаться, что же надо улучшить в экономическом механизме. В следующие месяцы в этой рубрике были опубликованы десятки статей, дискуссия перекинулась в другие газеты и научные журналы.

Самым острым был вопрос, в чем именно измерять выполнение производственной программы. Споры велись в парадигме наименьшего зла: все стороны признавали, что ни один отчетный показатель не является идеальным, и если оценивать работу предприятий только по нему, то это приводит к ошибкам и убыткам для экономики, а для комплексной всесторонней оценки каждого предприятия с учетом всех факторов у центральных плановых и хозяйственных органов не хватает сил. Таким образом, спор велся по вопросу, какой показатель наименее плох.

Самым логичным было бы вознаграждение за выполнение плана в натуре, но, несмотря на мечты о планировании «до гайки», детализация планов из-за ограниченных возможностей плановиков и вычислительной техники была недостаточной, установить каждому предприятию детальный план производства каждого вида продукции было невозможно. В плане в натуре указывались задания по производству только самых важных видов продукции, да и в этом случае частенько выяснялось, что задание было установлено без детального изучения спроса и произведенная продукция не находит сбыта и пылится на складах.

Обычно зарплата платилась за выполнение плана «по валу», то есть валовой стоимости произведенной продукции. По этой причине у предприятий был стимул завышать стоимость сырья и полуфабрикатов, так как они тоже учитывались в валовой стоимости. Другим популярным способом «накрутить вал» были ассортиментные сдвиги в пользу дорогой, но простой в изготовлении продукции. Кроме того, в конце месяца или квартала запасы сырья номинально переводились в незавершенное про-

изводство, так как стоимость незавершенной продукции тоже включалась в «вал»⁴.

Высказывались предложения устанавливать производственную программу не по объему валовой продукции, а по величине нормативной стоимости обработки. Тогда бы в зачет предприятия шла только произведенная им самим добавленная стоимость изделий и не было стимула завышать стоимость сырья и полуфабрикатов. Однако это требовало установления нормативов стоимости обработки по каждому виду изделий, что было технически нереализуемо (либо нормативы были бы крайне укрупненными). И опять-таки возникали выгодные и невыгодные виды изделий и, соответственно, стимулы сдвигать ассортимент не в сторону пользующихся спросом товаров, а в сторону товаров, позволяющих проще выполнить план.

Выход виделся в использовании синтетических показателей эффективности производства. Главным образом рассматривались уровень рентабельности основных фондов и снижение себестоимости.

Обобщая множество статей в «Правде», бывших частью публичной дискуссии 1962 года, нужно отметить: сторонники рентабельности подчеркивали, что ориентация на снижение себестоимости заставляет предприятия ухудшать качество и снимать с производства дорогие товары, пусть даже те пользуются спросом. Сторонники снижения себестоимости отвечали, что ориентация на рентабельность также заставит предприятия снижать себестоимость в ущерб качеству, да вдобавок еще задираť цены на свою продукцию. Если же ограничивать права предприятий в области ценообразования определенной надбавкой на себестоимость, то предприятия будут завышать себестоимость, чтобы увеличивать массу прибыли. Кроме того, рентабельность обуславливается и факторами, не зависящими от предприятия, например качеством сырья.

Отдельной проблемой было премирование за перевыполнение планов. Чтобы легче перевыполнить план и получить премию, надо сам план установить заведомо заниженным. Поэтому каждый год предприятия спорили с плановыми органами, доказывая, что план им надо дать поменьше.

Таким образом, знаменитая статья Евсея Григорьевича Либмана в «Правде»⁵ стала частью дискуссии, развернутой в ответ на явный общественный запрос. Статья получила такую известность

⁴ Петренко А. О показателях валовой и товарной продукции // Правда. 1962. 26 сентября. № 269(16125). С. 3.

⁵ Либман Е. Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сентября. № 252(16108). С. 3.

именно потому, что первой публично предложила относительно целостную новую систему поощрения.

Итак, в опубликованной в «Правде» 9 сентября 1962 года статье Либермана «План, прибыль, премия» предлагалась новая система планирования и стимулирования работы предприятий. Плановые органы должны были доводить до предприятий только задания по объемам выпуска продукции определенной номенклатуры и сроки поставки этой продукции потребителям. Остальные показатели планировали бы сами предприятия.

Чтобы предприятия принимали повышенные, а не заниженные планы, Либерман предлагал оценивать предприятия «на основе долевого участия в созданном доходе». Предлагалось привязать материальное стимулирование работников к рентабельности активов (отношению прибыли от продаж к стоимости основных фондов предприятия). В свою очередь, это означало оценку не по выпущенной (валовой), а по реализованной, то есть принятой потребителями, продукции.

Рост стоимости основных фондов увеличивал бы знаменатель формулы рентабельности, тем самым снижая уровень рентабельности и величину поощрения. Это должно было прекратить практику «выбивания» в Госплане капиталовложений «на всякий случай». В условиях роста «незавершенки», долгостроев и снижающейся отдачи от капвложений это было особенно важно.

Правда, помимо «бесплатности» была еще одна причина, заставлявшая предприятия копить основные фонды, — перебои в материально-техническом снабжении. Если предприятие не уверено, что в нужное время сможет получить нужный станок, оно постарается «захватить его впрок», даже если за содержание бездействующего какое-то время станка на своем балансе придется вносить платежи в бюджет. Поэтому предпосылкой перехода на рентабельность активов как основу для поощрения должно было стать развитие торговли средствами производства либо преодоление дефицитности системы материально-технического снабжения.

Либерман перечислял плюсы заинтересованности предприятий производить максимум прибыльной продукции: если у предприятий не будет планов по зарплате и численности персонала, они сократят лишних работников и будут стремиться увеличивать производительность труда. Желание работников заработать больше денег будет стимулировать их работать лучше. Не нужно будет скрывать резервы, а значит, снизится нагрузка на плановиков и контролеров. Разумеется, в случае невыполнения планов по объему, номенклатуре и срокам поставок продукции предприятие не премировалось.

По замыслу Либермана, предприятия направляли бы в совнархоз проекты своих планов, а центральные плановые органы спу-скали бы в совнархоз обобщенные государственные задания по экономическому району в целом. Либерман был уверен, что сумма планов предприятий, движимых стремлением заработать, будет превышать размер необходимых централизованных заданий.

Сама идея поощрения в зависимости от прибыли была не нова: фонд директора существовал с перерывом на войну с 1936 по 1955 год и образовывался как 4% плановой и 50% сверхплановой прибыли. Поскольку со сверхплановой прибыли отчисления были выше, у предприятия был стимул принимать заниженные планы, которые было легче перевыполнить. Либерман предлагал разделить на плановую и сверхплановую прибыль заменить шкалой рентабельности фондов и закрепить эту шкалу на несколько лет.

Основной новизной предложений Либермана было не то, что надо связать прибыль и зарплату, а то, что, установив предприятию план в номенклатуре (то есть в натуре по видам продукции) и связав поощрение с рентабельностью активов, больше никаких показателей для предприятия устанавливать не нужно. Как лучше выполнить план — предприятие решит самостоятельно.

Основная проблема предложений Либермана состояла в том, что цены на продукцию должны быть адекватными ее трудоемкости и спросу на нее. В соответствии с новой системой Либермана предприятию в натуре и номенклатуре планируют не весь объем продукции — детализировать производственную программу оно должно самостоятельно, ориентируясь на уровень рентабельности тех или иных видов продукции. А для этого цены должны отражать соотношение спроса и предложения.

При капитализме это достигается через рыночный обмен и конкуренцию производителей. Но как это сделать в советской экономике? Без адекватных цен самая рентабельная для предприятия продукция необязательно будет самой нужной обществу.

Было необходимо либо вводить в СССР куплю-продажу по свободным ценам, либо каким-то образом симитировать, смоделировать рынок. О возможности этого заявили энтузиасты оптимального планирования.

Экономико-математические методы и оптимальное планирование

Выступая 12 июня 1961 года на Всесоюзном совещании научных работников, зампред Совмина СССР Алексей Николаевич Косыгин требовал от ученых «разработать конкретные предло-

жения по применению математических методов и современной вычислительной техники — быстродействующих машин в экономических исследованиях, планировании и управлении производством» [Косыгин, 1979. С. 152].

В конце 1958 года Василием Сергеевичем Немчиновым была создана лаборатория экономико-математических методов, для подготовки кадров в 1959–1960 годах началось преподавание математики экономистам в ведущих вузах.

В апреле 1960 года состоялось научное совещание о применении математических методов в экономических исследованиях и планировании, подготовку которого возглавлял Немчинов [Белых, 2007. С. 150]. Совещание приняло координационный план работы по применению математических методов и ЭВМ в экономике и рекомендовало организовать в АН СССР институт экономико-математических методов [Белых, 2007. С. 151].

В 1961 году было проведено первое координационное совещание по вопросам применения математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании с участием 56 организаций. Во втором совещании, прошедшем в 1962 году, приняло участие уже более 70 организаций. В 1962 году в Новосибирске состоялась первая конференция по оптимальному планированию, а в 1963-м на базе ряда научных учреждений был создан Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ) во главе с Николаем Прокофьевичем Федоренко (преемником Немчинова, который к тому времени уже был тяжело болен) [Белых, 2007. С. 152].

Такое бурное развитие (за пять лет пройден путь от первых переводных публикаций до создания профильного института, научных советов, регулярных совещаний и десятков организаций-участников) объясняется значительными обещаниями, которые в то время раздавали сторонники математических методов. Ученые заявили, что могут на основе так называемых объективно обусловленных оценок, получаемых при решении задач линейного программирования, рассчитать такие цены на продукцию, при которых предприятия, стараясь максимизировать свою прибыль и отчисления в фонд поощрения, производили бы именно тот набор продукции, который нужен обществу. Это позволило бы нивелировать основные риски предложений Либермана — что предприятия будут в погоне за прибылью производить не то, что нужно.

В 1959 году в СССР создается комиссия Академии наук по вопросам ценообразования. Руководителем комиссии назначен Немчинов, который использовал ее как площадку для постепен-

ной популяризации идеи расчета цен математическими методами с использованием межотраслевого баланса [Немчинов, 1963].

Немчинов и его сторонники предложили новую модель планирования, в которой от государственных заданий следовало перейти к государственным заказам, распределяемым между предприятиями на конкурсной основе. Предприятия сообщали бы плановому органу свои производственные возможности с учетом собственных планов повышения производительности труда и снижения себестоимости, эти данные закладывались бы в огромную оптимизационную задачу, охватывающую всю экономику, в результате чего заказы на производство продукции распределялись бы между ними оптимальным образом [Немчинов, 1965. С. 7]. При изменении технических условий на предприятиях весь план должен был пересчитываться. Централизованное снабжение предлагалось заменить государственной торговлей средствами производства.

На совещании в 1964 году директор Института математики Сибирского отделения АН СССР Сергей Львович Соболев прямо заявил, что применение объективно обусловленных оценок для ценообразования «дает принципиальную возможность использовать цены на продукцию для автоматического поддержания народного хозяйства в оптимальном режиме» [Экономисты и математики..., 1965. С. 64].

Новая философия планирования, где предприятия борются за госзаказ, а сам госзаказ распределяется по результатам оптимизационного расчета, впервые была опубликована в газете «Правда» 21 сентября 1962 году в статье В. С. Немчинова «Плановое задание и материальное стимулирование» как комментарий к статье Либермана. Концепция Немчинова расширяла, дополняла и завершала предложения Либермана.

Немчинов был главой научного совета при Академии наук СССР по комплексной проблеме «Научные основы планирования и организации общественного производства». На этом научном совете еще в апреле 1962 года состоялось обсуждение доклада Либермана [Нуреев, Латов, 2018. С. 100].

В августе 1962 года в журнале Академии наук СССР «Вопросы экономики» вышла статья Либермана «Планирование производства и нормативы длительного действия» с теми же идеями, которые через месяц появятся в «Правде». Главным редактором «Вопросов экономики» в то время был Лев Маркович Гатовский, одновременно возглавлявший научный совет по хозяйственному расчету и материальному стимулированию производства при Академии наук СССР.

По воспоминаниям главного редактора газеты «Известия» Алексея Ивановича Аджубея, во второй половине 1962 года Либерман написал письмо со своими предложениями секретарю ЦК КПСС Петру Ниловичу Демичеву. Демичев показал письмо Хрущёву, тот дал добро на публикацию. Но с учетом предварительного обсуждения идей Либермана на научном совете и в профильном журнале можно предположить, что именно московские экономисты продвинули взгляды харьковского профессора как пробный шар для презентации собственных представлений.

Статья Либермана вышла 9 сентября, комментарий Немчинова появился уже 21-го. А 25–26 сентября состоялось расширенное заседание упомянутого научного совета по хозяйственному расчету и материальному стимулированию производства с обсуждением идей Либермана, материалы которого были напечатаны в двух выпусках «Вопросов экономики» (№ 10 и 11 за 1962 год).

Столь сжатые сроки косвенно свидетельствуют, что подготовка обсуждения была начата еще до публикации Либермана в «Правде».

Кибернетика на службе планирования и идея ОГАС

В соответствии с рекомендацией первого совещания по применению математических методов, прошедшего весной 1960 года, в АН СССР был создан научный совет по применению математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании, который возглавил Немчинов [Ставчиков, 2004. С. 149].

Еще за полтора года до этого — 6 октября 1958 года — вышло секретное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 1121-541, посвященное вопросам разработки и выпуска ЭВМ. В нем, в частности, было одобрено предложение Госплана СССР о создании вычислительного центра для расчетов в сфере планирования и экономики народного хозяйства. Осенью 1959 года был подписан приказ о создании Вычислительного центра (ВЦ) Госплана СССР. ВЦ с первых месяцев стал в экспериментальном режиме заниматься межотраслевыми балансами и оптимизационными расчетами. В 1962 году директор ВЦ Николай Иванович Ковалёв предложил создать при госпланах союзных республик, крупных совнархозах вычислительные центры, объединить их линиями связи и замкнуть на ВЦ Госэкономсовета⁶.

Постановление правительства от 21 мая 1963 года № 564, которым был учрежден ЦЭМИ, кроме того, предписывало разра-

⁶ С образованием Госэкономсовета ВЦ Госплана был переподчинен ему. Речь идет об одной и той же организации.

ботать Единую государственную сеть вычислительных центров (ЕГСВЦ), то есть закрепляло связку «развитие математических методов — развитие компьютеров для их применения». Разработчики проекта ЕГСВЦ, вместо того чтобы предложить решение проблем, с которыми сталкивались хозяйственные министерства и ведомства, рекомендовали заменить эти ведомства будущей сетью вычислительных центров, из-за чего их идеи встретили понятное сопротивление [Сафронов, 2020].

После ряда доработок проекта, каждая из которых встречалась в штыки то Госпланом, то ЦСУ, в 1966 году было принято правительственное решение, что ведомства создают каждое свою компьютерную систему, которые позднее объединяются в сеть, то есть система становилась не единой, а объединенной. Это позволило Госплану СССР начать работы над Автоматизированной системой плановых расчетов (АСПР), которую он неизменно позиционировал как ядро будущей сети Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС).

Таким образом, предложения Либермана следует рассматривать в контексте взаимно дополнявших друг друга идей о путях повышения эффективности экономики: решая на ЭВМ оптимизационные задачи, разрабатывать определенные правила игры, в рамках которых предприятия действовали бы самостоятельно, ориентируясь на материальную заинтересованность. Позднее, когда из всего комплекса стала реализовываться только система стимулирования с опорой на рентабельность, без оптимальных цен и без ОГАС, сторонники этих идей стали задним числом противопоставлять пути развития плановой системы через компьютеризацию и развитие экономических стимулов.

В действительности по состоянию на середину 1960-х выбрать было не из чего. Сеть вычислительных центров, которая получала бы необходимую для оптимизационных расчетов информацию от каждого предприятия, могла возникнуть только через годы. С конца 1962 года начались экономические эксперименты по проверке и отбору идей для реформы, которые можно было бы реализовать сразу.

3. Экономические эксперименты перед началом реформы

Газета «Правда» развернула широкую кампанию по обсуждению статьи Либермана и путей улучшения материального стимулирования, которая длилась примерно два месяца. Мнения разделились, но нашлось достаточно добровольцев проверить идеи на практике.

Московский городской совнархоз в 1962 году сам попросил Госплан РСФСР в порядке эксперимента ввести в его экономическом районе непрерывное скользящее планирование, при котором утверждалось бы задание сразу на два плановых года: на первый год окончательно, а на второй — с возможностью корректировки⁷.

Председатель Воронежского совнархоза тогда же вызвался применить в ряде своих предприятий предложения, выдвинутые в статье «План, прибыль, премия», правда, его инициатива не была поддержана [Лисицына, 1971. С. 8].

В порядке опыта в 1963 году планирование и учет на предприятиях всех отраслей промышленности Татарского экономического района были построены на показателе объема производства в нормативной стоимости обработки изделий⁸.

В 1963 году эксперименты шли в Белорусском, Днепропетровском, Донецком, Московском, Средне-Волжском, Средне-Уральском совнархозах. Изучались следующие показатели: нормативная стоимость обработки, трудоемкость, условно чистая продукция и др. [Лазарева, 2021. С. 161].

В 1964 году начался эксперимент с новым порядком планирования производства: по заказам магазинов, оптовых баз и контор и торгующих организаций. На работу по-новому были переведены два швейных объединения — «Большевичка» (Москва) и «Маяк» (Горький), обувное объединение «Заря» (Москва), Кожевенный завод им. Тельмана (Москва) и три предприятия текстильной промышленности. Теперь им планировались только объемы реализации прибыли. Другие важные показатели: объем производства, производительность труда, себестоимость продукции — планировали сами предприятия. Другими словами, государство устанавливало, на какую сумму нужно произвести и продать товаров, но не регламентировало, что это будут за товары.

Руководители названных предприятий сами устанавливали фонд заработной платы, размеры которого зависели от уровня выполнения плана по объему производства. Предприятия налаживали прямые связи с потребителями (торговыми организациями) и поставщиками сырья. Они имели право взимать с поставщиков пени за нарушение договорных обязательств. Каждый квартал в фонд предприятия при условии выполнения плана реализации и прибыли поступали отчисления от прибыли в размере 4%. Из фонда предприятия производилось премирование работников.

⁷ Сотников Г. Поиски нового и права совнархозов // Правда. 1962. 17 сентября. № 260(16116). С. 2.

⁸ Жолкевич Л., Иванов Е. Самое главное, самое важное // Правда. 1962. 30 сентября. № 273(16129). С. 2.

Анализ работы этих предприятий показал, что за время работы по-новому все они перевыполняли планы производства, реализации продукции и прибыли. Улучшилось качество их работы: эффективнее использовались основные производственные фонды, снизилась себестоимость, выросла производительность труда, обновился ассортимент, повысилось качество [Лисицына, 1971. С. 9].

По итогам эксперимента с весны 1965 года на новые принципы планирования перевели еще порядка 400 предприятий легкой промышленности, но отчетных показателей у них стало больше: объем реализуемой продукции в оптовых ценах, основная номенклатура изделий, сумма прибыли, показатель рентабельности, платежи в бюджет, ассигнования из бюджета (включая фонд заработной платы). План производства по ассортименту, качеству и срокам поставок устанавливался по договору между торговой организацией и предприятием.

Также на новые методы планирования и экономического стимулирования были переведены отдельные шахты Львовско-Волынского угольного бассейна, некоторые автохозяйства Москвы и Ленинграда, обслуживающие промышленность, строительство, торговлю, а также междугородные перевозки. С 1 мая 1965 года пять грузовых автотранспортных предприятий были переведены на полную самоокупаемость. Вместо многочисленных утверждаемых сверху показателей им был установлен один плановый показатель — отчисление от прибыли в государственный бюджет.

По результатам экспериментов выяснилось, что большинство качественных показателей работы повысилось, ассортимент стал лучше отражать запросы покупателей: запасы непродовольственных товаров в оптовой и розничной торговле за первое полугодие 1965 года в сопоставимых ценах сократились на 352 млн руб., в то время как в первом полугодии 1964 года эти запасы увеличились на 306 млн руб. На автотранспортных предприятиях за четыре месяца работы в новых условиях (май — август 1965 года) порожние пробеги сократились на 15%, грузооборот вырос на 34%, производительность труда — на 31%, а прибыль — более чем в 2 раза. Зарплата работников поднялась на 20%⁹.

Однако на некоторых предприятиях рост прибыли стал обгонять рост производительности труда. Уже в 1963 году проверка НИИ труда выявила значительный рост размеров фондов премирования (на 10–25%) при переходе предприятий на новые принципы хозяйствования [Лазарева, 2021. С. 162].

13 марта 1965 года вышло два постановления Совмина, посвященных улучшению торговли и общественного питания и повы-

⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 789. Л. 42.

шению материальной заинтересованности работников легкой и пищевой промышленности и торговли в увеличении производства и продажи товаров народного потребления. В мае 1965 года было принято схожее постановление об улучшении бытового обслуживания населения. Эти постановления свидетельствуют, что руководство страны четко понимало, что реформа вызовет значительный рост денежных доходов населения, и пыталось заранее к нему подготовиться.

Схожие процессы шли в странах СЭВ. Одновременно с дискуссией в СССР аналогичные дебаты начались в ГДР. Вопросы активизации роли хозрасчета, банков и премий активно обсуждались в ЦК СЕПГ как минимум с конца мая 1962 года [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 18]. Апробирование «новой экономической системы» в ГДР началось в ноябре 1962 года, в Болгарии «новая система» внедрялась с 1963 года, как и в Чехословакии, где в апреле 1963-го начался эксперимент на металлургическом комбинате «Нова Гуть Клемента Готвальда», в ходе которого комбинату отменили плановое задание по выпуску продукции, заменив его планом поставок (сбыта), разрешили распоряжаться долей прибыли и в отдельных случаях устанавливать договорные цены [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 54].

В историографии недостаточно отражено, в какой мере эксперименты 1963–1965 годов повлияли на решение советского правительства ориентировать предприятия на рост прибыли, кем и как это решение было принято. По свидетельству непосредственного участника событий — известного российского экономиста Виктора Даниловича Белкина, концепция реформы разрабатывалась еще в 1960–1962 годах в Госэкономовете под руководством его председателя Александра Фёдоровича Засядько [Белкин, 2003]. Новый виток работ проходил в конце 1964 года, когда в рамках Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ) была сформирована комиссия под руководством Леонида Александровича Ваага. Комиссия предложила заменить валовой выпуск как обобщающую оценку деятельности трудового коллектива на прибыль — при условии реформы ценообразования. Предлагалось ввести плату за фонды, сохранить план поставок в номенклатуре и установить отчисления от прибыли в фонд предприятия. Однако проект ГКНТ оказался лишь одним из многих [Лазарева, 2021. С. 169–171].

Вообще зимой 1964/65 годов новое руководство страны было максимально открыто к предложениям экономистов. В конце 1964 года президиум АН СССР направил Косыгину доклад «О путях повышения экономической эффективности общественного

производства»¹⁰, в декабре Институт экономики дополнительно подготовил под руководством Якова Абрамовича Кронрода доклад «О мероприятиях по коренному совершенствованию механизма функционирования народного хозяйства СССР (централизованное планирование, хозяйственный расчет, товарно-денежный оборот, система экономических стимулов)», а в январе 1965-го — коллективный доклад «О назревших мероприятиях по совершенствованию системы хозяйственного руководства отраслями материального производства в СССР (управление, централизованное планирование, хозяйственный расчет, товарно-денежный оборот, экономические стимулы)» [Можайскова, 1992. С. 133]. В нем ранее считавшиеся радикальными идеи Либермана уже звучали как общее место: ученые советовали повысить роль прибыли, перейти от фондируемого распределения к прямой торговле между предприятиями, отказаться от централизованного планирования ассортимента продукции, кроме ограниченного числа дефицитных позиций. Правда, поощрение работников предлагалось привязать всё-таки не к прибыли, а к снижению себестоимости.

Официально подготовка реформы началась 23 декабря 1964 года, когда решением Президиума Совета Министров СССР была образована комиссия под руководством зампреда Госплана СССР Анатолия Васильевича Коробова. Из публично высказавших свои взгляды по статье Либермана ученых и практиков в состав комиссии вошли Кирилл Никанорович Плотников, Лев Маркович Гатовский, Борис Михайлович Сухаревский, которые занимали осторожную позицию. В задачи комиссии входила разработка проекта постановления о новой системе планирования для промышленных предприятий. Конечно, у Косыгина в Совмине СССР был свой аппарат, который тоже участвовал в подготовке. Но как пояснял позднее Александр Васильевич Бачурин (в 1964 году — зампред Госплана СССР), весь аппарат Совмина СССР тогда насчитывал немногим более 200 человек, поэтому Косыгин в разработке и реализации реформы во многом опирался на Госплан [Ольсевич, Грегори, 2000. С. 112]. К сожалению, подробности работы комиссии Коробова до сих пор неизвестны.

Как пишет в своей работе Бабкина: «Проект был внесен на рассмотрение Коллегии Госплана СССР 7–8 мая 1965 года. В него вошли многие основные положения будущей экономической реформы 1965 года. По итогам работы члены коллегии вынесли решение признать основные направления, изложенные в данном проекте, верными. На их базе членам коллегии А. В. Коробову, Н. П. Лебединскому и А. В. Бачурину было поручено привлечь от-

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51.

дела Госплана СССР, Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР и другие научные организации “для разработки отдельных вопросов планирования, хозяйственного расчета и материального стимулирования, связанных с усилением экономических методов в планировании и хозяйственной деятельности предприятий”» [Бабкина, 2018. С. 42].

Таким образом, тот вариант реформы, который озвучил на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1965 года глава правительства Косыгин, в большой степени был результатом творчества работников Госплана СССР, шедшего в русле дискуссий и экспериментов предшествующих трех лет.

Предложения Либермана, прозвучавшие в рамках этой дискуссии, не были ни первыми, ни единственными. Их относительно более широкая известность обусловлена тем, что он предложил достаточно целостную модель мотивации предприятий, связывающей финансовые показатели их деятельности и размер вознаграждения работников. Необходимыми предпосылками реализации его модели должны были стать формирование рынка средств производства, демополизация советской экономики и реформа цен. Цены нужно было перестроить таким образом, чтобы самая необходимая обществу продукция оказывалась бы одновременно самой выгодной предприятиям-изготовителям, то есть фактически симитировать свободный рынок.

Идеи Либермана получили поддержку у тех ученых-экономистов, которые считали возможным рассчитать такие идеальные цены, хозяйственников, желавших больше оперативной самостоятельности, и кибернетиков, рассчитывавших на бурное развитие систем передачи и обработки экономической информации, которые поставляли бы данные для такого расчета.

В совокупности эти идеи составляли логически взаимосвязанную систему, в которой каждый из элементов был необходим для успешной работы нового экономического механизма. Судьба реформы зависела от того, в какой мере эти элементы удастся реализовать на практике.

4. Суть реформы

Официально о реформе было объявлено 27 сентября 1965 года в докладе председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина на Пленуме ЦК КПСС. Через два дня вышло соответствующее постановление Пленума ЦК КПСС [Решения партии..., 1968а. С. 640–645].

К тому времени реформы в странах СЭВ уже шли полным ходом: в ГДР о переходе на «новую экономическую систему» объявили в 1963 году, а сам переход начался с января 1964-го [Джалилов, Пи-

воваров, 2020. П. 21]; в Болгарии «новая система» стала внедряться с апреля 1964 года [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 186]; в Чехословакии в январе 1965-го приняли основные направления реформы, с тем чтобы в том же году обкатать их на 120 предприятиях и с 1966-го распространить на всю промышленность, строительство, торговлю и сферу обслуживания [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 53, 60]. Отставала лишь Венгрия, где решение о втором этапе реформы (первый шел с 1957 года) было принято в 1966 году.

В СССР реформа в первую очередь включала восстановление отраслевой системы управления промышленностью. 30 сентября 1965 года было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об улучшении управления промышленностью», а 2 октября соответствующий закон был принят Верховным Советом СССР. Территориальный аспект планирования должны были разрабатывать республиканские госпланы. Система снабжения становилась «гибридной»: распорядителями фондов оказывались отраслевые министерства, которые взаимодействовали друг с другом по вопросам снабжения через систему главснабсбытов (специализированных отделов министерств), но на местах базы снабжения сохраняли межотраслевую, районную принадлежность. Для общего руководства снабжением восстанавливался Госснаб СССР как союзно-республиканский орган. Он отвечал за межотраслевые поставки и распределение по потребителям продукции, не распределяемой Госпланом, план производства которой утверждался министерствами.

4 октября 1965 года вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [Решения партии..., 1968а. С. 661]. Результаты деятельности предприятий планировалось оценивать по реализованной продукции, полученной прибыли (рентабельности производства) и выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции. Оплата труда должна была быть привязана к этим показателям. В основу взаимоотношений между предприятиями ставился принцип взаимной материальной ответственности. Должна была повыситься доля прямых договоров на основе прямых связей между предприятиями-производителями и предприятиями-потребителями. Для этого, получив от вышестоящего органа контрольные цифры (остов плана), предприятия должны были сами заблаговременно договариваться с поставщиками и потребителями об объеме, ассортименте, качестве и сроках поставки продукции и формировать портфель заказов.

Предприятиям теперь устанавливался (с припиской «как правило») следующий круг показателей:

- по производству:
 - общий объем реализуемой продукции в действующих оптовых ценах, то есть объем выручки от продаж. В отдельных отраслях в случае необходимости мог применяться показатель «объем отгруженной продукции»;
 - важнейшие виды продукции в натуральном выражении (с указанием в том числе продукции для экспорта), включая показатели качества продукции;
- по труду: общий фонд заработной платы (Либерман предлагал не устанавливать общий размер ФОТ);
- по финансам:
 - общая сумма прибыли и рентабельность (к сумме основных фондов и оборотных средств);
 - платежи в бюджет и ассигнования из бюджета;
- по капитальному строительству:
 - общий объем централизованных капитальных вложений, в том числе объем строительно-монтажных работ;
 - ввод в действие основных фондов и производственных мощностей за счет централизованных капитальных вложений;
- по материально-техническому снабжению: объем поставок предприятию сырья, материалов и оборудования, распределяемых вышестоящей организацией;
- по внедрению новой техники: задания по освоению производства новых видов продукции и по внедрению новых технологических процессов, комплексной механизации и автоматизации производства, имеющих особо важное значение для развития отрасли.

Для стимулирования инноваций в период дискуссии многие участники предлагали вводить надбавки и доплаты за внедрение новой техники. Вместо этого было решено по представлению Госкомитета по новой технике включать в планы задания по ее внедрению. Из планируемых показателей были исключены: производительность труда, численность работников, снижение себестоимости продукции, разделение объема капиталовложений на сверхлимитное и нижелимитное строительство и т. д. Теперь предприятия, получая задание по объему реализованной продукции в деньгах, должны были сами решать, чем конкретно его наполнить (за исключением той части задания, которая конкретизировалась в натуре).

Продолжали существовать планы прикрепления (поставщиков к потребителям), разрабатываемые Госнабом СССР и хозяйственными министерствами, но в них определялись только общие объ-

емы поставок продукции в укрупненной номенклатуре. Конкретизировать эти планы должны были сами предприятия на основе прямых хозяйственных договоров. Менять производство в рамках укрупненной номенклатуры, отвечая на спрос, предприятия могли сами за счет нецентрализованных капиталовложений.

На предприятиях вместо ранее существовавшего фонда директора (затем фонда предприятия) создавалось три фонда экономического стимулирования:

- материального поощрения;
- социально-культурных мероприятий и жилищного строительства;
- развития производства.

Из первого фонда платили премии, из второго строили жилье, а также ведомственные больницы и детские сады, а из третьего финансировали реконструкцию производства.

Все они формировались из чистой прибыли по следующему правилу: за каждый процент роста прибыли (либо, в зависимости от отрасли, роста объема реализованной продукции) и уровня рентабельности активов (отношение прибыли к основным фондам) предприятие получало право перечислить часть прибыли в фонды.

Объем продаж (реализованной продукции) и уровень рентабельности были индикаторами, достижение которых позволяло перечислить часть прибыли в фонд материального поощрения. Соотношение между ними устанавливалось 40:60, то есть повышение рентабельности для формирования премиальных фондов был чуть важнее, чем рост объемов реализации.

Какую часть прибыли можно было перечислять в фонды поощрения — определялось нормативами отчислений, которые в случае фонда развития производства были привязаны к рентабельности активов (как предлагал Либерман), а вот в случае фондов материального поощрения и социально-культурных мероприятий нормативы отчислений привязали к фонду оплаты труда предприятия.

По логике авторов реформы, фонд оплаты труда отражает численность занятых, и не справедливо, если предприятие с малым числом занятых будет иметь возможность начислять себе из прибыли в фонды материального поощрения такую же сумму, как предприятие с большим количеством занятых. Поэтому появилась сложная конструкция, в которой отчисления отчасти отражали эффективность работы, а отчасти выполняли социальную функцию — «кормление» большого трудового коллектива.

Это «исправление» убило мотивацию хозяйственников сокращать лишних работников. Ведь чем меньше сотрудников — тем

меньше фонд оплаты труда, а значит, тем меньше нормативы отчислений в премиальные фонды. Наоборот, если повысить зарплату, можно получить больше отчислений на премии. Конечно, рост зарплат повышает себестоимость, но на производствах, где доля оплаты труда в себестоимости была невелика, это был вполне рабочий способ накрутки премиальных. Уже в 1970 году в экономической литературе отмечалось, что такое положение дел не правильно [Протопопов, 1970. С. 17].

До реформы в распоряжении предприятий оставалось всего 4,5% прибыли (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение прибыли государственных предприятий в 1963 году (%)

T a b l e 1

Allocations of Profits From USSR State Enterprises in 1963 (%)

Всего	В бюджет	В оборотные средства и на другие цели	На капитальные вложения	В поощрительные фонды
100	69,2	14,9	11,4	4,5

Источник: [Бирман, 1966. С. 225].

С началом реформы доля прибыли, остававшейся в распоряжении предприятий в виде трех указанных фондов, значительно увеличилась. К примеру, по предприятиям Главполиграфстекломаша (выпуск полиграфического и стекольного оборудования) средства, аналогичные тем, что были в прежнем фонде предприятия, с 1966 по 1969 год увеличились в 5 раз, в том числе фонды материального поощрения — в 7 раз¹¹.

Изымать средства фондов предприятий в бюджет было запрещено (нарушение этого запрета через несколько лет станет наиболее зримым признаком сворачивания реформы).

Для повышения заинтересованности предприятий в лучшем использовании оборудования вводилась плата за основные фонды. Излишние основные фонды предприятий не только снижали показатель рентабельности активов, но и означали рост платы за фонды. Фонды экономического стимулирования формировались из прибыли после отчислений платы за основные фонды. То есть лишние производственные мощности уменьшали и размер чистой прибыли, и привязанный к рентабельности норматив отчислений от нее в поощрительные фонды. Новые производственные мощности, созданные за счет собственных средств предприятия, от платы за фонды освобождались на два года. При этом вопрос о переоценке основных фондов был поднят лишь через три года,

¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82с. Д. 1884. Л. 4.

в постановлении Совмина от 30 сентября 1968 года, а сама переоценка должна была состояться только 1 января 1971 года.

Выше уже отмечалось, что плата за фонды работает, только если эти фонды можно приобрести в нужный момент. При дефиците предприятия будут стремиться накопить станки и оборудование «впрок», даже если за них придется отчислять плату за фонды. Для решения этой проблемы планировалось организовать оптовую торговлю средствами производства. Прямые договоры между предприятиями должны были стать основной формой взаимодействия, от нарядов на реализацию продукции следовало постепенно уходить. За невыполнение договоров усиливалась материальная ответственность, как следствие — должна была возрасти роль Государственного арбитража. В 1975 году даже вышло положение об оптовой торговле¹², правда, право свободной продажи собственной продукции предприятия так и не получили.

В постановлении от 4 октября 1965 года указывалось, что капитальные вложения за счет собственных средств предприятий должны полностью обеспечиваться материалами и строителями. Эта мера должна была помочь с долгостроями, если бы только ее удалось реализовать, а содержащийся в том же постановлении запрет восполнять убытки предприятий из бюджета должен был поставить предел «мягким бюджетным ограничениям».

Важным недостатком постановления, по мнению автора статьи, было отсутствие в нем конкретных процентов отчислений от прибыли в фонды материального стимулирования. Проекты нормативов отчислений должны были разрабатывать Минфин СССР, Госплан СССР и Госбанк СССР с участием министерств и ведомств СССР, причем постановление разрешало дифференцировать нормативы не только по отраслям, но и по группам предприятий, что сохраняло существование более и менее привилегированных отраслей и предприятий [Решения партии..., 1968а. С. 668].

Отсутствие шкалы поощрения было важным отличием постановления от предложений Либермана. Он в своей статье предлагал регрессивную шкалу поощрения, при которой с ростом рентабельности отчисления в премиальный фонд росли бы всё медленнее. Вместо такого автоматически действовавшего механизма постановление указывало: «В тех случаях, когда у предприятия образуется прибыль за счет значительного превышения уровня рентабельности по сравнению со средней рентабельностью по отрасли, отчисления в фонд материального поощрения

¹² Постановление Госснаба СССР от 15.04.1975 №30 «Об утверждении Положения об оптовой торговле продукцией производственно-технического назначения и Примерного договора на организацию материально-технического снабжения производственного объединения (комбината), предприятия».

от соответствующей части прибыли производятся по пониженным нормативам» [Решения партии..., 1968а. С. 677].

Разделение прибыли на плановую и сверхплановую сохранялось. Постановление требовало: «При разработке нормативов исходить из того, что улучшение показателей хозяйственно-финансовой деятельности предприятий, учтенное в годовом плане, должно поощряться в больших размерах, чем перевыполнение плановых заданий» [Решения партии..., 1968а. С. 677]. Это должно было пресечь практику заведомо заниженных плановых заданий.

Либерман понимал, что при неадекватных ценах будет возникать «выгодная» и «невыгодная» продукция, и видел этому три преграды: лишение поощрения при нарушении ассортимента выпуска, совершенствование ценообразования и контроль рублем со стороны потребителей, которые, по его замыслу, будут отказываться покупать неоправданно дорогие товары. Либерман писал, что «при несоблюдении заданий по объему, номенклатуре и срокам поставок предприятие лишается права на премирование»¹³. Постановление было гораздо снисходительнее: при невыполнении планов по номенклатуре отчисления в фонд поощрения проводились в пониженном размере.

Ценообразованию в постановлении был посвящен целый раздел, к сожалению, преимущественно состоявший из общих пожеланий. Позитивной новацией было появление специального фонда регулирования оптовых цен, за счет которого можно было первое время компенсировать предприятиям последствия изменения цен и тем самым менять их, не нарушая уже утвержденных финансовых планов предприятий.

Таким образом, хотя постановление о реформе явно шло в русле высказанных Либерманом идей, его схема потеряла свою стройность. Нерешенный вопрос с ценообразованием, возможность всё же получать премии при нарушении утвержденного ассортимента и передача вопроса о конкретных ставках отчислений на уровень министерств и ведомств создавали достаточно широкое поле для того, чтобы накручивать премии не только честным трудом, но и игрой с ценами и нормативами отчислений.

5. Реализация реформы

Для решения всех практических вопросов перевода предприятий на новый порядок работы Президиумом Совмина СССР 24 ноября 1965 года была образована Межведомственная комиссия при Госплане СССР (МВК). В ее компетенции входили:

¹³ Либерман Е. Г. План, прибыль, премия... 1962.

- 1) отбор предприятий для перевода на новую систему;
- 2) разработка методических рекомендаций по работе в новых условиях;
- 3) согласование норм отчислений в фонды экономического стимулирования;
- 4) контроль за ходом реформы [Бабкина, 2018. С. 60–68].

В комиссию вошли представители Госкомцен, Госкомитета по вопросам труда и зарплаты, Стройбанка, Госбанка, Минфина, ЦСУ, ВЦСПС, Госснаба, ГКНТ и Госплана. Возглавил МВК зам-пред Госплана СССР Бачурин. В заседаниях МВК участвовали представители министерств и ведомств, союзных республик и научных институтов. Материалы к заседаниям готовил специально созданный в Госплане отдел по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования.

В 1970 году состав МВК был значительно расширен, что отразилось в смене названия: МВК при Госплане стала МВК по вопросам применения новых методов планирования и экономического стимулирования.

Первые методические указания по работе в новых условиях МВК подготовила уже к 6 декабря 1965 года. А 22 января 1966-го вышло постановление правительства о переводе первой, экспериментальной группы из 43 предприятий на новую систему планирования и стимулирования. На предприятиях первой группы были заняты свыше 300 тыс. человек. Первую группу предприятий дополнительно мотивировали участвовать в эксперименте, разрешив министерствам в случаях, если сверхплановой прибыли работающих по-новому предприятий не хватит на премии, «докидывать» им денег за счет предприятий, продолжающих работать по-старому. Таким образом, принцип самоокупаемости начал нарушаться с самого начала реформы.

Тогда же МВК утвердила нормативы отчислений от амортизации в фонд материального поощрения и фонд социально-культурных мероприятий, а также амортизационных отчислений — в фонд развития производства по отраслям. Разные нормативы объяснялись различной трудоемкостью производства готовой продукции по отраслям.

Самые большие — 45% — нормативы амортизационных отчислений (а значит, больше средств для самостоятельного развития) получили Министерства легкой и пищевой промышленности, нефтепереработки и нефтехимии. Самый низкий норматив был установлен для Министерства рыбного хозяйства СССР — 10% [Бабкина, 2018. С. 92].

Отбираемые МВК группы предприятий переводились на новую систему с началом каждого следующего квартала 1966 года. Выбирались наиболее успешные и финансово крепкие предприятия в каждой отрасли. С одной стороны, они были лучше приспособлены к изменениям, но с другой — информация о ходе реформы на передовых производствах создавала у руководства страны завышенные ожидания относительно результатов перевода на новые принципы всей промышленности.

Всего за 1966 год на новую систему было переведено 704 предприятия, на которых было занято порядка 10% промышленно-производственного персонала и на которые приходилось примерно 12% объема производства страны.

Начальные результаты обнадеживали: в первом полугодии 1966-го переведенные на новую систему предприятия дали сверхплановой продукции на 145 млн руб. и получили 40 млн руб. сверхплановой прибыли [Иванченко, 2004. С. 75]. Резко снижались остатки готовой продукции на складах, списывались излишние основные фонды. По итогам 1966 года первоначально установленные планы реализации были превышены более чем на 300 млн руб., а планы по прибыли — на 130 млн руб. МВК, стимулируя перевыполнение планов, разрешила предприятиям оставить 75% дополнительной прибыли себе [Кочнева, 2009. С. 82]. Однако в постановлении о реформе было написано прямо противоположное: нормативы отчислений от сверхплановой прибыли должны быть меньше, чем от плановой, чтобы предприятия сразу принимали напряженные планы.

Роль премий в зарплате резко повышалась: по итогам года на предприятиях первой группы (переведенных в первую очередь) фонд материального поощрения составил 7,3% от фонда оплаты труда, на предприятиях второй группы, переведенных с 1 апреля, — уже 8,9% от фонда оплаты труда [Бабкина, 2018. С. 120].

Рост прибыли в основном обуславливался ростом объемов реализации и в гораздо меньшей степени — снижением себестоимости. При этом значительное влияние на рост прибыли оказывало изменение ассортимента выпускаемой продукции [Иванченко, 2009. С. 83]. Другими словами, предприятия сразу же начали производить то, что было более рентабельным. Этому способствовало сокращение перечня планируемых «в натуре» видов продукции. К примеру, на уровне Совмина в 1968 году утверждались задания всего по 615 наименованиям продукции — в 2 раза меньше, чем до реформы [Ханин, 2008. С. 312].

Постановлением о реформе от 4 октября 1965 года производительность труда была исключена из числа планируемых показателей. Однако уже 22 декабря 1966 года ЦК КПСС и Совмин выпустили новое постановление — «О мерах по обеспечению даль-

нейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве», которым министерствам предписывалось «разрабатывать с учетом передового отечественного и зарубежного опыта конкретные организационно-технические мероприятия по ускорению роста производительности труда и организовать работу по их осуществлению». В косвенной форме административный контроль за производительностью труда был восстановлен всего через год после старта реформы. Необходимость восстановления контроля вызывалась опережающим по сравнению с ростом производительности труда ростом заработной платы [Байбаков, 2016. С. 105].

С 1967 года на новую систему стали переходить целые отрасли промышленности. Для этого разработанные годом ранее методические указания были конкретизированы, появились редакции для разных отраслей. К концу 1967 года по новой системе работало уже 7248 предприятий. В 1968 году 26 850 предприятий 16 ведущих отраслей промышленности перешли на новые принципы работы. Они давали 72% объема промышленного производства.

Рост числа перешедших на новую систему предприятий стал вызывать проблемы с доходами государственного бюджета. Порядок 1966 года, при котором 75% дополнительной прибыли оставалось в фондах стимулирования, привел к тому, что при подготовке народно-хозяйственного плана на 1967/68 год госбюджет свели с дефицитом, о чем позднее писал Николай Константинович Байбаков, председатель Госплана СССР в 1965–1985 годах, рассуждая о причинах неудачи реформы: «...неправильно был решен вопрос о разграничении функций государства, его центральной власти, с одной стороны, и министерств, республик — с другой. На практике это привело к тому, что средства, составляющие доходную часть государственного бюджета, ушли на предприятия, а расходы остались за государством. И при подготовке народно-хозяйственного плана на 1967–1968 годы финансовый план балансировался нормально, а госбюджет свести без дефицита за счет текущих средств не удалось. ...Пришлось пойти на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия расходов госбюджета из фондов предприятий. Но, позаимствовав один раз, остановиться уже не смогли...» [Байбаков, 2016. С. 105].

С начала 1967 года начались отступления от духа реформы. Был установлен ориентир по размеру фонда материального поощрения — 9% от фонда зарплаты, а на предприятиях с большой долей инженерно-технических работников — 10%. В феврале 1967 года МВК приняла решение о том, что, поскольку не все предприятия могли осуществлять такие значительные отчисления в премиальный фонд, министерства получили право перераспределять часть прибыли подведомственных предприятий по согласованию

с МВК [Бабкина, 2018. С. 122]. Проще говоря, отбирать «лишнюю» прибыль у успешных, чтобы поддерживать отстающих.

Практика изъятий ширилась, что, разумеется, убивало любые стимулы к работе. 7 мая 1968 года специальное заседание МВК приняло решение о необходимости строжайшего выполнения порядка работы с фондами и недопустимости изъятий, но проблема не решилась [Бабкина, 2018. С. 126]. При этом всего через два месяца, 8 июля, правительство приняло решение увеличить Минлегпрому СССР план по платежам в бюджет на 1965 тыс. руб. и изъять в бюджет неиспользованные на 1 января средства министерства в размере 1257 тыс. руб. [Кочнева, 2009. С. 84]. Правительство вело себя так, как пыталось запретить министерствам.

Главным вопросом работы МВК всё больше становилось согласование размеров отчислений в премиальные фонды. Так, для предприятий шерстяной отрасли норматив отчислений в фонд материального поощрения был установлен на уровне 0,5% прибыли за каждый процент роста объемов реализации, шелковой отрасли — на уровне 0,33%, трикотажа — только 0,3%, а для пенько-джутовой промышленности — 0,7%.

Нормативы разнились по отраслям, никакой убывающей шкалы, которую предлагал Либерман, принято не было, но главное — не была обеспечена стабильность нормативов, они пересматривались практически ежегодно (табл. П1 и П2 приложения).

Такой же разнобой царил с нормативами платы за фонды. Ставки отчислений по отраслям различались в разы (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Нормативы отчислений платы за фонды по отраслям (%)

Table 2

Guidelines by Industry for Payments to State Funds (%)

Министерства	Удельный вес платы за фонды в прибыли	Удельный вес платы за фонды в общих платежах в бюджет
Министерство пищевой промышленности	3,4	3,7
Министерство мясной и молочной промышленности	3,6	5,6
Министерство легкой промышленности	10,6	14,0
Министерство автомобильной промышленности	24,5	38,7
Министерство химической промышленности	34,7	46,7
Министерство цветной металлургии	33,0	51,9

Источник: [Иванченко, 2009. С. 98].

Постоянные пересмотры нормативов отчислений и попытки изъятия премиальных фондов вызывались тем, что за сводные результаты экономического развития по-прежнему отвечали хозяйственные министерства. Они стремились не к наилучшей работе отдельных предприятий, а к стабильному развитию своей отрасли в целом, считая, что передовые производства должны помогать отстающим. При этом Госплан продолжал планировать министерствам в укрупненной номенклатуре объемы произведенной (валовой), а не реализованной продукции. Если планы предприятий по реализованной продукции с ними не совпадали, министерства начинали давить на предприятия.

Либерман в статье в «Правде» отмечал риск искусственного повышения цен, но считал, что покупатели смогут контролировать ценообразование поставщиков. Свидетельством того, что проблема цен осознавалась реформаторами, служит постановление правительства от 5 ноября 1965 года, посвященное установлению цен на новые сельхозмашины. Цены должны были устанавливаться на базе цен на аналогичные уже выпускаемые машины с поправкой на рост производительности и других потребительских качеств новых образцов, а Госкомцен получал право снижать цены, если выяснялось, что заявленный рост потребительских качеств в действительности не достигался. Правда, механизм пересчета при этом оставался не ясным: цены должны были снижаться «за счет организаций, рекомендовавших эти машины для серийного производства, или предприятия-изготовителя», но без объяснения, как именно это должно было происходить. В любом случае подобный механизм требовал ручного управления, конкретной проверки реальной производительности каждого нового трактора или комбайна. Каждый образец новой техники так проверять было невозможно.

Это стало приводить к замедлению научно-технического прогресса: например, по итогам 1967 года выяснилось, что новое оборудование для текстильной промышленности стоит столько, что предприятиям невыгодно его устанавливать, а 75% вновь установленного оборудования приводило к снижению уровня рентабельности на предприятиях текстильной промышленности [Иванченко, 2009. С. 99]. В текстильном машиностроении до 1965 года норматив рентабельности был равен 5%, а в 1970-х годах составлял 11–12% [Комплексная программа., 1977. С. 161]. Другими словами, производители ткацких станков явочным порядком забрали часть прибыли текстильной промышленности. Схожим образом вели себя и другие машиностроители. Уровень рентабельности в металлургическом машиностроении в 1967–1972 го-

дах достиг 32% — обновление оборудования металлургических заводов для металлургов резко стало дороже.

В 1967 году произошел пересмотр оптовых цен, который отчасти скорректировал дисбалансы, а в 1969 году для усиления контроля за ценами была повышена значимость существовавшего ранее при Госплане СССР Государственного комитета цен — он был преобразован в Государственный комитет цен Совета Министров СССР.

30 сентября 1968 года вышло подготовленное при участии Госплана СССР постановление Совмина СССР с говорящим названием «О мерах по улучшению практики применения новой системы планирования и экономического стимулирования производства». В первом же абзаце постановления требовалось сделать нормативы отчислений стабильными, а МВК должна была устанавливать такие нормативы, которые заинтересовывали бы предприятия в высоких плановых заданиях и полном использовании резервов, то есть не были бы слишком легкими.

Категорично в постановлении была поставлена задача разработать способ оценки эффективности мероприятий по техническому прогрессу, скорректировать ценообразование так, чтобы цены стимулировали экономию и технический прогресс.

Еще одной важной оговоркой было требование замораживать до конца года часть фонда материального стимулирования, если рост зарплат опережает рост производительности труда, и использовать ее в новом году на стимулирование роста производительности труда. В то же время постановление не только стремилось скорректировать негативные стороны реформы, но и заинтересовать предприятия в переходе на новую систему. В частности, в год перевода предприятиям разрешалось зачислять в фонды экономического стимулирования до 90% дополнительной прибыли [Решения партии..., 1970. С. 143–147].

Сентябрьское постановление 1968 года важно не только как первый документ, в котором признавались проблемы реформы. Оно важно еще тем, что было подготовлено на основе рекомендаций прошедшего в мае 1968 года Всесоюзного экономического совещания, проведенного под эгидой Госплана СССР. Дата совещания существенна еще и потому, что оно прошло до принятия окончательного решения о вводе войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года.

В литературе о реформе постепенный отказ от ее базовых принципов зачастую объясняется страхом советского руководства перед повторением в СССР Пражской весны, то есть политических последствий экономической либерализации.

Незадолго до ввода войск, 18 июля 1968 года, в газете «Правда» и центральных газетах других стран — участниц Организации Варшавского договора было опубликовано письмо Центральному комитету Коммунистической партии Чехословакии. В нем заявлялось: «Мы не вмешиваемся в методы планирования и управления социалистическим народным хозяйством Чехословакии, в ваши действия, нацеленные на совершенствование структуры экономики, на развитие социалистической демократии». Вместе с тем страны Варшавского договора предупреждали, что не согласятся, «чтобы враждебные силы сталкивали вашу страну с пути социализма и создавали угрозу отторжения Чехословакии от социалистического содружества»¹⁴. Последующие события в целом подтверждают, что экономические реформы действительно не были мишенью интервенции, пока речь не шла о выходе из социалистического лагеря.

К середине 1970-х годов реформы во всех странах СЭВ, которые начали их в 1960-е, оказались свернуты. Но динамика этого процесса позволяет считать основной причиной сворачивания не «окрик Москвы», а проявление однотипных проблем.

Например, в Венгрии решение об углублении реформы путем отмены централизованного распределения продукции и перехода к рыночному ценообразованию было принято 30 сентября 1968 года, сразу после подавления Пражской весны, когда, казалось бы, должна была свирепствовать реакция [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 180]. В самой Чехословакии в конце декабря 1968 года Экономическим советом при правительстве ЧССР был подготовлен законопроект «О социалистических предприятиях», который в марте 1969 года получил поддержку VII съезда профсоюзов Чехословакии. Законопроект предполагал самоуправление предприятий — по оценке наблюдателей из СССР, даже более радикальное, чем в Югославии. Смена вектора реформ в направлении усиления централизации принятия экономических решений произошла только на заседании президиума ЦК КПЧ 1 июля 1969 года, то есть почти через год после ввода войск стран Варшавского договора [Москва и Восточная..., 2025. С. 226].

В ГДР первая официальная критика «новой экономической системы» зазвучала только в июне 1970 года на пленуме ЦК СЕПГ, причем без какого-либо понукания со стороны Москвы. «Новую систему» стали сворачивать после того, как план на 1970 год пришлось корректировать шесть (!) раз [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 29–32].

В Болгарии, где реформы начались раньше, их побочные эффекты проявились тоже раньше. Уже в 1967 году ЦК БКП и сов-

¹⁴ Центральному комитету Коммунистической партии Чехословакии // Правда. 1968. 18 июля. № 200(18247). С. 1.

мин НРБ были вынуждены усилить централизованный контроль за фондом зарплаты и внешнеторговой деятельностью предприятий, так как реформа вызвала резкий рост зарплат, опережавший рост производительности труда [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 188].

Позиция советского руководства действительно повлияла на сворачивание реформ в Болгарии с 1969 года и в Венгрии — с 1972-го. Но причиной негативного отношения к реформам со стороны СССР был не страх политической дестабилизации, а постоянный рост внешнего долга Болгарии и Венгрии перед капиталистическими странами. В 1969–1970 годах СССР выделил НРБ несколько валютных траншей, фактически оплатив значительную часть ее задолженности [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 189]. Венгерскому лидеру Яношу Кадару Леонид Ильич Брежнев посоветовал сворачивать реформы в 1972 году, когда тот в очередной раз приехал за помощью, поскольку в Венгрии наблюдались хронический дефицит госбюджета, рост внешнего долга и цен [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 182].

В целом дефицит бюджета, рост цен, рост необеспеченных доходов населения, рост внешнего долга отмечался во всех проводивших реформы странах Восточного блока. По мнению автора, именно эти проблемы, а не страх политической демократизации, которая якобы должна всегда следовать за экономической либерализацией, и изменили отношение политического руководства СССР к реформам.

Всесоюзное совещание в СССР, которое готовилось параллельно с нарастанием политического кризиса в Чехословакии, также служит аргументом в пользу версии, что сворачивание косыгинской реформы в первую очередь было связано с ее внутренней противоречивостью. Реформу следовало либо углублять, либо заканчивать, и тенденции к сворачиванию самостоятельности предприятий для коррекции побочных эффектов реформы проявились одновременно с Пражской весной, а не после ее подавления.

В целом противоречивость и непоследовательность реформы выражалась в следующем.

1. Нормативы отчислений в фонды экономического стимулирования и платы за основные средства назначались свои для каждой отрасли и подотрасли.

2. Нормативы менялись год от года, затрудняя предприятиям среднесрочное планирование.

3. Министерства постоянно пытались перераспределять «лишние» средства между предприятиями.

4. После того как больше прибыли стало оставаться в распоряжении предприятий, возникли проблемы с наполнением госу-

дарственного бюджета, из-за чего, по приведенному выше свидетельству Байбакова, пришлось прибегать к изъятиям средств предприятий. Более последовательная реализация принципа неприкосновенности средств предприятий сократила бы возможность реализации централизованных государственных программ, то есть возможности союзного правительства.

5. Предприятия в погоне за ростом прибыли нарушали ассортимент в пользу более рентабельных товаров, а из-за негибких плановых цен самая рентабельная продукция не обязательно была самой дефицитной.

6. Рост доходов опережал рост производительности труда. За пятилетку реальные располагаемые доходы выросли на 33% к уровню 1965 года, номинальная зарплата рабочих и служащих — на 26% (при плане 20%), при этом производительность труда в промышленности выросла на 32%, в том числе в пищевой промышленности — всего на 20%¹⁵.

7. Из-за погони машиностроителей за прибылью многие виды нового оборудования оказались неадекватно дорогими, потребители отказывались от них, что замедляло темпы научно-технического прогресса.

Кроме того, буксовало создание важнейших обеспечивающих механизмов реформы:

- оптового рынка средств производства;
- государственного арбитража для наказания рублем за срыв договоров;
- широкого потребительского рынка, соответствующего возросшей зарплате.

Проблемы оптового рынка и нецентрализованных капитальных вложений

По подсчетам советского экономиста Александра Михайловича Бирмана, «в 1964 году затраты из фонда предприятия на внедрение новой техники и развитие производства в промышленности составили 120 миллионов рублей, кроме того, на эти цели израсходовано за счет кредитов банка 600 миллионов рублей, а всего — 720 миллионов рублей» [Бирман, 1966. С. 342]. Размер фонда развития на 1967 год он оценивал примерно в 4 млрд руб. Это означало, что прямой спрос предприятий на инвестиционную продукцию возрастал в 5–6 раз. Если нужные обо-

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1970 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1971. С. 162, 519, 537.

рудование и материалы нельзя купить, рост фонда оказывался бессмысленным.

В январе 1967 года вышло постановление Совмина СССР о постепенном переходе к оптовой торговле оборудованием, материалами и полуфабрикатами. Госснабу предписывалось определить перечень продукции, разрешенной к оптовой продаже, и открыть до конца года 226 магазинов оптовой торговли [Решения партии..., 1968b. С. 328]. В августе того же года появилось постановление о сокращении номенклатуры товаров народного потребления, распределяемых в централизованном порядке, и о постепенном расширении перечня товаров, реализуемых в порядке оптовой продажи по договорам [Решения партии..., 1968b. С. 592]. В апреле 1969 года очередное постановление Совмина СССР предписало Госснабу с участием Госплана и министерств перейти в 1969–1971 годах к бесфондовому снабжению предприятий отдельными видами продукции [Решения партии..., 1970. С. 397].

Но в условиях, когда по стране стояли сотни долгостроев, производителям (строительным министерствам) и централизованным потребителям инвестиционной продукции (остальным хозяйственным министерствам и ведомствам) крайне трудно было решиться передавать и так дефицитные материалы и оборудование в оптовую торговлю.

По данным Александра Ивановича Анчишкина, в 1966 году объем незавершенного строительства составлял 23,5 млрд руб. — 64,6% от общего объема производственных капиталовложений [Анчишкин, 2003. С. 71]. А в 1969 году директор НИЭИ Госплана СССР Анатолий Николаевич Ефимов писал Байбакову, что объем недостроя достиг уже 100 млрд руб., из-за чего средний срок строительства превышает нормативный в 1,5–2 раза, поэтому необходимо максимально сократить новые стройки, чтобы как можно быстрее закончить уже начатые¹⁶.

Сократить экономически необоснованный спрос на капиталовложения можно было либо централизацией материально-технического снабжения, либо, наоборот, дальнейшим развитием принципов реформы, а именно переходом к кредитованию капитальных вложений под достаточно высокий процент, что предлагал в 1968 году Анчишкин [Анчишкин, 2003. С. 91].

В 1969 году в ЦЭМИ был подготовлена приписываемая Борису Натановичу Михалевскому записка о проводимой реформе. В ней отмечалось усиление инфляции, вызванное недостаточным материальным обеспечением реформы как по линии

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 2887. Л. 203.

потребительского рынка, так и из-за отставания возможностей строительной отрасли от расширившегося спроса предприятий на строительство. В записке предлагалось сократить число государственных программ, сохранив лишь важные, военные, социальные и внешние программы в минимальном объеме, снизить темпы роста до 6,4–6,8% (директивы XXIII съезда предусматривали 6,7–7,1%), сократить долю накоплений и обеспечить соответствие капитальных вложений и капитального строительства, увеличить выпуск предметов потребления [Из неопубликованного. Вопросы..., 2014. С. 160].

Для развития оптовой торговли нужен был излишек инвестиционных товаров, а чтобы был излишек, необходимо было отказаться от части государственных программ. Пойти на это советское правительство было не готово. В данном случае экономическая логика оказалась подчинена выбранной политической линии.

Неготовность сокращать фронт строительства привела к дальнейшему затягиванию его сроков. В 1964 году средний срок строительства крупного (сверхлимитного) промышленного объекта составлял 6,3 года, в 1965-м — 7,1, в 1966-м — 7,6, в 1967-м — 8,2. В 1967 году одновременно строилось 375 990 объектов, в том числе 31 860 — сверхлимитных [Анчишкин, 2003. С. 71]. Очевидно, что чем больше сроки строительства, тем больше вложений заморожено в незавершенном строительстве.

В то же время правительство старалось реагировать на ситуацию в капитальном строительстве. 28 мая 1969 года ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление «О совершенствовании планирования капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства». Оно обязывало Госплан СССР усилить балансовую работу и формировать детальный план капитального строительства для недопущения нехватки стройматериалов [Страницы памяти..., 1987. С. 164–165]. Проблему стали решать не финансовыми, а административными мерами.

Проблемы договорной дисциплины

С 1 января 1968 года начало действовать постановление Совета Министров СССР «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств». В нем была предусмотрена более строгая материальная ответственность предприятий за нарушение взаимных обязательств.

То, как это постановление работало на практике, описано в сборнике воспоминаний о Косыгине: «Очень ярко характеризует эту сложившуюся ситуацию широко известный “бунт” соро-

ка министров. Суть дела заключалась в том, что реформа резко увеличила цену срыва договорных обязательств. Предприятие, скажем, из-за недопоставки чепуховой, копеечной детали могло задержать выпуск дорогостоящей продукции, сорвать задание по объему ее реализации, а значит, потерять значительную сумму отчислений в поощрительные фонды. По новым условиям в таких случаях можно было через Госарбитраж взыскать с недобросовестного партнера не только штраф за недопоставленную продукцию, но и потребовать возмещения всех потерь и убытков, которые понесло предприятие. Госарбитраж получил право решать такие споры, даже если они возникли у коллектива с собственным министерством. Однако охотников обращаться в Госарбитраж с подобными жалобами находилось очень мало — получалось себе дороже. Ведь с поставщиком, не говоря уже о собственном министерстве, работать предстояло многие годы, и портить с ним отношения было просто опасно. Чтобы поднять дисциплину взаимных поставок, Косыгин пошел на такую меру: было принято постановление, по которому выполнение плана засчитывалось лишь после удовлетворения всех заказов потребителей. Против этого и восстали дружно Госплан и наиболее сильные министерства и авторитетные министры, утверждавшие, что в таком случае все их предприятия останутся не только без премий, но и без зарплаты. В итоге победа осталась за министрами. И хотя распоряжение Косыгина официально отменено не было, оно практически никогда так и не вступило в действие» [Премьер известный..., 1997. С. 20].

На коллегии Госплана СССР в 1972 году обсуждался вопрос о введении в практику планирования и оценки работы предприятий показателя, характеризующего поставки продукции в соответствии с заключенными договорами¹⁷. По всей видимости, именно об этом показателе идет речь в вышеупомянутом сборнике воспоминаний о Косыгине. Вопрос готовил зампред Госплана СССР Бачурин. Уже после распада СССР он объяснял неудачи реформы министерской системой централизованного управления (командования) предприятиями. По его словам, министерства при поддержке аппарата ЦК эффективно сопротивлялись расширению самостоятельности предприятий и децентрализации управления [Ольсевич, Грегори, 2000. С. 117]. На взгляд автора, право не исполнять договорные обязательства, которое отстаивали министры, тем самым сохраняло возможность «административного торга», а значит, и существование неформальных властных отношений.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 5157. Л. 62.

Проблемы потребительского рынка

Реформа резко увеличивала денежную оплату труда. Темпы роста фонда личного потребления представлены в табл. 3 (данные Госплана СССР).

Т а б л и ц а 3

Фонд личного потребления населения

T a b l e 3

Growth of Personal Consumption

Показатель	1960	1965	1969	1970 (ожидаемое)
Фонд личного потребления населения (млрд руб.)	94,06	125,0	166,2	177,0
Темп роста за пятилетие (%)	–	133	–	142

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1879. Л. 92.

Если за первую половину 1960-х годов фонд личного потребления вырос на треть, то за вторую — уже на 42%. В июле 1966 года председатель правления Госбанка СССР Алексей Андреевич Посконов направил в Совмин СССР совершенно секретную записку о недостатках денежного обращения, в которой писал, что развитие розничного товарооборота и платных услуг населению значительно отстает от роста денежных доходов населения. Он отмечал: «В первом полугодии 1966 года эмиссия денег в целом по стране составила 1,8 млрд рублей против 1,2 млрд рублей в первом полугодии 1965 года, 0,7 млрд рублей в первом полугодии 1964 года и 0,9 млрд рублей в первом полугодии 1963 года», — и просил принять срочные меры по дополнительному производству товаров народного потребления [Из неопубликованного (ведомственные материалы)..., 2014. С. 141].

К началу 1965 года, по данным Госбанка СССР, запасы товаров в рознице и опте превышали остатки денежных средств у населения на 23,1%, к началу 1966 года — на 8,7%, а по состоянию на 1 января 1969 года они были ниже остатка денежных средств у населения на 26,7% [Из неопубликованного. Вопросы..., 2014. С. 160]. За три года дефицит из относительного стал абсолютным.

Наиболее крупным ответом на этот вызов стало строительство совместно с итальянским концерном «Фиат» завода легковых автомобилей в Тольятти (АвтоВАЗ). 660 тысяч автомобилей в год (на такую мощность был рассчитан завод) должны были дать трудящимся новый способ траты денег.

Несмотря на выявленные проблемы, реформа продолжалась. На 1 апреля 1969 года по новой системе планирования и экономического стимулирования работало свыше 32 тыс. предпри-

ятий, производящих около 80% продукции и дающих примерно 90% прибыли. «К концу 1970 года на новую систему планирования и экономического стимулирования была переведена 41 тысяча промышленных предприятий, на долю которых приходилось 93% общего объема выпускаемой продукции и 95% всей прибыли промышленности» [Нуреев, Латов, 2018. С. 289].

Однако перевод всей промышленности на новые принципы работы лишь усиливал описанные выше противоречия. Наиболее фундаментальной из них была проблема цен и рынков. Ориентация на прибыль в условиях жестких цен только усиливала дисбалансы, так как самая рентабельная продукция необязательно была самой нужной, а проблемы с рынком средств производства и товарным покрытием зарплаты обесмысливали фонды экономического стимулирования, которые оказывалось не на что тратить.

Пользуясь трудностями предприятий в расходовании фондов стимулирования, министерства перераспределяли их средства между предприятиями, аргументируя, что предприятия всё равно их не тратят, а союзное правительство с теми же аргументами изымало свободный остаток прибыли министерств в государственный бюджет.

Предприятия, само собой, воспринимали такую практику как грабеж, что снижало стимулы к труду и лояльность советской системе как таковой.

В декабре 1972 года, выступая на очередном Пленуме ЦК КПСС, Брежнев обобщил проблемы реформы: «Мы поставили экономическое положение предприятия в серьезную зависимость от такого показателя, как прибыль, рассчитывая, что единственно возможный в социалистических условиях путь ее увеличения — это лучшая работа, повышение производительности труда, снижение себестоимости. Оказалось, однако, что прибыль можно увеличивать и другим путем — неоправданно повышая цены и отказываясь от производства “невыгодной” для предприятия, но необходимой стране продукции»¹⁸.

Реформу стали сворачивать.

6. Сворачивание реформы

Противоречия реформы можно было преодолевать либо более последовательным проведением ее принципов (усилением «контроля рублем»), что вело бы к созданию рыночной экономики в сочетании с индикативным планированием (так определял направленность реформы один из ее идеологов Бачурин [Ольсевич,

¹⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 280. Л. 56.

Грегори, 2000. С. 114]), либо усилением административного контроля.

Реформа никогда не была официально отменена, но с конца 1960-х годов для борьбы с вышеуказанными дисбалансами в регламентирующие документы постепенно вносилось всё больше ограничений на самостоятельность предприятий.

С 1 января 1972 года нормативные документы, в которых выражалась экономическая реформа 1965 года, были существенно скорректированы. Добавились:

- 1) задания по объему реализации новой продукции, отвечающей по технико-экономическим показателям высшим достижениям отечественной и зарубежной техники;
- 2) задания по выполнению обязательств по поставке товаров народного потребления;
- 3) задания по росту производительности труда (ранее были исключены);
- 4) оценка выполнения заданий пятилетки нарастающим итогом;
- 5) новая методика отчислений в фонды экономического стимулирования.

Согласно новой редакции методики отчислений абсолютные и относительные размеры фондов на конец пятилетки теперь утверждались заранее. Исходя из роста за пятилетку определялись плановые объемы фондов на соответствующий год. Их начисление было привязано к выполнению производственной программы. Таким образом, размеру фондов был поставлен потолок.

Размер отчислений от прибыли в фонды материального поощрения ставился в зависимость от темпов роста производительности труда. Нормативы отчислений устанавливались по министерству в целом, оно могло играть ими, «наказывая» передовые предприятия и поддерживая отстающие.

Фонд материального поощрения теперь делился на базовую и переменную части. Базовая часть равнялась фонду поощрения базового года и фактически ни от чего не зависела. Это была «несгораемая сумма», которая гарантировала, что предприятие в любом случае получит не меньше, чем в базовом году. Фонд формировался из прибыли, но его размер зависел не от прибыли, а от фонда оплаты труда. Новацией стало требование рассчитывать фонд поощрения от фонда оплаты труда базового года, чтобы предприятие не проигрывало финансово, увольняя лишних работников. Правда, это означало, что сокращение отчислений происходит не

мгновенно, как раньше, а откладывается до следующей пятилетки, когда будет выбран новый базовый год.

Вводились дополнительные отчисления от прибыли в фонд материального поощрения за рост производительности труда (0,3% ФОТ за 1% превышения темпов роста производительности труда над плановыми). Такая шкала сохраняла практику заведомого занижения плановых заданий.

Также вводились дополнительные отчисления за увеличение удельного веса продукции высшей категории, рост темпов выпуска товаров народного потребления, увеличение доли прибыли на 1 рубль реализованной продукции. Во всех случаях шкала отчислений устанавливалась самими министерствами, что давало им возможность еще больше играть величинами отчислений для каждого конкретного предприятия.

Фонд оплаты труда по-прежнему был привязан к выполнению производственной программы, то есть валовой, произведенной, а не реализованной продукции, а отчисления в премиальный фонд были привязаны к ФОТ, хоть и формировались из прибыли. Из-за этого фактически сохранялась ориентация на валовые объемы производства, а не на объемы реализованной, то есть принятой заказчиком, продукции.

Следующий шаг по выхолащиванию реформы был сделан в конце 1972 года, когда из-за ухудшающейся ситуации с капиталовложениями было принято решение в 1973 году ограничить нецентрализованные капиталовложения. Средства из нецентрализованных источников, образуемые сверх объемов нецентрализованных капиталовложений, намечаемых в государственном плане, отныне изымались и направлялись на централизованные капиталовложения и другие цели государства¹⁹.

В 1973 году объем строительства за счет нецентрализованных капиталовложений директивно урезали на 28% к уровню 1972 года. Этот шаг можно считать символическим концом косыгинской реформы.

Вместо создания оптового рынка средств производства, то есть увеличения предложения под спрос предприятий, было принято решение ограничить спрос предприятий. От реформы оставалась только привязка материального стимулирования к прибыли и рентабельности, а Госплан, как в дореформенные времена, должен был определять, кому из просителей государственные вложения нужнее.

Начиная с 1972 года предельные размеры фондов материально-поощрения по министерствам и ведомствам союзного подчине-

¹⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 280. Л. 21.

ния (не нормативов отчислений в фонды в процентах, а величину фондов в рублях) стали устанавливать централизованно секретными приказами Госплана СССР. Появился потолок фондов материального поощрения, выше которого предприятия прыгнуть уже не могли. Эти меры помогали сбалансировать финансовый план государства, но полностью противоречили смыслу реформы. При этом из сравнения приказов о величине фондов на 1973 и 1974 годы следует, что всего за год совокупный размер фондов вырос по сопоставимому кругу министерств и ведомств в полтора раза (табл. П1 и П2 приложения). Иначе говоря, достаточно последовательно провести меры по ограничению размера средств, оставляемых предприятиям, государство не смогло.

К 1983 году у предприятий оставалось 42% их прибыли, но реально распоряжаться они могли только 8–9%. Использование остальных 33% регламентировалось министерствами и ведомствами [Комплексная программа..., 1983. С. 297].

В плане на 1982 год был официально восстановлен показатель снижения себестоимости, исключенный в ходе реформы²⁰.

В 1983 году группа экономистов подготовила для нового руководства доклад о путях совершенствования управления экономикой. В нем неудачи предыдущего этапа, отсчитываемого авторами от косыгинской реформы, объяснялись недостаточно комплексной, последовательной и согласованной реализацией принимавшихся мер [Комплексная программа..., 1983. С. 302]. Авторы подводили читателей к мысли, что новый виток реформ должен основываться на принципах косыгинской реформы, но реализуемых более твердо, чем прежде.

7. Оценки успешности реформы

Косыгинская реформа удостоивалась полярных оценок экономистов и историков, чему причиной не только разные политические пристрастия авторов, но и трудность выбора критериев оценки.

После перевода предприятий на новую систему их финансовые показатели, как правило, улучшались, однако отличия от остальных предприятий были небольшими. Особенно это проявилось в 1967–1968 годах, когда переводились не отдельные самые крепкие предприятия, а целые отрасли (табл. 4). Улучшились и финансовые показатели использования основных фондов (табл. 5). Вместе с тем показатели восьмой пятилетки хорошо выглядели только на фоне совнархозной семилетки, но явно недотягивали до темпов 1950-х годов (табл. 6).

²⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 3. Л. 52.

Т а б л и ц а 4

Темп роста показателей работы промышленных предприятий в 1966–1968 годах
(% к предшествующему году)

T a b l e 4

Growth of Industrial Enterprise Performance Indicators, 1966–1968 (% y/y)

Показатели работы предприятия	1966		1967		1968	
	Пере- веденные предпри- ятия	Непере- веденные предпри- ятия	Пере- веденные предпри- ятия	Непере- веденные предпри- ятия	Пере- веденные предпри- ятия	Непере- веденные предпри- ятия
Валовая продукция	110,5	108,4	109,7	110,1	109,0	108,3
Прибыль	123,3	108,0	122,4	119,5	115,8	112,8
Производитель- ность труда	108,0	104,7	107,5	106,7	105,6	103,8

Источник: [Иванченко, 2009. С. 128].

Т а б л и ц а 5

Изменение в эффективности работы предприятий после перевода на новую систему
в 1963–1965 годах

T a b l e 5

Change in the Efficiency of Enterprises After Transition to the New System, 1963–1965

Показатели работы предприятия	До перевода			После перевода		
	1963	1964	1965	1966	1967	1968
Получено с 1 рубля основных производственных фондов:						
– реализованной продукции (коп.)	201,4	198,6	200,2	212,6	213,8	215,8
– прибыли (коп.)	26,2	27,8	30,1	35,8	40,1	42,6
Рост производительности труда (%)	104,7	104,8	104,5	108,1	105,2	105,4
Получено прибыли на 1 рубль затрат (коп.)	15	16,3	17,7	20,3	23,1	24,6

Источник: [Иванченко, 2009. С. 130].

Т а б л и ц а 6

Официальные показатели 5-й, 6-й, 7-й и 8-й пятилеток (%)

T a b l e 6

Official Indicators of the 5th, 6th, 7th and 8th Five-Year Plans (%)

Показатель	Годы (пятилетки)			
	1951–1955 (пятая)	1956–1960 (шестая)	1961–1965 (седьмая)	1966–1970 (восьмая)
Среднегодовой темп прироста национального дохода	11,4	9,2	6,5	7,8
Среднегодовой темп прироста производительности труда	8,5	8,5	6,1	6,8
Среднегодовой темп прироста реальных доходов на душу населения	7,3	5,7	3,6	5,9

Источники: Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1972. С. 56; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 51.

В 1970 году Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР (НИЭИ) подготовил секретный доклад с предложениями о развитии долгосрочного планирования. В нем отмечалось, что, несмотря на улучшение некоторых показателей по сравнению с 1961–1965 годами, перелома в ряде устойчивых отрицательных тенденциях не произошло. Некоторое ускорение темпов роста национального дохода объяснялось ускорением роста сельскохозяйственного производства при неизменных темпах роста несельскохозяйственных отраслей, ускорением роста численности занятых, увеличением темпов добычи первичного сырья (оценка НИЭИ)²¹. Динамика фондоотдачи оставалась отрицательной. По оценкам НИЭИ, если в начале 1950-х годов соотношение интенсивных и экстенсивных факторов роста было примерно 50:50, то к началу 1970-х на интенсивные факторы (повышение эффективности используемых ресурсов производства) приходилось менее одной трети вклада в прирост объемов общественного производства²². Другими словами, за восьмую пятилетку экстенсивный характер экономики усилился.

В 1951–1956 годах прирост капиталовложений на один рубль обеспечивал прирост конечного общественного продукта на 67 коп., а в 1966–1970 годах — только на 33 коп.²³

Стремление достигать роста за счет увеличения капиталовложений приводило к росту доли производственных капиталовложений в конечном общественном продукте. В 1961–1965 годах она составляла 16,1%, а в 1966–1970 годах — уже 16,8%. Относительно меньше ресурсов оставалось для потребления.

Не произошел перелом и в материалоемкости производства, она продолжала возрастать, что отражено в докладе НИЭИ (табл. 7). Увеличение материалоемкости требовало роста инвестиций в добычу сырья, что приводило к дальнейшему снижению фондоотдачи. Авторы доклада указывали, что проблеме нужно было решать на основе долгосрочной политики в области капитального строительства, увязывающей в единое целое добычу сырья и все стадии его переработки и использования.

Были существенно перевыполнены планы по росту зарплат. Заработную плату рабочим и служащим намечалось повысить на 20%, а фактически она увеличилась на 26,4%. Однако этот, казалось бы, позитивный результат означал усиливающееся давление на потребительский рынок.

Таким образом, косыгинская реформа не переломила негативных тенденций в развитии советской экономики, но увели-

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 303. Л. 300.

²² Там же. Л. 301.

²³ Там же.

чила антагонизм между коллективами предприятий и верхними звеньями управления, а усиление экономических стимулов без соответствующих указанных выше институциональных изменений только увеличивало разбалансированность экономической системы.

Т а б л и ц а 7

Динамика материалоемкости общественного производства (%)

T a b l e 7

Dynamics of Material Input for Social Production (%)

Показатель материалоемкости	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970
Процент прироста добычи сырья на 1% прироста продукции промышленности и строительства	0,380	0,655	0,778	0,935

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 303 Л. 302.

Заключение

Экономической реформе 1965 года предшествовала широкая общественная дискуссия, в которой был сформирован концепт новой модели планового механизма и нового формата взаимоотношений между государством и предприятиями. Государство должно было через цены и нормативы отчислений формировать определенные экономические стимулы для предприятий, не руководя ими напрямую. Разрабатывать правильные стимулы должны были экономисты-математики, опираясь на экономическую информацию, собираемую с помощью ЭВМ. Платность фондов и возможность самостоятельно распоряжаться частью прибыли должны были сподвигнуть предприятия работать экономно и рационально.

Предложения Е. Г. Либермана оказались самой известной частью этой дискуссии. Их автор отмечал важность гибких цен и стабильных нормативов для правильной работы экономического механизма, но реализованный вариант реформы оказался значительно менее последовательным, нежели предложения Либермана.

Компьютерной системы сбора экономической информации создано не было, как не было и научных принципов расчета нормативов. Нормативы отчислений определялись в ходе «административного торга» участниками Межведомственной комиссии и пересматривались практически ежегодно. Контроль потребителей за ростом цен оказался недостаточным. Оказалось, что премиальные фонды можно обеспечить не только хорошей работой, но и выгодными нормативами отчислений и ценами.

Помимо недостаточной твердости в реализации принципов реформы серьезным недостатком было отсутствие консенсуса в отношении самих этих принципов. Ярче всего это проявилось в сохранявшейся привязке отчислений в премиальный фонд к численности занятых (фонду оплаты труда). Реформаторы пытались проводить одновременно принципы экономической эффективности и социальной справедливости.

В результате стимулирующее воздействие реформы на эффективность работы оказалось меньше ожидаемого, а ее побочные эффекты в виде возможности накручивать прибыль и премии за счет ассортиментных сдвигов и игр с ценами — выше ожидаемых. Чем больше предприятий переводилось на новые условия, тем слабее чувствовался импульс реформы. Доходы рабочих и служащих росли быстрее роста производительности труда, что обостряло дефицит на потребительском рынке. Реформа увеличила объемы незавершенного строительства, тем самым снижая отдачу от инвестиций: предприятия, пользуясь своими новыми правами, начинали больше строек, чем мог освоить строительный комплекс, то есть рос дефицит средств производства.

Всего через несколько лет реализации реформы выяснилось, что административные ограничения спроса на продукцию уже работают плохо, а финансовые ограничения еще работают плохо. Для обеспечения сбалансированности спроса и предложения было два пути: расширение реформы в направлении полноценного рынка либо восстановление административного регулирования пропорций воспроизводства.

При выборе пути углубления реформы государству нужно было отказаться от части централизованных программ, перенаправив высвобождаемые строительные ресурсы на реализацию нецентрализованных инвестиционных программ предприятий, а для товарного покрытия растущих зарплат населения — выделить существенно больше ресурсов на рост производства потребительских товаров.

Также требовалось обеспечить материальную ответственность производителей за срыв договорных обязательств и трату средств фондов материального стимулирования, перейти от бюджетного к банковскому финансированию капитальных вложений, повысив стоимость заемных средств, создать инфраструктуру для оптовой торговли средствами производства и сделать многое другое.

В исторической литературе популярна точка зрения, что советское правительство не пошло на эти меры под влиянием негативного опыта Пражской весны, но анализ хода реализации реформы показывает, что тенденция решать выявлявшиеся

проблемы усилением административного регулирования проявилась уже в 1967–1968 годах. При этом в странах СЭВ, где реформы начались раньше, ограничения тоже стали вводиться раньше (например, в Болгарии), в Чехословакии тренд на либерализацию в экономике держался еще почти год после ввода войск, а в Венгрии и подавно второй этап реформ в 1968 году только начался. Позиция Москвы повлияла на сворачивание реформ в Венгрии и Болгарии, но не из-за страхов потери власти компартией, а потому, что СССР приходилось постоянно гасить их растущие внешние долги. В ГДР реформа была свернута без какого-либо давления СССР, когда там проявились те же проблемы, что и в других странах.

Без отказа государства от своей главенствующей роли в экономике неоткуда было взять дополнительные ресурсы для товарного покрытия растущего инвестиционного спроса предприятий и потребительского спроса работников. Равновесия можно было достичь либо либерализацией цен (то есть фактически обесценением фондов экономического стимулирования и денежных накоплений граждан), либо стерилизацией денежной массы.

В конечном счете был выбран второй вариант. С 1972 года стал устанавливаться потолок роста фондов экономического стимулирования, а с 1973 года — предельный объем капвложений за счет средств предприятий. За последующее десятилетие постепенно были восстановлены практически все ранее отмененные директивные показатели. Это был внутренне логичный процесс, но он привел к увеличению напряжения между верхними и нижними этажами управления: предприятия по-прежнему были ориентированы на максимизацию прибыли и премий, а центральные хозяйственные ведомства стремились этого не допустить для предотвращения дисбалансов.

Один из активных проводников реформы, Бачурин, винил в ее сворачивании советские министерства и секретариат ЦК, которые не желали терять свою власть, и отчасти — политическое руководство страны, которое было не готово прямо заявить о переходе к рыночной экономике. Но никакой другой силы, которая могла бы настоять на углублении реформы, в советском обществе в то время не оказалось.

Не отменяя роль политического фактора, следует отметить, что само наличие дисбалансов в экономике подталкивало хозяйственные ведомства к административному контролю за ними. Центральный государственный аппарат считал себя ответственным и за экономический рост, и за рост благосостояния народа и не был готов рисковать этими задачами в надежде, что невидимая рука рынка справится лучше.

Политическому руководству СССР, наблюдавшему, как во всех проводивших реформы странах СЭВ они только увеличивают дисбалансы в экономике, объективно не просто было прийти к мысли, что для улучшения ситуации их надо углублять. В перестройку этот вывод о необходимости углубления реформ вплоть до перехода к рыночной экономике сделает следующее поколение реформаторов.

Приложение

Appendix

Таблица П 1

**Размеры фондов экономического стимулирования на 1973 год
по министерствам и ведомствам СССР (млн руб.)**

Table A 1

**Amount of Economic Incentive Funds for 1973 by Ministries and Departments of the USSR
(RUB mln)**

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства				Всего (3 фонда)
			всего, включая выручку от реализации выбывшего и излишнего имущества	в том числе образуемый за счет:			
				прибыли	амортизационных отчислений, предназначенных на полное восстановление основных фондов	реализации имущества и прочих источников	
Минэнерго	209,33	69,18	116,75	49,69	38,46	28,6	395,26
Миннефтепром	69,14	32,9	141,67	6,42	124,75	10,5	243,71
Миннефтехимпром	108,2	45,35	251,73	49,24	195,81	6,68	405,28
Мингазпром	21,55	6,96	42,08	2,14	39,89	0,05	70,59
Минуглепром	242,85	39,71	129,12	43,76	77,6	7,76	411,68
Минчермет	254,19	104,33	437,13	93,52	329,41	14,2	795,65
Минцветмет	169,29	56,86	260,56	58,95	186,41	15,2	486,71
Минхимпром	167,12	61,37	287,12	46,99	223,57	16,56	515,61
Минтяжмаш	100	23,79	80,06	21,82	52,3	5,94	203,85
Минэлектротехпром	116,96	44,71	97,49	38,94	49,81	8,74	259,16
Минхиммаш	50,35	11,35	40,72	10,57	25,38	4,77	102,42
Минстанкопром	64	18,02	66,8	23,62	35,18	8	148,82
Минприбор	105,81	38,35	58,85	34,82	18,17	5,86	203,01

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы П 1

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства				Всего (3 фонда)
			всего, включая выручку от реализации вывешего и излишнего имущества	в том числе образуемый за счет:			
				прибыли	амортизационных отчислений, предназначенных на полное восстановление основных фондов	реализации имущества и прочих источников	
Минавтопром	155,11	51,18	159,58	40,74	113,84	5	365,87
Минсельхозмаш	108,04	42,78	93,75	21,34	65,91	6,5	244,57
Минстройдормаш	40	9,19	38,68	15,39	18,42	4,87	87,87
Минлегпищемаш	43,8	11,56	42,79	25,84	12,38	4,57	98,15
Минлеспром	221,68	68,3	232,56	92,08	123,58	16,9	522,54
Минбумпром	29,96	11,32	66,79	21,05	43,1	2,64	108,07
Минстройматериалов	150,9	57,8	206,98	70	119,7	17,28	415,68
Милегпром	349,62	127,01	290,44	113,71	161,53	15,2	767,07
Минпищепром	190,49	98,22	263,09	176,33	71,86	14,9	551,8
Минмясомолпром	113,23	54,49	229,22	171,67	47,61	9,94	396,94
Минрыбхоз	85,42	40,15	88,3	32	41	15,3	213,87
Главмикробиопром	6,48	2,01	12,26	2,09	8,52	1,65	20,75
Минмедпром	38,37	12,55	30,7	17,56	11,54	1,6	81,62
Союзсельхозтехника	164,88	51,79	173,12	65,22	107,7	0,2	389,79
Минзаг	66,7	28,2	128,9	55,6	67,6	5,7	223,8
Гослесхоз	31	9	37,2	17,8	16,4	3	77,2
МПС	373,96	128,45	182,35	71,12	65,23	46	684,76
Минморфлот	60,5	23,71	79,53	13,09	59,94	6,5	163,74
МГА	98,29	143,35	26,73	7,05	15,68	4	268,37
Минсвязи	105,47	33,62	48,18	5,03	31,47	11,68	187,27
Минкультуры	3,46	1,34	2,04	1,16	0,88	0	6,84
Минфин	3,9	1,65	1,8	0,59	1,16	0,05	7,35
Госкино (промышленность)	0,7	0,23	0,58	0,12	0,46	0	1,51
Госкомиздат (промышленность)	6,17	1,93	3,67	1	2,67	0	11,77
Госстандарт	2,93	1,26	1,2	0,34	0,49	0,37	5,39
ГУГК	0,68	0,27	0,26	0,14	0,12	0	1,21
Гостелерадио	2,56	0,49	1,83	0,27	1,56	0	4,88
Всего	4133,09	1564,73	4452,61	1518,81	2607,09	326,71	10150,4

Источник: Приложение 1 к постановлению Госплана СССР от 28.12.1972 № 130. Размеры фондов экономического стимулирования на 1973 год по министерствам и ведомствам СССР // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 83с. Д. 16. Л. 185–188.

Т а б л и ц а П 2
Размеры фондов экономического стимулирования на 1974 год по министерствам и ведомствам СССР (млн руб.)
T a b l e A 2

Amount of Economic Incentive Funds for 1974 by Ministries and Departments of the USSR (RUB mln)

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства					Всего (3 фонда)	Прирост к 1973 году	Прирост (%)
			всего, включая выручку от реализации выбывшего и излишнего имущества	в том числе образуемый за счет:						
				прибыли	амортизационных отчислений	реализации имущества и прочих источников				
Минэнерго	212,69	67,62	120,36	53,3	49,45	17,61	503,42	108,16	27	
Миннефтепром	89,3	36,05	173,7	6,81	156,36	10,53	462,22	218,51	90	
Миннефтехимпром	109,46	45,84	278,6	56,69	214	7,91	704,59	299,31	74	
Мингазпром	19,98	5,6	46,7	1,97	43,23	1,5	117,48	46,89	66	
Минуглепром	270,79	44,28	146,7	42,11	90,09	14,5	593,97	182,29	44	
Минчермет	283,1	114,62	490,61	100,07	375,15	15,39	1363,55	567,9	71	
Минцветмет	171,06	64,08	284,44	62,66	207,13	14,65	789,37	302,66	62	
Минхимпром	167,31	49,86	326,89	58,31	254,02	14,56	856,39	340,78	66	
Минтяжмаш	108,5	22,1	84,2	21,7	56,53	5,97	293,03	89,18	44	
Минэлектротехпром	125,99	44,74	111,56	48,08	53,91	9,57	384,28	125,12	48	
Минхиммаш	55	11,41	46,64	13,97	28,37	4,3	155,39	52,97	52	
Минстанкопром	69,8	15,7	77,01	28,92	39,27	8,82	230,7	81,88	55	
Минприбор	114,47	42,56	71,52	45,04	20,62	5,86	294,21	91,2	45	
Минавтопром	173,8	57,4	182,48	52,23	124,45	5,8	590,36	224,49	61	

Продолжение таблицы П 2

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства				Всего (3 фонда)	Прирост к 1973 году	Прирост (%)
			всего, включая выручку от реализации вывешено и излишнего имущества	в том числе образуемый за счет:					
				прибыли	амортизационных отчислений	реализации имущества и прочих источников			
	127,5	51,1	108,91	27,4	74,76	6,75	389,67	145,1	59
Минсельхозмаш	42,1	9,8	43,78	19	20,39	4,39	135,07	47,2	54
Минлетгичемаш	46,4	11,4	51,68	34,2	14	3,48	157,68	59,53	61
Минлеспром	201,48	62	233,01	77,26	136,39	19,36	710,14	187,6	36
Минбумпром	32,6	12,32	74,51	21,86	49,45	3,2	190,74	82,67	76
Минстройматериалов	158,8	60,82	223,26	77,73	131,66	13,87	652,27	236,59	57
Милетпром	367,22	128,22	320,31	119,02	184,19	17,1	1118,96	351,89	46
Минпищепром	198,57	86,34	294,88	202,63	77,45	14,8	859,87	308,07	56
Минмясомолпром	120,18	56,46	272,41	205,88	56,39	10,14	711,32	314,38	79
Минрыбхоз	95,5	44,9	91,4	40,1	43,3	8	315,2	101,33	47
Главмикробиопром	7,6	2,36	41,41	3,33	10,1	27,98	64,8	44,05	212
Минмедпром	36,4	10,9	33,57	20,9	11,07	1,6	112,84	31,22	38
Союзсельхозтехника	178	53,4	217,15	77,2	126,7	13,25	652,45	262,66	67
Минзаг	70,2	29,7	137,6	59,5	71,9	6,2	368,9	145,1	65
Гослесхоз	32,7	9,8	40,5	19	18,5	3	120,5	43,3	56
МПС	429,55	145,94	199,08	77,89	71,52	49,67	923,98	239,22	35
Минморфлот	61,72	22,7	85,97	13,57	65,37	7,03	249,33	85,59	52
МГА	73,43	13,57	30,39	7,95	18,44	4	143,78	-124,59	-46

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы П 2

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства					Всего (з Фонда)	Прирост к 1973 году	Прирост (%)
			в том числе образуемый за счет:							
			всего, включая выбытие и от реализации	прибыли	амортизационных отчислений	реализации имущества и прочих источников				
Минсвязи	107,59	31,9	48,72	5,01	34,21	9,5	227,43	40,16	21	
Минкультуры	4,12	1,62	2,5	1,51	0,99	0	10,74	3,9	57	
Минфин	3,5	1,75	1,95	0,71	1,19	0,05	9,1	1,75	24	
Госкино (промышленность)	0,75	0,24	0,6	0,11	0,49	0	2,19	0,68	45	
Госкомиздат (промышленность)	10,5	3,94	4,38	1,3	3,08	0	23,2	11,43	97	
Госстандарт	3,21	1,38	1,21	0,38	0,46	0,37	6,64	1,25	23	
ГУТК	5,7	0,61	1,09	0,44	0,65	0	8,49	7,28	602	
Гостелерадио	2,79	0,52	1,83	0,22	1,6	0,01	6,96	2,08	43	
Минавиапром	290,9	90,8	196,9	92,7	96,6	7,6	767,9			
Минмаш	121,8	38,3	84,58	50,8	31,28	2,5	326,76			
Минобщесмаш	78,5	20,7	52,1	17,5	32,6	2	201,4			
Миноборонпром	152,4	69,8	123,33	62,7	56,23	4,4	464,46			
Минрадиопром	222,7	63,4	99,8	50,4	42	7,4	478,3			
Минсудпром	118,4	30,16	78,73	20,65	54,38	3,7	302,32			
Минэлектронпром	182	57	131,02	61,1	56,92	13	488,04			
Всего	5556,06	1845,71	5769,97	2061,81	3306,84	360,72	18 540,39			

Источники: Приложение 1 к постановлению Госплана СССР от 14.11.1973 № 118. Размеры фондов экономического стимулирования на 1974 год по министерствам и ведомствам СССР // РГАС. Ф. 4372. Оп. 83с. Д. 633. Л. 2-6.

Литература

1. Абалкин Л. И., Иванов Е. А., Сорокин Д. И. Экономическая история СССР. Очерки. М.: Инфра-М, 2007.
2. Анчишкин А. И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста / под ред. А. В. Суворова. М.: Макс Пресс, 2003.
3. Бабкина Н. М. Междуведомственная комиссия при Госплане СССР (1965–1971 годы). Дис. ... к.и.н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018.
4. Бабкина Н. М. Экономическая реформа 1965 г. в СССР: формирование фондов экономического стимулирования на предприятиях, переведенных на новые условия работы // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 90–104.
5. Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: В экономическом штабе страны. М.: Луч, 2010.
6. Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Сорок лет в правительстве. М.: Луч, 2011а.
7. Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: От Сталина до Ельцина. М.: Фонд инноваций имени Н. К. Байбакова, 2011b.
8. Белкин В. Д. Тернистый путь экономиста: воспоминания о прожитом и размышления о грядущем. М.: Дело, 2003.
9. Белых А. А. История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М.: ЛКИ, 2007.
10. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
11. Бирман А. М. Учись хозяйствовать. Рассказы об экономике предприятия. 3-е изд. М.: Политиздат, 1966.
12. Бирман И. А. Я — экономист (о себе, любимом). 2-е изд. М.: Время, 2001.
13. Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина: записки внука. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004.
14. Голанд Ю. М., Некипелов А. Д. Косыгинская реформа: упущенный шанс или миф? // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 44–66.
15. Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. Москва и экономические реформы в ГДР и ЧССР в 1960-е годы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12(98). Ч. I. <https://history.jes.su/s207987840012980-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840012980-7.
16. Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. Экономические реформы в Венгрии и Болгарии и реакция на них в СССР (конец 1950-х – первая половина 1970-х гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 4. С. 176–193. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.4.073.
17. Иванченко В. М. Мониторинг экономических реформ в избранных публикациях автора за 1956–2003 годы: в 3 т. Т. 1. М.: Мастер, 2004.
18. Иванченко В. М. Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества. М.: Наука, 2009.
19. Из неопубликованного (ведомственные материалы): По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации / под ред. Ю. И. Кашина. М.: ЦБ РФ, 2014. Вып. 16.
20. Из неопубликованного. Вопросы денежного обращения (1919–1982 годы) (ведомственные материалы): По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации / под ред. Ю. И. Кашина. М.: ЦБ РФ, 2014. Вып. 15.
21. Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий // Комплексные проблемы развития народного хозяйства на основе ускорения научно-технического прогресса: в 25 т. Т. 14. М.: ВИНТИ, 1977.

22. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы (по пятилетиям). Проблемный раздел 3.7 // Проблемы совершенствования планирования и управления народным хозяйством. М.: ВИНТИ, 1983.
23. Косыгин А. Н. К великой цели. Избранные речи и статьи: в 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979.
24. Кочнева К. А. Процесс проведения реформы А. Н. Косыгина. Как и почему был искажен замысел преобразований // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 79–88.
25. Лазарева Л. Н. Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 453–466.
26. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги: монография. М.: МГОУ, 2021.
27. Лисицына Л. Н. Из истории подготовки экономической реформы 1965 г. // История СССР. 1971. № 2. С. 3–16.
28. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961.
29. Можайскова И. В. Судьба ученого и трагедия науки. К 80-летию со дня рождения Я. А. Кронрода. М.: Наука, 1992.
30. Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950-е – 1960-е годы / под ред. А. С. Анисеева М.: Институт славяноведения РАН, 2025.
31. Немчинов В. С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М.: Экономика, 1965.
32. Немчинов В. С. Основные контуры модели планового ценообразования. М.: Науч. совет по применению математики и вычислит. техники в экон. исследованиях и планировании АН СССР, 1963.
33. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Упущенный шанс или последний клапан? К 50-летию косыгинских реформ 1965 г. М.: Кнорус, 2018.
34. Ольсевич Ю. Я., Грегори П. Р. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: Теис, 2000.
35. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине / под ред. Т. И. Фетисова М.: Республика, 1997.
36. Протопопов В. А. Экономическая реформа и хозяйственный расчет. М.: Московский рабочий, 1970.
37. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 5: 1962–1965 гг. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1968а.
38. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 6: Январь 1966 – июнь 1968 г. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1968b.
39. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 7: Июль 1968 г. – 1969 гг. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1970.
40. Сафронов А. В. Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 22–41. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13002.
41. Ставчиков А. И. 110 лет со дня рождения В. С. Немчинова — основоположника экономико-математических исследований в России // Экономическая наука современной России. 2004. № 2. С. 145–148.
42. Страницы памяти. О планах, планировании, плановиках / сост. В. Е. Вучетич. М.: Профиздат, 1987.
43. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: в 4 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов. 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008.
44. Экономисты и математики за круглым столом / под ред. Ю. Давыдова, Л. Лопатникова. М.: Экономика, 1965.

References

1. Abalkin L. I., Ivanov E. A., Sorokin D. I. *Ekonomicheskaya istoriya SSSR. Ocherki [Economic History of the USSR. Essays]*. Moscow, Infra-M, 2007. (In Russ.)
2. Anchishkin A. I. *Prognozirovaniye tempov i faktorov ekonomicheskogo rosta [Forecasting the Rates and Factors of Economic Growth]*. Ed. by A. V. Suvorov. Moscow, Maks Press, 2003. (In Russ.)
3. Babkina N. M. *Mezhdudovedomstvennaya komissiya pri Gosplane SSSR (1965-1971) [Inter-departmental Commission Under the USSR State Planning Committee (1965-1971)]*, PhD thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2018. (In Russ.)
4. Babkina N. M. *Ekonomicheskaya reforma 1965 g. v SSSR: formirovaniye fondov ekonomicheskogo stimulirovaniya na predpriyatiyakh, perevedennykh na novye usloviya raboty [Economic Reform of 1965 in the USSR: Formation of Economic Incentive Funds at Enterprises Transferred to New Working Conditions]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) [Lomonosov Public Administration Journal. Ser. 21]*, 2017, no. 4, pp. 90-104. (In Russ.)
5. Baybakov N. K. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 3: V ekonomicheskoy shtabe strany [Collected Works, in 10 vol. Vol. 3. At the Economic Headquarter of the Country]*. Moscow, Luch, 2016. (In Russ.)
6. Baybakov N. K. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 4: Sorok let v pravitel'stve [Collected Works, in 10 vol. Vol. 4. Forty Years in Government]*. Moscow, Luch, 2011a. (In Russ.)
7. Baybakov N. K. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 5: Ot Stalina do Yeltsina [Collected Works, in 10 vol. Vol. 5. From Stalin to Yeltsin]*. Moscow, Baybakov Innovation Foundation, 2011b. (In Russ.)
8. Belkin V. D. *Ternistyy put' ekonomista: vospominaniya o prozhitom i razmyshleniya o gryadushchem [The Thorny Path of an Economist: Memories of the Past and Thoughts About the Future]*. Moscow, Delo, 2003. (In Russ.)
9. Belykh A. A. *Istoriya rossiyskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy: pervye sto let [History of Russian Economic and Mathematical Research: The First Hundred Years]*. Moscow, LKI, 2007. (In Russ.)
10. Belykh A. A., Mau V. A. *Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921-1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921-1985]*. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81-108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
11. Birman A. M. *Uchis' khozyaystvovat'. Rasskazy ob ekonomike predpriyatiya [Learn to Manage. Stories About Enterprise Economics]*, 3rd ed. Moscow, Politizdat, 1966. (In Russ.)
12. Birman I. A. *Ya - ekonomist. (o sebe, lyubimom) [I Am an Economist (About Myself - Beloved)]*, 2nd ed. Moscow, Vremya, 2001. (In Russ.)
13. Gvishiani A. D. *Fenomen Kosygina: zapiski vnuka [The Kosygin Phenomenon: Notes From a Grandson]*. Moscow, Cultural Fund "Ekaterina," 2004. (In Russ.)
14. Goland Yu. M., Nekipelov A. D. *Kosygin'skaya reforma: upushchennyy shans ili mirazh? [Kosygin Reform: A Missed Chance or a Mirage?]*. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 2010, no. 6, pp. 44-66. (In Russ.)
15. Dzhalilov T. A., Pivovarov N. Yu. *Moskva i ekonomicheskie reformy v GDR i ChSSR v 1960-e gody [Moscow and Economic Reforms in East Germany and Czechoslovakia in the 1960s]*. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [The Journal of Education and Science "Istoriya"]*, 2020, vol. 11, no. 12-1(98). <https://history.jes.su/s207987840012980-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840012980-7. (In Russ.)
16. Dzhalilov T. A., Pivovarov N. Yu. *Ekonomicheskie reformy v Vengrii i Bolgarii i reaktsiya na nikh v SSSR (konets 1950-kh - pervaya polovina 1970-kh gg.) [Economic Reforms in Hungary and Bulgaria and the Reaction to Them in the USSR (Late 1950s - First Half of the 1970s)]*. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts]*, 2021, vol. 23, no. 4, pp. 176-193. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.4.073. (In Russ.)

17. Ivanchenko V. M. *Monitoring ekonomicheskikh reform v izbrannykh publikatsiyakh avtora za 1956-2003 gody* [Monitoring of Economic Reforms in Selected Publications of the Author for 1956-2003, in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Master, 2004. (In Russ.)
18. Ivanchenko V. M. *Planirovanie kak istoricheskiy fenomen zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obshchestva* [Planning as a Historical Phenomenon of Human and Social Life]. Moscow, Nauka, 2009. (In Russ.)
19. Kashin Yu. I. (ed.). *Iz neopublikovannogo (vedomstvennye materialy): Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii* [From the Unpublished (Departmental Materials): From the Pages of the Archival Funds of the Central Bank of the Russian Federation]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation, 2014. Iss. 16. (In Russ.)
20. Kashin Yu. I. (ed.). *Iz neopublikovannogo. Voprosy denezhnogo obrashcheniya (1919-1982 gody) (Vedomstvennye materialy): Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii* [From the Unpublished. Issues of Money Circulation (1919-1982) (Departmental Materials): From the Pages of the Archival Funds of the Central Bank of the Russian Federation]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation, 2014. Iss. 15. (In Russ.)
21. Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa i ego sotsial'no-ekonomicheskikh posledstviy [Comprehensive Program of Scientific and Technological Progress and Its Socio-Economic Consequences]. In: *Kompleksnye problemy razvitiya narodnogo khozyaystva na osnove uskoreniya nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Comprehensive Problems of National Economy Development Based on Acceleration of Scientific and Technological Progress], in 25 vol., vol. 14. Moscow, Russian National Institute of Science and Information Technology, 1977. (In Russ.)
22. Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa SSSR na 1986-2005 gody (po pyatiletiyam) [Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress of the USSR for 1986-2005 (by Five-Year Periods)]. In: *Problemy sovershenstvovaniya planirovaniya i upravleniya narodnym khozyaystvom* [Problems of Improving Planning and Management of the National Economy]. Moscow, Russian National Institute of Science and Information Technology, 1983. (In Russ.)
23. Kosygin A. N. *K velikoy tseli: Izbrannye rechi i stat'i* [Towards a Great Goal: Selected Speeches and Articles], in 2 vol., vol. 1. Moscow, Politizdat, 1979. (In Russ.)
24. Kochneva K. A. *Protsess provedeniya reformy A. N. Kosygina. Kak i pochemu byl iskazhen zamysel preobrazovaniy* [The Process of Implementing the Reform of A. N. Kosygin. How and Why the Concept of Reforms Was Distorted]. In: *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization Model of the Economy: Historical Experience of Russia in the 20th Century]. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2009, pp. 79-88. (In Russ.)
25. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya diskussiya 1962-1964 godov: vyrabotka ideologii "kosygin'skoy" reformy* [1962-1964 Economic Discussion: Development of Kosygin's Reform Ideology]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Economic History & History of Economics], 2016, vol. 17, no. 3, pp. 453-466. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).453-466. (In Russ.)
26. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya reforma 1965 goda: predposylki, khod, itogi: monografiya* [Economic Reform of 1965: Prerequisites, Progress, Results: A Monograph]. Moscow, Moscow Region State University, 2021. (In Russ.)
27. Lisitsyna L. N. *Iz istorii podgotovki ekonomicheskoy reformy 1965 g.* [From the History of Preparation of the Economic Reform of 1965]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1971, no. 2, pp. 3-16. (In Russ.)
28. *Materialy XXII s'ezda KPSS* [Materials of the XXII Congress of the CPSU]. Moscow, Politizdat, 1961. (In Russ.)
29. Mozhayskova I. V. *Sud'ba uchenogo i tragediya nauki. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. A. Kronroda* [The Fate of a Scientist and the Tragedy of Science. On the 80th Anniversary of the Birth of Ya. A. Kronrod]. Moscow, Nauka, 1992. (In Russ.)
30. Anikeev A. S. (ed.). *Moskva i Vostochnaya Evropa. Yugoslavskaya model' sotsializma i strany sovetского bloka. 1950-e - 1960-e gody* [Moscow and Eastern Europe. The Yugoslav Model of

- Socialism and the Countries of the Soviet Bloc. 1950s - 1960s*]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. (In Russ.)
31. Nemchinov V. S. *O dal'neyshem sovershenstvovanii planirovaniya i upravleniya narodnym khozyaystvom* [On Further Improvement of Planning and Management of the National Economy], 2nd ed. Moscow, Ekonomika, 1965. (In Russ.)
 32. Nemchinov V. S. *Osnovnye kontury modeli planovogo tsenoobrazovaniya* [Basic Outlines of the Planned Pricing Model]. Moscow, USSR Academy of Sciences, Scientific Council for Applied Mathematics and Digital Technology in Economic Research and Planning, 1963. (In Russ.)
 33. Nureev R. M., Latov Yu. V. *Upushchenny shans ili posledniy klapan? K 50-letiyu kosygin-skikh reform 1965 g.* [A Missed Chance or the Last Valve? On the 50th Anniversary of Kosygin's Reforms of 1965]. Moscow, Knorus, 2018. (In Russ.)
 34. Olsevich Yu. Ya., Gregori P. R. *Planovaya sistema v retrospektive. Analiz i interv'yū s rukovoditelyami planirovaniya SSSR* [The Planning System in Retrospect. Analysis and Interviews with USSR Planning Leaders]. Moscow, Teis, 2000. (In Russ.)
 35. Fetisov T. I. (ed.). *Prem'èr izvestnyy i neizvestnyy. Vospominaniya o A. N. Kosygine* [The Prime Minister Known and Unknown. Memories of A. N. Kosygin]. Moscow, Respublika, 1997. (In Russ.)
 36. Protopopov V. A. *Ekonomicheskaya reforma i khozyaystvennyy raschet* [Economic Reform and Business Accounting]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1970. (In Russ.)
 37. Chernenkov K. U., Smirnyukov M. S. (eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 16 t. T. 5: 1962-1965 gg.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues, in 16 vol. Vol. 5. 1962-1965]. Moscow, Politizdat, 1968a. (In Russ.)
 38. Chernenkov K. U., Smirnyukov M. S. (eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 16 t. T. 6: Yanvar' 1966 - iyun' 1968 g.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues, in 16 vol. Vol. 6. January 1966 - June 1968]. Moscow, Politizdat, 1968b. (In Russ.)
 39. Chernenkov K. U., Smirnyukov M. S. (eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 16 t. T. 7: Iyul' 1968 - 1969 gg.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues, in 16 vol. Vol. 7. July 1968-1969]. Moscow, Politizdat, 1970. (In Russ.)
 40. Safronov A. V. *Komp'yuterizatsiya upravleniya planovoy ekonomikoy v SSSR: proekty uchenykh i nuzhdy praktikov* [Computerization of the Planned Economy in the USSR: Projects of Scientists and the Needs of Practitioners]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2020, vol. 11, no. 3, pp. 22-41. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13002. (In Russ.)
 41. Stavchikov A. I. 110 let so dnya rozhdeniya B. C. Nemchinova - osnovopolozhnika ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy v Rossii [110 Years Since the Birth of V. S. Nemchinov - The Founder of Economic and Mathematical Research in Russia]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2004, no. 2, pp. 145-148. (In Russ.)
 42. Vuchetich V. E. (ed.). *Stranitsy pamyati. O planakh, planirovanii, planovikakh* [Pages of Memory. About Plans, Planning, Planners]. Moscow, Profizdat, 1987. (In Russ.)
 43. Khanin G. I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya: v 4 t. T. 1: Ekonomika SSSR v kontse 30kh godov - 1987 god* [Economic History of Russia in Modern Times, in 4 vol. Vol. 1. Economy of the USSR in the Late 1930s - 1987]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University, 2008. (In Russ.)
 44. Davydov Yu., Lopatnikov L. (eds.). *Ekonomisty i matematiki za kruglym stolom* [Economists and Mathematicians at the Round Table]. Moscow, Ekonomika, 1965. (In Russ.)

60 лет косыгинской реформе

Реформа Алексея Косыгина и изменение системы управления промышленностью в октябре 1964 — октябре 1965 года

Никита Юрьевич Пивоваров

ORCID: 0000-0002-5225-7524

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр прикладной истории,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу изменения системы управления промышленностью в 1965 году. Косыгинская реформа остается одним из самых популярных сюжетов в современной историографии. Вместе с тем один из важнейших ее элементов, связанный с восстановлением отраслевых министерств и централизованного управления, до сих пор не изучен в полной мере в научной литературе. Автор выделяет два этапа подготовки изменения системы управления промышленностью: первый — с октября 1964 по апрель 1965 года, второй — с мая по октябрь 1965 года. В статье показано, что непосредственно после отставки Н. С. Хрущёва в октябре 1964 года у нового коллективного руководства не было готового плана действий. Только после образования в конце декабря 1964 года комиссии Косыгина такая единая стратегия стала формироваться. Первые шаги правительства были предприняты в конце февраля 1965 года. Они были связаны с преобразованием оборонных госкомитетов в министерства и передачей им предприятий, ранее находившихся в ведении совнархозов. В конце апреля А. Н. Косыгин выступил с развернутым планом изменения системы управления промышленностью. Он предложил создать 10 отраслевых союзно-республиканских министерств и повысить роль Госплана. Однако против этого проекта выступил Л. И. Брежнев, не поддержавший изъятие из ведения регионов функций по управлению промышленностью. Позиция партийного лидера была связана еще и с тем, что под контроль Совета Министров переходило фактически две трети всей советской экономики. Только в конце августа 1965 года комиссия Косыгина предложила новый проект. Документ предполагал ликвидацию всех совнархозов, передачу промышленности под управление министерств, но сами предприятия оставались в ведении союзных республик. Изменения оказались половинчатыми: система управления промышленностью формально стала более централизованной, но по факту министерства были лишены возможности принимать в отношении предприятий жесткие и оперативные решения.

Ключевые слова: советская экономика, косыгинская реформа, совнархозы, ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан

JEL: N44, N64

Статья подготовлена в рамках НИР ГЗ РАНХиГС 10.1-2025-1 «Влияние стратегических документов Советского Союза и Российской Федерации на общественно-политический строй».

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Alexei Kosygin's Reform and Changes to Industrial Management From October 1964 to October 1965

Nikita Yu. Pivovarov

ORCID: 0000-0002-5225-7524

Cand. Sci. (Hist. Sci.), Senior Researcher, Research Center for Applied History,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the changes to industrial management that Alexei Kosygin devised and which have been a frequent topic of modern historiography. However, the restoration of sectoral ministries, one of the most important elements, has not been fully studied in academic literature. Preparation for the changes came in two stages, the first began in late 1964 and the second was completed in 1965. The collective leadership that came immediately after Khrushchev's resignation had no ready-made plan. A comprehensive strategy began to take shape only after the formation of the Kosygin Commission at the end of 1964. The government took the first practical steps in 1965 when state committees for defense were transformed into ministries that were to supervise the enterprises previously under the Council of National Farms. Kosygin then presented a detailed plan for overhauling industrial management by creating ten sectoral ministries with nationwide authority and by expanding the role of the State Planning Committee. However, Brezhnev resisted taking industrial management functions away from the various regions in part because two thirds of the Soviet economy was already under the control of the Council of Ministers. In late 1965 the Kosygin Commission proposed a new plan abolishing the *sovnarkhoses* (regional economic councils formed under Khrushchev) and placing industries under the ministries, although the enterprises themselves would remain within the jurisdiction of the separate republics of the Soviet Union. These half-hearted measures made industrial management nominally more centralized, but the ministries lacked the power to impose far-reaching and binding solutions on enterprises.

Keywords: Soviet economy, Kosygin reform, industrial management, sectoral management principle, Council of National Farms, Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR, Gosplan

JEL: N44, N64

Acknowledgements

This article has been prepared under the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration's research project no. 10.1-2025-1 entitled "The influence of strategic documents of the Soviet Union and the Russian Federation on the socio-political system."

Введение

Косыгинская реформа — до сих пор один из самых популярных сюжетов экономической истории позднесоветского времени. Однако большинство исследователей останавливаются на изучении изменений отдельных хозяйственных механизмов, а именно — сокращении плановых показателей, усилении самостоятельности предприятий и развитии автоматических систем плановых расчетов. Центральное место в таких работах занимает вопрос, почему в рамках сложившейся авторитарной советской системы не был осуществлен переход к контролируемому рынку. Нередко это приводит к дискуссиям об альтернативах развития СССР и упущенных возможностях для советского проекта в целом. Поэтому важное место в историографии косыгинской реформы занимает описание ее подготовки, участие в ее разработке научного сообщества, в том числе роль знаменитых предложений Евсея Григорьевича Либермана [Белых, Мау, 2022; Водичев, 2023; Голанд, Некипелов, 2010; Зубкова, 1988; Козлова, Братченко, 2022; Кузьмичев, Липкин, 2022; Лазарева, 2016; 2021; 2022; Латов, Нуреев, 2016; Мау, 2024; Некрасов, 2019; Орлов, 2020; Сафронов, 2024; Соболев, 2009; Feygin, 2024; Ironside, 2021; Popov, Kochetkova, 2024].

Вместе с тем один из ключевых элементов реформы 1965 года — изменение системы управления промышленностью — чаще всего игнорировался исследователями или сводился к констатации восстановления отраслевых министерств и централизованного управления, позволившего оптимизировать использование ресурсов, что стало дополнительным экономическим эффектом [Белоусов, 2003. С. 40]. Возвращение к централизованной системе управления выглядит на первый взгляд парадоксальным — одновременно с этим провозглашалась хозяйственная самостоятельность и возможность организации экономических экспериментов на уровне отдельных промышленных предприятий.

Будет большим преувеличением считать, что советское государство, перейдя на территориальный принцип управления в 1957 году, передало руководство всей промышленностью в руки Советов народного хозяйства (далее — совнархозы, СНХ). Однако именно в 1957–1965 годах местные власти получили реальную возможность влиять на региональную экономику, маневрировать находившимися в их распоряжении ресурсами. Возникает вопрос, каким образом регионы восприняли новую реформу, которая фактически лишала их целого ряда управленческих функций и возвращала к прежней, досовнархозной системе.

Цель настоящей статьи — показать механизм подготовки экономических решений, принятых на сентябрьском Пленуме

ЦК КПСС 1965 года. При этом основное внимание сосредоточено на таком малоизученном явлении, как ликвидация территориального (совнархозного) принципа управления промышленностью и переход к отраслевому, возвращение к системе союзных и союзно-республиканских министерств. Основными источниками для раскрытия темы стали материалы правительственных и партийных органов власти, сохранившиеся в документах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

1. Система управления промышленностью к октябрю 1964 года

После свертывания нэпа в конце 1920-х годов и формирования сверхцентрализованного управления промышленностью идею о предоставлении большей хозяйственной самостоятельности предприятиям и даже регионам обсуждали на разных уровнях власти вплоть до партийных съездов на протяжении 1930-х годов, но каких-либо значимых шагов в этом направлении не предпринималось. Только в годы войны роль региональных властей в управлении промышленностью несколько возросла, что было связано с нивелировкой отдельных недостатков плановой системы [Khlevniuk, 2018].

Совнархозная реформа 1957 года, разрабатывавшаяся практически параллельно двумя управленческими командами: правительственной во главе с Николаем Александровичем Булганиным и партийной во главе с Никитой Сергеевичем Хрущёвым, — отражала принципиально новый подход советского руководства к управлению народным хозяйством, подразумевавший предоставление широкой экономической самостоятельности региональным властям [Пивоваров, Симонов, 2024]. На начальном этапе совнархозы дали положительный импульс развитию промышленности и экономики СССР в целом. Благодаря этой реформе изменилась система снабжения: была ликвидирована сеть мелких ведомственных контор, баз и складов, которые по своим функциям дублировали друг друга, затрудняли управление материальными ресурсами и в целом делали распределение дорогим и невыгодным с точки зрения логистики.

К началу 1960-х годов положительный эффект от совнархозной реформы обернулся негативными тенденциями для советской экономики в целом. К этому времени статистические органы стали регистрировать снижение темпов роста производства промышленной продукции. Территориальные органы управления не всегда могли квалифицированно оценить в своих экономических районах значение различных предприятий не только для региональной, но и для общесоюзной экономики. Например, в ведении управления машиностроительной и металлургической промышленности Западно-

Сибирского совнархоза находились предприятия, производящие как специальную продукцию для атомной отрасли (тепловыделяющие элементы на основе обогащенного урана), так и заводы, специализирующиеся на выпуске сельскохозяйственных тракторов. В отличие от прежних министерств руководство совнархозов не разбиралось в тонкостях отраслевой промышленности, не учитывало необходимость оперативного изменения технологической базы. Закупка и отладка оборудования, особенно иностранного, оставались крайне бюрократизированными процессами. Например, чтобы приобрести зарубежный станок, руководству совнархозов требовалось согласовать этот вопрос с цепочкой посредников, от советских специализированных акционерных обществ и до управлений Министерства внешней торговли и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям. Только в сентябре 1964 года Президиум ЦК КПСС утвердил новый порядок организации внешней торговли, благодаря которому совнархозы по вопросам импорта оборудования могли напрямую обращаться к двум структурным подразделениям Минвнешторга — Главному управлению по импорту машин и оборудования из капиталистических стран и аналогичному Главному управлению, отвечавшему за закупку из соцстран.

Укрепить расшатывающуюся децентрализованную систему управления промышленностью, по мнению советского руководства, должны были следующие меры. Во-первых, объединение совнархозов: вместо 105 территориальных органов, созданных в 1957 году, к 1962 году их число сократилось до 47. Например, для всех республик Средней Азии (кроме Казахстана) стал действовать единый Средазсовнархоз. Кроме того, в РСФСР, на Украине и в Казахстане были образованы республиканские Советы народного хозяйства [Круглов, 2020. С. 186]. Во-вторых, произошло укрепление центральных органов управления. Наряду с созданием СНХ и ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) были сформированы 19 государственных отраслевых комитетов. Последние должны были восстановить единое техническое руководство во всех отраслях промышленности. Госкомитеты сосредоточили в своих руках руководство над научно-исследовательскими, конструкторскими и проектными организациями, но оказались оторваны от промышленных предприятий, которые, как и ранее, подчинялись только совнархозам. В итоге отраслевые комитеты стали лишь консультативными органами, не влиявшими на реальные возможности развития промышленности [Некрасов, 2019. С. 72].

К 1964 году сложилась сложная многоступенчатая система управления промышленностью, порождавшая как параллелизм, так и банальную безответственность за хозяйственную деятельность. Принятие оперативных вопросов требовало длительного

согласования. Например, чтобы решить вопрос об организации нового вида производства на конкретном заводе, руководство предприятия сначала согласовывало этот вопрос со своим совнархозом, затем с руководством Госплана республики, после — в республиканском совнархозе или сразу выходило на отраслевой комитет, далее — в Комитет по координации научно-исследовательских работ и, если требовалось, в Совет по науке при Совете Министров СССР, позже — в СНХ СССР, и, наконец, финальной инстанцией выступал общесоюзный Госплан. При этом необходимо учесть, что Госплан СССР к 1964 году утратил те широкие права, которые у него были до начала реформы, и занимался отдельными вопросами планирования, учетом натуральных показателей, объемом капитальных вложений и частично — материально-техническим обеспечением [Сафронов, 2024. С. 365]. Вопросы себестоимости, трудозатраты и необходимость научно-исследовательских работ — всё это находилось в ведении совнархозов. К середине 1964 года неэффективность и запутанность совнархозной системы стала очевидной для всего советского руководства, кроме, вероятно, Хрущёва.

2. Первый этап разработки проекта изменения управления промышленностью (октябрь 1964 — апрель 1965 года)

Несмотря на то что новое коллективное руководство было решительно настроено пересмотреть всё хрущёвское управленческое наследие, единого плана реформ к середине октября 1964 года не существовало. Главная задача, стоявшая перед правительством Алексея Николаевича Косыгина, — унификация разрозненной системы государственного управления. Поэтому в первые месяцы после отставки Хрущёва прошла ликвидация «ненужных» структур при Совете Министров СССР. Первой жертвой административной зачистки стал Совет по науке при Совмине СССР, образованный в феврале 1963 года, во главе с академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым. Уже 11 ноября 1964 года Дмитрий Фёдорович Устинов, Константин Николаевич Руднев и Мстислав Всеволодович Келдыш направили Косыгину записку с предложением ликвидировать этот правительственный орган, поскольку он дублировал функции Госкомитета по координации научно-исследовательских работ и Президиума Академии наук, а также «отвлекал ученых от их основной деятельности»¹. 26 ноября 1964 года Совет по науке при Совмине был упразднен².

¹ Записка Д. Устинова, К. Руднева и М. Келдыша от 11.11.1964 № У-2806 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 589. Л. 129.

² Постановление Президиума ЦК КПСС от 26.11.1964. (П178/30) «Об упразднении Совета по науке при Совете Министров СССР» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 589. Л. 132.

В ноябре — декабре 1964 года советское правительство делает первые непоследовательные шаги по изменению системы управления промышленностью. С одной стороны, правительство принимает ряд постановлений, направленных на увеличение прав центральных госкомитетов и министерств. Последним вернули право создавать, реорганизовывать и ликвидировать предприятия, строительные и хозяйственные организации; Госкомитет по вопросам труда и заработной платы получил возможность изменять показатели, условия премирования и размеры премий по отдельным отраслям промышленности, а Госкомитет по торговле теперь самостоятельно распределял по регионам так называемые рыночные фонды промышленных и продовольственных товаров. Ранее такими вопросами занимались советы министров союзных республик по согласованию с конкретными совнархозами³.

С другой стороны, Президиум ЦК КПСС с подачи правительства ликвидировал Средазсовнархоз и все находящиеся при нем межреспубликанские структуры, а именно: Госкомитет по строительству, Госкомитет по хлопководству и Среднеазиатское статистическое управление. Функции Средазсовнархоза были распределены между центральными и региональными органами: были восстановлены совнархозы и министерства строительства в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Отдельные структуры (Главное управление монтажных и специальных работ Госкомитета по строительству, Госкомитет по хлопку и статуправление) перешли в ведение центральных органов управления⁴. Таким образом, правительство в данном вопросе лишь частично пошло на усиление централизации.

Для выработки единой стратегии «по упорядочиванию руководства промышленностью» постановлением Президиума ЦК КПСС от 24 декабря 1964 года была образована комиссия во главе с Косыгиным, куда также вошли Николай Викторович Подгорный, Андрей Павлович Кириленков, Геннадий Иванович Воронов, Виктор Васильевич Гришин, Александр Петрович Рудakov и Дмитрий Фёдорович Устинов⁵. Этой авторитетной комиссии предстояло решить, каким образом должно было произойти

³ Постановление Совета Министров СССР от 14.11.1964 № 930 «О передаче ряда вопросов на решение Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, Министерства финансов и Государственного комитета Совета Министров СССР по торговле» // Постановления Совета Министров СССР за ноябрь 1964. С. 47; Постановление Совета Министров СССР от 16.11.1964 № 936 «О правах руководителей государственных комитетов, министерств и ведомств СССР по созданию и реорганизации и ликвидации предприятий и хозяйственных организаций» // Постановления Совета Министров СССР за ноябрь 1964. С. 52.

⁴ Постановление Президиума ЦК КПСС от 15.12.1964 (П181/VIII) «Об упорядочивании руководства народным хозяйством республик Средней Азии» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 585. Л. 14.

⁵ Постановление Президиума ЦК КПСС от 24.12.1964 (П183/XXXI) «Вопросы промышленности» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 585. Л. 128.

переподчинение промышленных предприятий центральным органам управления.

Стоит отметить, что в отличие от хрущёвской совнархозной реформы обсуждение будущих административных изменений происходило достаточно кулуарно. Если в 1957 году только в адрес ЦК поступило около 10 тыс. писем от «простых» советских граждан, руководителей высшего и среднего звена, то Косыгинская комиссия при обсуждении вопроса практически не привлекала дополнительных экспертов, хотя в апреле 1965 года численно выросла. В ее состав входили: два первых заместителя председателя Совета Министров Кирилл Трофимович Мазуров и Дмитрий Степанович Полянский, председатель СНХ СССР Вениамин Эммануилович Дымшиц, председатель Госплана СССР Петр Фадеевич Ломако, председатель Госстроя Игнатий Трофимович Новиков, председатель ВПК Леонид Васильевич Смирнов и председатель Комитета партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР Александр Николаевич Шелепин⁶.

В конце февраля 1965 года, то есть через два месяца после образования комиссии, произошли первые изменения в промышленности. Косыгин направил в ЦК для согласования ряд проектов о преобразовании оборонных госкомитетов в министерства и передачи им предприятий, ранее находившихся в ведении совнархозов. Шесть госкомитетов: по авиационной технике, по оборонной технике, среднего машиностроения, по радиоэлектронике, по судостроению и по электронной технике — преобразовывались в общесоюзные министерства. Кроме того, было образовано еще и Министерство общего машиностроения, на которое были возложены вопросы создания ракетных комплексов стратегического назначения и космической техники. Вместе с тем вопросы координации и развития оборонной промышленности, в том числе перспективных и конкретных планов выпуска и строительства новых предприятий, оставались в ведении СНХ СССР⁷. Таким образом, Косыгин хотя и осуществил первый этап реформирования, но всё же не подчинил министерства непосредственно Совету Министров.

Время для начала преобразований было выбрано удачно, так как новый первый секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, как и весь аппарат ЦК, в конце 1964 — начале 1965 года был занят двумя

⁶ Постановление Президиума ЦК КПСС от 01.04.1965 (П197/XXXV) «Вопрос Комиссии т. Косыгина А. Н.» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 654. Л. 157; Постановление Президиума ЦК КПСС от 27.04.1965 (П200/92) «Вопрос Комиссии т. Косыгина А. Н.» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 676. Л. 160.

⁷ Постановление Президиума ЦК КПСС от 26.02.1965 (П193/IV) «Об улучшении руководства оборонными отраслями промышленности» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 631. Л. 125.

вопросами: объединением разделенных местных парткомитетов и решением проблем в сельском хозяйстве. Ни в своих дневниковых записях, ни в выступлениях перед соратниками с января по апрель 1965 года Брежнев не поднимал вопросов, связанных с развитием промышленности, отдавая практически всё свое внимание решению сельскохозяйственных проблем и подготовке к мартовскому Пленуму ЦК КПСС [Пермяков и др., 2022. 139–141]. Аппарат ЦК в конце 1964 — первой половине 1965 года находился в стадии реорганизации: происходило объединение различных территориально-производственных отделов в единые структуры и ликвидация отраслевых бюро. Показательно, что ни один из заведующих промышленными отделами ЦК не привлекался к работе в комиссии Косыгина.

Только через месяц после мартовского пленума партийный аппарат начинает фокусироваться на промышленности. 20 апреля 1965 года в ЦК состоялось совещание, на котором председатель Совета Министров изложил основные тезисы будущей административной реформы. Стенограмма заседания не велась, не сохранился и текст доклада Косыгина — есть только краткая запись этого заседания, которая позволяет понять, в чем заключались основные предложения руководителя правительства и как на них отреагировал Брежнев.

Косыгин предложил упразднить совнархозы и вернуться к отраслевому принципу управления промышленностью. Все предприятия должны были перейти в подчинение десяти союзно-республиканских министерств: (1) металлургической, (2) угольной, (3) химической, (4) нефтедобывающей, (5) лесной и целлюлозно-бумажной, (6) приборостроения, (7) автомобильной, (8) легкой и (9) пищевой промышленности, а также (10) тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения. Председатель правительства предложил существенно повысить роль Госплана — это должен был стать главный орган, отвечающий за выполнение плановых показателей в промышленности, имеющий разветвленную сеть республиканских госпланов. Госплан превращался в единственный орган, понимающий всю гамму сложных межрайонных экономических связей. Косыгин также предложил преобразовать Комитет по координации научно-исследовательских работ в Комитет по науке и технике, а комитеты по культурным связям, печати и кинематографии упразднить, превратив их в управления в соответствующих министерствах⁸. Таким образом, первоначальный проект Косыгина предполагал фактически возвращение к позднесталинской системе управления промышленностью.

⁸ Краткая запись сообщения т. Косыгина А. Н. о работе Комиссии по подготовке предложений о структуре управления промышленностью от 20.04.1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 669. Л. 17.

Показательно, что в самую последнюю очередь в своем докладе Косыгин затронул вопросы экономического стимулирования, но лишь в разрезе материальной заинтересованности руководителей предприятий и создания специальных фондов (материального поощрения рабочих и служащих, социально-культурных мероприятий, развития производства). Вероятно, появление в докладе упоминаний об экономическом стимулировании было связано с тем, что 14 апреля, то есть меньше чем за неделю до совещания в ЦК, состоялось заседание Президиума Совета Министров. На нем обсуждались вопросы труда и заработной платы, а также опыт работы при переходе на пятидневную рабочую неделю. Именно на этом правительственном заседании было решено создать группу из ученых, инженеров, экономистов и работников предприятий, занимавшихся вопросами организации труда, чтобы «всесторонне изучить состояние дела с производительностью труда и вырабатывать меры по коренному решению поставленной задачи»⁹.

Брежнев, подводящий итоги совещания в ЦК, в целом одобрил предложения Косыгина, но высказался осторожно: «Работу комиссии т. Косыгина не торопить, срок не определять, готовить вопросы серьезно и вдумчиво, после чего подготовленные предложения внести на рассмотрение ЦК КПСС и Совета Министров СССР»¹⁰. Сдержанную оценку первого секретаря можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в докладе четко не прозвучали принципы организационного управления, а именно каким образом должны были взаимодействовать министерства и подчиненные ему предприятия — напрямую или через посредников в виде трестов и объединений. Косыгин, по всей видимости, склонялся к первому варианту, Брежнев — ко второму. Во-вторых, председатель правительства ничего не сказал о региональных властях. Вместе с тем имелось в виду изъятие из ведения регионов управления промышленностью, но при этом ничего не предлагалось взамен. Брежнев, авторитет которого во многом держался на региональных руководителях, остался неудовлетворен таким проектом. Наконец, речь шла о том, чтобы подчинить все отрасли тяжелой промышленности правительству. Говоря короче, это означало, что с учетом оборонных отраслей фактически две трети советской экономики переходило бы под прямой контроль Совета Министров, а значит, реальная власть сосредотачивалась в руках правительства, а не ЦК. Наконец, можно предположить, что Брежнева не устроил консервативный подход председателя правительства: после либерализации в сельскохозяйственной сфере возвращение к позднесталинской

⁹ Выписка из постановления заседания Президиума Совета Министров СССР от 14.04.1965 «Доклад Комиссии по вопросам труда и заработной платы» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 35. Л. 137.

¹⁰ Там же. Л. 18.

системе управления промышленностью выглядело странно. Осторожная оценка проекта Косыгина была явным намеком со стороны ЦК КПСС, чтобы правительственный аппарат отошел от столь ярко выраженного консервативного консенсуса в реформе.

3. Второй этап разработки проекта изменения управления промышленностью (май — октябрь 1965 года)

Формально комиссия Косыгина не была распущена, но фактически вплоть до середины июня приостановила свою работы. Вместе с тем в ЦК стали более внимательно изучать проекты по изменению системы управления промышленностью и привлекали не независимых от комиссии экспертов. Одним из таких экспертов стал председатель Госкомитета по химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР Николай Константинович Байбаков. 26 июня 1965 года он направил Брежневу развернутую записку, где подробно изложил свои представления о реформе управления промышленностью¹¹. Вероятно, записка была подготовлена по личному запросу первого секретаря ЦК КПСС, с тем чтобы лучше понять основные направления реформы. Поэтому с этим документом не был ознакомлен ни один из членов Президиума ЦК, в том числе и Косыгин¹².

Точка зрения Байбакова интересна тем, что он был в 1955–1957 годах председателем Госплана СССР и высказывался критически о хрущёвских проектах создания совнархозов, отстаивал необходимость сохранения централизованных министерств. В 1965 году Байбаков поддерживал правительственный подход в административной реформе, но с определенными нюансами. Николай Константинович считал оптимальным возвращение к отраслевым министерствам, так как эффективность совнархозов уменьшилась из-за невозможности оперативно обновлять промышленную базу, замкнутости экономических районов в подготовке и обеспечении кадров и в целом из-за снижения «дисциплины и ответственности» перед директивными органами за выполнение плановых показателей. По мнению Байбакова, возвращение к системе отраслевых министерств способно было обеспечить «комплексное планирование и нормальное развитие отрасли, маневрирование материальными и трудовыми ресурсами и возможностью сосредоточить их на решающих участках»¹³.

¹¹ Записка министра СССР Н. Байбакова в ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу от 28.06.1965 № Пр.217-13 // РГАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 213. Л. 31–41.

¹² Записка Байбакова хранилась в секретариате первого секретаря у его помощника Виктора Андреевича Голикова.

¹³ Записка министра СССР Н. Байбакова в ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу от 28.06.1965 № Пр.217-13 // РГАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 213. Л. 32.

Вместе с тем Байбаков прекрасно понимал, что вернуться к системе сталинских сверхцентрализованных министерств, на чем фактически настаивал Косыгин на апрельском совещании, в середине 1960-х годов было затруднительно. Централизованные министерства имели свои недостатки: ведомственность и обособленность, параллелизм в деятельности местных снабженческих, ремонтных и иных хозяйственных организаций. Совнархозы устранили эти недостатки и создали межотраслевую кооперацию из предприятий и обслуживающих хозяйств. Опыт такой «разумной межотраслевой кооперации в пределах экономических районов» Байбаков предлагал использовать и в дальнейшем¹⁴.

Байбаков не дал ответа, как министерствам наиболее эффективно управлять предприятиями, но настаивал на том, чтобы увеличить права не только министров, но и руководителей предприятий. При этом центральные аппараты министерств должны были оставаться малочисленными. Управлять министерствами Байбаков предлагал через отраслевые бюро Совета Министров или через аппарат ВСНХ.

Особое внимание в записке Байбаков уделил Госплану. Он настаивал на усилении его роли в системе принятия экономических решений. Этот орган должен был не только отвечать за планирование, следить за корректным выполнением планов, но и получить широкие права в области материально-технического снабжения. При этом конкретными вопросами распределения ресурсов должен был заниматься восстановленный Госнаб — всесоюзный орган снабжения, ликвидированный в марте 1953 года.

С середины июля работа комиссии Косыгина активизируется. Можно лишь предположить, что состоялось еще одно незапротоколированное совещание с участием Брежнева и Косыгина, на котором было принято решение о возобновлении работы комиссии. Так, уже в конце июля правительство создает Госкомитет цен при Госплане СССР, который обеспечивал единство ценовой политики «во всех отраслях и звеньях советской экономики»¹⁵. Новый госорган должен был подготовить предложения по оптовым ценам в промышленности. Предварительные проекты поступали для обсуждения в профильные отделы аппарата ЦК.

Наконец, в конце августа 1965 года комиссия Косыгина направляет в ЦК три записки: об улучшении управления промышленностью, об улучшении экономического стимулирования промышленного производства и об увеличении прав республиканских

¹⁴ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 213. Л. 37.

¹⁵ Постановление Президиума ЦК КПСС от 28.07.1965 (П 205/II) «Об образовании Государственного комитета цен при Госплане СССР» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 697. Л. 10.

органов госуправления в области планирования, строительства, финансирования, труда и заработной платы. Основной стала первая записка. В ней предложения по проведению реформы были изложены более четко и подробно, чем в остальных документах, где сохранялось широкое поле для различных трактовок.

Комиссия Косыгина пришла к однозначному выводу о восстановлении отраслевого принципа управления. Все совнархозы ликвидировались, а управление промышленностью переходило в ведение министерств. На первый взгляд кажется, что августовский проект не отличался от апрельского. Однако если ранее Косыгин настаивал на том, чтобы предприятия непосредственно подчинялись министерствам, то в новом проекте предприятия оставались в ведении союзных республик, тогда как министерства должны были «сосредоточить основное внимание на вопросах эффективности производства, осуществления мер по ускорению технического прогресса и улучшению технико-экономических показателей соответствующих отраслей промышленности». В свою очередь, министерства (или в отдельных случаях — управления) в союзных республиках непосредственно руководили оперативной производственно-технической и хозяйственной деятельностью предприятий. Члены комиссии отметили, что в будущем необходимо развивать прямые связи между предприятиями-изготовителями и предприятиями-потребителями, переходить к снабжению отдельными материалами и оборудованием через территориальные снабженческо-сбытовые базы путем оптовой торговли. Но о том, когда должно наступить это будущее, авторы записки умолчали¹⁶.

Всего на базе существующих госкомитетов при ВСНХ и Госплане предполагалось создать семнадцать министерств: восемь союзно-республиканских, руководивших отраслями через одноименные министерства в союзных республиках, и девять общесоюзных, непосредственно руководивших отраслями. В регионах управление предприятиями, отнесенными к общесоюзным министерствам, осуществлялось через территориальные тресты, комбинаты и отраслевые производственные объединения. Единственное исключение было сделано для медицинской промышленности — она была полностью подчинена Министерству здравоохранения.

Предполагалось создание следующих союзно-республиканских министерств: черной металлургии, цветной металлургии, угольной промышленности, химической промышленности, нефтедобывающей промышленности, нефтеперерабатывающей и нефте-

¹⁶ Записка «Об улучшении управления промышленностью» А. Косыгина, И. Подгорного, Д. Полянского и др. от 23.08.1965 // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 750. Л. 9.

химической промышленности, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, промышленности строительных материалов, легкой промышленности, пищевой промышленности. Девять общесоюзных министерств отвечали только за машиностроительную отрасль. Речь шла о следующих министерствах: (1) тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения, (2) станкостроительной и индустриальной промышленности, (3) строительного, дорожного и коммунального машиностроения, (4) тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, (5) автомобильной промышленности, (6) химического и нефтяного машиностроения, (7) электротехнической промышленности, (8) приборостроения, средств автоматизации и систем управления, (9) производство машин для легкой и пищевой промышленности¹⁷.

Создание такого большого числа машиностроительных общесоюзных министерств объяснялось спецификой отрасли, а именно тем, что «производство продукции машиностроения основано на базе широкой специализации, кооперирования и тесных производственных взаимосвязей между предприятиями, необходимостью проведения единой технической политики в масштабе отрасли по созданию наиболее передовых конструкций и машин, унификации производства приборов, оборудования, деталей и узлов машин и объединения в этих целях в едином органе предприятий, конструкторских бюро, научно-исследовательских и проектных организаций, распыленных в настоящее время по многим экономическим районам»¹⁸.

Все министерства подчинялись Совету Министров СССР, поэтому упразднялись не только совнархозы, но и ВСНХ СССР. Из последней структуры выделялся Госплан, который отвечал как за планирование в экономике, так и за распределение материальных ресурсов. Предполагалось, что министерства становились главными фондодержателями материально-технических ресурсов, распределяли их между подведомственными потребителями, но сами эти ресурсы министерства могли получить только через решения Госплана. Таким образом, Госплан превращался в один из ключевых институтов не только экономической, но и политической системы СССР. При этом сформировавшаяся при совнархозах сеть специализированных и универсальных баз и складов теперь переходила в подчинение не министерств, а Государственного комитета Совета Министров по материально-техническому снабжению (Госснаба) и его территориальных управлений. Таким образом, на союзном уровне предлагалась следующая управленческая структу-

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 750. Л. 11.

¹⁸ Там же. Л. 16.

ра: министерства были ответственны за потребности своих подведомственных предприятий, контролировали размещение и исполнение заказов, выполнение плановых показателей, но остались без ресурсной базы, будучи зажатыми между Госпланом и Госснабом. Поэтому административная эффективность новых министерств, как показала жизнь, оказалась не слишком высокой.

За республиканскими органами оставались большие права в области планирования, строительства и финансирования. Например, республики могли использовать для своих нужд до 50% сверхплановой продукции, перераспределять до 5% средств, выделяемых на капитальное строительство. Регионы могли самостоятельно решать отдельные вопросы из социальной сферы, в частности реконструировать и расширять школы, училища, дома культуры, увеличивать количество дошкольных учреждений и койко-мест в больницах. Местные власти даже получали в свои руки небольшую символическую власть, а именно утверждать совместно с республиканскими советами профсоюзов условия соцсоревнований между областями (краями), городами и районами в области благоустройства и культурно-бытового обслуживания населения и награждать победителей переходящими Красными знаменами¹⁹.

Комиссия предложила и другие преобразования в управленческой сфере. На базе оставшихся госкомитетов создавались еще пять союзно-республиканских (по энергетике и электрификации, по рыбному хозяйству, по монтажным и специальным строительным работам, по торговле и по геологии) и два общесоюзных (по газовой промышленности и по транспортному строительству) министерства. Отдельные структуры, ранее относившиеся к СНХ или ВСНХ, передавались министерствам. Например, Союзглавлегпромсырьё переходил в ведение Министерства легкой и пищевой промышленности, Союзглавкомплект (занимался распределением оборудования, приборов, кабельных и иных изделий) оказался разделен между производственными министерствами. Преобразования коснулись Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ. Он не только был переименован в Госкомитет по науке и технике — на него теперь возлагалась ответственность совместно с АН СССР готовить предложения по всем основным отраслям развития науки и техники, а также осуществлять координацию с зарубежными странами по этим же вопросам. Единственной отраслью, которая не была до конца разработана комиссией, осталось строительство. Члены комиссии ограничились только предложением о преобразовании Госстроя в союзно-республиканский орган.

¹⁹ Постановление Президиума ЦК КПСС от 02.09.1965 (П212/V) «О передаче дополнительно на решение Советов Министров союзных республик вопросов хозяйственного и культурного строительства» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 751. Л. 8–19.

Все эти записки поступили на рассмотрение руководителей партийных и государственных органов, а также местных властей. Показательно, что региональные власти, которые, казалось, должны были представить больше всего замечаний на проект об изменении системы управления промышленностью, основное внимание уделили предложениям об экономическом стимулировании и передаче дополнительных прав региональным советам министров. Единственным, кто представил свои замечания, стал секретарь ЦК и заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС Фёдор Давыдович Кулаков. Он ограничился лишь сельскохозяйственной сферой и предложил создать союзно-республиканское Министерство мясной и молочной промышленности и преобразовать Госкомитет по орошаемому земледелию и водному хозяйству в полноценное Министерство водного хозяйства СССР²⁰.

На сентябрьском Пленуме ЦК 1965 года, где обсуждались предложения комиссии, изменения системы управления промышленностью не вызвали каких-то острых дискуссий. Из дополнительных предложений стоит отметить только заявление первого секретаря Магаданского обкома Павла Яковлевича Афанасьева о создании комитета по золотой, алмазной и платиновой промышленности при Совмине. Свое предложение Афанасьев мотивировал очень просто: «Сырьевые запасы по золоту у нас колоссальные»²¹.

Окончательные изменения после пленума были утверждены 30 сентября Президиумом ЦК КПСС²², а 3 октября Закон о новой системе был опубликован в «Правде»²³. На следующий день решением членов Президиума была образована новая комиссия под руководством Мазурова, которой предстояло в течение нескольких месяцев согласовать структуру и штаты новых министерств, а также учесть предложения региональных властей по организации управления промышленностью в республиках²⁴. Началось очередное перераспределение властных полномочий в центре и на местах.

²⁰ Замечания Ф. Кулакова к запискам и проектам постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 20.09.1965 // РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 789. Л. 23–26.

²¹ Стенограмма второго (вечернего) заседания пленума ЦК КПСС. 27.09.1965 // РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 799. Л. 111.

²² Постановление Президиума ЦК КПСС (П215/56) от 30.09.1965 «О проекте закона Союза ССР «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 768. Л. 1–3.

²³ Правда. 1965. 3 октября. № 276. С. 1.

²⁴ Постановление Президиума ЦК КПСС от 04.10.1965 (П 215/134) «Об образовании Комиссии для рассмотрения структуры и штатов союзных и союзно-республиканских министерств и предложений ЦК компартий и Советов министров союзных республик об организации управления промышленностью в республиках» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 776. Л. 105–107.

4. Основные выводы

Байбаков, рассуждая в своих мемуарах о провале косыгинской реформы, считал, что одна из главных его причин была связана с нерешенностью вопроса о разграничении прав центральных и региональных органов власти. «Средства, доходная часть бюджета ушли на предприятия, а расходы остались за государством», — писал руководитель Госплана СССР [Байбаков, 2011. С. 168]. Причины этого довольно просты: функции новых министерств оказались урезанными в пользу региональных властей. Это во многом объясняет тот факт, почему местные власти без дискуссий приняли новые экономические реалии после отставки Хрущёва. Кроме того, новые министерства на местах столкнулись с массой проблем, доставшихся им в наследство от совнархозов: от незавершенных строек крупных объектов и социальной инфраструктуры до огромных убытков предприятий по основной деятельности. Однако теперь все эти проблемы ложились на плечи центральных органов власти.

Отсутствие сопротивления очередному изменению системы управления промышленностью можно объяснить, во-первых, тем, что никаких иных альтернатив не предлагалось. Проекты по управлению промышленностью не выходили за рамки сложившейся экономической парадигмы, где все рычаги управления находились в руках государства. Более того, многие первоначальные инициативы Косыгина опирались на опыт управления промышленностью позднего сталинизма и представляли собой консервативный, а не реформаторский подход. Во-вторых, в советской экономической системе всегда наблюдалось доминирование политики над экономикой. Брежнев в январе 1966 года при обсуждении на Президиуме ЦК очередного пятилетнего плана вдруг задался вопросом: «А что такое план?» И сам же на него ответил: «Это экономика и политика»²⁵. Первый секретарь ЦК и аппарат ЦК КПСС понимали, что, с одной стороны, проще контролировать более слабые в административном отношении министерства, а с другой — важно оставить за регионами большой объем управленческих прав в руководстве промышленностью. Принцип «разделяй и властвуй», применявшийся Хрущёвым в управлении промышленностью с 1957 года, несмотря на всю критику «дорогого Никиты Сергеевича», будет успешно использоваться его бывшими соратниками по партии в дальнейшем. В итоге изменения носили двойственный характер: формально

²⁵ Стенограмма выступлений на заседании Президиума ЦК КПСС 27, 28 января 1966 года «О проекте директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-70 гг.» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 946. Л. 73.

провозглашенный переход к централизованной системе фактически сочетался с дальнейшим усилением децентрализации управления промышленностью.

Литература

1. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век: в 5 т. Т. 5: Драматический кризис в конце столетия. М.: ИздАТ, 2003.
2. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
3. Водичев Е. Г. Реорганизация системы управления экономикой в период «хрущевского десятилетия»: намерения и результаты // Экономическая история: ежегодник. 2023. Т. 2022. С. 402–432.
4. Голанд Ю. М., Некипелов А. Д. Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 44–66.
5. Зубкова Е. Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 74–88.
6. Козлова С. В., Братченко С. А. Реформирование механизмов управления государственным имуществом в условиях новых вызовов: исторический опыт косыгинской реформы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 2. С. 53–75. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_53_75.
7. Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: ИРИ РАН, 2020.
8. Кузьмичев И. П., Липкин М. А. Косыгинская реформа как «окно возможностей» для научно-технологического рывка СССР? // История. 2022. Т. 13. Вып. 7(117). <https://history.jes.su/s207987840022366-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840022366-1.
9. Лазарева Л. Н. Экономическая дискуссия 1962–1964 гг.: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. № 3. С. 453–456. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).453-466.
10. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года в контексте проблемы многофакторности причин распада СССР // Исторический курьер. 2022. № 4(24). С. 32–44. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-3.
11. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: Московский государственный областной университет, 2021.
12. Латов Ю. В., Нуреев Р. М. «Косыгинские» реформы в контексте советских политико-экономических циклов // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 488–504. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).488-504.
13. Мау В. А. Экономика развитого социализма: опыт и уроки // Вопросы экономики. 2024. № 11. С. 90–119. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-11-90-119.
14. Некрасов В. Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ РАН, 2019.
15. Орлов Д. С. Экономические преобразования середины 1960-х гг. в СССР: современная оценка исторического опыта // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 30–34. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-30-34.
16. Пермяков И. А., Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. После Хрущева: деятельность Президиума ЦК КПСС в октябре 1964 – июне 1965 г. по записям В. Н. Малина // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 137–153. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153.
17. Пивоваров Н. Ю., Симонов М. А. Советское руководство и разработка совнархозной реформы: от идей к реализации (1953–1957 гг.) // Уральский исторический вестник. 2024. № 1. С. 108–118. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-108-118.
18. Сафронов А. В. Большая советская экономика: 1917–1991. М.: Individuum, 2024.

19. Соболев Э. Н. Косыгинские реформы – невыученный урок истории // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 149–154. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-8-149-154.
20. Feygin Y. Building a Ruin. The Cold War Politics of Soviet Economic Reform. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2024.
21. Ironside K. A Full-Value Ruble: The Promise of Prosperity in the Postwar Soviet Union, 1945–1964. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021.
22. Khlevniuk O. Decentralizing Dictatorship: Soviet Local Governance During World War II // The Russian Review. 2018. Vol. 77. No 3. P. 470–484.
23. Popov A. A., Kochetkova E. Being Together, Growing Affluence: Institutions of Integration and the Making of Technological Power in the Comecon // Europe-Asia Studies. 2024. Vol. 76. No 10. P. 1503–1525.

References

1. Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek: v 5 t. [Economic History of Russia: The Twentieth Century, in 5 vol.]. Vol. 5: Dramaticheskiiy krizis v kontse stoletiya [A Dramatic Crisis at the End of the Century]*. Moscow, Izdat, 2003, vol. 5, p. 40. (In Russ.)
2. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921–1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921–1985]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
3. Vodichev E. G. Reorganizatsiya sistemy upravleniya ekonomikoy v period “khrushchevskogo desyatiletiya”: namereniya i rezul’taty [Reorganization of the System of Economic Management During the Years of the “Khrushchev Decade”: Intentions and Results]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik [Economic History: Yearbook]*, 2023, vol. 2022, pp. 402–432. (In Russ.)
4. Goland Yu. M., Nekipelov A. D. Kosygin’skaya reforma: upushchennyy shans ili mirazh? [Kosygin Reform: A Missed Chance or a Mirage?]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 2010, no. 6, pp. 44–66. (In Russ.)
5. Zubkova E. Yu. Opyt i uroki nezavershennykh povorotov 1956 i 1965 gg. [Experience and Lessons of the Unfinished Turns of 1956 and 1965]. *Voprosy istorii KPSS [Questions of the History of the CPSU]*, 1988, no. 4, pp. 74–88. (In Russ.)
6. Kozlova S. V., Bratchenko S. A. Reformirovanie mekhanizmov upravleniya gosudarstvennym imushchestvom v usloviyakh novykh vyzovov: istoricheskiy opyt kosygin’skoy reformy [Reforming State Property Administration Mechanisms in the Context of New Challenges: Historical Experience of Kosygin Reform]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 2022, no. 2, pp. 53–75. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_53_75. (In Russ.)
7. Kruglov V. N. *Organizatsiya territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezul’taty [Organization of the Territory of Russia in 1917–2007: Ideas, Practice, Results]*. Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2020. (In Russ.)
8. Kuzmichev I. P., Lipkin M. A. Kosygin’skaya reforma kak “okno vozmozhnostey” dlya nauchno-tekhnologicheskogo ryvka SSSR? [The Kosygin Reforms: A “Window of Opportunity” for the Soviet Scientific and Technological Breakthrough?]. *Istoriya [History]*, 2022, vol. 13, iss. 7(117). <https://history.jes.su/s207987840022366-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840022366-1. (In Russ.)
9. Lazareva L. N. Ekonomicheskaya diskussiya 1962–1964 gg.: vyrabotka ideologii “kosygin’skoy” reformy [1962–1964 Economic Discussion: Development of Kosygin’s Reform Ideology]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics]*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 453–456. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).453-466. (In Russ.)
10. Lazareva L. N. Ekonomicheskaya reforma 1965 goda v kontekste problemy mnogofaktornosti prichin raspada SSSR [Economic Reform of 1965 in the Context of the Problem of Multifactorial Causes of the Collapse of the USSR]. *Istoricheskiy kur’er [Historical Courier]*, 2022, no. 4(24), pp. 32–44. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-4-3. (In Russ.)

11. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya reforma 1965 goda: predposylki, khod, itogi* [Economic Reform of 1965: Prerequisites, Course, Results]. Moscow, Moscow State Regional University, 2021. (In Russ.)
12. Latov Yu. V., Nureev R. M. "Kosygin'skie" reformy v kontekste sovetskikh politiko-ekonomicheskikh tsiklov [Kosygin's Reform in the Context of Soviet Political-Economic Cycles]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya* [Journal of Economic History & History of Economics], 2016, vol. 17, no. 3, pp. 488-504. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).488-504. (In Russ.)
13. Mau V. A. *Ekonomika razvitogo sotsializma: opyt i uroki* [Economic System of Developed Socialism: Experience and Lessons]. *Voprosy ekonomiki*, 2024, no. 11, pp. 90-119. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-11-90-119. (In Russ.)
14. Nekrasov V. L. "Dilemma Khrushcheva": reformy Gosplana SSSR, neftekhimicheskiiy proekt i vyzovy kholodnoy voyny (vtoraya polovina 1950-kh - pervaya polovina 1960-kh gg.) ["Khrushchev's Dilemma": Reforms of the USSR State Planning Committee, the Petrochemical Project and the Challenges of the Cold War (Second Half of the 1950s - First Half of the 1960s)]. Moscow, IWH RAS, 2019. (In Russ.)
15. Orlov D. S. *Ekonomicheskie preobrazovaniya serediny 1960-kh gg. v SSSR: sovremennaya otsenka istoricheskogo opyta* [Economic Transformations of Mid-1960's in the USSR: Modern Assessment of Historical Experience]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity], 2020, vol. 5, no. 3, pp. 30-34. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-30-34. (In Russ.)
16. Permyakov I. A., Dzhalilov T. A., Pivovarov N. Yu. *Posle Khrushcheva: deyatelnost' Prezidiuma CK KPSS v oktyabre 1964-iyune 1965 g. po zapisyam V. N. Malina* [After Khrushchev: Activities of the Presidium of the Central Committee of the CPSU in October 1964 - June 1965 According to V. N. Malin's Notes]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2022, no. 1, pp. 137-153. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-137-153. (In Russ.)
17. Pivovarov N. Yu., Simonov M. A. *Sovetskoe rukovodstvo i razrabotka sovnarkhozhnoy reformy: ot idey k realizatsii (1953-1957 gg.)* [Soviet Leaders and the Development of the Sovnarkhoz Reform: From Ideas to Realization (1953-1957)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2024, no. 1, pp. 108-118. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-108-118. (In Russ.)
18. Safronov A. V. *Bol'shaya sovetskaya ekonomika: 1917-1991* [Big Soviet Economy: 1917-1991]. Moscow, Individuum, 2024. (In Russ.)
19. Sobolev E. N. *Kosygin'skie reformy - nevyuchennyy urok istorii* [Kosygin's Reforms: Unlearned Lesson of History]. *Voprosy ekonomiki*, 2009, no. 8, pp. 149-154. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-8-149-154. (In Russ.)
20. Feygin Y. *Building a Ruin. The Cold War Politics of Soviet Economic Reform*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2024.
21. Ironside K. *A Full-Value Ruble: The Promise of Prosperity in the Postwar Soviet Union, 1945-1964*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2021.
22. Khlevniuk O. *Decentralizing Dictatorship: Soviet Local Governance During World War II*. *The Russian Review*, 2018, vol. 77, no. 3, pp. 470-484.
23. Popov A. A., Kochetkova E. *Being Together, Growing Affluence: Institutions of Integration and the Making of Technological Power in the Comecon*. *Europe-Asia Studies*, 2024, vol. 76, no. 10, pp. 1503-1525.

60 лет косыгинской реформе

Экономические эксперименты в химической отрасли СССР (1965–1970 годы)

Алексей Алексеевич Попов

ORCID: 0000-0001-5737-4079

Кандидат исторических наук, исследователь,
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
(РФ, 620108, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16)
E-mail: aa.popov@hse.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу экономических экспериментов в СССР, направленных на повышение производительности труда через материальное стимулирование работников, с особым акцентом на решения государственных органов после начала косыгинской реформы в середине 1960-х годов. Сложность заключается в оценке эффективности этих экспериментов, их потенциала для трансформации плановой экономики и влияния политико-экономического контекста на их реализацию. Автор рассматривает ключевые инициативы (карповский, щёкинский и башкирский эксперименты), уделяя внимание их разработке, внедрению и последствиям. Исследование основано на архивных материалах Министерства химической промышленности, Совета Министров СССР, Секретариата ЦК КПСС, а также документах предприятий, периодической печати и воспоминаниях директоров. На основе анализа процесса согласования и разработки экономических экспериментов в химической отрасли в статье сделан вывод о том, что эти эксперименты были в значительной степени политически мотивированными проектами. При этом, несмотря на их декларируемую успешность, они были в значительной степени ограничены политическими и бюрократическими факторами. Их реализация часто носила формальный характер, и результаты зависели от технологической модернизации, а не от системных изменений. Автор ставит под сомнение утверждение о свертыивании экспериментов из-за страха роста безработицы, утверждая, что они изначально проектировались с ограниченным потенциалом для реализации.

Ключевые слова: советская экономика, щёкинский эксперимент, карповский эксперимент, косыгинская реформа, советский химический проект

JEL: N44

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00990 «Технологическое обновление советской промышленности (1950-е – 1980-е гг.): стратегии, механизмы, социальные эффекты (2025–2027)». <https://rscf.ru/project/25-18-00990/>.

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Soviet Attempts to Offer Material Incentives to Workers in the Chemical Industry (1965–1970)

Aleksei A. POPOV

ORCID: 0000-0001-5737-4079

Cand. Sci. (Hist.), Research Fellow, Institute of History and Archaeology,
the Ural Branch of Russian Academy of Science,^a e-mail: aa.popov@hse.ru

^a 16, Sofii Kovalevskoy ul., Ekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620108, Russian Federation

Abstract

The article analyzes USSR economic experiments aimed at increasing labor productivity by providing material incentives to workers and focuses in particular on such reforms during the late 1960s. The effectiveness of these experiments, their potential to transform the Soviet planned economy, and the impact of the political and economic context on their implementation are assessed. The author examines key initiatives (specifically, the Karpov, Shchekino and Bashkir programs) in order to understand their design, implementation, and consequences. The study is based on archival materials of the Ministry of the Chemical Industry, the USSR Council of Ministers, and the Secretariat of the CPSU Central Committee, as well as on documents from enterprises and periodicals. The analysis indicates that these economic experiments, despite their loudly proclaimed success, were undermined by political and bureaucratic factors. Their implementation was often merely formal, and any positive outcomes were due more to technological modernization than systemic change. The article also questions the claim that mass layoffs were the decisive reason for discontinuing the experiments and instead maintains that they were curtailed because of the exhaustion of resources and changing economic conditions.

Keywords: Soviet economy, Shchekino experiment, Karpov Institute experiment, Kosygin reform, Soviet chemical project

JEL: N44

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00990 "Technological Renewal of Soviet Industry (1950s–1980s): Strategies, Mechanisms, Social Effects (2025–2027)." <https://rscf.ru/project/25-18-00990/>.

Введение

В преддверии шестидесятилетнего юбилея косыгинской реформы возобновились споры о существовавших вариантах развития советской экономики. Эта дискуссия давно вышла за пределы научного сообщества, формируя особое поле рассуждений об упущенном шансе развития СССР [Стась, 2025]. Одной из главных тем для обсуждения является материальное стимулирование рабочих как инструмент повышения производительности труда и заинтересованности советских граждан в своей работе.

Низкая производительность труда традиционно считается одним из ключевых факторов постепенного отставания СССР в темпах роста во второй половине XX века [Hanson, 2014]. Советское руководство было в курсе этой проблемы уже с конца 1950-х годов и искало различные варианты ее решения [Карпунин, 2007]. Однако десятилетия попыток внедрения более продуктивных форм организации труда и материального стимулирования от инициатив Георгия Максимилиановича Маленкова до реформ Юрия Владимировича Андропова и преобразований перестройки не дали ожидаемого эффекта [Davies, 2010]. Долгое время в историографии преобладала точка зрения, что ключевой преградой на пути повышения эффективности было доминирование политической воли над экономической рациональностью, что тормозило удачные инициативы, появлявшиеся в советском народном хозяйстве [Gregory, 1990; Hohmann, 1986]. В качестве наиболее яркого примера исследователи (как правило, политические историки) приводили судьбу косыгинской реформы второй половины 1960-х годов [Сафронов, 2025; Feygin, 2024].

Традиционная интерпретация предполагает, что возвращение отраслевых министерств вместо совнархозов, повышение автономии предприятий за счет расширения системы хоздоговоров и возможностей премирования рабочих, а также сокращение плановых показателей позитивно повлияли на ускорение темпов роста советской экономики, которые достигли пика в период восьмой пятилетки. Сторонники такого подхода утверждают, что отказ от реформы в конце 1960-х — начале 1970-х годов в результате политической борьбы между Леонидом Ильичом Брежневым и Алексеем Николаевичем Косыгиным способствовал снижению потенциала роста советской экономики и отходу от «экономически обоснованного» пути трансформации плановой экономики [Белоусов, 2003. С. 47]. Подобные концепции, как правило, основываются на том факте, что снижение темпов роста советской экономики началось сразу после сворачивания

реформы [Нуреев, 2017. С. 13–14]. Проблема заключается в том, что наиболее впечатляющие результаты восьмой пятилетки показали наукоемкие отрасли (например, химическая, целлюлозно-бумажная, нефтехимическая), где в 1965–1969 годах был введен целый комплекс новых производств, инициированных еще в предыдущие пятилетки. Вопрос о том, оказали ли реформы управления и материального стимулирования 1965 года большее влияние на рост производительности труда или прибыли предприятий, чем другие, не связанные с административными преобразованиями факторы (пуск новых цехов, изменение технологий производства, формирование советской культуры потребления и т. д.), остается открытым.

В значительной степени популярность тезиса об эффективности косыгинской реформы основывалась на воспроизведении широко тиражировавшихся примеров успешного повышения производительности труда: злобинской бригады, карповского или щёкинского экспериментов. Парадоксальным образом они стали одним из поводов для появления дискурса об «упущенных возможностях» в начале 1980-х годов, когда вслед за идеологами публицисты провозгласили эти эксперименты успешным примером реформирования советской экономики, но обвинили партийные власти в отказе от реформ из-за косности и бюрократической предвзятости [Валовой, 1991]. До сих пор некоторые авторы некритично воспроизводят миф о том, что, например, отмена щёкинского эксперимента была связана с массовыми увольнениями, которые напугали партийное руководство потенциальной проблемой роста безработицы.

Повторяясь из работы в работу на протяжении десятилетий, эти эксперименты оставались фактически вне поля критического осмысления. Однако в последние годы ситуация изменилась. Появился ряд специальных исследований о попытках усиления материального стимулирования ученых [Долгова, 2025; Пинаева, Салахутдинова, 2024; Kochetkova, 2022]. Была защищена диссертация по истории щёкинского эксперимента, которая существенно расширила представления о роли государственных комитетов Совета Министров, министерств и дирекций заводов во внедрении научной организации труда [Nealy, 2022]. Но без ответов пока остается целый комплекс вопросов об экономических экспериментах. Как влияли политико-экономический контекст и межведомственные отношения на разработку условий экспериментов? Каким был вклад технологических изменений советской промышленности в реализацию этих экономических инициатив? Наконец, действительно ли экономические экспе-

рименты имели потенциал для повышения производительности всей советской экономики?

Настоящее исследование посвящено анализу опыта материального стимулирования работников в химическом секторе на примере трех экономических экспериментов: карповского, щёкинського и башкирского. Выбор химической промышленности обусловлен ее особой ролью в советской экономике 1950–1960-х годов как одной из крупнейших и наиболее динамично развивавшихся в этот период, а также тем, что именно в химической промышленности реализовывались три из четырех самых известных экономических экспериментов второй половины 1960-х годов. Опыт этих экспериментов был признан успешным на уровне высшего партийного руководства и популяризировался как образец для подражания в начале 1970-х годов.

Настоящее исследование основано на архивных материалах Министерства химической промышленности (собрания Российского государственного архива экономики, РГАЭ), Совета Министров СССР (Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ), рабочих записях Секретариата ЦК КПСС (Российский государственный архив новейшей истории, РГАНИ), фондах Щёкинского комбината (Государственный архив Тульской области, ГАТО) и предприятия «Свобода» (Центральный государственный архив Москвы, ЦАГМ), материалах периодической печати, а также источниках личного происхождения (мемуарах и интервью участников событий).

1. Реформа материального стимулирования

Отставка Никиты Сергеевича Хрущёва осенью 1964 года активизировала дискуссию о путях реформирования советской экономики, в том числе за счет списания негативных явлений на правление бывшего первого секретаря ЦК КПСС. При этом стратегии развития промышленности, например за счет химизации и создания высокотехнологичных производств с использованием новейшего западного оборудования, сомнению не подвергались просто в силу отсутствия альтернатив у нового политического руководства [Пивоваров, Симонов, 2024; Guth, 2015].

Восстановление отраслевых министерств в 1965 году высветило наличие системных проблем в работе промышленных предприятий и стимулировало дискуссию о путях их решения [Некрасов, 2019]. Новые министерства не просто возвращали себе на баланс предприятия, которые им подчинялись до 1958 года, но также получали значительное число совершенно новых объектов, строительство или модернизация которых были запущены в годы

семилетки в совнархозах, но в большинстве случаев еще продолжались. Это усиливало риски для новых министерств. Там, где раньше существовало множество ответственных, выстраивавших персонализированные отношения с контролирующими органами (Госпланом, Госснабом, Госкомтруда, Комитетом ЦК КПСС по экономическим вопросам и т. д.), теперь именно отраслевое министерство становилось главным ответственным, причем сразу за весь комплекс проблем в своем хозяйстве.

Министерство химической промышленности (далее — Минхимпром) оказалось в особенно непростой ситуации: новых предприятий было много, задачи химизации, зафиксированные в семилетнем плане, никто не отменял, а сама семилетка заканчивалась. Чтобы разграничить свою сферу ответственности, чиновники министерства зафиксировали унаследованные проблемы в актах передачи предприятий. Например, в случае химических комбинатов Приокского совнархоза (Новомосковского, Щёкинского, Узловского, Брянского фосфоритного) министерство почти для каждого предприятия в актах на момент передачи отмечало тяжелое финансовое положение, задержки с пуском производственных линий, значительное нарушение сроков капитального строительства, включая ввод жилья и объектов социальной инфраструктуры¹. Практически по всем предприятиям сотрудники министерства предлагали принять срочные меры, чтобы стабилизировать финансовое состояние комбинатов за счет изменения плановых показателей и повышения стоимости продукции. Высвечивая проблемы при приеме предприятий на баланс, Минхимпром стремился снять с себя часть ответственности за потенциальное невыполнение планов и иметь аргументы для получения дополнительных ресурсов, чтобы исправить ситуацию. Притом ситуация на этих комбинатах была вполне типичной для отрасли, а сами предприятия не относились к числу отстающих.

В качестве одной из ключевых причин замедления темпов роста экономики и ввода новых предприятий эксперты и чиновники Совета Министров СССР видели снижение производительности труда [Лазарева, 2016]. Для ее устранения при поддержке председателя правительства А. Н. Косыгина был разработан комплекс мер по усилению роли материального стимулирования рабочих. Серия постановлений, получившая впоследствии название косыгинской реформы, предполагала повышение эффективности производства предприятий и труда

¹ Акт передачи предприятий из Приокского совнархоза в Минхимпром СССР: Щёкинского химкомбината // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–4.

отдельных работников за счет изменения механизмов планирования и начисления фондов предприятий с учетом их прибыли. Для этого постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» в 1967–1968 годах была санкционирована апробация новых методов ведения хозяйства на нескольких избранных предприятиях [Бабкина, 2017. С. 90–91].

На первый взгляд перевод на новую систему оплаты труда был хорошо подготовлен и позволил получить быстрые результаты. Была создана специальная Межведомственная комиссия при Госплане СССР для отбора предприятий, определения нормативных показателей и разработки методических указаний [Бабкина, 2017. С. 95]. Совет Министров поручал отраслевым министерствам готовить свои предложения по переводу предприятий на новые условия с учетом методических рекомендаций Межведомственной комиссии. В свою очередь, отраслевые министерства передавали своим исследовательским институтам или комитетам по вопросам труда задачу внедрения новых условий на выбранных предприятиях. Уже к середине 1966 года на экспериментальные условия были переведены 243 предприятия, а к концу года — 700 (около 1% всех советских предприятий). В конце декабря 1966 года было принято решение начать с нового года перевод на новую систему целых отраслей². Цифры и планы были впечатляющими, но к действительности отношения имели мало.

На практике министерства подходили к реализации реформы довольно формально, а результаты реформы до сих пор являются предметом широкой дискуссии [Орусова, 2017]. В Минхимпроме вопросы перехода к новой системе оплаты труда были переданы Научно-исследовательскому институту технико-экономических исследований в химическом комплексе (НИИТЭХИМ) в дополнение к его основным функциям. НИИТЭХИМ задал общую рамку для организации перевода, но конкретные предложения по вопросам материального стимулирования (включая поиск источников для премий рабочим) запросил от бухгалтеров и экономистов выбранных заводов. Предприятия самостоятельно должны были готовить расчеты о возможном переводе их на новую систему, а затем уже сотрудники института анализировали соответствие этих расчетов различным методическим указаниям и плановым заданиям. По оценкам самих участников,

² Постановление Совета Министров СССР от 14.03.1966 № 197 «О плане организационных мероприятий по переводу промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1966. № 6. Ст. 62.

перевод предприятий проходил в спешке, был плохо организован и не обеспечен необходимыми ресурсами. Назначенные ответственными сотрудники главных управлений Минхимпрома, отраслевых институтов и предприятий выполняли расчеты в свободное от основных обязанностей время, в крайне сжатые сроки и без дополнительной оплаты, из-за чего «большая работа по внедрению новой экономической системы... не нашла должных организационных форм»³.

Неудивительно, что Минхимпром в 1966 году имел очень ограниченные успехи в рамках реализации косыгинской реформы. До конца 1966 года (к этому моменту на союзном уровне уже шла четвертая волна перевода предприятий на новые условия) руководство министерства внедрило новые условия формирования фондов оплаты и материального стимулирования лишь на 15 предприятиях. О переводе целых отраслей, как того требовал Совет Министров, с января 1967 года не могло быть и речи. Вместо этого коллегия Минхимпрома предложила ограничиться внедрением новой системы формирования зарплатных фондов еще на 26 предприятиях с января, чтобы, учитывая их опыт, в середине 1967 года начать перевод отдельных отраслей⁴.

Развитие системы материального стимулирования в 1966 году не было приоритетным направлением работы Минхимпрома. Руководство отрасли не выделило дополнительных средств на разработку этой системы и при этом достаточно часто нарушало сроки выполнения отдельных этапов внедрения системы материального стимулирования. Для 26 предприятий второй волны «материалы по переводу <на новые условия с 1 января 1967 года> были предоставлены с большим опозданием», поскольку плановые задания для них были утверждены лишь во второй половине декабря 1966 года. Для 22 предприятий из этого списка расчеты по переходу на новую систему, подготовленные на самих предприятиях, были рассмотрены в НИИТЭХИМ с 20 декабря по 1 января, еще для 4 — уже в первой половине января 1967 года. Само оформление решения о переводе тех или иных предприятий с 1 января 1967 года на новую систему было оформлено приказом министра № 120 только 15 февраля 1967 года⁵.

Основная идея перехода к новой системе стимулирования заключалась в том, чтобы конкретные предприятия могли увеличить фонд материального поощрения и использовать новые нор-

³ Техничко-экономический доклад НИИТЕХИМа «Итоги перевода 19 предприятий химической промышленности на новые условия планирования и экономического стимулирования с 01.01.1967» // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1937. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 8.

мативы для премирования инженерно-технических работников, служащих и рабочих. Предполагалось, что в среднем по группе фонд поощрения увеличится на 12,4% относительно фонда заработной платы, предусмотренного нормативами. По отдельным отраслям он планировался даже более высоким: три предприятия азотной промышленности могли рассчитывать на увеличение фонда с 13,1 до 14,3%⁶.

Главным источником роста премиального фонда и производительности труда должно было стать увеличение выпуска продукции без значительного роста числа сотрудников. Как писали авторы отчета, «при росте объема валовой продукции по уточненному плану 1967 год на 13,9% численность промышленно-производственного персонала увеличивается лишь на 3,9%, а производительность труда повышается на 10,0% против 8,7% по утвержденному плану»⁷. Переход на новую систему оплаты труда предусматривал увеличение премий работникам предприятий: для инженерно-технических работников — до 35,5% вместо 25% к сумме годовых окладов, рабочим — до 21% вместо 15,2%⁸.

Однако на расширение премиального фонда могли рассчитывать только предприятия, для которых предполагался резкий прирост прибыли в ближайшие годы. Планово убыточным предприятиям или предприятиям, которые не могли увеличить прибыль, не из чего было формировать премиальный фонд. Поэтому уже в январе 1966 года число предприятий химической промышленности, переводившихся на новую систему стимулирования, сократилось с 26 до 19, поскольку на некоторых из них «в утвержденном плане на 1967 год не предусмотрен рост объема реализации и прибыли, в связи с чем нет возможности образовать фонды поощрения, необходимые для премирования работников в установленном размере»⁹. Эксперты НИИТЭХИМ предлагали в качестве эксперимента «перевести на новые условия одно-два убыточных предприятия», но эта идея не встретила поддержки у руководства Минхимпрома.

Фактически специфика отбора предприятий для перевода на новые условия была такой, что их показатели производительности труда выросли бы даже в том случае, если бы их участие в косыгинской реформе ограничилось только зачислением в этот список. Так, в число 19 предприятий входил Щёкинский химический комбинат, на котором в конце 1966 года были приняты в эксплуатацию цеха по производству аммиака

⁶ Техничко-экономический доклад НИИТЕХИМа... Л. 14.

⁷ Там же. Л. 37.

⁸ Там же. Л. 38.

⁹ Там же. Л. 7.

и капролактама, оснащенные новейшим западноевропейским оборудованием. Выход на полную мощность итальянской линии производства аммиака осенью 1966 года позволил рассчитывать практически на удвоение показателей выпуска в 1967 году [Шаров, 1999. С. 114]. При этом, согласно расчетам, одобренным НИИТЭХИМ, Щёкинский химкомбинат для увеличения премиального фонда должен был лишь незначительно превысить плановые показатели выпуска аммиака, карбамида и капролактама (примерно на 1%)¹⁰. Производительность труда, которая рассчитывалась как стоимость продукции, деленная на число работников, например, на Щёкинском комбинате должна была вырасти уже потому, что с октября 1966 года он мог производить не 150–200 тыс., а 300–350 тыс. тонн аммиака. С учетом особенностей наладки производственных линий у завода было несколько лет до тех пор, пока плановые задания по выпуску не приблизятся к проектной мощности оборудования, и даже небольшие превышения плана станут невозможными.

В целом во второй половине 1966 года только в химической промышленности с ее очень небольшими масштабами внедрения новой системы существовало несколько различающихся вариантов перераспределения доходов предприятий для перехода на новую систему стимулирования. Все эти варианты, хотя и основывались на общих методических рекомендациях, сильно зависели от специфики конкретных предприятий: возможностей модернизации, сфер получения прибыли за счет наращивания выпуска или снижения себестоимости продукции и т. п. Министерское руководство, насколько можно судить из стенограмм заседаний коллегии Минхимпрома, к переводу предприятий на новые условия оплаты труда и материального стимулирования относилось весьма формально, гораздо больше внимания уделяя решению проблем выполнения заданий капитального строительства и ввода новых мощностей, от которых зависело выполнение заданий недавно начавшейся восьмой пятилетки (1966–1970 годы), а также вопросам устойчивости кадрового состава предприятий.

2. Политическое давление и кадровый вопрос

Партийное руководство и правительство были обеспокоены сокращением трудовых резервов в экономике, которое грозило огромным дефицитом кадров уже во время реализации восьмого пятилетнего плана (1965–1970 годы). Уже в начале реализа-

¹⁰ Технично-экономический доклад НИИТЕХИМа... Л. 34.

ции пятилетки стали поступать данные, что без существенного повышения производительности труда и сокращения штатов обеспечить кадрами все запланированные к постройке предприятия едва ли удастся. В этих условиях Госплан и Госкомтруда с 1966 года усилили давление на отраслевые министерства, чтобы предприятия соблюдали штатное расписание и — более того — проводили его периодические сокращения.

Альтернативные, по сути, стратегии решения проблемы кадрового дефицита вели к неизбежным конфликтам между Госпланом и Госкомтруда с одной стороны и отраслевыми ведомствами — с другой. Эксперты Госкомтруда видели решение задачи преодоления дефицита кадров путем повышения производительности труда, в том числе за счет внедрения системы научной организации труда (НОТ) и разработки более эффективной кадровой политики предприятий [Nealy, 2022. Р. 138]. Сотрудники Госплана руководствовались задачами сокращения неэффективного расходования ресурсов и оптимизации расходов хозяйствующих субъектов. Однако отраслевые руководители и директора предприятий имели стимулы делать прямо противоположное. В химической промышленности текучка была экстремально высокой (в среднем составляя до четверти штатного расписания предприятий). Значительным оставался и уровень невыхода работников на работу. Во многом это была типичная ситуация для советской экономики, для компенсации которой руководители управлений, директора комбинатов и строительных трестов старались увеличить штат сверх плановых значений, чтобы иметь возможность выполнить работу.

Столкновение регулирующих и отраслевых органов управления в химической промышленности привело к громкому скандалу уже летом 1966 года. По инициативе Госплана и Госкомтруда Комитет народного контроля (КНК) СССР провел проверку нескольких предприятий химической промышленности, по итогам которой принял постановление «Об излишествах в штатах административно-управленческого персонала и расходах на его содержание на некоторых предприятиях химической промышленности»¹¹. Инспекторы народного контроля подвергли разгромной критике главным образом предприятия азотной промышленности, обвинив их в завышении численности сотрудников и отказе от их сокращения вопреки требованиям Госплана и решениям партии и правительства. В качестве основных нарушителей были названы Лисичанский и Новомосковский комбинаты, но их пример был

¹¹ Постановление Комитета народного контроля. Протокол от 13.09.1966 № 12 п. III // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1915. Л. 14.

призван проиллюстрировать нарушения, типичные для всей отрасли. Во-первых, инспекторы указывали на чрезмерное завышение штатного расписания на иностранном оборудовании: на новых производственных линиях работали по 270–280 человек вместо 174 рекомендованных производителем. Во-вторых, они выявили практику отказа от планового сокращения штатов: дирекции Новомосковского и Лисичанского комбинатов не провели фактических сокращений, вместо этого перечислив в бюджет «экономии от сокращения штатов» в размере нескольких десятков тысяч рублей. В-третьих, проверка установила необходимость оптимизации структуры управления предприятий за счет устранения дублирующих структур: в состав комбинатов входили заводы, каждый из которых имел свою дирекцию, бухгалтерию, отдел кадров¹². Министерству химической промышленности было поручено доложить о результатах ликвидации выявленных нарушений к 1 марта 1967 года.

Комитет народного контроля был инструментом специфического давления, который позволял перевести конфликт между хозяйственными субъектами в сферу морального разбирательства [Kochetkova, 2025]. Если объект критики не реагировал на постановление КНК, проблема выносилась в публичное поле. В свою очередь, публичное обсуждение, например на страницах всесоюзных газет, могло стать основанием для вынесения взысканий по партийной линии в рамках уже Комитета партийного контроля (КПК). В случае Министерства химической промышленности, которое не спешило действовать в соответствии с требованиями Госплана, вслед за постановлением КНК в газете «Правда» в конце сентября 1966 года была опубликована разгромная статья, авторы которой — инспектор народного контроля Юрий Гайдуков и старший инспектор комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы Константин Жиронкин обличали уже не директоров конкретных предприятий, а руководство отрасли: «...у нас сложилось мнение, что Министерство химической промышленности СССР вплотную еще не взялось за глубокое рассмотрение и решение вопросов структуры аппарата управления подчиненных ему предприятий, рациональной организации труда инженерно-технических работников и служащих, широкого применения счетно-вычислительной техники и средств механизации административно-управленческих работ»¹³.

¹² Приложение к п. III протокола № 12 Комитета народного контроля // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1915. Л. 15–23.

¹³ Гайдуков Ю., Жиронкин К. Меньше да лучше! Излишествам не должно быть места в аппарате управления // Правда. 1966. 25 сентября. С. 2.

Риск санкций на партийном уровне вынудил руководство Министерства химической промышленности прореагировать. Вопрос о выявленных Комитетом народного контроля нарушениях был вынесен на обсуждение коллегии министерства, где с докладом выступил сам министр — Леонид Аркадьевич Костандов. Коллегия признала установленные нарушения и обязала начальников главных управлений и директоров институтов разработать меры по улучшению структуры управления предприятий и нормативы численности работников, затем передать предложения НИИТЭХИМ, который должен был подготовить обобщенные рекомендации к марту 1967 года¹⁴.

Впрочем, несмотря на всё давление, для руководства Минхимпрома вопросы изменения структуры управления предприятиями и стимулирования работников всё еще оставались периферийными. По сути, необходимость отчитаться (в рамках постановления Совмина о переводе отраслей на новую систему или перед КНК к 1 марта 1967 года) была ключевым мотивом распоряжений. Осенью 1966 году практически на каждом заседании коллегия министерства возвращалась к проблеме низких темпов капитального строительства и возможным проблемам с выполнением плановых заданий по выпуску продукции и вводу новых производств.

3. Первый эксперимент

Идея улучшения форм и методов материального стимулирования начала разрабатываться еще в первой половине 1960-х годов на ранних этапах обсуждения реформ управления экономикой. НИИ труда на основе обширного обследования 150 предприятий разработал в 1963 году рекомендации по увеличению размеров фондов премирования, которые в 1963–1964 годах были внедрены в рамках эксперимента на нескольких предприятиях. Хотя для участия в этом эксперименте были отобраны передовые предприятия, которые демонстрировали высокие производственные результаты, расширение системы материального стимулирования для 45 из 47 предприятий потребовало дополнительных средств для фонда премирования [Лазарева, 2021. С. 162]. С точки зрения экспертов НИИ труда, решением могло стать расширение самостоятельности предприятий за счет формирования фондов премирования без строгой привязки к штатной численности работников, но такое решение не было поддержано вышестоящими органами [Лазарева, 2021. С. 163].

¹⁴Протокол № 28 заседания Коллегии министерства химической промышленности от 26.09.1966 // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 816. Л. 247.

Естественно, возможность повышения мотивированности работников за счет премий находила отклик не только у теоретиков Госкомтруда, но и у многих директоров хозяйствующих субъектов и, естественно, у работников. В 1966 году с предприятий и организаций Минхимпрома были уволены 136 487 человек (25,1% среднесписочного числа рабочих) и приняты на работу 163 342 человека¹⁵. Люди массово меняли место работы, недовольные зарплатами, тяжелыми условиями труда и низким качеством жилья и социальной инфраструктуры. Член президиума ЦК профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности Е. Н. Менькова в марте 1967 года жаловалась на критическую и одновременно типичную ситуацию с премиями в отрасли: «На Щёлковском химзаводе получают премию 10–11%. Там большая текучесть рабочих кадров. Мы неоднократно ставили вопрос перед Главным управлением основной химической промышленности об упорядочении з/п, по глубокому изучению этого вопроса. Однако вопрос не решается, нет фондов, и премиальная система не используется в полной мере»¹⁶.

Руководство Минхимпрома не возражало против повышения роли материальных стимулов, поскольку само страдало от последствий кадровой нестабильности, но его финансовые возможности были ограничены. Проблема низких зарплат работников отрасли обсуждалась на заседаниях коллегии министерства, но у самого министерства не было средств для ее решения. Значительное число предприятий отрасли продолжало модернизироваться и требовало льготного финансирования, что истощало возможности Минхимпрома. До начала 1966 года многие предприятия химической отрасли относились к низкорентабельным или нерентабельным. Для решения этой проблемы министерство вело тяжелые переговоры о пересмотре цен на конечную продукцию предприятий отрасли с 1 июля 1967 года. В справке о реализации подготовки к пересмотру цен, например, отмечалось, что из 508 предприятий отрасли убыточными являются 62, а после пересмотра цен останется только 26¹⁷. Позитивные изменения ожидалось только во второй половине 1967 года.

Инициатива снизу об усилении материального стимулирования работников имела шансы на успех, а для некоторых хозяйственных субъектов становилась в этих условиях едва ли не единственным способом решить накопленные кадровые проблемы.

¹⁵ Справка о состоянии и мерах по укреплению трудовой дисциплины на предприятиях МХП СССР // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1870. Л. 224.

¹⁶ Материал к протоколу № 8 заседания Коллегии Минхимпрома от 16.03.1967 // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1870. Л. 199.

¹⁷ Справка о ходе работы по подготовке к внедрению новых оптовых цен с 01.07.1967 и по пересчету плана на второе полугодие 1967 года в новые цены и тарифы // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1871. Л. 32.

В структуре отраслевых министерств числились десятки научно-исследовательских институтов, автостанций, ремонтных мастерских и других подразделений. И если реализация реформы на промышленных предприятиях была хотя бы институализирована, то, например, для отраслевых НИИ вопрос усиления материального стимулирования министерским руководством вначале даже не ставился. При этом НИИ в силу квалификации сотрудников, традиций коллективного обсуждения проблем через ученые советы и близость к министерскому руководству имели больше возможностей разработать и предложить собственный проект увеличения зарплат в контексте косыгинской реформы.

Неудивительно, что первым в реализации эксперимента по усилению роли материального стимулирования в химической промышленности стал именно научно-исследовательском институт, а не один из заводов. В июле 1966 года на имя министра химической промышленности Костандова поступило предложение из Физико-химического института имени Л. Я. Карпова заменить систему формирования зарплат. Коллектив института критиковал существующую систему финансирования «по темам», отсутствие дифференциации зарплат за объем и качество выполненных работ, а также положение дел, когда сотрудники бросают все силы на защиту диссертаций, а не на работу по актуальным проектам, потому что именно наличие степени определяет уровень зарплаты¹⁸. В системе Министерства химической промышленности Научно-исследовательский физико-химический институт Карпова благодаря высоким научным достижениям и сложному административному подчинению (филиал института обслуживал потребности атомной отрасли) имел особый статус, который было сложно игнорировать.

Проект изменений фонда оплаты в институте предварительно получил поддержку Госкомтруда. Это было неудивительно, поскольку он развивал идею опытов НИИ труда от 1963 года по улучшению материального стимулирования, а главное — отвечал духу постановлений 1965 года о развитии системы материального стимулирования в СССР. Суть изменений сводилась к пересмотру ставок научных сотрудников, увеличению доли премиального фонда с 6 до 8% общего зарплатного фонда и, как следствие, росту максимальных размеров премий, в том числе для мастеровых и служащих¹⁹.

Коллегия министерства одобрила предложения по карповскому эксперименту 2 февраля 1967 года, впрочем, с существенными

¹⁸ Предложения об организации труда и заработной платы в Физико-химическом институте имени Л. Я. Карпова // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1869. Л. 309.

¹⁹ Там же. Л. 311–313.

и принципиальными изменениями. Министр Костандов сразу отверг главное условие о дополнительном финансировании, заявив, что «мы примем такой эксперимент, но по трем лабораториям, а не по всем, и найдем деньги у вас <института Карпова>». Директор института — выдающийся химик Яков Михайлович Колотыркин вынужден был согласиться со словами: «Эксперимент есть эксперимент». Однако его предложение сохранить текущий объем фонда зарплаты с возможностью использовать сэкономленные средства на премирование было поддержано²⁰. Таким образом, содержание эксперимента изменилось: увеличить премии разрешили, но не сразу, не везде и за счет экономии собственных средств института. Это было принципиальным отличием от более ранних попыток увеличения премий 1963–1964 годов: в данном варианте не требовалось дополнительного финансирования фонда премирования, который по-прежнему формировался с учетом штатного расписания. Статус экономического эксперимента, до этого встречавшийся в документах министерства скорее в качестве эвфемизма особого порядка работы предприятия, в случае института Карпова стал официальным. Инициативу признал полезной и сам Костандов²¹.

Инициатива проведения так называемого карповского эксперимента оказалась своевременной, поскольку позволяла продемонстрировать активность отраслевого руководства в реализации реформы и решении проблем в сфере организации труда. К этому моменту перевод второй группы предприятий на новые условия оплаты с 1967 года еще даже не был оформлен ministerским приказом, хотя шел уже второй месяц нового года. Кроме того, менее чем через месяц предстояло дать отчет в Комитет народного контроля, Госплан и Госкомтруда о мерах, принятых в ответ на критику неэффективной организации управления предприятиями отрасли и завышения численности работников. Таким образом, решение коллегии Минхимпрома ходатайствовать перед Советом Министров поручить Госкомтруда «разработать новые условия оплаты труда работников научно-исследовательских учреждений и... применить их в порядке эксперимента»²² позволяло продемонстрировать наличие творческих решений на пути устранения недостатков.

²⁰ Предложения об организации труда и заработной платы... Л. 254.

²¹ Материал к протоколу № 5 заседания Коллегии Минхимпрома от 02.02.1967 // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1869. Л. 253.

²² Постановление коллегии Министерства химической промышленности СССР по предложению Научно-исследовательского физико-химического института им. Л. Я. Карпова о введении в институте новой системы оплаты труда руководящих, научных и инженерно-технических работников // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1869. Л. 301.

4. Эксперименты идут в промышленность

В начале марта 1967 года коллегия Минхимпрома представила отчет в Комитет народного контроля об устранении основных замечаний, но аргументы были довольно слабыми. Так, одной из претензий Комитета народного контроля было наличие дублирующих структур управления на заводах внутри комбинатов. Министерский отчет гласил, что такие случаи уже редкость и, например, на критиковавшемся Щёкинском химическом комбинате заводы как особые структурные подразделения ликвидированы. Это было правдой лишь отчасти, поскольку ликвидация газового завода, с которого началась история комбината, действительно произошла летом 1966 года, но она была проведена в соответствии с постановлением Совмина о перепрофилировании комбината еще от 1958 года. Газовый завод должен был работать до пуска основных цехов по производству аммиака, иначе комбинат почти не производил бы продукции [Шаров, 1999. С. 98]. При этом новый завод синтетического волокна формально еще строился и не входил в состав комбината, хотя сооружался под контролем треста «Щёкинхимстрой» и дирекции химкомбината.

Идея повысить премии за счет собственных средств учреждений была фактически единственным возможным компромиссом между интересами отраслевых министерств, Госплана и Госкомтруда. Костандов отказался от подготовки специального постановления по вопросу укрепления трудовой дисциплины и увеличения премий в пользу очень ограниченных мер, предложив написать «хорошее письмо», в котором «покажем хорошие предприятия, порекомендуем, как улучшить работу, и этим ограничим наше решение»²³. Вместе с тем он согласился на предложение Госкомтруда в плане эксперимента провести сокращение численности работников на одном из предприятий. Формат, согласованный для карповского эксперимента, теоретически мог быть реализован и на промышленном предприятии. А на время его реализации у министерства появлялся аргумент, что работа над устранением недостатков в управлении ведется с участием Межведомственной комиссии Госплана и Госкомтруда.

Успех нового эксперимента зависел от правильного выбора опытной площадки. Изначально, до середины марта, рассматривалось несколько комбинатов из числа тех, где с января 1967 года должна была начаться реализация косыгинской реформы. Как было показано выше, многие из этих предприятий без каких

²³ Материал к протоколу № 7 заседания Коллегии Минхимпрома от 02.03.1967 // РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1870. Л. 207.

бы то ни было реформ должны были показать рост производительности труда за счет расширения производства; кроме того, с июля ожидалось изменение цен на конечную продукцию, что также должно было позитивно сказаться на результатах роста их прибыли к концу года. Предполагалось, что это будет одно из предприятий азотной промышленности как самой передовой по многим показателям. Но крупные комбинаты вроде Новомосковского и Лисичанского не годились на роль подопытных в силу своих размеров, грозивших большими сложностями с управлением. Оставался только Щёкинский комбинат.

Официально выбор Щёкинского химического комбината в качестве площадки эксперимента объяснялся редким сочетанием необходимых условий. Во-первых, это было «сравнительно молодое предприятие в азотной отрасли», имевшее «устойчивые и хорошие технико-экономические показатели» [Эксперимент., 1969. С. 9], что подразумевало наличие новых, недавно принятых в эксплуатацию производственных линий, оснащенных новейшей аппаратурой и средствами автоматизации. Во-вторых, с 1 января 1967 года комбинат, как и многие предприятия химической отрасли, уже перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования, что должно было стать базой для проведения экономического эксперимента. В-третьих, продолжалось строительство завода синтетического волокна, который имел статус формально независимого предприятия, что должно было обеспечить возможности «для трудоустройства высвобождаемых в ходе эксперимента работников из действующих производств и цехов комбината» [Эксперимент., 1969. С. 10].

Впрочем, существовали и другие факторы в пользу Щёкино. Комбинат очень удобно располагался: недалеко от Москвы и рядом с одной из ключевых туристических локаций в СССР — музеем-заповедником Льва Николаевича Толстого «Ясная Поляна». У предприятия имелся определенный опыт позитивной работы с публичной сферой: в 1955 году усилиями комбината был открыт первый в СССР Вечный огонь, который также стал частью обязательной программы делегаций, посещавших «Ясную Поляну» [Юдкина, 2015]. И, что, вероятно, было еще более значимым, имелся опыт реакции на критику, поскольку в 1966 году выбросы комбината стали причиной громкого публичного разбирательства с «Ясной Поляной», в которое оказались вовлечены Политбюро, Совет Министров, Академия наук и минимум пять министерств²⁴.

²⁴ Постановление Совета Министров СССР от 11.11.1966 № 868 «О мерах по сохранению зеленых насаждений музея-усадьбы Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”» // ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 100. Д. 246. Л. 21–22.

Едва ли не единственную сложность представляло добровольное согласие руководства предприятия и коллектива на сокращение штатов. Как было отмечено выше, в этот период директора предприятий стремились иметь как можно больше сотрудников и по причине реальной нехватки рук из-за низкой дисциплины и текучки, и для расширения фондов зарплаты. Однако руководство комбината, его инженеры и рабочие одобрили идею проведения эксперимента и, следовательно, сокращения кадров [Эксперимент..., 1969. С. 11].

Причина сговорчивости руководства Щёкинского комбината заключалась в исключительном давлении со стороны контролирующих органов. Директор комбината Петр Михайлович Шаров во второй половине 1966 года уже подвергся критике со стороны высшего партийного руководства и правительства за гибель берез, высаженных Львом Толстым. В СССР было мало директоров, в отношении предприятий которых за несколько месяцев выходили специальное постановление ЦК КПСС и два постановления Совета Министров. Тогда комбинату запретили создание новых промышленных площадок и обязали в кратчайшие сроки построить очистные сооружения, что грозило серьезными расходами для предприятия, которое и так испытывало проблемы с ресурсами для капитального строительства цехов и жилья.

С выбором комбината в качестве площадки эксперимента давление только усилилось. В середине апреля на комбинат приехала рабочая группа специалистов НИИТЭХИМ и Главного управления азотной промышленности (ГУАП) для разработки принципов эксперимента. Потенциальные перемены вызвали беспокойство части рабочих, которых должны были перевести на завод синтетического волокна, поскольку завод еще не был сдан. В мае 1967 года по запросу с комбината Комитет народного контроля провел специальную проверку и выявил, что директор Шаров вместо строительства завода синтетического волокна направил ресурсы на строительство жилья, дома культуры, инженерного корпуса, квасильно-засольного пункта, пожарного депо и бассейна для работников предприятия, а также расширение гаража²⁵. Директор комбината заявлял, что отсутствовало необходимое оборудование для строительства цехов завода и строить их всё равно было невозможно, поэтому он решил не терять время и строить социальные объекты. Наказание за это нарушение кажется непропорциональным и может рассматриваться в качестве

²⁵ Постановление Комитета. Протокол № 8 п. III от 30.05.1967 «О грубых нарушениях государственной дисциплины на строительстве Щёкинского химического комбината директором комбината т. Шаровым и управляющим трестом «Щёкинхимстрой» т. Сидориным» // РГЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1915. Л. 78.

свидетельства в пользу давления со стороны партийных органов для усиления сговорчивости и руководства отрасли, и дирекции комбината. Типичная, по сути, ситуация для строящихся советских предприятий обернулась выговорами по линии КНК начальнику ГУАП Минхимпрома Б. Г. Овчаренко и начальнику «Щёкинхимстроя» И. Н. Сидорину²⁶, а также строгим выговором по партийной линии директору комбината П. М. Шарову, которого специально вызвали в Москву на заседание Комитета партийного контроля [Шаров, 1999. С. 108].

С одной стороны, имелся «кнут» в виде серьезной угрозы завершения карьеры и исключения из партии, с другой — предлагался «пряник» в виде славы передового предприятия и сохранения фонда оплаты. В этих условиях руководству комбината было несложно согласиться на сокращение штатного расписания.

5. Плановый успех

Запуск эксперимента занял длительное время и состоялся уже после повышения цен на продукцию отрасли. Согласно официальному изложению истории эксперимента, он начался еще в марте 1967 года. Фактически эксперты НИИТЭХИМ и ГУАП приехали «изучать условия» на комбинате только в апреле, основные положения по формированию и расходованию средств централизованного фонда Госкомтруда подготовил только к началу июля 1967 года, а постановление Совета Министров СССР № 353 об утверждении этих положений было принято только 17 июля 1967 года [Шаров, 1999. С. 146–151]. При этом некоторые мероприятия были подготовлены до ввода новых регулирующих документов.

Целью эксперимента было усиление материального стимулирования рабочих за счет средств, сэкономленных от сокращения штатов. Для этого предприятию сохраняли фонд заработной платы на 1968–1970 годы на уровне 1967 года с обязательством сократить штатную численность работников на 1000 человек. Уволенных сотрудников должны были трудоустроить на новый завод синтетического волокна, который окончательно выводился из структуры комбината. Оставшиеся работники конкретного цеха комбината могли рассчитывать на получение половины суммы, сохраненной за счет сокращений, в качестве премий. Средства распределялись между работниками завода в соответствии с новыми правилами и тарифными сетками [Эксперимент., 1969. С. 8–9].

²⁶ Постановление Комитета. Протокол № 8... Л. 80.

Дирекция комбината обладала некоторой свободой в определении конкретных форм обеспечения сокращения штатов, но с учетом рекомендаций вышестоящих органов. Фактически все инициативы должны были согласовываться с заместителем министра химической промышленности Константином Константиновичем Чередниченко и заместителем начальника управления труда, заработной платы и рабочих кадров Совета Министров Сергеем Геннадьевичем Сёминым [Шаров, 1999. С. 153].

Основные сокращения были достигнуты за счет совмещения должностей, а не прямых увольнений. Фактически с началом эксперимента число увольнений на комбинате даже сократилось на 15% (с 1221 человек в 1966 году до 1030 в 1968-м) [Мокин, Шаров, 1970. С. 52]. В первую очередь изменения коснулись операторов оборудования, лаборантов, контролеров и машинистов. На эти категории рабочих приходилось две трети сокращенных ставок [Эксперимент..., 1969. С. 18]. Предполагалось, что для персонала линий контроля измерительных приборов и автоматизации (КИПиА) совмещение возможно за счет изменения алгоритмов взаимодействия с новым оборудованием, чтобы один сотрудник мог обслуживать сразу несколько приборов. Начальники цехов могли перепоручить функции работников низкооплачиваемых позиций (слесарей, лаборантов, контролеров) другим штатным сотрудникам либо доверить автоматике. Эти меры гарантировали рост средней зарплаты на предприятии на 25% [Эксперимент..., 1969. С. 46].

Первые полтора года эксперимента позволили руководству предприятия достичь впечатляющих показателей и по ключевым параметрам работы предприятия. К началу 1969 года комбинат подошел с ростом производительности труда на 186% и прибыли — на 200% (с 13 до 26 млн руб.) [Мокин, Шаров, 1970. С. 52]. Две трети всех сокращений должностей было обеспечено совмещением должностей (44%) и введением новых нормативов по труду (21%). Административные и инженерные позиции сокращались за счет укрупнения цехов и перевода низкорентабельных производств на односменную работу [Эксперимент..., 1969. С. 17].

Другое дело, что впечатляющие достижения эксперимента в производительности труда и прибыли определялись расширением производственных возможностей предприятия и особенностями ведения советской статистики, которые никак не были связаны с экспериментом. В части заданий промышленного выпуска эксперимент не предлагал увеличения плановых показателей в сравнении с заданиями января 1967 года, сформулированными в связи с началом участия предприятия в косыгин-

ской реформе [Nealy, 2022. Р. 151]. Как было показано выше, по январским показателям от комбината требовалось превысить плановые задания по выпуску примерно на 1%. Даже с учетом повышенных обязательств план выпуска продукции на 1967 год был ниже проектной мощности цехов на 10–15% по аммиаку и капролактаму и почти на 20% — по карбамиду²⁷. Сокращение ставок автоматически увеличивало производительность труда, даже без роста выпуска продукции, но выпуск рос в значительной степени благодаря вводу нового оборудования [Nealy, 2022. Р. 151].

Любопытно, что успехи в сокращении кадров были достигнуты во многом за счет мер, которые предлагались по итогам проверки КНК предприятий химической промышленности в сентябре 1966 года: сокращения персонала, обслуживающего импортные производственные линии, на 20–30% до показателей, рекомендованных производителями; оптимизации управленческого аппарата за счет объединения цехов и служб; снижения доли рабочих в пользу квалифицированных инженерно-технических работников. Сложившаяся в советской промышленности практика найма завышенного числа рабочих привела к тому, что к 1967 году на предприятии числилось около 7500 сотрудников²⁸ при штатной численности в 6300 человек²⁹. Строго говоря, в деле сокращения кадров комбинат, даже с учетом ввода новых цехов, должен был к началу 1970 года только вернуться к показателям штатной численности.

6. От эксперимента к методу

Хотя в рамках щёкинского эксперимента не было предпринято каких-либо нетипичных для советской химической промышленности шагов, он быстро стал использоваться в качестве иллюстрации эффективного использования научной организации труда и грамотной кадровой политики. Первые заметные публикации об эксперименте (специальные брошюры НИИТЭХИМ, статьи в журнале «Химик» и «Экономической газете») стали выходить сразу после появления отчета за 1967 год. В ноябре 1968 года статья Шарова о ходе эксперимента была опубликована в «Правде»³⁰. Впрочем, в этот период в партийной прессе выходила целая серия об экономических экспериментах, в том

²⁷ РГАЭ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1937. Л. 33.

²⁸ Годовой отчет предприятия п/я в-8918 по основной деятельности за 1967 года // ГАТО. Ф. Р3469. Оп. 2. Д. 484а. Л. 229.

²⁹ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1969 год / сост. М. Ю. Прокуменчиков, Т. А. Джалилов, Н. Ю. Пивоваров. М.: ИстЛит, 2022. С. 122–123.

³⁰ Шаров П. М. Не числом, а умением // Правда. 1968. 30 ноября. С. 2.

числе карповском³¹. Но что более важно, решением высшего партийного руководства начиная с осени 1969 года щёкинский эксперимент был утвержден в качестве эталонного опыта для распространения.

С 1968 года предприятия химической промышленности начали переводить на работу по щёкинскому методу. За год Госкомтруда согласовал перевод на такую работу 24 предприятий по всему Советскому Союзу, среди которых были, например, Новомосковский химкомбинат, Могилевский завод синтетического волокна, мончегорский комбинат «Североникель», Челябинский металлургический комбинат [Эксперимент., 1969. С. 47]. Как и сам Щёкинский комбинат, эти предприятия (в основном химические и металлургические гиганты) накануне завершили модернизацию, были рентабельными и имели возможности для сокращения штатов. В общих чертах метод заключался в сохранении объема фонда заработной платы на уровне стартового года для повышения объемов премирования за счет сокращения численности работников.

Открытым остается вопрос: в какой степени эти предприятия были самостоятельны в разработке конкретных мер и действительно учитывали щёкинский опыт, а в какой — предлагали альтернативные модели? В 1968 году началась разработка варианта эксперимента на промышленном объединении «Башнефтехимзаводы». Он также проходил под контролем Госкомтруда, но уже предполагал развитие щёкинского метода для решения проблемы плохо управляемых или нерентабельных предприятий за счет объединения их с более успешными [Nealy, 2022. Р. 155]. В рамках названного метода 30% высвобожденных от сокращения сотрудников средств передавалось в централизованный фонд всего объединения, что давало возможность распределять их более равномерно между предприятиями региона [Егоров, Золотникова, 1974. С. 247]. При этом плановая часть фонда заработной платы не оставалась стабильной, а повышалась и уменьшалась в зависимости от изменения индекса производительности труда. Что любопытно, впоследствии участники башкирского эксперимента считали его самостоятельным проектом, независимым от щёкинского метода [Хурамшин, 2002. С. 112].

По-настоящему поворотным моментом в судьбе эксперимента стало заседание Секретариата ЦК КПСС в сентябре 1969 года. Руководитель парткома Щёкинского комбината Анатолий Александрович Мокин был вызван в секретариат в рамках обсуждения вопроса «Об опыте работы парткома Щёкинского химкомбината

³¹ Новое в оплате труда ученых // Правда. 1969. 25 марта. С. 3.

по мобилизации коллектива трудящихся по увеличению объемов производства при одновременном уменьшении численности работников»³². Мокин честно рассказал как об изначальном превышении фактических значений штатной численности работников над плановой, так и о том, что рост выпуска продукции связан с плановым внедрением нового оборудования. На прямой вопрос: «Всё ли хорошо в опыте Щёкинского комбината?» — присутствовавший на заседании первый заместитель председателя Госкомтруда Сергей Сергеевич Новожилов, ответственный за экономические эксперименты, ответил, что «эксперимент не во всех отношениях хорош и нуждается в доработке». По его мнению, башкирский эксперимент с распределением фондов на уровне объединения предприятий был лучше³³.

Секретари Центрального Комитета КПСС сделали ставку на более проверенный вариант, который предполагал сокращение кадров и «упрощение структуры управления»³⁴. Председательствовавший на заседании Андрей Павлович Кириленко обратил особое внимание на то, что в экономике уже не хватало 2,55 млн человек, которых было невозможно найти как раньше — в аграрных регионах, поэтому «резервы рабочей силы нужно изыскивать за счет технического прогресса»³⁵. В этом смысле ориентация на Щёкинский химкомбинат была более предпочтительным вариантом: он уже успешно провел сокращения, формально был первым промышленным предприятием, на котором начался эксперимент, и имел определенную узнаваемость. Поэтому секретариат вопреки мнению представителя Госкомтруда постановил одобрить опыт работы комбината и широко осветить его в печати.

После выхода постановления ЦК КПСС кампания по распространению щёкинского опыта стала по настоящему масштабной. Резко выросло как число публикаций, так и их тиражи. О щёкинском эксперименте брошюры писали не научные сотрудники НИИТЭХИМ, а авторы главных политико-идеологических издательств «Знание» и «Политиздат». Изменилась и тональность рассказов об эксперименте: теперь читателю предлагалось не только познакомиться с успешным опытом, но и задуматься о возможности его внедрения в своей сфере [Азарх, 1970. С. 38].

Помимо прессы в арсенале ЦК КПСС имелись более действенные способы продвижения идей повышения производительности труда и преодоления дефицита кадров. 22–23 января

³² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 4. Л. 168.

³³ Там же. Л. 170.

³⁴ Там же. Л. 171.

³⁵ Там же. Л. 172.

1970 года в Туле состоялся Всесоюзный семинар партийных и хозяйственных руководителей по изучению щёкинского опыта, на который созвали секретарей и заведующих отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС³⁶. Апофеозом кампании по популяризации щёкинского опыта стало упоминание достижений химического комбината в отчетном докладе генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС 30 марта 1971 года: «Целесообразно, как показывает опыт Щёкинского химкомбината, дать предприятиям более широкие возможности стимулирования тех работников и коллективов, которые вносят наибольший вклад в развитие производства, совмещают профессии, по-хозяйски бережливо обращаются с общественным богатством»³⁷.

Таким образом, именно партийное руководство санкционировало распространение щёкинского опыта. К 1969 году импульс косыгинской реформы заканчивался, и популяризация итогов эксперимента с ней напрямую не увязывалась. Ключевым мотивом для секретарей ЦК КПСС в выборе щёкинского варианта стимулирования было то, что он открывал возможности для массовых сокращений, без которых было невозможно восполнить дефицит рабочих, ожидавшийся в следующей пятилетке. Наиболее известная интерпретация причин сворачивания щёкинского эксперимента утверждает прямо противоположное: «Эксперимент оказался слишком успешным — излишних кадров было много. Это порождало дополнительные проблемы с трудоустройством, которые ложились на местные органы власти, в том числе партийные. Поэтому к середине 1970-х годов эксперимент заглох» [Гребнев, 2019. С. 526].

7. От метода к мифу

Экономические эксперименты Министерства химической промышленности, появившиеся как реакция на кадровые проблемы и политическое давление, изначально не были рассчитаны на длительный срок реализации. Более того, они имели конкретные показатели завершения — переход к новым штатному составу и системам премирования. Только концу восьмой пятилетки (1966–1970 годы), когда щёкинский эксперимент стал транслироваться в качестве эталонного, руководители Минхимпрома и Госкомтруда приняли решение продлить его.

Второй этап щёкинского эксперимента (1971–1975 годы) предполагал гораздо более скромные показатели и по объему

³⁶ Всесоюзный семинар // Труд. 1970. № 18. С. 1.

³⁷ Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду партии. М.: Политиздат, 1972. С. 95.

выпуска, и по производительности труда, и по сокращению кадров. Во-первых, предприятие достигло предела возможностей использования своей промплощадки. Постановление Совета Министров от 11 ноября 1966 года запрещало дальнейшее расширение химического комбината в связи с близостью к музею-усадьбе «Ясная Поляна»³⁸. Не имея возможности строить новые цеха, руководство комбината делало ставку на обновление уже существующих производственных линий и увеличение производства капролактама, формалина и гидроксиломина [Шаров, 1999. С. 164–165]. Кроме того, дирекция приложила значительные усилия по снижению вредного влияния на флору «Ясной Поляны» и окрестных территорий за счет завершения строительства систем очистки, создания защитных лесопосадок, значительного сокращения выбросов благодаря новому оборудованию. Во-вторых, к 1971 году возможностей по сокращению штата комбината было гораздо меньше, чем в 1967 году. К началу новой пятилетки на комбинате существенно сократились текучесть кадров и число прогулов, и комбинат практически отказался от практики найма сотрудников сверх штата [Мокин, Шаров, 1970. С. 37].

Гораздо сложнее стало обеспечивать выплату повышенных премий за счет экономии средств от сокращения кадров. Если с июня 1967 по июнь 1970 года штатное расписание предприятия сократилось примерно на 1100 ставок, то в 1971–1975 годах сокращено было только 300 ставок, из которых 200 — в первые два года [Эксперимент — опыт — результат, 1975. С. 59]. Даже с учетом сложной ситуации с трудоустройством в Тульской области в 1970-х годах такие масштабы сокращений не могли быть источником серьезных угроз в восприятии местных и партийных властей. Безусловно, это было несколько больше, чем стандартные плановые задания по сокращению кадров для предприятий химической промышленности, но достаточно близко к ним.

Критическим для эксперимента оказалось изменение фонда материального стимулирования. Изначальный план эксперимента предполагал, что заработный фонд будет оставаться неизменным, несмотря на сокращение численности работников. Но это были условия эксперимента до 1970 года, а уже в 1971 году зарплатный фонд комбината сократили примерно на 3 млн руб., которые в предыдущие годы были накоплены, но не востребованы из фонда материального поощрения заработной платы. В рамках советского распределения ресурсов изъятие неизрас-

³⁸ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 100. Д. 246. Л. 21–22.

ходованных средств считалось обычной практикой, но в контексте эксперимента дирекцией было воспринято болезненно. Собственно, завершение эксперимента произошло еще более прозаическим образом: в 1975 году Минхимпром провел повышение окладов по всей отрасли, но, как это часто бывает в таких случаях, не выделил дополнительных средств предприятиям с уже увеличенными фондами материального стимулирования, из-за чего на Щёкинском комбинате львиная доля фонда материального стимулирования ушла на выплату повышенных окладов. По словам директора, предприятию «недодали» примерно треть необходимых средств в фонд заработной платы, хотя реальные доходы для большинства рабочих остались неизменными [Шаров, 1999. С. 174–175].

Завершение эксперимента не означало отказа от использования щёкинского метода. В 1978 году первоначальные принципы эксперимента были восстановлены, а Госплан и Госкомтруда СССР рекомендовали отраслевым министерствам активнее использовать щёкинский опыт в качестве инструмента повышения производительности труда [Шаров, 1999. С. 170]. Например, в июне 1979 года Министерство пищевой промышленности выпустило приказ № 56 «О мерах по распространению в системе Союзпарфюмерпрома комплексного метода совершенствования организации труда, материального стимулирования и планирования по опыту Щёкинского химического комбината», обязывавший ряд предприятий разработать за два с половиной месяца план работы по «переводу предприятий на щёкинский метод совершенствования организации труда, материального стимулирования и планирования»³⁹. Щёкинский метод, как и в 1969 году, формально одобрялся партийным руководством, но дефицит рабочей силы и недовольство работников сохранялись во многих отраслях.

Представление об экономических экспериментах, прежде всего щёкинском, как об упущенной возможности для советской экономики сформировалось, вероятно, в начале 1980-х годов. На фоне публичного обсуждения неэффективности советской экономики и начала подготовки экономического эксперимента 1983–1985 годов журналист и экономист Дмитрий Васильевич Валовой, например, в рамках заседаний «делового клуба “Правды”» довольно активно продвигал идею возвращения к щёкинскому опыту [Валовой, 1991. С. 128–129]. Горячим сторонником

³⁹ Приказ Министерства пищевой промышленности СССР от 04.06.1979 № 56 «О мерах по распространению в системе Союзпарфюмерпрома комплексного метода совершенствования организации труда, материального стимулирования и планирования по опыту Щёкинского химического комбината» // ЦГАМ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 938. Л. 29.

этой инициативы был первый секретарь Щёкинского горкома партии Григорий Николаевич Гроцескул. Он утверждал, что, хотя метод развивается уже на протяжении полутора десятилетий, «время щёкинского метода не прошло, а только начинается» и его развитие — это государственная и партийная задача на пути увеличения экономического могущества страны [Гроцескул, 1984. С. 94].

Тогда и сформировался миф о том, что экономические эксперименты в химической отрасли были свернуты из-за сопротивления партийного аппарата.

Как было показано выше, это объяснение ошибочно. Эксперименты никогда не угрожали массовой безработицей и не вели к радикальному сокращению числа сотрудников за пределами требований Госкомтруда и Госплана. Собственно, высшее партийное руководство и в 1982 году настаивало на распространении щёкинского опыта.

Несостоятельной оказывается и другая до сих пор распространенная часть мифа об экспериментах, которая увязывает их затухание с отказом от косыгинской реформы. Переход от идеи материального стимулирования к идее премирования за счет сокращения штатной численности не был заложен косыгинской реформой. Этот переход произошел в результате прямого давления партийных и государственных контролирующих органов на руководство отраслей промышленности и конкретных предприятий в условиях растущего дефицита рабочей силы. В отличие от экспериментов 1963–1964 годов именно возможность сокращения штата была основным мотивом выбора высшими партийными чиновниками щёкинского и карповского экспериментов в качестве примеров для подражания для других предприятий. Партийные чиновники не просто не боялись сокращения кадров — оно было для них основным мотивом продвижения того же щёкинского метода.

Парадоксальным образом советские экономические эксперименты существовали в общественном дискурсе одновременно как партийный проект и как жертва косности партийного и государственного аппаратов. И в обоих случаях восприятие экспериментов как примера упущенных возможностей в публичных обсуждениях оказалось оторванным от реальной деятельности предприятий.

Литература

1. Азарх М. Щёкинский эксперимент. М.: Знание, 1970.
2. Бабкина Н. М. Экономическая реформа 1965 г. в СССР: формирование фондов экономического стимулирования на предприятиях, переведенных на новые условия

- работы // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 90–104.
3. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век: в 5 т. Т. 5. М.: ИздАТ, 2003.
 4. Гребнев Л. С. Советская экономика: вид из Госплана // Истоки. Экономика — мрачная наука? М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. С. 445–541.
 5. Гроцескул Г. Н. Работающих меньше — продукции больше. Щёкинский метод: сущность, опыт, проблемы. М.: Экономика, 1984.
 6. Долгова Е. А. Как платили ученым: динамика и приоритеты советской научной политики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 120–137. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.1.008.
 7. Егоров В. И., Золотникова Л. Г. Экономика нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. М.: Химия, 1974.
 8. Карпухин Д. Н. Повышение производительности труда в СССР — стратегическая задача // Экономическая история СССР. Очерки / рук. авт. колл. Л. И. Абалкин. М.: Инфра-М, 2007. С. 250–283.
 9. Лазарева Л. Н. Экономическая дискуссия 1962–1964 гг.: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. № 3. С. 453–456. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).453-466.
 10. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: ИИУ МГОУ, 2021.
 11. Мокин А. А., Шаров П. М. Щёкинский эксперимент. Из опыта партийной работы на предприятии. М.: Политиздат, 1970.
 12. Некрасов В. Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). М.: ИВИ РАН, 2019.
 13. Нуреев Р. М. Упущенный шанс косыгинских реформ // Упущенный шанс или последний клапан? К 50-летию косыгинских реформ 1965 г. / под ред. Р. М. Нуреева. М.: Кнорус, 2017. С. 10–17.
 14. Пивоваров Н. Ю., Симонов М. А. Советское руководство и разработка совнархозной реформы: от идей к реализации (1953–1957 гг.) // Уральский исторический вестник. 2024. № 1. С. 108–118. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-108-118.
 15. Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р. Материальное стимулирование изобретательства и рационализации на предприятиях СССР в 1960–1980-е годы // Научный диалог. 2024. № 10. С. 420–444. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-420-444.
 16. Сафронов А. В. Большая советская экономика: 1917–1991. М.: Individuum, 2024.
 17. Стась И. Н. Ведомственность в советской истории. Гувернаментальность, государственные интересы и публичный дискурс // Советская ведомственность / под ред. И. Н. Стась. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 103–191.
 18. Хурамин Т. З. По нелегким дорогам жизни. М.: Ист-факт, 2002.
 19. Шаров П. М. Щёкинский эксперимент. Записки Щёкинского химкомбината о людях, времени и о себе. Тула: Пересвет, 1999.
 20. Эксперимент — опыт — результат. Тула: Приокское книжное издательство, 1975.
 21. Эксперимент Щёкинского химического комбината. М.: НИИТЭХИМ, 1969.
 22. Юдкина А. Б. Памятник без памяти: первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 112–134.
 23. Davies R. W. The Economic History of the Soviet Union Reconsidered // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. No 1. P. 145–159. DOI: 10.1353/kri.0.0143.
 24. Feygin Y. Building a Ruin. The Cold War Politics of Soviet Economic Reform. Cambridge: Harvard University Press, 2024.
 25. Gregory P. R. Restructuring the Soviet Bureaucracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

26. Guth S. One Future Only. The Soviet Union in the Age of the Scientific-Technical Revolution // *Journal of Modern European History*. 2015. No 13. P. 355–376. DOI: 10.17104/1611-8944-2015-3-355.
27. Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR 1945–1991. London: Routledge, 2014.
28. Hohmann H. H. Economics and Politics in the USSR: Problems of Interdependence. London: Routledge, 1986.
29. Kochetkova E. People's Control and the Morality Quest of the Late Soviet Economy // *Journal of Social History*. 2025. DOI: 10.1093/jsh/shaf036.
30. Kochetkova E. Performing Inventiveness: Industrial and Technical Creativity in the USSR, 1950s–1980s // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2022. No 3. P. 249–273.
31. Nealy J. A. Making Socialism Work: The Shchekino Method and the Drive to Modernize Soviet Industry. Doctoral dissertation. Duke University History Department, 2022.

References

1. Azarkh M. *Shchekinskiy eksperiment [Shchekin's Experiment]*. Moscow, Znanie, 1970. (In Russ.)
2. Babkina N. M. Ekonomicheskaya reforma 1965 g. v SSSR: formirovanie fondov ekonomicheskogo stimulirovaniya na predpriyatiyakh, perevedennykh na novye usloviya raboty [Economic Reform of 1965 in the USSR: The Formation of Economic Incentive Funds at Enterprises, Transferred to New Working Conditions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and Society)]*, 2017, no. 4, pp. 90–104. (In Russ.)
3. Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek: v 5 t. T. 5 [Economic History of Russia: 20th Century, in 5 vol., vol. 5]*. Moscow, IzdAT, 2003. (In Russ.)
4. Grebnev L. S. Sovetskaya ekonomika: vid iz Gosplana [Soviet Economy: A View From Gosplan]. In: *Istoki. Ekonomika - mrachnaya nauka? [Economics - A Gloomy Science?]*. Moscow, NIU VShE Publishing House, 2019, pp. 445–541. (In Russ.)
5. Grotseskul G. N. *Rabotayushchikh men'she - produkcii bol'she. Shchekinskiy metod: sushchnost', opyt, problemy [Working Less - Production More. Shchekin's Method: Essence, Option, Problems]*. Moscow, Ekonomika, 1984. (In Russ.)
6. Dolgova E. A. Kak platili uchenym: dinamika i priority sovetskoy nauchnoy politiki [Salaries in Science: Dynamics and Priorities of Soviet Policy]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki [Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]*, 2025, no. 1, pp. 120–137. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.1.008. (In Russ.)
7. Egorov V. I., Zolotnikova L. G. *Ekonomika neftepererabatyvayushchey i neftekhimicheskoy promyshlennosti [Economics of Oil Refining and Petrochemical Industry]*. Moscow, Khimiya, 1974. (In Russ.)
8. Karpukhin D. N. Povyshenie proizvoditel'nosti truda v SSSR - strategicheskaya zadacha [Increase of Labor Productivity in the USSR - A Strategic Task]. In: Abalkin L. I. (ed.). *Ekonomicheskaya istoriya SSSR. Ocherki [Economic History of the USSR. Essays]*. Moscow, Infra-M, 2007, pp. 250–283. (In Russ.)
9. Lazareva L. N. Ekonomicheskaya diskussiya 1962–1964 gg.: vyrabotka ideologii «kosygin-skoy» reformy [1962–1964 Economic Discussion: Development of Kosygin's Reform Ideology]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History and History of Economics]*, 2016, no. 3, pp. 453–456. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).453-466. (In Russ.)
10. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya reforma 1965 goda: predposylki, khod, itogi [Economic Reform of 1965: Prerequisites, Progress, Results]*. Moscow, Moscow State Regional University Press, 2021. (In Russ.)
11. Mokin A. A., Sharov P. M. *Shchekinskiy eksperiment. Iz opyta partiynoy raboty na predpriyatii [Shchekino Experiment. From the Experience of Party Work at the Enterprise]*. Moscow, Politizdat, 1970. (In Russ.)

12. Nekrasov V. L. "Dilemma Khrushcheva": reformy Gosplana SSSR, neftekhimicheskiy proekt i vyzovy kholodnoy voyny (vtoraya polovina 1950-kh - pervaya polovina 1960-kh gg.) [Khrushchev's Dilemma: Reforms of the USSR State Planning Committee, Petrochemical Project and the Cold War (Second Half of the 1950s - First Half of the 1960s)]. Moscow, World History of the Russian Academy of Sciences, 2019. (In Russ.)
13. Nureev R. M. Upushchennyy shans kosyginских reform [Missed Chance of the Kosygin Reforms]. In: *Upushchennyy shans ili posledniy klapan? (K 50-letiyu kosyginских reform 1965 g.)* [Missed Chance or the Turning Point? (On the 50th Anniversary of the Kosygin Reforms of 1965)]. Moscow, Knorus, 2017, pp. 10-17. (In Russ.)
14. Pivovarov N. Yu., Simonov M. A. Sovetskoe rukovodstvo i razrabotka sovnarkhoznoy reformy: ot idey k realizatsii (1953-1957 gg.) [Soviet Leaders and the Development of the Sovnarkhoz Reform: From Ideas to Realization (1953-1957)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2024, no. 1, pp. 108-118. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-108-118. (In Russ.)
15. Pinaeva D. A., Salakhutdinova E. R. Material'noe stimulirovaniye izobretatel'stva i ratsionalizatsii na predpriyatiyakh SSSR v 1960-1980-e gody [Material Incentives for Innovation and Rationalization in Soviet Enterprises During 1960s to 1980s]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2024, no. 10, pp. 420-444. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-420-444. (In Russ.)
16. Safronov A. V. Bol'shaya sovetskaya ekonomika: 1917-1991 [Big Soviet Economy: 1917-1991]. Moscow, Individuum, 2024. (In Russ.)
17. Stas I. N. Vedomstvennost' v sovetskoy istorii. Guvernemental'nost', gosudarstvennye interesy i publichnyy diskurs [Departmentalization in Soviet History. Governmentality, State Interest and Public Discourse]. In: *Sovetskaya vedomstvennost'* [Soviet Departmentalization]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2025, pp. 103-191. (In Russ.)
18. Khuramshin T. Z. *Po nelegkim dorogam zhizni* [Doing Things the Hard Way]. Moscow, Ist-fakt, 2002. (In Russ.)
19. Sharov P. M. *Shchekinskiy eksperiment. Zapiski Shchekinskogo khimpkombinata o lyudyakh, vremeni i o sebe* [Shchekino Experiment. Notes of Shchekinskiy Khimpkombinat About People, Time and About Itself]. Tula, Peresvet, 1999. (In Russ.)
20. *Eksperiment - opyt - rezul'tat* [Experiment - Experience - Result]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. (In Russ.)
21. *Eksperiment Shchekinskogo khimicheskogo kombinata* [Experiment of the Shchekino Chemical Combine]. Moscow, Chemical Industry Technical and Economic Research Institute, 1969. (In Russ.)
22. Yudkina A. B. Pamyatnik bez pamyati: pervyy Vechnyy ogon' v SSSR [Monument Without Memory: The First Eternal Flame in the USSR]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Untouchable Reserve. Debates on Politics and Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, pp. 112-134. (In Russ.)
23. Davies R. W. The Economic History of the Soviet Union Reconsidered. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2010, vol. 11, no. 1, pp. 145-159. DOI: 10.1353/kri.0.0143.
24. Feygin Y. *Building a Ruin. The Cold War Politics of Soviet Economic Reform*. Cambridge, Harvard University Press, 2024.
25. Gregory P. R. *Restructuring the Soviet Bureaucracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
26. Guth S. One Future Only. The Soviet Union in the Age of the Scientific-Technical Revolution. *Journal of Modern European History*, 2015, no. 13, pp. 355-376. DOI: 10.17104/1611-8944-2015-3-355.
27. Hanson P. *The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR 1945-1991*. London, Routledge, 2014.
28. Hohmann H. H. *Economics and Politics in the USSR: Problems of Interdependence*. London, Routledge, 1986.
29. Kochetkova E. People's Control and the Morality Quest of the Late Soviet Economy. *Journal of Social History*. 2025, online first. DOI: 10.1093/jsh/shaf036.

30. Kochetkova E. Performing Inventiveness: Industrial and Technical Creativity in the USSR, 1950s-1980s. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2022, no. 3, pp. 249-273.
31. Nealy J. A. *Making Socialism Work: The Shchekino Method and the Drive to Modernize Soviet Industry*. Doctoral dissertation, Duke University History Department, 2022.

60 лет косыгинской реформе

Маркс, Канторович, Новожилов — что не так со стоимостью?

Андрей Акатович Белых*ORCID: 0000-0002-2348-586X*

Доктор экономических наук, заместитель директора,
Центр прикладных исследований Института общественных наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: abelykh@inbox.ru

Аннотация

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии в октябре 1961 года, говорилось, что цены должны отражать общественно необходимые затраты труда. В советской экономической науке считалось, что эти затраты формируют стоимость. В это время Р. Кэмпбелл опубликовал статью «Маркс, Канторович, Новожилов: стоимость против реальности», в которой доказывалось, что Л. В. Канторович и В. В. Новожилов возродили советскую экономическую науку, но для этого им пришлось отказаться от марксистской теории стоимости. С тем, что эти экономисты отошли от марксизма, соглашались многие советские экономисты, отнюдь не считая это позитивным вкладом в экономическую науку. В настоящей статье рассматриваются вопросы содержания теории стоимости К. Маркса, адекватности ее понимания советскими экономистами, совместимости подходов Канторовича и Новожилова с марксизмом. Они действительно выдвинули оригинальные концепции объективно обусловленных оценок, дифференциальных затрат. Эти показатели должны были использоваться в ценообразовании. И Канторович, и Новожилов искренне считали, что их подходы вполне совместимы с марксизмом. Новожилов в своих публикациях критически отзывался о статье Кэмпбелла. В настоящей статье доказывается, что Маркс не завершил исследование теории стоимости и фактически зашел в тупик. В связи с этим упрекать ученых в отступлении от незавершенной теории было не вполне корректно. Автор рассматривает вопрос о соотношении подходов Канторовича и Новожилова, то, как они оценивали концепции друг друга. Выявлены сходства и различия в концепциях этих выдающихся ученых. Показано, что хотя Новожилов в переписке с канадским историком В. С. Голубничим пытался доказать, что его теория дифференциальных затрат возникла независимо от работ Канторовича, это утверждение неверно. Отмечается влияние идей Канторовича и Новожилова на формирование концепции экономической реформы. В приложении приведены выдержки из переписки Новожилова и Голубничего, а также из письма Кэмпбелла автору настоящей публикации, в котором дается критическая оценка возражений Новожилова на его статью.

Ключевые слова: косыгинская реформа, теория стоимости, линейное программирование, общественно необходимые затраты труда

JEL: N13, N44, O23

Исследование подготовлено в рамках НИР ГЗ РАНХиГС 10.1-2025-1 «Влияние стратегических документов Советского Союза и Российской Федерации на общественно-политический строй».

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Marx, Kantorovich, and Novozhilov: What Is Wrong With Stoimost'?

Andrei A. Belykh

ORCID: 0000-0002-2348-586X

Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director, Institute for Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: abelykh@inbox.ru

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The program adopted at the 22nd Party Congress in October 1961 stated that prices must reflect socially necessary labor costs. Soviet economics held that it is these costs that form value. Meanwhile, Robert Campbell published an article under the title “Marx, Kantorovich, Novozhilov: Stoimost' Versus Reality” supporting the view that Kantorovich and Novozhilov had revived Soviet economics. However, they had to reject the Marxist theory of value. In the opinion of many Soviet scholars, these economists withdrew from Marxism, which was not a positive contribution to economics. This article analyzes problems concerned with the content of the theory of value, whether it was adequately understood by Soviet economists and whether Kantorovich's and Novozhilov's approaches were compatible with Marxism. In fact, they developed interesting concepts of objectively determined valuations and differential costs. These indicators were to be used in the process of setting prices. Both Kantorovich and Novozhilov sincerely believed that their approaches were in line with Marxism. In his works, Novozhilov criticized Campbell's article. This article attempts to prove that Marx did not complete the theory of value and, in fact, came to a dead end. With this in view, it would be incorrect to blame scholars for withdrawing from such an incomplete theory. The article studies the questions of correlation between Kantorovich's and Novozhilov's approaches and of their mutual estimation of each other's thinking. In addition, the article demonstrates differences and similarities in the concepts of these outstanding economists. Although in correspondence with Canadian historian Vsevolod Holubnychy, Novozhilov tried to prove that his theory of differential costs was developed independently of Kantorovich's works, this statement seems to be incorrect. The article also marks the influence of Kantorovich's and Novozhilov's ideas on the development of the concept of economic reform. The Appendix includes fragments from correspondence between Novozhilov and Holubnychy and excerpts from Campbell's letter addressed to the author of this article. These excerpts contain quite a just rejoinder to critical remarks by Novozhilov concerning Campbell's article.

Keywords: theory of value, Kosygin's reform, linear programming, socially necessary labor costs

JEL: N13, N44, O23

Acknowledgements

This article has been prepared as part of the state assignment no. 10.1-2025-1 from the Russian Presidential Academy of Science and Public Administration.

Введение

В октябре 1961 года состоялся XXII съезд КПСС, который принял новую программу партии — программу построения коммунизма. В ней отмечалось, что «цены должны во всё большей степени отражать общественно необходимые затраты труда» [XXII съезд..., 1962. С. 296]. Действие закона стоимости при социализме в принципе признавалось, и считалось, что стоимость товаров как раз определяется общественно необходимыми затратами труда (в литературе часто использовалось сокращение — ОНЗТ). Позднее, в сентябре 1965 года, в докладе на Пленуме ЦК КПСС Алексей Николаевич Косыгин объявил о начале экономической реформы и, в частности, повторил тезис программы партии о соответствии цен общественно необходимым затратам труда [Косыгин, 1979. С. 339].

Но в какой степени советские экономисты были готовы решать сформулированные в программе КПСС задачи? Ими признавалось, что при социализме действует закон стоимости и что стоимость определяется общественно необходимыми затратами. Но как определять общественно необходимые затраты труда и, соответственно, правильные цены?

В том же октябре 1961 года, когда принималась программа партии, американский экономист Роберт Кэмпбелл¹ опубликовал статью «Маркс, Канторович, Новожилов: стоимость против реальности» [Campbell, 1961]. Основная идея статьи заключалась в том, что Леонид Витальевич Канторович и Виктор Валентинович Новожилов возродили советскую экономическую науку, но для этого им пришлось отказаться от марксистской теории стоимости.

Для советских условий того времени было вполне естественным, что журнал со статьей Кэмпбелла, хотя и был получен ведущими библиотеками страны, находился в отделах специального хранения². Но разумеется, содержание статьи быстро стало известно в СССР. По-видимому, от Канторовича и Новожилова потребовали отмежеваться от высказываний западного ученого, и они не могли не попытаться как-то ответить.

Канторович в 1962 году подготовил статью для газеты «Правда»: в принципе это могло быть идеальным, с точки зрения советских идеологов, решением. Однако оказалось, статья Канторовича «О задачах научной политической экономии социализма» имела программный характер. В ней ученый утверждал, что советская

¹ Роберт Кэмпбелл (1926–2015), заслуженный профессор Индианского университета (Блумингтон, США), опубликовал 15 книг о советской экономике, последняя из них — библиографический словарь российских и советских экономистов [Campbell, 2012].

² Сделанный автором перевод этой статьи опубликован только в 1992 году, см.: [Кэмпбелл, 1992].

экономическая наука еще не решила задачи «создания научной политической экономии социализма»³. К позиции Кэмпбелла Канторович отнесся скорее позитивно, аккуратно процитировав его критические оценки тех ученых, которые выступали против самого Канторовича. Единственное замечание в адрес Кэмпбелла состояло в том, что название его статьи было названо «претенциозным». Неудивительно, что статья Канторовича не была опубликована. Она вышла только в 1990 году под названием «О состоянии и задачах экономической науки» ([Леонид Витальевич Канторович..., 2004. С. 195–207]).

Реакция Новожилова, хотя и отложенная на несколько лет, была иной. Он дал развернутую критику трактовки Кэмпбелла в книге, изданной в 1967 году [Новожилов, 1967. С. 355–363], о чем будет сказано ниже. Важно отметить, что и Новожилов, и Канторович считали, что их теории вполне совместимы с марксизмом. Однако многие консервативные советские экономисты фактически солидаризировались с Кэмпбеллом, считая, что отход Канторовича и Новожилова от марксизма действительно произошел. Но то, что Кэмпбелл считал положительным результатом, эти экономисты в лучшем случае называли ошибкой.

Формальное завершение этой истории произошло в 1965 году, когда Леонид Витальевич Канторович, Василий Сергеевич Немчинов и Виктор Валентинович Новожилов получили Ленинскую премию за комплекс трудов «Разработка математических методов решения задач планирования и управления народным хозяйством». С точки зрения официальной идеологии лауреаты Ленинской премии не могли быть противниками марксизма-ленинизма (в скобках нужно отметить, что принятие решения о премии проходило совсем не просто). Однако с научной точки зрения до сих пор остаются не решенными несколько вопросов.

1. Каково на самом деле содержание теории стоимости Маркса и адекватно ли ее понимали советские экономисты?

2. Совместимы ли концепции Канторовича и Новожилова с теорией стоимости Маркса?

3. Как соотносились подходы Канторовича и Новожилова, как они оценивали концепции друг друга (приоритетность, взаимное влияние)?

4. Каково было влияние идей этих ученых?

В настоящей работе автор постарается ответить на эти вопросы.

Статья содержит два приложения:

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 995 «В. В. Новожилов». Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 1.

- 1) выдержки из письма Кэмпбелла автору настоящей работы, в котором дается оценка возражений Новожилова на его статью⁴;
- 2) выдержки из писем Виктора Валентиновича Новожилова и Всеволода Сергеевича Голубничего⁵, канадского историка, написавшего большую работу о теории стоимости Новожилова [Holubnychy, 1982].

1. Маркс

Цитата не есть выписка.
Цитата есть цикада. Не-
умолкаемость ей свойст-
венна.

О. Мандельштам. Разговор о Данте

В настоящей статье приводится много цитат Карла Маркса. Может показаться, что их количество избыточно, но автору было важно показать, что речь идет не о его интерпретации идей Маркса, а о логике рассуждений самого Маркса.

Понятие стоимости впервые формулируется Марксом в первой главе первого тома «Капитала». Он пишет, что поскольку два товара обмениваются в определенной пропорции, в них должно быть что-то общее. Они оба — продукт труда, и «стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства» [Маркс, 1960. С. 47]. За этой формулировкой на этой же странице следует важное уточнение: «... тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы». Но эта сила выступает как «общественная средняя рабочая сила» и употребляется на производство данного товара лишь «необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время». Итак, стоимость определяется «общественно необходимым рабочим временем», то есть временем, «которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» [Маркс, 1960. С. 47]. Если для производства требуется более квалифици-

⁴ Письмо Р. Кэмпбелла находится в личном архиве автора.

⁵ Копии этих писем были предоставлены автору в 1988 году Институтом украинских исследований Университета штата Альберта (Канада).

рованный труд, то «меньшее количество сложного труда равняется большому количеству простого» [Маркс, 1960. С. 53].

Необходимое для производства товара время изменяется с изменением производительной силы труда, которая «определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями» [Маркс, 1960. С. 48]. Заметим, что уже здесь выделяются такие важные факторы, определяющие стоимость, как «уровень развития науки» и «комбинация производственного процесса».

Маркс критикует Адама Смита, который, по его мнению, «колеблется между различными определениями меновой стоимости, а именно — между определением стоимости товаров количеством необходимого для их производства труда и определением ее тем количеством живого труда, на которое может быть куплен товар» [Маркс, 1962b. С. 43]. У Смита действительно фигурируют два понятия — время, необходимое для производства, и время, которое определяется в процессе обмена. Но это является отражением реальной проблемы.

В определении стоимости есть еще один важный аспект — характер труда (производительный и непроизводительный труд). Маркс подчеркивал, что «смитовское различие между производительным и непроизводительным трудом остается основой всей политической экономии буржуазного общества» [Маркс, 1962b. С. 138]. Непроизводительный труд не может создавать стоимость, но какой труд является производительным? Маркс отмечает, что у Смита было две трактовки понятия производительного труда: во-первых, это труд, приносящий прибавочную стоимость для капиталиста, и во-вторых, труд, создающий материальный, пригодный для продажи товар. Маркс решительно высказывается в пользу первого смитовского определения. Вещественная форма продукта труда на самом деле не имеет значения. Производительный труд обменивается на капитал, непроизводительный труд — на доход. Маркс пишет: «...повара и официанты в ресторане являются производительными работниками, поскольку их труд превращается в капитал для владельца ресторана. Эти же лица являются непроизводительными работниками в качестве домашней прислуги, поскольку я не создаю себе капитала из их услуг, а трачу на них свой доход» [Маркс, 1962b. С. 140].

Но в понятии производительного труда у Маркса содержался еще один важный момент. Он подчеркивал, что капиталиста интересует не «полезность конкретного труда», а возможность получить в результате процесса производства больше, чем было

затрачено. Поэтому «к числу производительных работников принадлежат, разумеется, все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего в собственном смысле слова и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста)» [Маркс, 1962b. С. 138]. Следовательно, стоимость создают и рабочие, и инженеры, и управленческий персонал, включая директора. Непроизводительным оказывается только владелец предприятия. Но, если следовать логике Маркса, даже он может стать производительным, если участвует в управлении фабрикой.

Кажется, что проблема определения стоимости решена: она равна общественно необходимому (среднему) времени, затрачиваемому производительным трудом. Далее будем называть эту величину Стоимостью¹. Пока мы следовали анализу Маркса, проводимому им на микроуровне.

Переход на макроуровень приводит к важным изменениям в понимании природы стоимости. В третьем томе «Капитала» говорится: «...если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода, и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства» [Маркс, 1962a. С. 185–186]. Далее Маркс приводит пример, чрезвычайно важный для понимания его трактовки стоимости:

Пусть, например, хлопчатобумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всём этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, то есть часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще, хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости [Маркс, 1962a. С. 186].

Маркс возвращается к этому вопросу и в работе «Теории прибавочной стоимости»:

Процентное отношение совокупного количества рабочего времени, затраченного в определенной отрасли производства, ко всему рабочему времени, находящемуся в распоряжении общества, может быть ниже или выше над-

лежащего отношения, несмотря на то что каждая доля продукта содержит лишь необходимое для ее изготовления рабочее время...

С этой точки зрения необходимое рабочее время приобретает другой смысл. Спрашивается, в каких количествах само необходимое рабочее время распределяется по различным сферам производства. ...Если в какой-нибудь отрасли затрачено слишком большое количество общественного рабочего времени, то эквивалент может быть уплачен только в таком размере, как если бы было затрачено надлежащее количество. Совокупный продукт — т. е. стоимость совокупного продукта — равняется тогда уже, следовательно, не тому рабочему времени, какое содержится в нем, а тому, какое было бы пропорционально затрачено, если бы совокупный продукт данной сферы находился в надлежащем отношении к продукции других сфер [Маркс, 1962b. С. 220–221].

Пока речь шла о ситуации, когда товара произведено слишком много. Что происходит, когда объем выпуска меньше спроса? В одной из статей Маркс пишет: «...если при неурожае цена хлеба повышается, то, во-первых, повышается его стоимость, ибо данное количество труда реализовано в меньшем продукте; во-вторых, еще в гораздо большей мере повышается продажная цена хлеба» [Маркс, 1961. С. 375]. Теперь оказывается, что величина стоимости товара не определяется количеством непосредственно затраченного на него труда. «Производитель, рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений» [Маркс, 1962a. С. 189].

Таким образом, на макроэкономическом уровне величины стоимостей определяются соотношением размеров общественных потребностей и объемов производства, или «надлежащим отношением» выпусков различных отраслей. Но какова количественная определенность этого «правильного» распределения общественного труда? В рыночной экономике это распределение определяется конкуренцией, изменяющимся спросом на те или иные товары. Конечно, Маркс не говорит о «спросе», а употребляет термин «общественная потребительная стоимость», однако в данном случае это не просто весьма близкие категории — не понятно, чем же они отличаются. Мы всё дальше уходим от понимания стоимости как количества затраченного при производстве труда и приходим к формированию стоимости в процессе обмена. Чем же тогда плохо «второе» определение стоимости Смита?

Стоимость, формирование которой Маркс описывает на макроуровне, назовем Стоимостью².

Подведем итог. Маркс не завершил разработку теории стоимости. Стоимость² на макроуровне, — а только так можно рассматривать стоимость в развитой капиталистической экономике, — приходит в противоречие со Стоимостью¹. Если есть проблема в теории стоимости, то лишается основы и теория прибавочной

стоимости, со всеми вытекающими последствиями для общей концепции генезиса капиталистического способа производства. Напрашивается предположение, что Маркс и сам осознавал, что это противоречие ему не удалось разрешить. Иначе трудно понять, почему после издания первого тома «Капитала» в 1867 году до своей смерти в 1883 году Маркс не опубликовал ни одной экономической работы⁶.

В СССР стандартной интерпретацией теории Маркса стало понимание стоимости как средних затрат труда, даже без учета более сложных факторов, формирующих Стоимость1. Исследователи, отклоняющиеся от такой стандартной интерпретации, могли быть обвинены в отходе от марксизма. Так и случилось с Канторовичем и Новожиловым.

2. Канторович

...и моя память, и способность к восприятию нового ненамного выше среднего.

Л. В. Канторович. Мой путь в науке

Леонид Витальевич Канторович (1912–1986) — выдающийся математик, единственный в нашей стране лауреат Нобелевской премии по экономике. В надиктованных незадолго до смерти воспоминаниях «Мой путь в науке» Канторович отмечал, что у него всегда был некоторый интерес к экономике. В университете на третьем курсе он слушал лекции по политэкономии, которые читал Александр Алексеевич Вознесенский. «Марксова теория капиталистического хозяйства, в особенности в части, относящейся к третьему тому “Капитала”, выглядела научно стройной и содержательной» [Леонид Витальевич Канторович., 2002. С. 49–50]. Отметим, что при публикации воспоминаний в журнале «Успехи математических наук» эта фраза была вычеркнута редактором журнала Ольгой Арсеньевой Олейник [Канторович, 1987]⁷. Современный читатель может не понять, что в ней могло не понравиться. Но для историка ответ ясен. Во-первых, Канторович писал о Марксе без должного пиетета, а во-вторых, можно было подумать, что Канторович не считал теорию

⁶ В 1875 году Маркс написал небольшую брошюру «Критика Готской программы», опубликованную в 1891 году.

⁷ По просьбе Всеволода Леонидовича Канторовича, сына ученого, академики Абел Гезевич Аганбегян и Валерий Леонидович Макаров обратились в редакцию с требованиями опубликовать текст без сокращений и редакторской правки. Эти обращения были проигнорированы.

Маркса, излагаемую в первых двух томах, «научно стройной». Отметим, кстати, что формулировки Маркса, названные в этой статье Стоимость², появляются как раз в третьем томе «Капитала».

Весной 1938 года к Канторовичу с просьбой о помощи обратились специалисты Фанерного треста. Предложенная ему задача заключалась в нахождении такого распределения различного сырья по разным обрабатывающим станкам, которое обеспечивало бы максимум выпуска продукции в заданном ассортименте. Размышление над этой задачей привело Канторовича к выводу о том, что ряд экономических проблем приводит к задаче определения экстремума линейной функции при линейных ограничениях.

Свои разработки Канторович впервые изложил в статье 1938 года «О некоторых математических проблемах экономики промышленности, сельского хозяйства и транспорта» [Канторович, 2011. С. 626–632]⁸, а затем в 1939 году — в брошюре «Математические методы организации и планировании производства». В этих работах Канторович открыл новый раздел математики — линейное программирование, в котором изучаются задачи поиска оптимального значения линейной функции при линейных ограничениях.

Для решения рассматриваемой задачи Канторович разработал метод, при котором с каждым линейным ограничением связана оценка, которую он назвал разрешающим множителем. Оптимальному плану исходной задачи соответствует определенный набор разрешающих множителей, имеющих не только техническое, но и, как показал Канторович, важное экономическое значение. Они показывают, насколько изменится оптимальное значение целевой функции при небольшом изменении величины используемого ресурса. Для избыточных ресурсов разрешающие множители равны нулю. Тем самым множители являются показателями ценности ресурсов.

В начале 1930-х годов в СССР у экономистов сложилось негативное отношение к математике [Белых, 2007. С. 105–119]. В связи с этим Канторович в своих первых работах акцентировал внимание на математических и технических аспектах своего подхода. В дальнейшем он вместо термина «разрешающие множители» использовал термины «наиболее целесообразные оценки» и «объективно обусловленные оценки (о.о. оценки)». С математической точки зрения эти величины являются компонентами оптимального плана двойственной задачи⁹.

⁸ Первая публикация состоялась в 1989 году, статья переиздана в 2011 году.

⁹ В 1938–1939 годах Канторович в явном виде двойственную задачу не формулировал, но в брошюре 1939 года в геометрическом доказательстве существования оптимального плана показано, что разрешающие множители являются коэффициентами гиперплоскости, разделяющей выпуклые множества, определяемые условиями исходной экстремальной задачи. Это означает, что Канторович понимал все аспекты линейного программирования, и в том числе роль теорем отделимости и теории двойственности.

Впоследствии в работах Новожилова эти параметры получили название затрат обратной связи, на Западе их называли двойственными ценами (dual prices) или теневыми (shadow prices) ценами.

К сожалению, в литературе нет упоминания о судьбе расчетов, сделанных Канторовичем для Фанерного треста. Марк Константинович Гавурин, входивший в группу сотрудников Канторовича, сообщил автору статьи, что расчеты были переданы заказчику, который был вполне доволен выполненной работой.

Канторович и его ученики активно пытались применять новые методы организации производства на практике. Начавшаяся в 1941 году война всё изменила. В январе 1942 года Высшее инженерно-техническое училище Военно-морского флота, в котором служил Канторович, было эвакуировано из блокадного Ленинграда в Ярославль, где Леонид Витальевич начал и к ноябрю 1942 года завершил большую рукопись «Экономический расчет наиболее целесообразного использования ресурсов». Этот труд был направлен в Госплан, но не был одобрен без какого-либо обсуждения.

После ряда настойчивых писем Канторовича руководству страны, в частности председателю Госплана СССР Николаю Алексеевичу Вознесенскому, обсуждение его работы в Госплане всё-таки состоялось. Это произошло в 1943 году, но обсуждение носило совсем не тот характер, на который рассчитывал Канторович. В частности, авторитетный статистик Борис Сергеевич Ястремский заявил: «Канторович предлагает оптимум, а кто еще предлагал оптимум? Фашист Парето, любимец Муссолини»¹⁰. «Всё говорило о том, что необходимо на определенное время оставить эти работы. Их продолжение становилось опасным — как я узнал впоследствии, мои предположения были небезосновательны. Вариант моей изоляции всерьез обсуждался. Конечно, это было жестоким ударом для меня»¹¹, — вспоминал Канторович [Леонид Витальевич Канторович, 2002. С. 59–61]. В связи с обсуждением его рукописи в Госплане Канторович, понимая, какие упреки и даже обвинения может вызвать его теория, подготовил работу «По вопросу взаимоотношений некоторых понятий с понятиями, вводившимися субъективными школами» [Леонид Витальевич Канторович., 2002. С. 317–330]. В ней он доказывал совместимость своей теории с марксизмом и предпринимал попытку дистанцироваться от теорий субъективной школы.

¹⁰ Эта фраза была опущена в публикации воспоминаний Канторовича в 1987 году.

¹¹ В примечании к фразе о возможной изоляции В. Л. Канторович пишет, что после обсуждения доклада Леонида Витальевича в Госплане «в кабинете председателя Госплана Н. А. Вознесенского состоялось совещание, закрытое совещание, где ставился вопрос об аресте Канторовича. Один из участников этого совещания, Ш. Я. Турецкий, уже в шестидесятые годы рассказал о нем А. И. Каценелинбойгену, который и сообщил это Леониду Витальевичу» [Леонид Витальевич Канторович., 2002. С. 60–61].

Такая защита могла быть бесполезной, но получилось так, что талант Канторовича-математика оказался чрезвычайно востребованным. В 1948 году Леонид Витальевич был демобилизован и возглавил созданную в Ленинградском филиале Математического института АН СССР расчетную группу, работавшую над атомным проектом. Впоследствии Канторович участвовал в работе по созданию водородной бомбы¹².

Ситуация в стране и в экономической науке изменилась после смерти Иосифа Виссарионовича Сталина в марте 1953 года. В 1954 году был опубликован первый советский учебник политической экономии, где наряду с «политической экономией капитализма» излагалась «политическая экономия социализма». В этом учебнике, написанном группой «ортодоксальных» политэкономов во главе с академиком Константином Васильевичем Островитяновым и членом-корреспондентом АН СССР Дмитрием Трофимовичем Шепиловым (тогда — главным редактором газеты ЦК КПСС «Правда»), в частности, признавалось действие при социализме закона стоимости. После длительного перерыва в экономическую науку постепенно возвращалось понятие полезности. Экономисты-математики начали активно выступать за преобразование самой экономической науки. В 1958 году Канторович был избран членом-корреспондентом АН СССР по отделению экономики и статистики¹³. Выступая 27 марта 1959 года на общем годовичном собрании Академии наук СССР, он резко критиковал специалистов по политической экономии:

...на сорок второй год существования социалистического государства нашей экономической науке неизвестно отчетливо, что означает закон стоимости в социалистическом обществе и как он должен применяться, что такое социалистическая рента, должно ли вообще строиться исчисление эффективности капитальных вложений и каким именно образом. ...Как последние открытия в области экономики нам преподносили такие вещи, например, «что закон стоимости не действует, а только воздействует» или что «средства производства не просто товар, а товар особого рода» и т. п. [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 96].

В 1959 году Канторович опубликовал свою главную экономическую работу — книгу «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов». В ней идеи оптимизации были рассмотрены на макроуровне, был предложен механизм использования системы о.о. оценок в управлении всем народным хозяйством. При рассмотрении общей задачи оптимизации производства в масштабах всего народного хозяйства положительные оценки получали все дефицитные ресурсы. Соответственно, влияние на оптимальное

¹² Подробнее см.: [Белых, 2024. С. 91–92].

¹³ В 1964 году Канторович был избран академиком АН СССР по отделению математики.

значение целевой функции оказывали все ресурсы, не только труд. Естественно, это вызвало критику традиционных политэкономов: Канторовича стали обвинять в отходе от марксизма, в следовании теориям факторов производства и предельной полезности.

Как это ни странно, такая критика однажды пошла Канторовичу на пользу. Академик Иван Матвеевич Виноградов, директор Математического института АН СССР, в поздние годы был антисемитом, но поддержал избрание Канторовича в Академию наук. Когда некоторые академики, думая, что Виноградов не знает о национальности Канторовича, пытались «раскрыть ему глаза», он ответил: «Я знаю, но ведь он против Маркса...» [Леонид Витальевич Канторович., 2002. С. 219]. Видимо, для него это оказалось важным аргументом за избрание Канторовича в академию.

Разумеется, сам Канторович не был «против Маркса». Он был против тех «ортодоксальных» экономистов, которые свои «теоретические домыслы» «пытались отождествить с принципами марксизма-ленинизма» [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 97]. На микроуровне согласованность подходов Маркса и Канторовича (по крайней мере в ряде вопросов) показать легко. Например, можно рассмотреть, как Канторович определяет оценки земельных ресурсов [Канторович, 1960. С. 115–129]. Если пример, содержащийся в книге, представить в виде модели по оптимизации использования земли и подставить в эту модель данные из таблиц дифференциальной ренты по плодородию, содержащихся в III томе «Капитала» Маркса, то значения о. о. оценок Канторовича совпадут с величинами ренты [Белых, 1985].

Для всего народного хозяйства Канторович предложил «основную задачу производственного планирования», в которой о. о. оценки выпускаемой продукции были пропорциональны затратам труда [Канторович, 1960. С. 298–299]. Сам Канторович полагал, что его подход соответствовал общим принципам марксизма. На заседании комиссии по стоимости 30 марта 1959 года он заявил, что у Маркса есть три тома «Капитала», но нет шестого тома, в котором разбирались бы вопросы стоимости при социализме. «Развернутой теории экономики социалистического общества у Маркса нет и быть не может». Поэтому советские экономисты должны изучать экономические законы новой формации [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 212].

В письме председателю комиссии Немчинову Канторович отметил, что «у К. Маркса... при наличии нескольких производственных способов в одних случаях можно найти указание, что стоимость должна определяться затратами в доминирующем способе, в других — что средними условиями, в-третьих (теория ренты) — затратами в наихудших условиях — предельными за-

тратами». По мнению Канторовича, при определении стоимости решающим должен быть критерий практики: насколько «данная количественная форма стоимости может способствовать решению конкретных вопросов социалистической экономики» [Леонид Витальевич Канторович..., 2004. С. 116].

Такой прагматичный подход к определению того, какие затраты являются общественно необходимыми, был, конечно, оправдан. Однако вряд ли он мог удовлетворить «ортодоксальных» советских экономистов, для которых стоимость сводилась к средним затратам труда и у которых не было даже адекватного понимания Стоимости¹ Маркса.

3. Новожилов

Вы заметили, я никогда
не отрекался?

*В. В. Новожилов — Грегори Гроссману.
1961 год*

Виктор Валентинович Новожилов (1892–1970) родился в Харькове; его отец имел чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство; таким образом, Новожилов был дворянином, однако в советское время он, по понятным причинам, старался об этом не упоминать¹⁴.

В 1915 году Новожилов окончил юридический факультет Императорского Киевского университета св. Владимира (по отделению политической экономии и статистики), несколько месяцев проходил обучение за границей. С 1919 года преподавал в Киевском университете, с 1922 года работал в Ленинградском политехническом институте (ЛПИ). В 1920-е годы публикации Новожилова касались в основном вопросов денежного обращения. Он получил международную известность, приняв в 1925 и 1927 годах участие в двух международных конкурсах на лучшую критику книг по финансам.

В 1926 году Новожилов опубликовал статью «Недостаток товаров», в которой доказывал, что причиной дефицита товаров являются цены, не балансирующие спрос и предложение [Новожилов, 1926]. При расширении продаж по ценам, равным себестоимости, размеры неудовлетворенного спроса будут только нарастать. Для устранения недостатка товаров Новожилов рекомендовал, хотя и достаточно осторожно, повысить цены на про-

¹⁴ Наиболее подробное описание жизни и деятельности Новожилова содержится в большой статье Натальи Сергеевны Козерской [Козерская, 1995. С. 71–228].

мышленные товары, чтобы восстановить равновесие на рынке. Эта статья вызвала вполне ожидаемую реакцию. Редактор журнала «Плановое хозяйство» Николай Александрович Ковалевский заявил, что Новожилов выступает за «спекуляции рабочего государства на товарном голоде», что в его «очах светится тоска по настоящему, здоровому капитализму» [Ковалевский, 1926. С. 25]. Времена, по выражению Анны Андреевны Ахматовой, были еще «относительно вегетарианские», непосредственных последствий для Новожилова эта критика не имела. Однако он надолго перестал публиковаться, сосредоточившись на лекционной и консультационной работе¹⁵. В 1938 году Новожилов стал заведующим кафедрой экономики машиностроения в Ленинградском политехническом институте.

В конце 1930-х годов Новожилов обратился к проблемам эффективности капитальных вложений¹⁶. Первой его работой в этой области стала статья «Методы соизмерения народнохозяйственной эффективности плановых и проектных вариантов», опубликованная в 1939 году [Новожилов, 1939]. При рассмотрении различных вариантов капиталовложений возникают сложности, вызванные неодинаковостью их эффектов, наличием обратной зависимости между величинами капитальных и ежегодных затрат, неточным учетом затрат труда. Чтобы обойти эти трудности, Новожилов предложил следующую специальную процедуру.

Для достижения сравнимости вариантов необходимо привести их к одинаковому получаемому эффекту. Если эффект — объем продукции, необходимо сформировать вариант с максимальными из возможных в рассматриваемых вариантах выпусками. К каждому из рассматриваемых вариантов добавлялись определенные объемы ежегодных расходов и капиталовложений, обеспечивающие выпуск той продукции, которая дополняла данный вариант до максимального. Тем самым варианты становились соизмеримыми и отличались ежегодными и капитальными издержками. Если несколько вариантов будут тождественны по объему, месту и времени выпуска продукции, то выбор из них может быть сделан исходя из минимума затрат.

Теоретически такое решение выглядит убедительно и элегантно. В то же время понятно, что при практической реализации подхода Новожилова возникали бы непреодолимые трудности — и при формировании максимального варианта, и при расчете затрат для приведения сравниваемых вариантов к максимальному. Тем не ме-

¹⁵ До 1929 года Новожилов опубликовал несколько рецензий, затем в течение 10 лет не напечатал ни одной статьи.

¹⁶ Подробное исследование вопроса содержится в работе выдающегося исследователя советской экономики Грегори Гроссмана [Гроссман, 1992].

нее был сделан важный шаг в выработке теоретических подходов к соизмерению различных вариантов капиталовложений.

Концепция Новожилова легла в основу его докторской диссертации «Методы соизмерения народно-хозяйственной эффективности проектных вариантов», защита которой состоялась 10 марта 1941 года в Ленинградском политехническом институте. В качестве основы для сопоставления вариантов предлагалась норма эффективности капитальных вложений. «Главным оппонентом выступал академик Станислав Густавович Струмилин, который хотя и подверг резкой критике математический подход, но всё же оценил высокий уровень исследования и высказался за присуждение степени» [Леонид Витальевич Канторович., 2002. С. 60]. Иосиф Владимирович Романовский рассказывал автору настоящей статьи, что Струмилин закончил свое выступление так: «Поскольку речь идет всего лишь о присуждении степени доктора наук, то ее Виктор Валентинович, конечно, достоин». Ученый совет проголосовал за.

В марте 1942 года Новожилов в составе Политехнического института был эвакуирован в Пятигорск. В автобиографии он писал: «Вследствие невозможности эвакуации из Пятигорска при наступлении немцев... был вынужден остаться вместе с большей частью ЛПИ в Пятигорске на время немецкой оккупации. Чтобы избежать привлечения к работе по специальности и вывоза в Германию, я... зарегистрировался в Бюро труда как скрипач. В апреле 1943 года, после освобождения Пятигорска, выехал на место работы ЛПИ, в Ташкент, в Ленинград вернулся в 1944 году»¹⁷. То, что Новожилов некоторое время находился на оккупированной немцами территории, не сказалось на его научной и административной карьере. Докторская степень была утверждена в 1943 году, вскоре после его переезда в Ташкент. По-видимому, здесь сыграло роль то, что Новожилов во время оккупации не сотрудничал с немцами, а работал в частной организации — оркестре, игравшем в ресторане.

В ноябре 1943 года Новожилов подготовил статью «Методы нахождения минимума затрат в социалистическом хозяйстве», в которой предложил общий подход к определению оптимального плана народного хозяйства (опубликована в 1946 году). По мнению Новожилова, «для нахождения общего минимума затрат нужно учитывать не вложения и не расходы дефицитных материалов, а приращения труда на другие назначения, которые обусловлены использованием вложений или дефицитных материалов для этого назначения, а не для других». Эти приращения труда он назвал затратами обратной связи. «Общему минимуму затрат народного хо-

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 995 «В. В. Новожилов». Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 8–9.

зяйства удовлетворяют лишь те плановые варианты, которые требуют наименьших сумм затрат производства с затратами обратной связи» [Новожилов, 1946. С. 325]. В этой статье Новожилов ввел понятие норм обратной связи — это «максимальные затраты обратной связи, связанные с использованием единицы дефицитного средства производства при условии, что принятые применения соответствуют общему минимуму затрат» [Новожилов, 1946. С. 330].

В этой статье Новожилова впервые сделал попытку формализовать задачу минимизации трудовых затрат при ограничениях на использование ресурсов и на выполнение программы производства продукции. Строго говоря, точной постановки задачи в этой статье еще не было, использовалась формула минимума затрат, которые включали производственные затраты и затраты обратной связи, рассчитываемые как произведение норм обратной связи на объемы используемых ресурсов.

В математической записи нормы обратной связи являлись множителями Лагранжа для задачи условной оптимизации. Из рассуждений Новожилова следовало, что эти нормы обладали свойствами двойственных оценок задачи линейного программирования: они показывали изменение значения целевой функции при изменении величины ресурса на единицу и были равны нулю для худших, недефицитных ресурсов. Новожилов писал, что «по математической форме нормы затрат обратной связи сходны с нормой прибыли, дифференциальной земельной рентой и оценкой старых средств труда по издержкам воспроизводства, а сумма затрат производства с затратами обратной связи сходна с ценой производства» [Новожилов, 1946. С. 336, сноска]. Объяснял это Новожилов тем, что учет обратной связи между затратами свойствен развитым системам народного хозяйства. При капитализме этот учет осуществляется в стихийной форме, для социалистического хозяйства такой способ нахождения минимума затрат — единственно возможный с вычислительной точки зрения [Новожилов, 1946. С. 337].

В 1947 году Новожилов опубликовал новую статью, в которой более подробно развил свой подход, но уже не упоминал о сходстве вводимых им понятий с категориями капиталистической экономики [Новожилов, 1947]. Впрочем, такое умолчание не уберегло его от огульной критики. Позднее Канторович писал о событиях того времени:

Трудно без боли вспоминать, как в 1949–1950 годах «Вопросы экономики» развернули компанию по «разоблачению» сторонников расчета эффективности капитальных вложений... В результате вынужден был оставить свое место в Политехническом институте проф. В. В. Новожилов, несомненно, крупнейший советский ученый в области экономики... еще в 1940 году

оценивший значение линейного программирования [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 197].

К счастью, Виктор Валентинович не был репрессирован.

Новожилов продолжил свои исследования, и когда в конце 1950-х — начале 1960-х годов отношение к применению математических методов в экономической теории изменилось, ему удалось опубликовать несколько важных статей. Он ввел новый термин для обозначения суммы прямых затрат и затрат обратной связи — дифференциальные затраты. Новожилов доказывал, что общественно необходимые затраты труда могут выражаться как в традиционной стоимости, так и в ее модификациях. Одной из таких модификаций, по его мнению, как раз и являлись предлагаемые им дифференциальные затраты. В 1964 году Новожилов опубликовал в «Вопросах экономики» статью «Теория трудовой стоимости и математика», в которой впервые была корректно записана модель, фактически рассматривавшаяся в его прежних работах [Новожилов, 1972а. С. 267–287]. В этой статье решалась задача линейного программирования, в которой минимизировались затраты на производство конечной продукции при ограничениях на ресурсы и потребности в продукции. В двойственной задаче переменными были оценки продукции и нормативы эффективности ресурсов, максимизировался национальный доход, при условии что оценки продукции были не выше дифференциальных затрат. Нахождение оптимальных планов прямой и двойственной задач позволяло определить объемы выпусков, цены и нормативы эффективности используемых ресурсов.

Новожилов полагал, что его теория вполне совместима с теорией стоимости Маркса. Появление в 1961 году статьи Кэмпбелла стало для него, как и для Канторовича, неприятной неожиданностью. Новожилов попытался оспорить доводы Кэмпбелла в книге «Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании» [Новожилов, 1967]¹⁸, однако так и не смог переубедить его. Критика возражений Новожилова содержится в письме Кэмпбелла, адресованном автору настоящей статьи (приведено в приложении 2).

С логикой и аргументами Кэмпбелла трудно не согласиться, и каких-то дополнительных комментариев не требуется. Нужно отметить лишь один важный момент. Кэмпбелл в упомянутом письме пишет, что для него всегда оставалось загадкой, почему Новожилов в своих работах не упоминал об Александре Александровиче Конюсе. «Мне не попадались сведения о том, были ли Новожилов и Конюс лично знакомы и что они думали о работах друг друга. ...может быть, он <Новожилов> думал, что не стоит рисковать и напрашиваться на

¹⁸ Книга была переиздана в 1972 году, Кэмпбелл в письме к автору настоящей статьи цитирует это издание.

то, чтобы быть подвергнутым критике за субъективизм или пасть жертвой обвинений в принадлежности к школе предельной полезности».

Александр Александрович Конюс (1895–1990) — выдающийся советский экономист-математик и статистик. В 1988 году он рассказывал автору статьи, что познакомился с Новожиловым в конце 1940-х годов, был знаком с его работами и оценивал их весьма позитивно¹⁹. Но Конюс был учеником Александра Васильевича Чаянова и по приглашению Николая Дмитриевича Кондратьева с 1923 по 1929 год работал в Конъюнктурном институте. Оба этих выдающихся ученых были репрессированы по делу вымышленной «Трудовой крестьянской партии» и впоследствии расстреляны. Самого Конюса обвиняли в следовании теории предельной полезности. К счастью, репрессирован он не был, но с догадкой Кэмпбелла стоит согласиться: Новожилов не хотел давать своим противникам дополнительных поводов для критики.

4. Канторович и Новожилов

В. В. Новожилова нет с нами, но труды его навсегда останутся в истории экономической науки как исключительно яркое и выдающееся достижение.

*Л. В. Канторович.
Слово о Новожилове. 1972 год*

Сравнительный анализ взглядов Канторовича и Новожилова начнем с тех оценок, которые они давали работам друг друга.

Канторович о Новожилове

В своих воспоминаниях «Мой путь в науке» Канторович пишет, что знакомство ученых произошло летом 1940 года по инициативе Новожилова, который

...занимался задачей наиболее эффективного использования капиталовложений, рассматривая ее как экстремальную — математически эта задача не очень интересна, потому что это однопараметрический случай и задача решается введением одного разрешающего множителя. ...Наше знакомство состоялось по инициативе Виктора Валентиновича, на которого моя брошюра <[Канторович, 1939]> произвела большое впечатление — использование нескольких разрешающих множителей позволило ему дать более широ-

¹⁹ Интервью с А. А. Конюсом хранится в личном архиве автора.

кие постановки задач, которыми он раньше занимался [Леонид Витальевич Канторович., 2002. С. 60].

В этих словах проявляется чувство некоторого превосходства, но обычно Канторович очень высоко оценивал Новожилова. Так, в докладе «Оптимальное планирование и экономические показатели» 5 апреля 1960 года он сказал, что Новожилов «был первым экономистом, который оценил значение линейного программирования для экономического анализа... С другой стороны, я перешел от более частных задач к общим планово-экономическим приложениям линейного программирования в какой-то мере под влиянием Новожилова» [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 121]. Пожалуй, это единственный случай, когда Канторович говорит о том, что на него оказал влияние кто-то из экономистов.

Канторович был возмущен тем, что на выборах в АН СССР в 1960 году Новожилова забаллотировали, а избрали Льва Марковича Гатовского, главного редактора журнала «Вопросы экономики». «Несмотря на то что большинство академиков-экономистов объявляло себя поборниками математических методов в экономике, В. В. Новожилов, являющийся самым выдающимся специалистом в этой области, получил ноль голосов!» [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 199].

Новожилов о Канторовиче

Новожилов впервые упоминает Канторовича в статье 1946 года. Представляя свой подход к определению минимума затрат в социалистическом хозяйстве, он писал, что хотя этот метод «сходен со способом Лагранжа, но в общем виде был разработан проф. Л. В. Канторовичем в 1939 году под названием метода решающих множителей» [Новожилов, 1946. С. 336, сноска]. В последующих публикациях Новожилов уже не упоминал о том, что его метод нахождения оптимального решения, по сути, является адаптацией метода Канторовича. Статью 1946 года Новожилов никогда не переиздавал, что, по-видимому, было вызвано нежеланием говорить о приоритете Канторовича.

Для Новожилова было важно заявить, — а если получится, то и доказать, — что не только экономические, но и математические исследования он проводил независимо от Канторовича. Это хорошо видно из переписки Новожилова с канадским историком Голубничим, опубликовавшим уже после смерти Новожилова большую работу «Теория ценности В. В. Новожилова» [Holybnychy, 1982]. 28 февраля 1967 года Голубничий сообщал Новожилову (переписку Голубничего и Новожилова см. в Приложении 1):

В работе Канторовича 1939 года еще не было решения двойственной задачи линейного программирования, в то время как Лагранжевы множители — это и есть оптимальные векторы как раз двойственной задачи... Следовательно, Ваши ссылки на Лагранжа говорят о том, что Вы свое решение задачи выводили всё-таки независимо от метода Канторовича.

В своем ответе, датированном 20 июля 1967 года, Новожилов писал:

Ваша догадка, что задачи оптимального планирования я начал разрабатывать независимо от работ Л. В. Канторовича, справедлива. Но поскольку публикация моих работ конца 30-х годов запоздала и поскольку Л. В. Канторович разработал задачу в общем, математическом виде, с учетом приложений метода множителей в ряде частных задач, то я при публикациях своих работ учитывал эти достижения, тем более что, начиная с 1934 года, моя работа проходила в дружеском контакте с Л. В. Канторовичем. Поэтому я считаю, что лишь Л. В. Канторович имеет право упоминать о том, что моя работа по вопросам оптимального планирования была начата еще до появления метода разрешающих множителей. ...Мне же этот вопрос кажется несущественным.

Трактовка Новожилова выглядит спорной, а точнее — она просто неверна. Прежде всего, вызывает удивление дата — 1934 год. Конечно, письмо написано от руки и, скорее всего, это описка. Возможно, Новожилов имел в виду 1939 год, хотя Канторович датировал их знакомство 1940 годом. По-видимому, Новожилову хотелось датировать свои исследования как можно более ранним годом. Затем, о каких задачах оптимального планирования и о каком запоздалом опубликовании работ 1930-х годов могла идти речь? Сама формальная постановка оптимизационной задачи появилась у Новожилова только в статье 1946 года, написанной после знакомства с работами Канторовича, что признавал и сам Новожилов. Вопрос об использовании термина «множители Лагранжа» совершенно вторичен. Математически это, конечно, переменные двойственной задачи линейного программирования, или, в терминологии Канторовича, разрешающие множители.

По-видимому, Новожилову было важно создать у Голубничего впечатление, что он не испытывал влияния Канторовича. Это как раз опровергает слова Новожилова о том, что для него данный вопрос не являлся существенным²⁰. Во всяком случае Голубничий поверил Новожилову, и это отразилось в его публикации.

²⁰ В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся черновики трех писем Новожилова Голубничему. Черновик письма от 20.07.1967 представляет собой лист бумаги формата А4, содержащий многочисленные зачеркивания, вставки, пометки на полях. Козерская, публикуя выдержку из этого письма, об этом не упоминает. Черновик письма не закончен. Видно, что Новожилов возвращался к нему несколько раз, для него ответ на вопрос Голубничего был действительно важен. Итоговый текст письма, посланный Голубничему (см. Приложение 1), существенно отличается от чернового варианта.

Общее в подходах Канторовича и Новожилова

1. Канторович и Новожилов рассматривали народное хозяйство как единое целое и считали, что в условиях социализма возможно оптимальное планирование экономики. Оптимальному плану соответствовала бы система оценок, являющихся оптимальным планом двойственной задачи. Канторович называл их объективно обусловленными затратами, Новожилов — ценами и нормативами эффективности. Именно эти показатели характеризовали общественно необходимые затраты труда и должны были бы использоваться при ценообразовании.

2. Оба ученых полагали, что их взгляды совместимы с марксистской теорией стоимости, если трактовать ее творчески, а не сводить понятие стоимости к средним затратам труда, произведенным при выпуске продукта.

3. Они предлагали существенные изменения в действовавшей системе планирования и ценообразования, в организации хозяйственного расчета — на основе использования оптимизационных расчетов.

4. Канторович дал четкую формулировку: «...я стою с В. В. Новожиловым на одной позиции и в отношении основных исходных положений, и в отношении конечных выводов» [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 105].

5. Подходы Канторовича и Новожилова подвергались критике со стороны консервативных политэкономов — при этом использовались сходные доводы. Ученых упрекали в переходе на позиции буржуазной науки, в следовании теориям предельной полезности и производительности факторов производства.

6. В моделях Канторовича и Новожилова в качестве исходных параметров использовались текущие затраты и цены. Вопрос о том, как изменились бы оптимальные планы в том случае, если исходными данными стали бы цены оптимального плана, ни Канторовичем и Новожиловым, ни другими исследователями не ставился. Другими словами, проблема трансформации применительно к советскому планированию не только не решалась, но даже не формулировалась.

7. Реальные процессы планирования существенно отличались как от теоретических построений специалистов по политической экономии социализма, так и от оптимизационных моделей экономистов-математиков.

Различия в подходах Канторовича и Новожилова

1. Тексты Новожилова, содержащие математические выкладки, порой были недостаточно строгими, точные доказательства под-

менялись интуитивными соображениями. Канторович даже при изложении экономических примеров использовал аккуратные математические модели.

2. Новожилов, пытаясь обосновать свою теорию, проводил более детальный анализ работ Маркса, апеллировал к закону экономии труда, писал о модификациях форм стоимости, различных видах общественно необходимых затрат труда. Публикации Новожилова выглядели более «марксистскими», чем работы Канторовича.

3. Новожилов полагал, что дифференциальные затраты в его моделях существенно отличались от объективно обусловленных оценок Канторовича, которые, по его мнению, всё же были сходны с потребительскими оценками.

4. Различий, особенно в частностях, было немало, но о них хорошо сказал сам Канторович в письме Новожилову 1 декабря 1963 года: «...в настоящее время, когда наша точка зрения начинает завоевывать общее признание, не стоит углублять небольшие имеющиеся расхождения. Тем более что мое имя перестает быть одиозным» [Леонид Витальевич Канторович..., 2004. С. 549].

Заключение

Что есть истина?

Понтий Пилат (Иоанн 18:38)

В оптимизационных задачах Канторовича и Новожилова, их сторонников и последователей рассматривалась централизованная экономика, однако получаемые в результате расчетов величины — о. о. оценки и дифференциальные затраты — использовались в качестве аргументов для децентрализации управления и совершенствования ценообразования. «Ортодоксальные» консервативные политэкономы, считавшие, что стоимость определяется средними затратами труда, естественно, сочли эти подходы отказом ученых от марксизма. В какой-то степени аналогичной была реакция западных ученых, только они воспринимали выводы экономистов-математиков как достоинство их работ.

Вопрос о соотношении концепций Канторовича и Новожилова с теорией стоимости Маркса решался по-разному, но на самом деле сама постановка этого вопроса была неточной. Теория стоимости, которую развивал Маркс, не была им завершена, более того, как показано выше, он зашел в тупик. Стоимость₂ уже неотличима от рыночной цены, даже если отвлечься от того факта, что товары

в капиталистической экономике XIX века, которую анализировал Маркс, обменивались уже по ценам производства.

В оптимизационных задачах Канторовича и Новожилова, формулируемых для всего народного хозяйства, строго говоря, обмен товаров и рыночные отношения не моделировались. В них не было отдельных субъектов экономики. Поэтому получаемые результаты необходимо было рассматривать прежде всего с точки зрения экономической теории. Параметры рассчитываемых оптимальных планов нельзя было бы непосредственно использовать в реальном планировании, даже если бы удалось построить оптимизационные модели на макроуровне.

Канторович был уверен:

Никакой ревизии марксизма в работах советских экономистов-математиков нет, эта «ревизия» надумана нашими «пророками от Маркса» как удобный флаг борьбы за упрочение своего монопольного положения, за сохранение кастовости и начетничества в экономической науке, разрушающее влияние которых душил все прогрессивные идеи и тормозит развитие народного хозяйства [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 206–207].

Если иметь в виду работы самого Маркса, ревизии действительно не было — нельзя ревизовать незавершенную и, по сути, не состоявшуюся теорию. Но если говорить о тех концепциях консервативных советских экономистов, которые претендовали на единственно правильное понимание Маркса, то нужно продолжить цитату Канторовича: «Речь идет только о необходимости ревизии К. В. Островитянова (и его присных), но она необходима, и мы имеем на это право»²¹ [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 207].

В какой степени эта «необходимая ревизия» удалась, какова должна быть оценка места Канторовича и Новожилова в истории экономической науки — предмет отдельного исследования. Тем не менее общепризнано, что идеи этих ученых и экономистов-математиков в целом оказали определенное влияние на формирование концепции косыгинской реформы. Нужно отметить, что в докладе о реформе на октябрьском 1965 года Пленуме ЦК КПСС Косыгин сформулировал важное положение: «Если нет обоснованных цен, то и экономические расчеты становятся недостаточно надежными, а это в свою очередь способствует принятию субъективистских решений» [Косыгин, 1979. С. 339]. Именно об этом неоднократно писал Канторович. По свидетельству Николая Константиновича Байбакова²², Косыгин «считал одним из надежных путей улучшения работы Госплана широкое

²¹ К. В. Островитянов (1892–1969) — старый большевик, активный участник Октябрьского переворота 1917 года в Москве, академик, возглавлял Институт экономики АН СССР (1947–1953), был главным редактором журналов «Вопросы экономики» (1948–1954) и «Вестник АН СССР» (1953–1963).

²² Байбаков занимал пост председателя Госплана СССР с 2 октября 1965 по 14 октября 1985 года.

использование экономико-математических методов и вычислительной техники» [Байбаков, 2012. С. 123]. Одной из идей Канторовича была необходимость отражения в ценообразовании оценок всех дефицитных ресурсов. Введение в ходе реформы платы за фонды вполне соответствовало этому подходу. Приведем также оптимистичную оценку косыгинской реформы Новожиловым: «Проникнутая принципами оптимального планирования, хозяйственная реформа 1965 года должна в итоге сблизить практику и теорию в области, где разрыв между ними был особенно велик, — в области измерения результатов» [Новожилов, 1967. С. 14]²³.

В заключение хотелось бы рассказать о двух эпизодах из жизни выдающихся ученых Канторовича и Новожилова.

Однажды Грегори Гроссман рассказал мне об обстоятельствах своей первой встречи с Новожиловым. В апреле 1961 года Гроссман и Кэмпбелл в составе делегации американских экономистов посетили СССР. Когда они были в Ленинграде, их пригласили на прием в университет и заранее спросили, с кем из ученых они хотели бы встретиться. Гроссман назвал Новожилова. Во время приема знакомство состоялось, но Гроссман заметил, что какой-то человек постоянно находится на близком расстоянии и следит за беседой. Оба ученых понимали, какие последствия для Новожилова могла иметь откровенность, поэтому разговор шел о музыке, о погоде и т. п. Затем всех присутствующих пригласили за стол. Новожилов и Гроссман смогли сесть рядом. Но и теперь кто-то из официантов постоянно находился за спиной. Вдруг Новожилов уронил салфетку. Гроссман наклонился, чтобы поднять ее, но и Новожилов потянулся за ней. На какое-то мгновение их головы скрылись под столом. Тогда Новожилов прошептал Гроссману на ухо: «Вы заметили, я никогда не отрекался?» Салфетка была поднята, и непринужденный разговор о музыке и погоде продолжался.

В конце 1961 года Канторович получил от анонимного отправителя бандероль с книгой «Судьба Галилея»²⁴. Сын Канторовича предполагал, что этим отправителем был Кэмпбелл [Леонид Витальевич Канторович., 2004. С. 384]. Скорее всего, так оно и было, и этот поступок стал следствием разговора Гроссмана и Новожилова, о котором Кэмпбелл, конечно, знал, поскольку был на том же обеде. Действительно, и Канторович никогда не отрекался от своих идей.

²³ Насколько эти ожидания реализовались, рассматривается в статьях [Сафронов, 2025; Belykh, 2022].

²⁴ О какой книге идет речь, установить не удалось. Сам факт анонимности говорит о понимании отправителем политической ситуации в стране.

Из переписки В. В. Новожилова и В. С. Голубничего²⁵From Correspondence Between Viktor Novozhilov
and Vselovod Holubnychy

В. С. Голубничий — В. В. Новожилову, 28 февраля 1967 года

<...>

Сейчас я сижу над сравнением Ваших работ с работами Л. В. Канторовича. Разница в экономической области для меня совершенно понятна, а вот в области математики нахожусь в некотором недоумении. Разрешите поэтому поставить Вам несколько вопросов и при этом проверить, верна ли моя интерпретация.

1. Зачем Вы все время, с самого начала и до конца ссылаетесь на Лагранжа и его множители? Канторович Лагранжа не упоминает нигде.

2. Согласны ли Вы с А. Л. Вайнштейном (АН СССР, Экономико-математические модели народного хозяйства, Экономико-математические методы, Вып. III, 1966. Стр. 22–23), что, мол, Ваши «дифференциальные затраты» и «О. О. О.» Канторовича — это математически одно и то же? Я склоняюсь к тому, чтобы с этим не согласиться, по крайней мере исторически.

3. Мне кажется, что Ваши ссылки на Лагранжа более последовательны и совместимы с экономической целеустремленностью Ваших исследований и что Канторович здесь почти ни причем. В работе Канторовича 1939 года еще не было решения двойственной задачи линейного программирования, в то время как Лагранжевы множители — это и есть оптимальные векторы как раз двойственной задачи (если и когда они являются седловой точкой). Следовательно, Ваши ссылки на Лагранжа говорят о том, что Вы свое решение задачи выводили все-таки независимо от метода Канторовича (хотя, конечно, были знакомы с этим методом с самого начала), и я бы сказал, шли глубже и дальше, чем он в своей первоначальной работе, хотя с двойственной задачей ЛП <линейного программирования> и Вы, как и он, вначале не были еще знакомы (утверждение, что Канторович «вначале» не был знаком с теорией двойственности, неточно: см. сноску 9. — *Примеч. А. Б.*). Поправьте меня, пожалуйста, если я наплел несуразность.

²⁵ Vsevolod Holubnychy Papers. University of Alberta Archives. No 79–142. В архиве хранятся восемь писем Голубничего Новожилову и семь писем — Новожилова Голубничему за период с 20 июня 1966 по 8 января 1969 года. Голубничий писал по-русски. Орфография и пунктуация писем сохранены.

В. В. Новожилов — В. С. Голубничему, 20 июля 1967 года

Уважаемый Всеволод Сергеевич!

<...>

Отвечаю на Ваши вопросы.

1. При разработке своей модели я исходил из метода множителей Лагранжа как общеизвестного классического приема, делая от него переход к итеративному методу потенциально-оптимальных сочетаний вариантов (пробных норм эффективности ресурсов). Этот метод изложен на с. 156–159 сб. «Применение математики в экономических исследованиях» 1959 года <[Новожилов, 1959]>. Дальнейшее развитие этого метода дано на стр. 164–170. При этом на стр. 168 (второй абзац) отмечена связь между доказательством эффективности метода потенциально оптимальных сочетаний в простейшем случае (стр. 122–124), методом Лагранжа и методом потенциально оптимальных сочетаний в общем виде.

2. Вы спрашиваете, согласен ли я с А. Л. Вайнштейном, что «дифференциальные затраты» и «О.О.О.» Канторовича — это математически одно и то же. Дифференциальные затраты труда отличаются от «О.О.О.» тем, что труд в них (Д. З.) входит не по «О.О.О.». Редукция сложного труда к простому производится по иному закону, чем образование «О.О.О.». О.о. оценка труда может быть полезна в задачах текущего планирования — для наилучшего использования дефицитных профессий. Но в перспективном планировании редукция сложного труда должна отражать условия воспроизводства рабочей силы, в том числе условия оптимального восстановления и развития творческих сил и способностей работников различных профессий. В ближайшем будущем я должен написать статью «Дифференциальные затраты». Тогда я основательнее продумаю также поставленный Вами вопрос.

3. Ваша догадка, что задачи оптимального планирования я начинал разрабатывать независимо от работ Л. В. Канторовича, справедлива. Но поскольку публикация работ моих конца 30-х годов запоздала и поскольку Канторович разработал задачу в общем, математическом виде, с учетом приложений метода множителей в ряде частных задач, то я при публикации своих работ учитывал эти достижения, тем более что, начиная с 1934 года, моя работа протекала в дружеском контакте с Л. В. Канторовичем. Поэтому я считаю, что лишь Л. В. Канторович имеет право упомянуть о том, что моя работа по вопросам оптимального планирования была начата еще до появления метода разрешающих множителей. В настоящее время — на даче — я не имею под рукой те издания, в которых Л. В. Канторович отмечал мои работы 30-х годов. Если Вас инте-

ресует, то при посещении Ленинграда я наведу соответствующую справку. Мне же этот вопрос кажется несущественным.

Книга моя находится в печати и должна выйти в четвертом квартале 67 года. К тому же времени должны появиться две статьи о проводимой хозяйственной реформе как начале новой фазы развития системы управления социалистическим хозяйством.

Мой летний адрес: Ленинград, Комарово, ул. Академиков, 11, кв. 2.

С искренним уважением, <подпись> (Виктор Валентинович Новожилов).

П р и л о ж е н и е 2

Р. Кэмпбелл — А. Белых²⁶

A p p e n d i x 2

Robert Campbell to Andrei Belykh

14 сентября 1988 года

Дорогой профессор Белых,

<...>

В Индиане работает профессор-экономист — Рой Гарднер. Он занимается теорией игр, и его очень интересуют советские экономисты-математики. ...Недавно он завершил работу над статьей, в которой постарался поглубже разобраться с разрешающими множителями, предложенными Канторовичем <[Gardner R., 1990]>. (В результате моего общения с Гарднером он существенно изменил те оценки работ Канторовича, о которых пишет Кэмпбелл. — *Примеч. А. Б.*) В ней Гарднер демонстрирует, что эти величины не полностью совпадают с теневыми ценами в стандартной задаче линейного программирования. Гарднер озадачен тем, что Канторович, по всей вероятности, и не собирался приводить доказательство существования оптимального решения. Он также выражает сомнения по поводу того, что у Канторовича действительно имелся алгоритм для решения всех вариантов этой проблемы. И т. д., и т. п. В любом случае я уверен, что Вам будет интересно с ним побеседовать. <...>

²⁶ Письмо написано по-английски, перевод на русский автора.

К письму Кэмпбелла были приложены ксерокопии страниц из книги Новожилова. На этих страницах некоторые цитаты были выделены и обозначены латинскими буквами (a), (b) и (c). Для удобства читателя эти цитаты Новожилова включены в текст письма.

Теперь относительно Вашего вопроса о моей реакции на критику Новожилова. В своих опубликованных работах я ему так и не ответил, но я много размышлял по поводу его аргументации. Однажды, когда мне и Грегори Гроссману довелось встретиться с Новожиловым в Ленинграде, мы обсудили его критические замечания. Правда, переубедить друг друга нам так и не удалось. Как здорово, что мне посчастливилось лично встретиться с Новожиловым — я всегда восхищался им, по понятным причинам. У меня под рукой нет английского издания его книги, но мои комментарии, которые я привожу ниже, относятся к соответствующим разделам русского издания 1972 года. Я думаю, что в этой книге приводятся его главные аргументы.

В первом пункте (см. (а)) говорится, что справедливость марксистской теории проявилась в ее способности предсказать появление социализма:

(а) Теории проверяются их соответствием фактам, их применением на практике. В этом отношении прежде всего нужно внести существенную поправку в рассказ Кэмпбелла о судьбе экономической науки за последние полвека. В нем есть пробел: не упомянуто, что в начале этого периода произошла самая значительная в истории проверка экономических теорий. Возник социализм. Марксистская теория предвидела этот факт, объяснила его как закономерный этап развития. Западная же теория не только не предсказала его, но и до сих пор еще не может удовлетворительно объяснить, как это могло случиться и как возможна плановая экономика <[Новожилов, 1972b. С. 331]>.

Я согласен, что Маркс был одним из наиболее глубоких мыслителей, которые когда-либо пытались разрешить вопрос о движущих силах и механизмах, вызывающих изменения в социально-экономических системах. На самом деле в течение ряда лет я полагал, что идеи Маркса оказались пророческими применительно к СССР. Поэтому я с большим удивлением узнал, что критики советского строя действительно использовали идеи Маркса о динамике системы для анализа необходимости проведения изменений в системах советского типа, а также для анализа сил, запускающих эти изменения. Но это в действительности не имеет никакого отношения к обоснованности теории стоимости Маркса. Как мне кажется, цепочка «теория стоимости — теория прибавочной стоимости — взаимоотношения между капиталистами и рабочими — революция — появление в СССР советского административного стиля управления экономикой» является поразительно непрочной и может иметь различные интерпретации.

На более серьезном и техническом уровне суть нашего спора касается пункта (b) и сноски 30:

(b) Поэтому в случае целесообразности увеличения плана производства это возможно как за счет использования тех ресурсов, которые при меньшей программе не нужно было эксплуатировать, так и за счет выбора менее фондоемких вариантов вложений (если лимит вложений нецелесообразно увеличить) <[Новожилов, 1972b. С. 332]>.

Сноска 30: Кэмпбелл, очевидно, имеет в виду следующее наше замечание: «Если эти затраты (минимальные. — В. Н.) будут настолько малы, что будет целесообразно увеличить программу производства, то она может быть пересмотрена» («Применение математики в экономических исследованиях» <[Новожилов, 1959>, стр. 170]) <[Новожилов, 1972b. С. 332]>.

На самом деле Новожилов утверждает, что, если мы не получим оптимального плана, минимизируя количество труда при ограничении на выпуск заданного набора продуктов и ограничений на остальные ресурсы, мы сможем вернуться к начальным расчетам и переформулировать проблему, увеличив желательные объемы конечных выпусков, а затем вновь решить оптимизационную задачу, минимизируя затраты труда. Иными словами, он подразумевает существование итерационного процесса, но ничего не говорит о том, как будут определяться новые объемы производства конечных продуктов и/или изменения в ограничениях (таких, например, как объемы капиталовложений). С моей точки зрения, этот процесс не может быть осуществлен без использования такой целевой функции, которая максимизирует благосостояние, а не той, при которой минимизируются затраты труда. Вот почему я говорю о необходимости теории, объясняющей стоимость полезностью.

Для меня всегда оставалось загадкой, почему при объективном, доброжелательном и точном изложении моей аргументации Новожилов решил не упоминать мое утверждение о том, что его теория еще раньше наполовину была разработана Конюсом (абзац (с)):

(с) Советские экономисты освободились от ограничений марксистской теории, что уже будто бы почти совершилось в работах Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова.

Но эти авторы, по мнению Кэмпбелла, не довели дело до конца: в их схемах структура конечного продукта принимается заданной, тогда как в действительности она является важным элементом в экономической системе. Однако теория потребления уже разрабатывается в СССР. Когда кто-либо соединит ее с работами Канторовича и Новожилова, то завершится вторичное открытие западной теории ценности. Такова суть статьи Кэмпбелла <[Новожилов, 1972b. С. 330]>.

Новожилов пишет в настоящем времени («разрабатывается») и не упоминает имени Конюса. Мне не попадались сведения о том, были ли Новожилов и Конюс лично знакомы и что они думали о работах друг друга. Мне кажется, что Новожилов так и не смог до конца проникнуть в суть исследований Конюса. Однако может быть, он думал, что не стоит рисковать и напрашиваться на то, что-

бы быть подвергнутым критике за субъективизм или пасть жертвой обвинений в принадлежности к школе предельной полезности.

И, наконец, то, что он утверждает на с. 333 о различии между субъектом и объектом, мне кажется просто нерелевантным:

Коренной порок теории общего экономического равновесия (Вальраса и др.) состоит в игнорировании различия между ограниченностью труда и ограниченностью средств труда. По сути дела, эти теории не учитывают различий между субъектами и объектами общественного хозяйства <[Новожилов, 1972b. С. 333]>.

Должен признать, что такая реакция у меня обычно возникает на то, с какой настойчивостью советские исследователи вынуждены делать это различие практически в любом контексте. Если под социальной экономикой (а именно так я трактую термин «общественное хозяйство») понимать нечто, что стоит выше отдельных индивидуумов, то для такой социальной общности я не вижу различий между следующими фактами:

(а) существуют ограничения на размер усилий, которые можно получить от индивидуума (в форме кривой предложения усилий),
и (б) существуют ограничения на количество нефти, которое находится в недрах земли, или: для живущего сейчас поколения существуют альтернативные издержки, связанные с ускорением создания капитальных благ.

Итак, я не могу дать конкретных комментариев на то, о чем он говорит на этой странице, — мне почему-то не удается увязать это с ходом его мысли.

Еще раз хочу поблагодарить Вас за Ваше письмо. Я надеюсь, этот ответ в какой-то степени окажется Вам полезным.

Искренне Ваш,
Роберт У. Кэмпбелл
Почетный профессор экономики

Литература

1. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет: в 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1962.
2. Байбаков Н. К. Из записок зампреда // Косыгин. Вызов премьера. М.: Алгоритм, 2012. С. 119–134.
3. Белых А. А. История российских экономико-математических исследований. Первые сто лет. М.: ЛКИ, 2007.
4. Белых А. А. Количественный анализ таблиц дифференциальной ренты К. Маркса и расчет оценок природных ресурсов при социализме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 1985. № 19. С. 117–121.
5. Белых А. А. Экономические идеи Л. В. Канторовича и их восприятие в СССР и на Западе // AlterEconomics. 2024. Т. 21. № 1. С. 82–102.

6. Гроссман Г. Ограниченность капитала и советская доктрина // Экономика и математические методы. 1992. Т. 28. № 5–6. С. 650–673. DOI: 10.31857/S0000621-2-1.
7. Канторович Л. В. Математико-экономические работы. Новосибирск: Наука, 2011.
8. Канторович Л. В. Мой путь в науке (предполагавшийся доклад в Московском математическом обществе) // Успехи математических наук. 1987. Т. 42. Вып. 2. С. 183–213. DOI: 10.1070/RM1987v042n02ABEH001311.
9. Канторович Л. В. Мой путь в науке // Леонид Витальевич Канторович: человек и ученый: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: СО РАН, 2002.
10. Канторович Л. В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: АН СССР, 1960.
11. Ковалевский Н. А. Назад к капитализму // Плановое хозяйство. 1926. № 5. С. 7–29.
12. Козерская Н. С. На трудном пути возрождения российской экономической науки // Новожилов В. В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука, 1995. С. 71–228.
13. Косыгин А. Н. К великой цели. Избранные речи и статьи: в 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979.
14. Кэмпбелл Р. Маркс, Канторович, Новожилов: стоимость против реальности // Экономика и математические методы. 1992. Т. 28. № 5–6. С. 674–686. DOI: 10.31857/S0000621-2-1.
15. Леонид Витальевич Канторович: человек и ученый: в 2 т. / ред.-сост. В. Л. Канторович, С. С. Кутателадзе, Я. И. Фет. Новосибирск: СО РАН. Т. 1, 2002. Т. 2, 2004.
16. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.
17. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
18. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1962а.
19. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1962b.
20. Новожилов В. В. Вопросы развития социалистической экономики. М.: Наука, 1972а.
21. Новожилов В. В. Измерение затрат и результатов в социалистическом хозяйстве // Применение математики в экономических исследованиях: в 3 т. / под ред. В. С. Немчинова. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. 1. С. 42–213.
22. Новожилов В. В. Методы нахождения минимума затрат в социалистическом хозяйстве // Труды Ленинградского политехнического института. 1946. № 1. С. 322–337.
23. Новожилов В. В. Методы соизмерения народнохозяйственной эффективности плановых и проектных вариантов // Труды Ленинградского индустриального института. 1939. № 4. С. 1–23.
24. Новожилов В. В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2. С. 75–96.
25. Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967.
26. Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. 2-е изд. М.: Наука, 1972b.
27. Новожилов В. В. Способы нахождения максимума эффекта капиталовложений в социалистическом хозяйстве // Труды Ленинградского финансово-экономического института. 1947. Вып. III. С. 116–159.
28. Сафронов А. В. Косыгинская реформа: от идеи до сворачивания // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 5. С. 12–69. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-12-69.
29. Belykh A. Communism = Soviet Power + Planning. Planning and Mathematical Economics in the Soviet Union // Communist Planning versus Rationality. Mathematical Economics and the Central Plan in Eastern Europe and China / ed. by J. M. Kovács. Lanham: Lexington Books, 2022. P. 255–292.
30. Campbell R. W. A Biobibliographical Dictionary of Russian and Soviet Economics. New York: Routledge, 2012.
31. Campbell R. W. Marx, Kantorovich and Novozhilov: *Stoimost'* Versus Reality // Slavic Review. 1961. Vol. 20. No 3. P. 402–418.

32. Gardner R. L. V. Kantorovich: The Price Implications of Optimal Planning // Journal of Economic Literature. 1990. June. Vol. XXVIII. P. 638–648.
33. Holubnychy V. Novozhilov's Theory of Value // Soviet Regional Economics. Selected Works of Vsevolod Holubnychy / ed. by I. S. Koropecyky. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies; University of Alberta, 1982. P. 381–484.

References

1. XXII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. 17-31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskiy otchet: v 3 t. T. 3 [22nd Congress of the Communist Party of the USSR, 17-31 October 1961, verbatim transcript, in 3 vol., vol. 3]. Moscow, Politizdat, 1962. (In Russ.)
2. Baybakov N. K. Iz zapisok zampreda [From the Memoirs of the Prime Minister Deputy]. In: Kosygin, vyzov prem'era [Kosygin. Prime Minister's Challenge]. Moscow, Algoritm, 2012, pp. 119-134. (In Russ.)
3. Belykh A. A. Istoriya rossiyskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy. Pervye sto let [History of Mathematical Economics in Russia. The First 100 Years]. Moscow, LKI, 2007. (In Russ.)
4. Belykh A. A. Kolichestvennyy analiz tablits differentsial'noy renty K. Marksa i raschet otse-nok prirodnkh resursov pri sotsializme [The Quantative Analysis of K. Marx's Differential Rent Tables and the Calculation of Natural Resources Valuations Under Socialism]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal], 1985, no. 19, pp. 117-121. (In Russ.)
5. Belykh A. A. Ekonomicheskie idei L. V. Kantorovicha i ikh vospriyatie v SSSR i na Zapade [Leonid Kantorovich's Economic Ideas and Their Perception in the USSR and the West]. AlterEconomics, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 82-102. (In Russ.)
6. Grossman G. Ogranichennost' kapitala i sovetskaya doktrina [Limited Capital and the Soviet Doctrine]. Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and the Mathematical Methods], 1992, vol. 28, no. 5-6, pp. 650-673. DOI: 10.31857/S0000621-2-1. (In Russ.)
7. Kantorovich L. V. Matematiko-ekonomicheskie raboty [Mathematical-Economic Articles]. Novosibirsk, Nauka, 2011. (In Russ.)
8. Kantorovich L. V. Moy put' v nauke (predpolagavshiysya доклад v Moskovskom matemati-cheskom obshchestve) [My Journey in Science (Proposed Report to the Moscow Math-ematical Society)]. Uspekhi matematicheskikh nauk [Russian Mathematical Surveys], 1987, vol. 42, no. 2, pp. 183-213. DOI: 10.1070/RM1987v042n02ABEH001311. (In Russ.)
9. Kantorovich L. V. Moy put' v nauke [My Journey in Science]. In: Leonid Vitalyevich Kan-torovich: chelovek i uchenyy [Leonid Vitalyevich Kantorovich: A Person and a Scientist]. No-vosibirsk, SO RAN, 2002, pp. 15-75. (In Russ.)
10. Kantorovich L. V. Ekonomicheskiy raschet nailuchshego ispol'zovaniya resursov [Economic Calculation of The Best Use of Economic Resources]. Moscow, AN SSSR, 1960. (In Russ.)
11. Kovalevskiy N. A. Nazad k kapitalizmu [Back to Capitalism]. Planovoe khozyaystvo [Planned Economy], 1926, no. 5, pp. 7-29. (In Russ.)
12. Kozerskaya N. S. Na trudnom puti vozrozhdeniya rossiyskoy ekonomicheskoy nauki [On the Thorny Way Toward the Russian Economic Science Revival]. In: Novozhilov V. V. U istokov podlinnoy ekonomicheskoy nauki [At the Origins of the True Economic Science]. Moscow, Nauka, 1995, pp. 71-228. (In Russ.)
13. Kosygin A. N. K velikoy tseli: Izbrannye rechi i stat'i: v 2 t. T. 1. [Towards Great Goal. Selected Speeches and Papers, in 2 vol., vol. 1]. Moscow, Politizdat, 1979. (In Russ.)
14. Campbell R. Marx, Kantorovich, Novozhilov: stoimost' protiv real'nosti [Marx, Kan-torovich and Novozhilov: Stoimost' Versus Reality]. Ekonomika i matematicheskie meto-dy [Economics and the Mathematical Methods], 1992, vol. 28, no. 5-6, pp. 674-686. DOI: 10.31857/S0000621-2-1. (In Russ.)
15. Kantorovich V. L., Kutateladze S. S., Fet Ya. I. (eds.). Leonid Vitalyevich Kantorovich: chelovek i uchenyy: v 2 t. [Leonid Vitalyevich Kantorovich: A Person and a Scientist, in

- 2 vol.]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1, 2002. Vol. 2, 2004. (In Russ.)
16. Marx K. Zamechaniya na knigu A. Vagnera "Uchebnik politicheskoy ekonomii" [Notes on A. Wagner's "Lehrbuch der Politischen Oekonomie"]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. [Works, in 50 vol., 2nd ed.]*. Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 19, pp. 369-399. (In Russ.)
 17. Marx K. Kapital. T. 1 [Capital, vol. 1]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. [Works, in 50 vol., 2nd ed.]*. Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23. (In Russ.)
 18. Marx K. Kapital. T. 3, ch. 2 [Capital, vol. 3, part 2]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. [Works, in 50 vol., 2nd ed.]*. Moscow, Gospolitizdat, 1962a, vol. 25, part 2. (In Russ.)
 19. Marx K. Teorii pribavochnoy stoimosti (IV tom «Kapitala»). Ch. 1 [Theories of Surplus Value (Capital, vol. 4)]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. [Works, in 50 vol., 2nd ed.]*. Moscow, Gospolitizdat, 1962b, vol. 26, part 1. (In Russ.)
 20. Novozhilov V. V. *Voprosy razvitiya sotsialisticheskoy ekonomiki [Problems of Socialist Economy Development]*. Moscow, Nauka, 1972a. (In Russ.)
 21. Novozhilov V. V. Izmerenie zatrat i rezul'tatov v sotsialisticheskom khozyaystve [Cost-Benefit Analysis in Socialist Economy]. In: Nemchinov V. S. (ed.). *Primenenie matematiki v ekonomicheskikh issledovaniyakh: v 3 t. [Mathematics in Economic Research, in 3 vol.]*. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1959, vol. 1, pp. 42-213. (In Russ.)
 22. Novozhilov V. V. Metody nakhozhdeniya minimuma zatrat v sotsialisticheskom khozyaystve [Methods of Determining of Minimum Costs in Socialist Economy]. *Trudy Leningradskogo politekhnicheskogo instituta [Works of Leningrad Polytechnical Institute]*, 1946, no. 1, pp. 322-337. (In Russ.)
 23. Novozhilov V. V. Metody soizmereniya narodnokhozyaystvennoy effektivnosti planovykh i proektnykh variantov [Methods of Measuring the Economic Efficiency of Planned and Projected Variants]. *Trudy Leningradskogo industrial'nogo instituta [Works of Leningrad Industrial Institute]*, 1939, no. 4, pp. 1-23. (In Russ.)
 24. Novozhilov V. V. Nedostatok tovarov [Deficit of Commodities]. *Vestnik finansov [Bulletin of Finance]*, 1926, no. 2, pp. 75-96. (In Russ.)
 25. Novozhilov V. V. *Problemy izmereniya zatrat i rezul'tatov pri optimal'nom planirovanii [Problems of Cost-Benefit Analysis in Optimal Planning]*. Moscow, Ekonomika, 1967. (In Russ.)
 26. Novozhilov V. V. *Problemy izmereniya zatrat i rezul'tatov pri optimal'nom planirovanii. 2-e izd. [Problems of Cost-Benefit Analysis in Optimal Planning, 2nd ed.]*. Moscow, Nauka, 1972b. (In Russ.)
 27. Novozhilov V. V. Sposoby nakhozhdeniya maksimuma effekta kapitalovlozheniy v sotsialisticheskom khozyaystve [Methods for Finding the Maximum Effect of Capital Investments in a Socialist Economy]. *Trudy Leningradskogo finansovo-ekonomicheskogo instituta [Works of Leningrad Institute of Economy and Finance]*, 1947, vol. 3, pp. 116-159. (In Russ.)
 28. Safronov A. V. Kosygin'skaya reforma: ot idei do svorachivaniya [The Kosygin Reform: From Conception to Curtailment]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 12-69. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-12-69.
 29. Belykh A. Communism = Soviet Power + Planning. Planning and Mathematical Economics in the Soviet Union. In: Kovács J. M. (ed.). *Communist Planning versus Rationality. Mathematical Economics and the Central Plan in Eastern Europe and China*. Lanham, Lexington Books, 2022, pp. 255-292.
 30. Campbell R. W. A *Biobibliographical Dictionary of Russian and Soviet Economics*. New York, Routledge, 2012.
 31. Campbell R. W. Marx, Kantorovich and Novozhilov: *Stoimost' Versus Reality*. *Slavic Review*, 1961, vol. 20, no. 3, pp. 402-418.
 32. Gardner R. L. V. Kantorovich: The Price Implications of Optimal Planning. *Journal of Economic Literature*, 1990, June, vol. 28, pp. 638-648.
 33. Holubnychy V. Novozhilov's Theory of Value. In: Koropec'kyj I. S. (ed.). *Soviet Regional Economics. Selected Works of Vsevolod Holubnychy*. Edmonton, Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1982, pp. 381-484.

60 лет косыгинской реформе

Эволюция осмысления сталинской экономической модели в реформаторском контексте

Любовь Николаевна Лазарева

ORCID: 0000-0002-8165-4123

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России,
Государственный университет просвещения
(РФ, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, стр. 2);
главный специалист, Российский
государственный архив социально-
политической истории (РФ, 125009, Москва,
ул. Большая Дмитровка, 15);
главный специалист, Российский
государственный архив литературы
и искусства (РФ, 125212, Москва,
Выборгская ул., 3, корп. 1)
E-mail: laz_dom@mail.ru

Дмитрий Владимирович Маслов

ORCID: 0000-0002-7041-9515

Доктор исторических наук,
главный специалист, Российский
государственный архив литературы
и искусства (РФ, 125212, Москва,
Выборгская ул., 3, корп. 1);
главный специалист, Российский
государственный архив социально-
политической истории (РФ, 125009, Москва,
ул. Большая Дмитровка, 15); профессор
кафедры гуманитарных и социальных
наук, РТУ МИРЭА (РФ, 119454, Москва,
пр. Вернадского, 78, стр. 4)
E-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи заключается в выявлении особенностей вызревания потребности в рыночной трансформации советской системы хозяйствования на уровне политической элиты, общественного мнения и научного сообщества. При этом, заострив внимание на анализе логики решения современниками событий задачи повышения эффективности народного хозяйства, авторы сознательно отказались от разбора особенностей самой косыгинской реформы. Методология исследования основывается на хронологическом методе, позволяющем проследить изменение позиций по вопросам, определяющим сущность советской экономики. Сравнительный метод использовался для сопоставления позиций акторов реформ по основным вопросам. Междисциплинарный подход ориентировал авторов на привлечение результатов исследований экономической, исторической, социологической и других общественных наук. Институциональный подход предполагал концентрацию исследовательских усилий на базовых институтах советской экономики. Авторы поставили задачу анализа на уровне политической и хозяйственной элит с привлечением материала, отражающего подходы советской экономической науки и доминанты общественного сознания и психологии. Эмпирический материал убедительно демонстрирует, что поиск механизмов повышения эффективности народного хозяйства велся в направлении повышения роли рыночных рычагов на протяжении всего советского периода. Источниковая база, включающая как опубликованные, так и не опубликованные архивные материалы РГАСПИ и РГАНИ, позволяет сделать вывод, что отставшее суверенитет страны во Второй мировой войне советское общество постепенно утрачивало мессианский идеал нового, невиданного на земном шаре мира социальной справедливости и разворачивалось в сторону общества потребления, которое существовало на Западе. Тем не менее анализ позднесоветского этапа реформирования, когда уже стало понятно, что без кардинального изменения самих основ модели хозяйствования нарастающие проблемы решить не удастся, выявляет целый ряд факторов, не позволивших всем акторам процесса завершить переосмысление социалистической экономики.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, косыгинская реформа, горбачевская перестройка, план, рынок

JEL: B14, P21

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

How the Understanding of the Stalinist Economic Model as Reformist Has Evolved

Lyubov N. Lazareva

ORCID: 0000-0002-8165-4123

Dr. Sci. (Hist.), Professor of the Department
of History of Russia, State University
of Enlightenment;^a Chief Specialist, Russian
State Archive of Socio-Political History;^b
Chief Specialist, Russian State Archive
of Literature and Art,^c e-mail: laz_dom@mail.ru

^a 10A, korp. 2, Radio ul., Moscow, 105005,
Russian Federation

^b 15, Bol'shaya Dmitrovka ul., Moscow,
125009, Russian Federation

Dmitry V. Maslov

ORCID: 0000-0002-7041-9515

Dr. Sci. (Hist.), Chief Specialist,
Russian State Archive of Literature and Art;^c
Chief Specialist, Russian State Archive
of Socio-Political History;^b
Professor of the Department of Humanities
and Social Sciences, RTY MIREA,^d
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

^c 3, Vyborgskaya ul., Moscow, 125212,
Russian Federation

^d 78, korp. 4, Vernadskogo pr., Moscow,
119454, Russian Federation

Abstract

The study examines how a set of ideas for eliminating the “bottlenecks” in the Stalinist economic model came about. The goal is to find out the factors responsible for the “maturation” of recognition by the political elite, public opinion and the scientific community that a market transformation of the economy was necessary. The authors chose to avoid analyzing the features of the Kosygin reform itself and instead focus on the logic behind the ways in which contemporaries addressed the need to improve the national economy's efficiency. The research methodology is chronological and tracks the changes in positions on issues that determined the underpinnings of the Soviet economy. A comparative method was also used to distinguish the positions of reformers on the main issues: a planned or market economy, forms of ownership, the role of money, price and wage policy, structural policy, social aspects of the economy, etc. The authors employed an interdisciplinary approach that incorporated research from economic, historical, sociological and other social studies along with a concentration on research that probed the basic institutions of the Soviet economy. The study provides a fresh consideration of the issues raised among the political and economic elites and also connects them with extensive material on Soviet economic theory and prevailing public awareness and psychology. The study concludes that improving economic efficiency was a central concern of reformers throughout the Soviet period. The empirical material clearly demonstrates a growing demand for strengthening the role of “economic levers” in the planned economy. The sources examined, including both published and unpublished archival materials from the Russian State Archive of Socio-Political History and the Russian State Archive of Contemporary History, support the conclusion that the same Soviet society that had defended the country's sovereignty in World War II gradually abandoned the messianic ideal of a new, unprecedented global victory for “social justice” and turned towards the consumer society that characterized the West. Although it had already become clear that the growing economic problems could not be solved without a radical change in the very foundations of the economy, an analysis of the late Soviet stage of reform reveals a number of factors that prevented all agents in the process from taking their rethinking of the socialist economy to its logical conclusion. In many ways, this paralysis predetermined the collapse of the economy and the difficult initial conditions under which post-Soviet states were forced to adopt market economic principles.

Keywords: mobilization economy, Kosygin's reform, Gorbachev's perestroika, plan, market

JEL: B14, P21

Введение

В современной литературе ставится вопрос о возможности разработки теории реформ [Белых, Мау, 2020. С. 2–5], что свидетельствует о потребности в обобщении накопленного эмпирического материала. Наряду с этим утверждается, что реформы, контрреформы и революции составляют единый процесс модернизации, проявляя свой характер в зависимости от страны, времени и обстановки и демонстрируя генетически родственные черты, а лучшим «противоядием» от революции являются «не заклинания, а своевременные и социально эффективные реформы» [Журавлев, 2022. С. 11]. Несмотря на то что косыгинская и горбачевские реформы не смогли решить свои задачи, их изучение позволяет понять причины, почему «противоядие» от революции (как справедливо характеризуется в современной историографии демонтаж советского строя в 1989–1991 годах) так и не было найдено. Учитывая вышеизложенное, авторы сосредоточили анализ на том, какую именно экономику и в каком направлении собирались преобразовывать советские реформаторы. Представляется важным и то, что тезис «реформы ликвидировали эффективно работавшую сталинскую экономическую модель» [Галушка и др., 2021. С. 25] имеет сторонников в продолжающейся дискуссии о причинах исчезновения СССР с геополитической карты мира. Поэтому авторы сочли необходимым на основе эмпирического материала выявить, с одной стороны, объективность запроса на реформы¹, с другой — сложность процесса переоценки значения экономических рычагов в плановой экономике. Представляется, что изучение реформ через комплексный анализ оценок правящих элит, научного общества и советских граждан дает возможность выявить специфику формирования концептуальной основы преобразований экономической модели и закономерность итогов этих преобразований. Если бы Алексей Николаевич Косыгин на рубеже 1960–1970-х годов стал действовать радикальнее, то власть получила бы примерно такие же противоречивые реакции «снизу» и, скорее всего, затормозила экономические реформы, как это позже произошло с горбачевскими реформами. О полезности изучения позиций пяти акторов советских реформ («теоретик», «реформатор», «государь», «элита», «народ») уже говорилось в научной литературе [Белых, Мау, 2020. С. 23–24; 2023. С. 89–90].

¹ Материалы XVIII Всесоюзной партийной конференции отчетливо демонстрируют запрос на повышение эффективности хозяйствования и выявление современниками узких мест, ликвидация которых в преддверье военных испытаний была предпринята чрезвычайными методами, но к осмыслению которых вернулись новые руководители страны уже после смерти Сталина.

1. Феномен сталинской экономики

Начнем с того, как именно правящая элита представляла особенности сложившейся в СССР экономической модели. Позицию Иосифа Виссарионовича Сталина отчетливо демонстрирует его беседа с учеными-экономистами в январе 1941 года. Заключительным камнем советской экономики лидер партии считал директивное планирование в натуральных и ценовых показателях. При этом приоритеты планирующего центра были расставлены так: на первом месте — «добиться того, чтобы металл и машины иметь в своих руках, чтобы не стать придатком к капиталистическому хозяйству», на втором — «закрепить безраздельное господство социалистической системы хозяйства», на третьем — «не допускать диспропорций» [Учебник должен пользоваться..., 2012. С. 7–10].

Сталин курировал создание учебника «Политическая экономия» (работа над ним длилась восемнадцать лет, и к ней были привлечены лучшие научные силы страны)². Понятно, что раздел «Социалистическая система народного хозяйства» [Островитянов, 2021. С. 375–553], описывающий взаимодействия важнейших механизмов экономической модели, отражает взгляды не только ученых, но и руководства страны.

Авторы учебника утверждали: «Социалистическая промышленность играет ведущую роль в народном хозяйстве; она вооружает передовой техникой все отрасли народного хозяйства. Это достигается более быстрым ростом отраслей, производящих средства производства, высоким уровнем развития машиностроения. Тяжелая индустрия есть основа основ социалистической экономики» [Островитянов, 2021. С. 376]. Высокие темпы развития сектора А (производства средств производства) достигались перераспределением ресурсов из других отраслей экономического комплекса. Коллективизация позволила государству устанавливать заготовительные цены на основные виды сельскохозяйственной продукции в 10–12 раз ниже рыночных. Заработанное в колхозе на трудодни не обеспечивало крестьянам прожиточного минимума — их кормило личное подсобное хозяйство [Земсков, 2018. С. 235]. Давление с помощью налоговой системы вынуждало продавать на колхозном рынке и часть продукции личных хозяйств. Этот канал снабжения городского населения эффективно дополнял государственные.

Установка «закрывать источники и клапаны капитализма» реализовывалась через приоритет народно-хозяйственной рентабельности над эффективностью конкретного предприятия и

² Учебник вышел в свет уже после смерти Сталина, в августе 1954 года.

подчинением «рыночного сектора» (промкоопераций, артелей инвалидов и т. п.) плановому. Учебник политической экономии объяснял: «При социализме сфера товарного производства и товарного обращения ограничена главным образом предметами личного потребления» [Островитянов, 2021. С. 439]. Несмотря на то что система директивных заданий дополнялась экономическими рычагами: поощрительными расценками труда, премиальным стимулированием, заготовительными ценами на особо нужные государству культуры, директорскими фондами предприятий и т. п., — тем не менее материальные стимулы были ограничены. Причем не только концептуальными установками, но и дефицитом товарного покрытия вследствие приоритета сектора А.

Требование «не допускать диспропорций» реализовывалось сложной системой планирования и контроля. Государственные задания нацеливали трудовые коллективы наращивать объемы выпуска, повышать качество и снижать себестоимость указанной им наркоматами номенклатуры изделий. Это подкреплялось ценовой, кредитной и налоговой политикой. Вместе с тем на основе опыта передовых предприятий устанавливались «прогрессивные нормы затрат труда и материалов». Сталинский учебник сообщал: «Прогрессивные нормы имеют большое мобилизующее значение, так как побуждают хозяйственных руководителей и массы трудящихся изыскивать способы рационализации производства, внедрения передовой техники, повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции» [Островитянов, 2021. С. 442]. По мнению нынешних исследователей, небольшая несбалансированность планов, преодолеть которую можно было лишь за счет роста производительности труда, мотивировала трудовой коллектив на борьбу с производственными издержками и подстегивала внедрение инноваций [Сафронов, 2025. С. 237–249]. На выполнение государственных заданий «при наименьших затратах труда и средств производства» [Островитянов, 2021. С. 463] подталкивало трудовой коллектив и применение хозяйственного расчета, задачей которого была эффективность деятельности предприятия через «контроль рублем». «Хозяйственный расчет есть метод планового ведения хозяйства в социалистическом предприятии», — подчеркивалось в учебнике [Островитянов, 2021. С. 463].

Фундаментальной особенностью сталинской социально-экономической модели представляется то, что нащупанные практиками в ходе решения задач догоняющей модернизации механизмы собирались в единую систему установкой на созидание коммунистического общества. Поэтому Госплан лишь рассчитывал траек-

торию движения к поставленным ЦК ВКП(б) и одобренным на съездах партии целям.

2. Особенности осмысления сталинской модели экономики в преддверии военных испытаний (1939–1941)

Схема устройства сложнейшей конструкции народно-хозяйственного комплекса страны, изложенная в сталинском учебнике политической экономии, описывала идеальный вариант его функционирования. В преддверии военных испытаний осмысление феномена сложившейся в СССР экономической модели развернулось в форме поиска способов повышения ее эффективности. Это было вопросом выживания. Поэтому поражает своей откровенностью остроота оценок, звучавших в те годы с официальных трибун многочисленных совещаний, на которых пытались найти способы устранения недостатков в кратчайшие сроки. Размышления и дискуссии советских экономистов пред- и послевоенного времени, включая и период косыгинской реформы, рассматривались в научной литературе [Мау, 2017. С. 427–480, 525–560]. Непубликованные архивные материалы позволяют добавить к этой картине важные детали.

Делегаты последнего предвоенного съезда ВКП(б) 10–21 марта 1939 года указывали на неэкономное расходование сырья, простои из-за смежников, некачественный ремонт оборудования, высокую долю брака в выпускаемой продукции и т. п.³

В докладе главы правительства Вячеслава Михайловича Молотова были выделены проблемы, от решения которых зависела реализация программы третьей пятилетки. Ликвидация сбоев хозяйственного механизма связывалась с улучшением инструментов, мотивирующих трудовые коллективы на снижение себестоимости⁴ и обеспечивающих быстрое внедрение в производственный процесс изобретений и рационализаторских мер⁵. Подчеркивалась и важность материального стимулирования: «Тем, кто будет работать лучше, обеспечено увеличение заработной платы значительно выше среднего уровня»⁶.

Редакция «Правды» получила 5450 статей и писем, посвященных проблемам, обсуждавшимся на XVIII съезде. Из них 1875 касались узких мест экономики⁷. Авторы писем на первое место ставили вопрос «омертвления ресурсов». Для его решения пред-

³ РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10. Л. 254. Д. 11. Л. 186. Д. 13. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 229.

⁵ Там же. Л. 232.

⁶ Там же. Л. 237.

⁷ Там же. Д. 49. Л. 76, 82.

лагалось усилить контроль и облегчить получение информации о наличии ненужного на конкретном предприятии оборудования: «создать при СНК СССР комитет по междуведомственному контролю использования и мобилизации излишнего оборудования»⁸, «при междуведомственной организации по выявлению и реализации оборудования издавать “Всесоюзный бюллетень спроса и предложения оборудования” и рассылать по заводам»⁹.

Второе место в поступавшей корреспонденции занимала проблема внедрения инноваций. Опять же, речь в письмах шла об усилении контроля (вплоть до введения уголовной ответственности за срыв внедрения новой техники¹⁰). Эти меры дополнялись предложениями о централизации планирования научно-исследовательских работ (например, передать планирование из отдельных наркоматов в общий центр при СНК СССР)¹¹ и улучшении материальной базы рационализаторства (например, за счет специальных опытных цехов при заводах, нацеленных на обслуживание процесса внедрения новых разработок)¹².

На третьем месте стояла проблема кооперирования предприятий. Решение виделось в персональной ответственности за срыв государственного задания как хозяйственников¹³, так и производственного звена¹⁴.

Интересный штрих к портрету предвоенного общества добавляет то, что запрос на ликвидацию дефицита товаров широкого потребления упоминается лишь после предложений об улучшении дел в строительстве (в том числе и обеспечении отрасли необходимыми материалами), машиностроении, электрификации и управлении народно-хозяйственным комплексом¹⁵.

Безусловно, письма в главную партийную газету отправляли наиболее сознательные граждане — вряд ли снижение уровня жизни (и до этого далекого от изобилия) вызывало энтузиазм. Выступление на совещании в ЦК ВКП(б) агитатора с завода им. А. А. Масленникова (Куйбышевская область) раскрывает логику аргументов, направленных на достижение лояльности основной массы трудящихся. Агитатор утверждал, что, когда было повышение цен, ему было очень легко отвечать на вопросы рабочих, «потому что рыночные цены у нас на базаре такие сумасшедшие, что открылись магазины и люди успокоились, не будет больше

⁸ РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 255.

¹⁰ Там же. Д. 49. Л. 91.

¹¹ Там же. Л. 60.

¹² Там же. Л. 86.

¹³ Там же. Д. 48. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 58.

спекуляции, меньше будут зарабатывать спекулянты» — лучше купить у государства, которое финансирует строительство новых заводов и фабрик¹⁶. Таким образом, неприятие частника (который зачастую торговал не от хорошей жизни) и готовность общества к жертвам представляются важными факторами, повышавшими эффективность сталинской модели.

Пожеланиям сознательных граждан в целом соответствовала и выбранная руководством страны стратегия улучшения хозяйственного механизма: установка на непрерывную модернизацию в ведущих отраслях промышленности, рационализацию и специализацию производства, совершенствование механизмов планирования сочетались с ужесточением контроля.

Можно предположить, что высокая степень поддержки экономической политики государства была обусловлена тем, что современники ощущали дыхание войны: в марте 1939 года, когда в Москве проходил XVIII съезд ВКП(б), нацистская Германия предъявила ультиматум Польше — отдать Данциг (Гданьск). Через полгода началась Вторая мировая война. За ее приближением к границам СССР с тревогой следили даже школьники, фиксируя в своих дневниках сводки с фронтов.

Руководитель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский, выступая на проходившей в Москве в феврале 1941 года XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), был обеспокоен: задание по темпам роста производительности труда за три года пятилетки не выполнено — был запланирован рост на 14%, на практике он составил 13%¹⁷. Особенно Вознесенского тревожило отставание ввода в действие новых мощностей. Поэтому нелицеприятный разговор о трудностях и подводных камнях катастрофического невыполнения плановых заданий был продолжен. Помимо тех болевых точек, о которых уже шла речь (неритмичность работы предприятий, срывы поставок смежникам, омертвление материальных ресурсов, куда относили как накапливание запасов, так и неполную загрузку оборудования, пробуксовка внедрения инноваций, чрезмерная централизация, перегруженность отчетами и т. п.), управленцы отмечали проблему делегирования полномочий директорам предприятий. Так, директор Кировского завода Исаак Моисеевич Зальцман заявил: «Директор завода должен иметь право отчитываться за свою деятельность только по основным важнейшим элементам, характеризующим результаты работы предприятия в целом: план, стоимость, фонд заработной платы...»¹⁸ В годы Великой Отечественной войны Зальцман обе-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 125. Д. 13. Л. 51.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 127.

¹⁸ Там же. Л. 16.

спечит стремительный рост выпуска танков KB-1 на Кировском заводе, проведет его эвакуацию в Челябинск и на новом месте в кратчайшие сроки запустит производственный процесс. Пока же, в феврале 1941 года, Зальцман настаивал: запрос на быстрый переход предприятия на новые виды продукции требует предоставления директору возможности самостоятельно распоряжаться ресурсами: например, увеличивать в нужный момент количество инженерного персонала за счет других категорий работающих или перераспределять средства для ввода необходимых мощностей. «Директор должен быть полновластным хозяином и исполнителем закона на предприятии, а работники завода должны знать, что без ведома директора никто никаким образом не может их наказать или привлекать к ответственности»¹⁹.

Вместе с тем отчетливо прослеживается и опасение снижения контроля из-за оппортунистического поведения хозяйствующих субъектов. Например, второй секретарь ЦК КП(б) Украины Михаил Алексеевич Бурмистренко предостерегал: «Имеются и такие случаи, когда некоторые директора заводов для того, чтобы ослабить со стороны парторганизации критику недостатков их руководства, становятся на путь задабривания руководителей парторганизаций, проявляют при этом исключительную щедрость за счет государственного кармана...»²⁰ Еще жестче было выступление секретаря Ленинградского горкома партии Алексея Александровича Кузнецова, который обвинял руководителей предприятий в нежелании выполнять новые заказы, осваивать новую технику, в недозагрузке имеющегося у них оборудования²¹.

Материалы конференции позволяют выявить различные подходы и к решению проблемы горизонтальных связей. Партийные управленцы из регионов сетовали на то, что им приходится бороться за своевременное обеспечение предприятий ресурсами для выполнения плановых заданий с наркоматами, главками и снабженческими организациями²². Директорский корпус видел выход в усилении кооперирования по территориальному принципу — так считал уже цитировавшийся нами ранее Зальцман: «Горький опыт последнего времени по кооперации с заводами других областей показал нам, что, несмотря на все принятые меры, результаты неудовлетворительные. Это значит, что надо стремиться к тому, чтобы сколь возможно кооперацию сохранить, я бы сказал, в пределах сферы влияния городской и об-

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 5. Л. 4.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 28.

²² Там же. Л. 127.

ластной партийных организаций...»²³ Вознесенский, исходя из ведомственного принципа управления, требовал от наркоматов организовать кооперацию, но «прежде всего в пределах данного экономического района»²⁴.

Большинство выступавших на партийном форуме соглашались с предложениями, прозвучавшими в докладах руководителей страны: решение задачи значительного роста производительности труда и борьбы с непроизводственными издержками связывалось с одновременным усилением партийного контроля и улучшением системы материальной мотивации — заинтересовать управленцев рублем в выполнении напряженных плановых заданий²⁵. Вознесенский подчеркивал важность соблюдения такого условия: рост производительности труда должен обгонять увеличение средней заработной платы (например, в плане 1941 года намечалось повышение производительности труда на 12% при росте средней заработной платы на 6,5%)²⁶. Большинство предвоенной управляющей элиты считало корректировку системы материального стимулирования действенным способом решения проблем сталинской экономики. Это подтверждает резолюция конференции по докладу секретаря ЦК ВКП(б) Георгия Максимилиановича Маленкова, где было сформулировано требование «строго и последовательно проводить принцип материального поощрения хорошо работающих»²⁷, а также материалы февральского (1941 года) Пленума ЦК ВКП(б), на котором был принят проект изменения системы премирования руководящих хозяйственных и инженерно-технических работников [Беспятова, 2023. С. 250]. Работа над этим вопросом не была остановлена даже в октябре 1942 года [Сталинское экономическое..., 2017. С. 150]!

Какую роль в осмыслении особенностей экономической модели играло научное сообщество? Сошлемся на мнение нынешних исследователей: «Несмотря на драматизм и трагические обстоятельства остракизма в отношении инакомыслящих ученых, работа экономической мысли не прекращалась» [Беспятова, 2023. С. 237]. Но экономическая мысль была зажата тисками аксиомы: «На смену законам товарно-капиталистического общества пришли новые законы, осознанные и сознательно формулируемые государством» [Вознесенский, 1931. С. 38]. В этом контексте очень показательна статья [Кронрод, 1940. С. 65–79], в которой (после политесов в адрес вождя) всё-таки поставлена проблема выявления глубинных меха-

²³ РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

²⁴ Там же. Л. 178.

²⁵ Там же. Д. 5. Л. 152.

²⁶ Там же. Д. 8. Л. 188.

²⁷ Там же.

низмов развития народного хозяйства в условиях общественной собственности на средства производства. Позиция Сталина, высказанная в беседе с учеными в январе 1941 года (руководитель партии говорил о том, что закон стоимости не преодолен, государству пока не может командовать ценами, нельзя на всё искать ответы у Маркса — «надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты» [Учебник должен пользоваться..., 2012. С. 10]), давала официальную прописку товарно-рыночным отношениям в народном хозяйстве и раздвигала теоретические рамки формирования политической экономии социализма [Журавлев, 2014. С. 54–61]. Но, помня о печальной судьбе участников дискуссий 1920-х годов, научное сообщество осторожно встретило теоретические новации Сталина — в служебной записке Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1941 года констатировалось: «Для наших экономистов характерно непреодолимое тяготение к вульгарному эмпиризму, к внешнему поверхностному описанию и, наоборот, боязнь анализа и смелых теоретических обобщений»²⁸.

Таким образом, в преддверье военных испытаний развернулся активный поиск способа повышения эффективности сталинской экономики. Тон задавали практики — те, с кого требовали обеспечить выполнение и перевыполнение напряженных плановых заданий. Несмотря на активный поиск способов преодоления недостатков сложившейся экономической модели, речь шла лишь о повышении эффективности ее конкретных механизмов. Причем решения искали в плоскости, заданной сталинскими требованиями к планированию. Чрезвычайная обстановка диктовала и чрезвычайные меры: ужесточение и усиление всех видов контроля, мобилизация «приводных ремней» партийного аппарата. Представляется важным и то, что уже в предвоенной дискуссии четко выделяются проблемы, на решение которых была впоследствии направлена косыгинская реформа: баланс горизонтальных и вертикальных связей, допустимая степень централизации принятия решений, возможность делегирования полномочий хозяйственным субъектам, усиление роли материального стимулирования.

3. Послевоенный этап формирования парадигмы косыгинской реформы

В современной историографии подробно исследованы и особенности развернувшегося после войны мозгового штурма, направленного на осмысление феномена сталинской модели, и формирование объективного запроса на ее реформирование, и

²⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 28. Л. 3.

попытки корректировать отдельные механизмы, усиливая противоречия в сложной системе управления народно-хозяйственным комплексом страны. Тем не менее представляется нужным обсудить факторы, которые, по мнению авторов, обусловили формирование парадигмы косыгинской реформы.

Прежде всего, как было показано выше, готовность общества к жертвам во имя великих целей (в преддверье войны — отражение агрессии гитлеровской Германии) была важной составляющей эффективности сталинской модели. Гораздо позже, уже в 1970-е годы, Молотов говорил в интервью: «Перед войной мы требовали колоссальных жертв — от рабочих и от крестьян. Крестьянам мало платили за хлеб, за хлопок и за труды — да и нечем платить-то было! Из чего платить? Нас упрекают: не учитывали материальные интересы крестьян. Ну, мы бы стали учитывать и, конечно, зашли бы в тупик. На пушки денег не хватало!» [Чуев, 1999. С. 47]. И подавляющее большинство это понимало и принимало.

В январе 1964 года Петр Ефимович Шелест, первый секретарь ЦК КПУ, записал в своем дневнике: «...со снабжением дела очень плохие. Идет много справедливых нареканий. Мы “пытаемся разъяснить”, но разъяснения кушать не будешь» [Шелест, 2016. С. 197]. Подобные проблемы не вызывали трудностей у агитаторов в начале 1941 года.

Проведенный газетой «Комсомольская правда» анализ опросов читателей позволил выявить важные черты общества начала 1960-х годов: социальный оптимизм, низкие запросы в сфере материальных благ (быть сытыми, одетыми, иметь крышу над головой), активная поддержка политики КПСС, ярко выраженный патернализм [Грушин, 2001. С. 156]. Хотя социалистический образ жизни в целом устраивал советских граждан («Социализму — да, капитализму — нет! — таков был их дружный, без колебаний вердикт, относившийся ко всем обсуждавшимся сферам жизни общества...» [Грушин, 2001. С. 533]), тем не менее «в разных слоях общества, преимущественно среди молодежи, появились “белые вороны”, ориентировавшиеся на западные, то есть как раз капиталистические, модели» [Грушин, 2001. С. 533]. Вместе с тем даже «многие 9- и 10-летние дети на удивление хорошо знали, что такое взятки и блат и кто такие спекулянт и бюрократ» [Грушин, 2001. С. 537]. И вывод: «...несмотря на все усилия КПСС, на десятилетия неустанного труда ее активистов, историческое противоречие между общественным и личным оставалось всё же в значительных масштабах непреодоленным» [Грушин, 2001. С. 547].

Представляется действенным фактором сдвига в социальной психологии и общественном сознании массовое (110 млн человек

за хрущевское десятилетие!) переселение советских граждан из коммуналок в отдельные квартиры: «Власть, не ведая того, способствовала, в частности, развитию инакомыслия, которое нередко начиналось с “кухонной демократии”, застольных дискуссий интеллигентов, а на закате “перестройки” материализовалось, обрело форму социального действия и “выплеснулось” на улицы больших и малых городов» [Журавлев, 2018. С. 804]. Победив в страшной войне, а затем совершив трудовой подвиг, отстраивая страну заново, советские граждане хотели наконец-то получить «мещанский уют» в своих новых квартирах. Урбанизовавшееся общество требовало иных мессианских идей и высоких смыслов. Светловские романтики становились историей.

Фундаментом сталинской экономики было директивное планирование. Но план при этом (по меткому определению Станислава Густавовича Струмилина) — лишь «отрезок партийной программы»²⁹. Именно там должна была быть сформулирована стратегия развития страны на новом витке модернизации. В третьей Программе КПСС коммунистическое будущее виделось обществом изобилия. Этот тренд уже прослеживается в работе над новым проектом программы партии в 1947 году. В варианте авторского коллектива, состоявшего из Георгия Федоровича Александрова, Константина Васильевича Островитянова, Петра Николаевича Федосеева, читаем: «Исходя из того, что потребности граждан СССР в предметах первой необходимости будут удовлетворены уже в ближайшие годы, ВКП(б) в целях более всестороннего удовлетворения государством личных потребностей трудящихся будет всемерно содействовать производству: автомобилей, музыкальных инструментов, художественных и ювелирных изделий, высокого качества одежды, обуви, всевозможной фарфоровой и хрустальной посуды, мебели из ценных сортов дерева, высокохудожественных изделий и т. д. — словом, всего того, что украшает жизнь, отвечает разнообразным индивидуальным вкусам, содействует развитию новых культурных навыков и потребностей, воспитанию разносторонне развитой личности» [Сталинское экономическое..., 2017. С. 47].

Сталин сделал попытку осмыслить феномен сформировавшейся модели в «Экономических проблемах социализма в СССР» (по сути, он резюмировал результаты многолетнего мозгового штурма обществоведов и хозяйственников-практиков): «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким об-

²⁹ Гловели Г. Д. История экономических учений: учеб. пособие для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С. 339.

разом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [Сталин, 1952. С. 40]. Эту формулировку Молотов считал неверной. Он утверждал, что такой подход ведет к потребительству: «Если мы не разберемся в этом деле, попадем в очень трудное положение» [Чуев, 1999. С. 585].

Несмотря на то что культ личности был осужден, а работа «Экономические проблемы социализма в СССР» раскритикована, в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, цель социализма определялась как «всё более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства» [Атлас, 1962, С. 49]. Заданный на сталинском этапе мозгового штурма вектор еще больше сместился в сторону общества потребления.

На страницах экономических журналов пропагандировался значительный рост уровня жизни: «С достижением высококачественного питания в течение ближайшего десятилетия советские люди смогут приобретать в достатке предметы широкого потребления, а в последующем десятилетии спрос на них станет удовлетворяться в полной мере. В ассортименте этих товаров повысится доля высококачественных изделий, добротных и нарядных, отвечающих растущим эстетическим потребностям народа» [Белик, 1962. С. 10].

Заданная новой программой партии цель требовала иной расстановки приоритетов — обгоняющее развитие сектора А мешало быстро создать товарное покрытие и удовлетворить платежеспособный спрос населения. К тому же изменилось само общество: исчезла готовность терпеть тяготы и лишения, советским людям обещали быстрый рост благосостояния. Менялась и экономическая стратегия: к 1970 году в стране не должно было остаться низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, сокращался разрыв в оплате труда работников с низшими и высшими уровнями доходов [Белик, 1962. С. 8]. Вместе с тем рост производительности труда, опережающий темпы увеличения доходов, выступал одним из важных условий эффективности сложившейся в СССР системы хозяйствования.

К 1980 году общественные фонды потребления должны были составить около половины в общем объеме потребления населением материальных благ: «На основе опережающего роста общественных фондов их доля в общей сумме доходов населения постепенно будет приближаться к “критическому” уровню, в гра-

ницах которого еще сохранится личный материальный стимул в развитии производства...» [Белик, 1962. С. 8]. Таким образом, изменялась система материального подкрепления интенсификации труда и стимулирования внедрения инноваций, выработанная сталинскими экономистами. На новом этапе модернизации сталинская модель требовала замены новой, отвечающей вызовам времени парадигмой.

Политическая элита понимала, что необходимо лечить экономическую систему, решая проблемы узких мест. Но к кардинальным переменам она не была готова. Например, Дмитрий Тимофеевич Шепилов, критиковавший сталинские методы руководства страной, написал в мемуарах: «Экономика... развивалась очень высокими темпами, совершенно недоступными капиталистическому миру» [Шепилов, 2017. С. 195]. Такой же позиции придерживался и Алексей Николаевич Косыгин. Заместитель главы правительства Владимир Николаевич Новиков вспоминал слова своего непосредственного начальника: «...выходить из тяжелейших кризисов нам позволяло плановое хозяйство, и, видимо, в ближайшее время никто ничего лучшего не придумает» [Премьер известный..., 1997. С. 118]. Представляется аргументированным вывод: Алексей Николаевич сам деятельно участвовал в создании сталинской модели советской экономики. В ее безальтернативности его убедила война [Телицын, 2022. С. 81]. Поэтому в развернувшейся дискуссии сторонников «харьковской системы» (новаций Евсея Григорьевича Либермана) и «консерваторов» (противников демонтажа действующей модели хозяйствования) выбором руководителя правительства стало устранение недостатков через повышение эффективности работы отдельных узлов.

Остается добавить, что Косыгин был активным участником предвоенного этапа попытки осмысления феномена советской экономики, а в начале 1960-х годов научное сообщество и практики пытались найти способ убрать узкие места, выявленные еще в конце 1930-х — начале 1940-х годов.

Таким образом, косыгинская реформа представляется закономерным этапом развития сталинской социально-экономической модели. В качестве ключевых факторов, повлиявших на формирование парадигмы реформы, можно выделить изменения в социальной психологии и общественном сознании, трансформацию цели экономического развития общества, особенности мировоззрения советской политической элиты и Косыгина как ее яркого представителя.

Косыгинская реформа, как принято считать, была спущена на тормозах, против ее продолжения действовали факторы не только экономические, но и политические [Белых, Мау, 2023. С. 101].

Но очень быстро, по меркам истории, связанные с этой нереализованной реформой теоретические наработки оказались востребованными. Очередные крупные реформы в экономике после козыгинской последовали в СССР в период перестройки. Михаил Сергеевич Горбачев и его будущая команда осознали необходимость экономических реформ задолго до марта 1985 года. Свидетельств об этом немало в воспоминаниях самого Горбачева и других активных участников событий [Горбачев, 1995. С. 135–143]. В них прослеживаются попытки соединить «преимущества плановой системы» с экономическими реалиями. В значительной мере такие представления разделялись тогда значительной частью населения, исключая тех немногих экономистов, кто уже успел разочароваться в плановой экономике и видел спасение в рынке.

4. Представления о сущности советской экономики на начальном этапе горбачевских преобразований (1985–1986)

Лишь некоторые экономисты уже в начале 1980-х годов считали советскую плановую экономику тупиковым путем развития и являлись приверженцами рынка [Авен, Кох, 2012. С. 82–84]. Конечно, были и рядовые граждане с вполне рыночным мышлением. Их мысли редко выходили за пределы частных бесед в узком кругу; впрочем, иногда, как показывают, в частности, письма граждан в руководящие инстанции в связи с обсуждением проекта новой Конституции СССР в 1977 году, некоторые (открыто или анонимно) делились своими «рыночными» соображениями и с «верхами» [Реформы в России..., 2016. С. 583–584].

Содержание взглядов основной массы населения, включая и значительную часть руководства страны, на природу советской экономики на первом этапе можно охарактеризовать следующим образом. Прежде всего это сохраняющаяся уверенность в том, что плановая экономика выдержала испытание временем и по-прежнему остается наилучшей экономической системой, имеющей неоспоримые преимущества перед экономикой капиталистической. Соответственно, ставилась задача не ухода от плана, а дальнейшего «совершенствования практики планирования», ликвидации узких мест. Задача ускорения научно-технического прогресса выдвигалась еще генсеками Леонидом Ильичом Брежневым и Юрием Владимировичем Андроповым. Вновь взятая на вооружение в 1985 году, эта задача могла препятствовать выполнению плана, поэтому Горбачев летом 1986 года витиевато предложил при принятии плана заложить «юридически право на широкий маневр в рамках общей стратегии» [В Политбюро., 2006. С. 49]. Признал Горбачев и то, что существующая практика пла-

нирования «от достигнутого» не поощряет инициативу, так как хозяйственники боятся перевыполнять планы, чтобы исключить их увеличение в будущем [В Политбюро., 2006. С. 69].

Однако есть и свидетельства об иных настроениях «наверху». Так, Николай Иванович Рыжков в мемуарах пишет, что уже в 1986 году в правительстве думали о курсе на рынок, но он был не согласен с Александром Николаевичем Яковлевым и Вадимом Андреевичем Медведевым, называя их леворадикалами³⁰, предлагавшими отказаться от плановой экономики. К названным лицам Рыжков причислил и Горбачева [Рыжков, 1995. С. 165–166]. Институциональные проблемы пока еще редко возникали в размышлениях о советской экономике. Так, одна из основ экономики — социалистическая собственность — по-прежнему считалась имеющей неоспоримые преимущества перед частной собственностью. Тем не менее уже в 1986 году на заседании Политбюро ЦК КПСС (далее — ПБ) глава правительства Рыжков впервые на таком уровне признал, что, несмотря на десятилетия разговоров о социалистической собственности, «теоретически глубинной разработки этого вопроса нет» [В Политбюро., 2006. С. 27]. В том же году секретарь ЦК КПСС Анатолий Федорович Добрынин, почти четверть века являвшийся послом СССР в США, рассуждая о самофинансировании, попытался дать такое теоретическое обоснование: «Вот так и будет возникать новая форма собственности... на почве самофинансирования. Как тут быть? Опять ведь “угроза социализму”? А может быть, и в самом деле — новая форма социалистической собственности? Может, практика действительно выводит нас на новые теоретические понятия?» [В Политбюро., 2006. С. 91].

Периодически высказывалась мысль, что отсутствие конкуренции не идет на благо советской экономики [В Политбюро., 2006. С. 54]. Именно тогда, летом 1986 года, генсек впервые предложил (правда, пока на узком совещании с помощниками в связи с подготовкой его поездки во Владивосток) «поставить вопрос о рынке» и сказать о том, что «мы за здоровую конкуренцию, за развитие кооперации» [В Политбюро., 2006. С. 72]. Конечно, Горбачев не имел в виду переход к рыночной экономике, но идея использования некоторых рыночных механизмов уже просматривается.

Еще в начале перестройки руководством страны осознавалась проблема давления на экономику избыточной денежной массы. Но серьезность этой угрозы на тот момент недооценивалась, о чем прямо сказал Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе на заседа-

³⁰ В годы перестройки политические фланги долгое время путали, называя левых правыми, и наоборот. В этом случае Яковлева и Медведева следовало бы назвать правыми.

нии ПБ 27 октября 1986 года, признав, что не каждый член ПБ может квалифицированно судить о финансах [В Политбюро., 2006. С. 96, 101].

Что касается ученых-экономистов, то они, как и высшее руководство, в целом оставались еще на прежних позициях в вопросах о сущности советской экономики и ее узких местах. Поэтому Горбачев признал в конце 1986 года, что «экономистов у нас наперечет. А какие есть — все политэкономы. Реально дело делать никто не умеет». Приверженностью цифрам, по мнению Горбачева, прикрываются реальные проблемы экономики, не вскрываются причины и отсутствуют предложения, что делать дальше [В Политбюро., 2006. С. 66–67, 121]. Претензии экономической науке высказывал и Яковлев, заявив в 1986 году на Политбюро, что не появилось ни одной новой статьи о том, «как должны действовать товарно-денежные отношения» [В Политбюро., 2006. С. 55].

Поэтому упрекать высшее руководство в нежелании прислушиваться к экономической науке нет оснований. По имеющейся информации, не позднее 1981 года Горбачев уже контактировал с учеными-экономистами [Болдин, 1995. С. 31, 100–102]. Изучался и опыт реформ в братских соцстранах, но без видимых результатов [Медведев, 1994. С. 37].

Таким образом, на первом этапе реформ можно обнаружить доминирование идеологических представлений о советской экономике и путях ее совершенствования на всех уровнях общества. Исключения (в частности, экономисты, близкие к Егору Тимуровичу Гайдару и Анатолию Борисовичу Чубайсу, уже не один год занимавшиеся изучением рыночной экономики [Авен, Кох, 2013. С. 82–88]) носили маргинальный характер и практически не оказывали серьезного влияния на осмысление новых экономических реалий. Однако проблемы нарастали, и уже на следующем этапе в размышлениях о советской экономике появились качественно новые элементы.

5. Радикализация представлений о сущности советской экономики на втором этапе перестройки (1987–1989)

К 1987 году в руководстве страны утвердилось мнение, что причины первых неудач в экономике коренятся в утвердившейся административно-командной системе [Горбачев, 1995. С. 308–309; Согрин, 1994. С. 26].

Приверженность плановой экономике, особенно в начале этого этапа, еще сохраняется, о чем свидетельствуют материалы ПБ. На его заседании 12 февраля 1987 года генсек заявил, что, несмотря на ухудшение экономических показателей за январь, «от

планового начала в экономике мы не откажемся» [В Политбюро., 2006. С. 146]. Сегодня трудно поверить, что на заседании ПБ 5 мая 1988 года обсуждалась концепция экономического и социального развития СССР... до 2005 года [В Политбюро., 2006. С. 341]. При этом речь уже пошла о необходимости новых, по выражению генсека, «существенных теоретических заходов» — о формах хозяйствования, роли цен [В Политбюро., 2006. С. 159]. В поисках этих «заходов» лидеры пытались возвратиться к идеям косыгинской реформы. На ПБ 30 апреля 1987 года генсек поделился своими размышлениями о ней: попытка реформ 1950–1960-х годов провалилась потому, что вверху никто не хотел отдавать своих прав; надо от диктата производителя перейти к диктату потребителя [В Политбюро., 2006. С. 172]. На ПБ 11 июня 1987 года Горбачев вновь возвращается к этой теме и предлагает коллегам вспомнить 1965 год, реформу Косыгина — Либермана. Почему не получилось? — спрашивает генсек и отвечает: потому что не последовали совету Витте, который говорил, что если проводить реформу, то надо делать это глубоко и быстро [В Политбюро., 2006. С. 196].

Тем не менее в рамках рассматриваемого этапа в высшем руководстве прослеживается постепенное изменение отношения к идее плана. На ПБ 12 октября 1989 года Горбачев уже высказывается в том смысле, что план нужен прогностический, оценочный, ориентирующий [В Политбюро., 2006. С. 515–516]. Очевидно, что речь здесь уже не о плане в привычном со времен первых пятилеток понимании. Но и в 1990 году, когда уже всюду обсуждались программы перехода к рынку, продолжались дискуссии о параметрах плана тринадцатой пятилетки.

Наболее болезненной темой являлась корректировка цен на потребительском рынке. Росло понимание того, что без приведения цен в соответствие с затратами проблем экономики не решить. Но также, как и на первом этапе, у руководства не хватило духу на решительный шаг. Колебания в этом вопросе были и у самого Горбачева. Причем его позиция не была устойчивой. Так, на ПБ 23 апреля 1987 года он призывает «идти на коренную перемену с ценами. Хлеб и мясо — цены держать, на остальные продукты отпускать» [В Политбюро., 2006. С. 171]. Вроде бы рубикон перейден. Но в ответ на реплику Шеварднадзе на ПБ 14 мая того же года — выходить на пленум и говорить народу о ценах откровенно [В Политбюро., 2006. С. 184] — Горбачев предложил туманную формулу: о ценах сказать в порядке постановки задачи и порассуждать в дискуссии. Борис Николаевич Ельцин фактически поддержал генсека в этом вопросе, отметив, что «общество не готово» [В Политбюро., 2006. С. 184]. Горбачев

подытожил: «Изменение цен не должно подрывать жизненного уровня населения» [В Политбюро., 2006. С. 185–187].

Проходит еще год, и на ПБ 14 апреля 1988 года Медведев констатирует, что перестройка системы цен рассматривается вне связи с другими важнейшими элементами экономической реформы [В Политбюро., 2006. С. 331]. Горбачев снова заявляет о том, что реформа цен назрела. Но генсек по-прежнему боится социальных последствий [В Политбюро., 2006. С. 333].

Еще спустя несколько месяцев на ПБ 16 февраля 1989 года глава правительства Рыжков напомнил, что повышение цен ведет к социальной напряженности и угрожает перестройке [В Политбюро., 2006. С. 446]. Понять желание инициаторов перестройки избежать социальных потрясений можно. Проблема, однако, заключалась в том, что цены в итоге начали расти вопреки указаниям высшего руководства, но это не пошло на пользу ни авторитету власти, ни самой экономике. И как раз с 1989 года на фоне ухудшения экономической ситуации усилился социальный протест.

Боязнь негативных социальных последствий проявилась у руководства и при решении вопроса о допустимости безработицы. Непросто было перестроиться и психологически: с 1930-х годов подчеркивалось — в СССР гарантировано право на труд. Тем не менее вплоть до начала 1990-х годов руководители СССР всячески избегали, особенно на публике, разговоров на эту тему. Так, Горбачев на ПБ 23 июля 1987 года информировал коллег, что во время поездки в Зеленоград на вопрос граждан, будет ли безработица, дал отрицательный ответ [В Политбюро., 2006. С. 213]. Но в узком кругу на ПБ Горбачев уже в 1987 году признавал, что безработица в ходе реформы неизбежна, и призывал к этому готовиться. В экономике, по его словам, есть миллионы лишних людей, которых невозможно «кормить задаром» [В Политбюро., 2006. С. 187]. Однако слова Михаила Сергеевича не были реализованы в конкретных мерах.

В условиях объявленной радикальной экономической реформы неизбежно вставал вопрос о формах собственности. Но как было объяснить вдруг появившийся интерес к частной собственности после десятилетий ее огульного охаивания? Это была проблема не только теоретическая, но, подобно вопросу о безработице, также и психологическая. Для ее решения применялись следующие способы.

Прежде всего партийное руководство по старой привычке заглянуло в «святцы» — обратилось к классикам марксизма. По счастью оказалось, что у «отцов-основателей» можно без труда обнаружить нужные цитаты. Так, в августе 1987 года Горбачев выяснил, что Карл Маркс отнюдь не отрицал частной собствен-

ности при социализме/коммунизме [В Политбюро., 2006. С. 224]. Можно привести немало аналогичных примеров обращений и к ленинскому наследию, особенно периода нэпа. Подобные апелляции адресовались прежде всего тем ортодоксам в правящей партии, которые упорно продолжали линию на «укрепление и всемерное развитие» социалистической собственности.

Еще одним способом выхода из теоретического тупика стало установление своеобразной иерархии форм собственности. В связи с подготовкой закона о кооперации Горбачев на ПБ 19 февраля 1988 года сообщает: есть собственность государственная, она главная, социалистическая, а кооперативная — второстепенная [В Политбюро., 2006. С. 289–291].

Также одним из способов, позволявших обосновать необходимость частной собственности, стала игра в термины. Выражения «частная собственность» старались избегать, либо заменяя на формулировку «личная собственность», либо добавляя к эпитету «частная» призванные смягчить его характеристики «трудовая», «исключающая эксплуатацию» и пр. Тем самым всё еще пытались показать: хотя элементы частной собственности и вводятся, но совсем не в том виде, как у многожды раскритикованных капиталистов.

Постепенно к руководству страны приходило осознание необходимости структурных преобразований советской экономики. Становилось ясно, что привычный приоритет группы А уже не соответствует потребностям общества. На заседании ПБ 3 марта 1988 года Горбачев обращает внимание на то, что «на Западе сфера услуг — 80%, а у нас по-прежнему лишь 12, а то и 10% занятых в этой сфере. И всё гоним, гоним уголь, сталь и т. д.» [В Политбюро., 2006. С. 297]. Апелляция к отечественному опыту реформ использовалась и в этом случае. По мнению генсека, мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 года установил правильный подход к обмену между промышленностью и сельским хозяйством, но потом всё повернулось вспять [В Политбюро., 2006. С. 310].

Однако идеи структурных преобразований на этом этапе не получили серьезной практической реализации, чему активно противились как всё еще влиятельный военно-промышленный комплекс СССР, так и оппоненты из числа теоретиков, продолжавших бороться за чистоту марксизма [Игнатовский, Щегловский, 1989].

Естественно, что в условиях развертывания радикальной экономической реформы особые надежды руководства страны были связаны с экономической наукой. Но у экономистов даже по главным вопросам единства в тот момент не было, о чем свидетель-

ствуует запись совещания их видных представителей 23 октября и 1 ноября 1989 года.

Большинство участников совещания уже высказывались рыночно (Николай Яковлевич Петраков, Станислав Сергеевич Шаталин, Гавриил Харитонович Попов), но были и те, кто призывал не преуменьшать значения общенародной собственности [В Политбюро..., 2006. С. 519–521; Игнатовский, Щегловский, 1989]. Активные сторонники рынка, например Лариса Ивановна Пияшева, начали выступать открыто еще ранее [Попкова, 1987].

Демократические выборы 1989 года позволили реформаторски мыслящим экономистам стать народными депутатами СССР и с трибуны съезда высказывать идеи более решительного внедрения рыночных механизмов в советскую экономику [Народные депутаты..., 1990. С. 27–28, 49–52, 55, 58–61, 75, 88–89, 95–97, 102], Леонид Иванович Абалкин в качестве заместителя главы правительства СССР получил возможность реализовывать эти идеи на практике, хотя и встретил сопротивление коллег [Абалкин, 1991]. Результаты не были впечатляющими: даже в законопроекте «О собственности» не обошлось без попыток слегка замаскировать частную собственность, названную в документе «собственностью граждан» и определенную как «одна из форм социалистической собственности, несовместимая с отчуждением работников от средств производства и исключая эксплуатацию человека человеком» [Народные депутаты..., 1990. С. 176].

Такая же неопределенность наблюдалась в экономической науке и по другим принципиальным вопросам. В популярном в те годы сборнике статей отнюдь не ортодокс Виталий Аркадьевич Найшуль доказывал, что «представление о необходимости безработицы связано с расхожим примитивным образом рыночной экономики», предлагая едва ли реализуемые пути ее предотвращения. Он же полагал, что использование рыночных методов не только не усилит, но даже уменьшит дифференциацию доходов населения [Найшуль, 1989. С. 452–453].

Едва ли можно было в условиях интеллектуальной разногласии ожидать более резкого перехода к новой терминологии и практике. Но ухудшающаяся ситуация в экономике не могла ждать завершения этого транзита.

Далее обратимся к ожиданиям и представлениям рядовых граждан по вопросам экономической модели и ее реформирования. Социолог Татьяна Ивановна Заславская охарактеризовала общественное сознание советских людей следующими чертами: неприятие безработицы, ориентация на уравнилельные ценности и социальный инфантилизм — вера в неограниченные ресурсы советского государства, которое обязано удовлетворять потреб-

ности граждан независимо от количества и качества их труда [Народные депутаты..., 1990. С. 66–70]. Эти характеристики общественного сознания коррелируют с данными других опросов и содержанием писем граждан в руководящие инстанции.

Значительное внимание гражданами уделяется вопросам руководства экономикой. Многие из них по-прежнему убеждены, что при хорошем руководстве проблемы могут быть решены. Ветеран войны из Киева сетует: «Сегодня самофинансирование, самоокупаемость — явная фикция. Бюрократизм усилился. Нужны кадровые перемены» (М. Надеждин, ветеран войны, Киев, 1987)³¹. Опасной считает «чудовищную некомпетентность руководителей» экономист из Москвы (Ю. Панченко, отдел организации материально-технического снабжения Мосгорглавснаба, 1987)³². Авторы писем высказывают серьезные сомнения в способности существующих управленческих структур справиться с проблемами экономики: «...неужели серьезно можно надеяться, что перестройку нам осуществят... министерства и ведомства? Давайте проведем мысленный эксперимент: фирму “Панасоник” подчиним Министерству радиопромышленности СССР с его лимитами, фондами, планами, финансированием и прочей “китайской грамотой”... мне кажется, что в таких условиях прославленная фирма не то что видеомэгнитофона, а простого утюга не соберет! Социалистическое предприятие (объединение), наделенное широчайшими правами, — вот основная единица производства и управления!» (Е. Прошечкин, философ, Москва)³³. «Главный виновник продолжающихся штурмовщины и аврала — министерство» (коллектив работников Кишиневского завода холодильников)³⁴.

Ряд авторов корреспонденций пытается «копнуть поглубже». Экономист размышляет: «...надо жестким образом переформировать весь нынешний аппарат управления народным хозяйством, включая снабжение, пресечь любую возможность командования предприятиями, трестами со стороны министерств и ведомств» (В. Г. Забелин, кандидат экономических наук, Москва)³⁵. Многим тогда казалось, что стоит только дать больше свободы производителям — директорам предприятий, трудовым коллективам, и ситуация в экономике обязательно улучшится. Тем более в этом как будто убеждал опыт нэпа и косыгинской реформы. Но такие рассуждения уводили размышления о советской экономике в сто-

³¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 214. Л. 24.

³² Там же. Л. 18.

³³ Там же. Д. 216. Л. 23–24.

³⁴ Там же. Л. 25.

³⁵ Там же. Д. 215. Л. 33–35.

рону от ее основ, которые продолжали считаться устойчивыми и в целом себя оправдавшими.

В качестве аргументов в пользу позиции, уводившей от указанных основ, привлекается и сравнение с капиталистической экономикой, с тем, «как у них». Коллектив донецких шахтеров поведал руководству следующую историю: «По штату у нас на шахте 550 забойщиков и почти столько инженерно-технических работников. Год назад в нашей городской газете было опубликовано интервью горловских шахтеров, побывавших и поработавших на шахтах в Испании. Так вот, там на шахтах (равносильных нашим) всего 2 человека с высшим образованием — директор и главный инженер. Задумаешься: неужели рабочий Иван глупее рабочего Фиделя, раз за каждым из нас должен стоять надзиратель и имитацией бурной деятельности ставить палки в колеса? Сокращение управленческого аппарата пошло бы на пользу дела» (коллектив работников шахты им. Изотова, Донецкая обл.)³⁶.

По мнению граждан, советская экономика — система, призванная обеспечивать гармонию цен и зарплат, не всегда проявляющуюся в реальности. В росте цен некоторые граждане обнаруживают корни теневой экономики: «До каких же пор в нашей стране будут повышаться цены? Масла нет. Мясо — раз в полгода (далее автор перечисляет высокие цены в кооперативных магазинах. — *Примеч. авт.*). Такой политикой цен Вы сами вынуждаете людей заниматься “левыми” доходами. Придумали: кооперативная торговля. Это настоящая спекуляция, только не граждан, а государства» (Владимирская обл., без подписи — сознательно)³⁷. Практически нигде в письмах граждан не найти примирения с необходимостью повышения цен.

Что касается зарплат, то здесь одним из зол часто называется уравниловка. Парадокс в том, что сами же граждане предлагают новые, более «цивилизованные» ее формы: «Уравнен в оплате хороший работник и плохой. А надо бы уравнивать в оплате специалистов одной квалификации, работающих на разных предприятиях, доярку и скотника и т. д. Выборность руководителя — дело правильное, но обязательно должен быть подотчетен коллективному органу предприятия» (В. Д. Афанасьев, Болшево, Московская обл.)³⁸.

Некоторые пытались найти объяснение современным трудностям в истории: «...еще в 1965 году предлагались радикальные меры, хотя и с меньшим размахом. Но мы более 20 лет топтались на месте. Не хватило ума и решительности... Сейчас мы во многом наверстываем упущенное» (В. А. Шахматов, Москва)³⁹.

³⁶ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 216. Л. 29–30.

³⁷ Там же. Д. 214. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 25.

³⁹ Там же. Д. 215. Л. 73.

Другая часть корреспондентов размышляет о совместимости ряда экономических инициатив с основами социализма. Так, внимание одного из авторов привлек вопрос, можно ли разрешать строительство теплиц. После просмотра телепередачи на эту тему у него сформировалось мнение, что владельцы теплиц эксплуатируют всё общество. Воду на полив получают по 10 коп. за 1 кв. м, за электроэнергию платят по 4 коп. за 1 кВт/ч, а «нам продают огурчики и помидорчики в десятикратном размере. Сталевар за год получает 6 тысяч рублей, из них шестую часть возвращает государству в виде налогов и членских взносов, а владелец теплицы получает за год до 30 тысяч и государству платит копейки»⁴⁰. Один из участников телепередачи на эту тему (декабрь 1986 года) дал справку секретарю обкома, что у него в области насчитывается 19 миллионеров, а те, у кого на счету 100–200 тыс. руб., не поддаются учету. «Хочется спросить у автора фильма, а сколько миллионеров было в этой области до 1917 года? Михаил Сергеевич, неужели ЦК КПСС откажется от борьбы с нетрудовыми доходами?» (И. Н. Николаев, трудовой стаж 56 лет, Волгоград)⁴¹.

Но были и те, кто решительно не разделял мнение ветерана труда из Волгограда. Например, его оппонентом был студент из Якутска: «Меня поразил один момент во время Вашего пребывания в Прибалтике (речь идет о визите М. С. Горбачева в 1987 году — *Примеч. авт.*) Какой-то молодой человек из толпы крикнул: “Не лучше ли разобраться с неурядицами в нашей промышленности, чем развивать личные подсобные хозяйства?” Смысл такой, что мы чуть ли не капитализм у себя возрождаем... Что ужасного в том, что человек будет работать на себя? Нам это не сдерживать, а пропагандировать надо» (С. Юрков, 21 год, студент Якутского госуниверситета)⁴². Нетрудно заметить почти дословную переключку этих мыслей с идеями самого Горбачева.

Иногда авторы ряда писем, как и члены ПБ, сетуют на проблемы в сфере экономической теории. Парторг из Алушты убежден: «...необратимой перестройке остро нужна рациональная теория. Теория, которая внятно отвечала бы... на вопросы: Какие именно стороны нашей социально-экономической системы подлежат преобразованию? В каком конкретно направлении? С каким темпом, до каких пределов?» (В. Зеленский, рабочий, секретарь первичной парторганизации, г. Алушта)⁴³. И в этом случае приходится констатировать, что быстро меняющаяся реальность опережала ус-

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 214. Л. 32–33.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 215. Л. 76–77.

⁴³ Там же. Д. 216. Л. 50.

воение элитой и обществом рыночных идей. Это характерно и для третьего, завершающего перестройку этапа.

6. Тенденция консолидации представлений о необходимости перехода к рынку в условиях нарастания экономического и политического кризиса на третьем этапе (1990–1991)

На этом этапе в руководстве уже практически не оставалось сомнений, что надо двигаться к рынку. Но всё еще сохранялось действие факторов, и ранее препятствовавших рыночной трансформации. Существенная разница состоит в том, что в указанные годы это происходило в условиях неумолимо нарастающего экономического хаоса и распада союзного государства.

В сознании правящей элиты всё прочнее утверждалось мнение о безальтернативности рынка. Так, Горбачев на заседании Совета безопасности 30 апреля 1991 года призвал сохранить плановое воздействие, но в основном использовать экономические методы [В Политбюро., 2006. С. 660]. Но если союзное руководство о плане хотя бы упоминало, то в республиках ситуация совсем иная. На совещании у Горбачева 27 сентября 1990 года Рыжков с горечью констатировал, что «Россия планом на 1991 год не занимается, прибалты работу ведут, но от них нет информации, как и от Казахстана» [В Политбюро., 2006. С. 610]. Сегодня мы уже знаем, что прибалтийские республики на единый общесоюзный план давно махнули рукой.

Постепенно вырисовывалась новая модель советской экономики. Ее сущность четко сформулировал Президент СССР в личном послании руководителям государств «Большой семерки». 11 июля 1991 года Горбачев признал: мы за смешанную экономику, за равноправие всех форм собственности — государственной и частной. Включил в текст он и упоминания о конвертируемости рубля, об интеграции СССР в мировую экономику [В Политбюро., 2006. С. 688]. Рыжков был рад термину «планово-рыночная экономика», считая его находкой [В Политбюро., 2006. С. 546]. Момент показательный в том отношении, что в руководстве всё еще не были готовы совсем отказаться от идеи плана.

Однако грядущий, но никак не начинаемый переход к рынку по-прежнему имел свои ограничители в сознании руководства. По Абалкину, даже в 1990 году в обществе в целом господствовало убеждение, что можно разработать более мягкую программу перехода к рынку, чем предлагало правительство. К тому же весь 1990 год упрямо твердили про социалистический выбор [Абалкин, 1991. С. 171, 178], отклоняя всё, что в него не вписывалось по

соображениям идеологии. И в обществе, и в депутатском корпусе сохранялось представление о всемогуществе «центра», о возможности получить от него ресурсы путем силового давления [Абалкин, 1991. С. 186]. Даже в вопросе о собственности, казалось бы, уже решенном в пользу развития института частной собственности, встречались неожиданные повороты. Абел Гезевич Аганбегян слегка озадачил некоторых коллег суждением, что государственная собственность отнюдь не пройденный этап в истории экономической мысли: в Италии ею охвачено не менее 50% экономики, и это не сказывается отрицательно на результатах хозяйствования [Бирман, 2001. С. 275].

Не было единства и в ПБ. На его заседании 22 января 1990 года Лев Николаевич Зайков при обсуждении проекта платформы к Пленуму ЦК возмущался, вычитав не понравившуюся ему цитату: «Плата за землю — что это, землей торговать будем?» [В Политбюро., 2006. С. 549]. Александра Павловна Бирюкова осторожно напоминала, что люди боятся частной собственности и эксплуатации. Об издержках еще не введенного рынка говорил Медведев: мы сориентировались на рынок, а наши рыночные меры приводят рынок в еще большее расстройство [В Политбюро., 2006. С. 559].

Тем не менее крепло понимание того, что главное теперь — финансовая стабилизация, реформа цен. Рыжков даже сожалел, что в 1988 году дрогнули перед такой реформой. Но Медведев на совещании у Президента СССР 1 октября 1990 года выступил против монетаристских методов [В Политбюро., 2006. С. 612], что противоречит приведенному выше обвинению его Рыжковым в «лево-радикальности». На Президентском совете 31 октября 1990 года против реформы розничных цен высказался Шаталин [В Политбюро., 2006. С. 624]. Наконец, на заседании Президентского совета 5 ноября 1990 года Медведев подверг критике предложение Абалкина о переносе центра тяжести в стабилизации рынка на повышение цен и предложил его отложить [В Политбюро., 2006. С. 627]. На заседании Госсовета 4 ноября 1991 года, когда все признали: экономика на грани коллапса, — Горбачев рассуждает о том, что нельзя отпустить цены, не решив вопроса о монополистах, не сократив расходную часть бюджета, не простимулировав предпринимателей, не успокоив общество тем, что регулирование цен на некоторые продукты будет сохранено [В Политбюро., 2006. С. 716]. О том же говорил Петраков на совещании экономистов у Президента СССР 11 ноября 1991 года: введение свободных цен возможно только на базе приватизации [В Политбюро., 2006. С. 720]. Очевидно, что руководство СССР до самого конца союзного государства так и не придумало, как объяснить гражданам переход к рынку.

Что же касается возможности войти в рынок с другой стороны — через приватизацию, то и на этом направлении дело застопорилось. 15 июня 1991 года на совещании у президента по вопросам приватизации Владимир Иванович Щербаков говорил о том, что без приватизации переход к рынку невозможен. Горбачев предложил всё «взвесить и обсудить» [В Политбюро., 2006. С. 677]. После августовских событий того же года «взвешивать и обсуждать» стало уже некогда, особенно республиканским элитам, как теперь известно, давно размышлявшим над переходом к рынку отдельно от СССР. Приближавшийся крах самого Советского Союза отодвинул дискуссии о советской экономике на второй план, переадресовав их «по наследству» образовавшимся на месте СССР государствам.

Таким образом, на завершающем этапе существования сталинской экономической модели сложился определенный общественный консенсус в вопросе о том, что эта модель не может быть сохранена и нуждается в замене системой со значительной ролью рынка. Но на момент распада СССР согласия в обществе по вопросу о том, как и в какие сроки переходить к новой модели, руководству страны, экономистам, обществу в целом достичь так и не удалось, что существенно осложнило переход к рынку после распада СССР.

Заключение

В течение всего советского периода не прекращалось изучение природы советской экономики и путей ее совершенствования. Такие размышления вызывались неудовлетворенностью текущей экономической ситуацией, что порождало хозяйственные реформы. В свою очередь, критика результатов самих этих реформ становилась мотиватором дальнейшей эволюции экономической мысли. Узловые пункты этих интеллектуальных поисков выстраиваются цепочкой от нэпа до горбачевской перестройки. В каждом из них инициаторами исследований являлась высшая власть, лидеры партии и государства, что естественно для такой системы, как советская. Каждый раз результатом становились идеи по преобразованию советской экономики. Вместе с тем сам объект реформирования не был достаточно осмыслен на теоретическом уровне: ключевой особенностью советского проекта было то, что мозговой штурм мог легализовать лишь лидер партии. Коллективными и порой разнонаправленными усилиями всё большего (по ходу советской истории) количества субъектов преобразований постепенно (медленнее, чем хотелось бы задним числом) формулировались те идеи, которые трансформировали мобили-

зационный режим управления народным хозяйством, увеличивая значение экономических методов. Плод должен был созреть. Именно поэтому, на наш взгляд, опыт формирования парадигмы косыгинской реформы нельзя считать только печальным и тем более бесполезным. Несмотря на трудности и противоречия (которые не удалось преодолеть), был создан задел, отталкиваясь от которого общество в горбачевский период сделает следующие шаги в осмыслении феномена советской экономики.

Вместе с тем вряд ли оправданно примерять на Косыгина роль советского Дэн Сяопина. Теоретически можно допустить, что если бы руководители страны были готовы углублять рыночные начала экономической реформы 1965 года, таким образом снимая ее противоречия, СССР получил бы шанс перехода к рыночной экономике без шоковой либерализации 1990-х годов. Но, как гласит прописная истина, история не знает сослагательного наклонения. Несмотря на то что необходимость повышения эффективности экономической модели для решения задач нового витка модернизации была очевидна современникам, практический и теоретический поиск, развернувшийся накануне войны и продолженный после победы, выявлял узкие места, сдвигал идеологию, а вслед за ней и экономическую стратегию в сторону общества изобилия, тем не менее осмысление проблемы не привело к формированию целостной концепции, опиравшейся на общественный консенсус. Решение этой задачи требовало смены геополитических приоритетов и ревизии идеологии [Аксютин, 2010. С. 601]. Не только в середине 1960-х, но даже спустя двадцать лет ни к тому ни к другому правящая элита, научное сообщество, советские граждане готовы не были. Этот путь занял примерно полвека — не так много по историческим меркам.

Безусловно, экономические преобразования перестройки нередко рассматриваются как одна из главных причин краха социалистической системы и советского союзного государства. Но даже если согласиться с этим, то невозможно отрицать наличие стержня, объединяющего все размышления о повышении эффективности народного хозяйства. Таковым, на наш взгляд, является стремление внедрить в командную систему хозяйства экономические стимулы, дать больше прав и ответственности производителям, обеспечить насыщение потребительского рынка и т. п. Речь, по сути, шла о том, чтобы, отвергая на словах рыночные механизмы, инкорпорировать отдельные их элементы в плановую экономику. Понимание такой необходимости вызревало на всех уровнях общества, хотя и с разной скоростью. Правящая элита начала проникаться этими идеями еще до войны и получила в этом поддержку у экономистов-практиков, которым было необ-

ходимо обеспечить выполнение плановых заданий, а также у ряда теоретиков. Сложнее обстояли дела с рядовыми гражданами, на экономическое сознание которых на каждом этапе влияли многочисленные и порой разнонаправленные факторы. В целом же и к началу 1990-х годов советское общество, всё больше рассуждая о рынке, в значительной своей части оказалось к реальному рынку не подготовленным, что отразилось на крайне болезненном вращении в рыночные отношения в 1990-е годы.

Практический урок заключается в том, что косность и догматизм мышления, следование изжившим себя традициям не могут отменить общественный прогресс — но делают цену, которую платит за него общество, весьма значительной.

Литература

1. Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.
2. Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.
3. Аксютин Ю. В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.
4. Атлас М., Кадышев Л., Макарова М., Сорокин Г., Фигурнов П. Об основном экономическом законе // Вопросы экономики. 1962. № 1. С. 39–52.
5. Белик Ю. Величественная программа повышения жизненного уровня советского народа // Плановое хозяйство. 1962. № 1. С. 3–13.
6. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в. // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 1–29. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46.
7. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
8. Беспятова Е. Б. Некоторые аспекты мотивации труда руководящих работников в контексте корректировки «сталинской» экономической модели // Зигзаги и тупики российской модернизации (кон. XIX – нач. XXI вв.): коллективная монография в честь 85-летия В. В. Журавлева. М.: БукЭксперт, 2023. С. 233–252.
9. Бирман И. Я — экономист (о себе, любимом). М.: Время, 2001.
10. Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995.
11. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
12. Вознесенский Н. А. К вопросу об экономике социализма // Большевик. 1931. № 23–24. С. 33–54.
13. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021.
14. Горбачев М. С. Жизнь и реформы: в 2 кн. Кн. 1. М.: Новости, 1995.
15. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Кн. 1: Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
16. Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. «Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономики // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

17. Журавлев В. В. Советский закон о национализации недвижимости в городах и его долговременные социокультурные следствия // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. С. 797–804.
18. Земсков В. Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. М.: Вече, 2018.
19. Игнатовский П. А., Щегловский В. И. Советская экономика: опыт и перспективы. М.: Политиздат, 1989.
20. Кронрод Я. А. За творческую дискуссию против схоластики // Проблемы экономики. 1940. № 11. С. 65–79.
21. Мау В. А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М.: Дело, 2017.
22. Медведев В. А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М.: Международные отношения, 1994.
23. Найшуль В. А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред.-сост. Ф. М. Бородин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. С. 441–454.
24. Народные депутаты СССР: экономика сегодня и завтра: сборник / сост. С. Н. Красавченко, Г. Л. Подвойский. М.: Московский рабочий, 1990.
25. Островитянов К. В. Политическая экономия. М.: Советские учебники, 2021.
26. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 3: Социалистические партии / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2022.
27. Попкова Л. Где пышнее пироги? // Новый мир. 1987. № 5. С. 239–241.
28. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине / сост. Т. И. Фетисов. М.: Республика, 1997.
29. Реформы в России с древнейших времен до наших дней: в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2016.
30. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.
31. Сафронов А. Большая советская экономика: 1917–1991. М.: Individuum; Эксмо, 2025.
32. Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994.
33. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
34. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
35. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
36. Телицын В. Л. Алексей Косыгин. «Второй» среди «первых», «первый» среди «вторых». М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2022.
37. «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». Беседы И. В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. / пуб. подготовил В. Г. Бухер // Исторический архив. 2012. № 4. С. 3–31.
38. Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999.
39. Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016.
40. Шепилов Д. Т. Непримкнувший. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017.

References

1. Abalkin L. I. *Neispol'zovannyi shans. Poltora goda v pravitel'stve [The Unused Chance. One and a Half Years in the Government]*. Moscow, Politizdat, 1991. (In Russ.)
2. Aven P., Kokh A. *Revolutsiya Gaydara. Istoriya reform 90-kh iz pervykh ruk [Gaidar's Revolution. A First-Hand History of the Reforms of the 1990s]*. Moscow, Al'pina Publisher, 2013. (In Russ.)

3. Aksyutin Yu. V. *Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953-1964 gg.* [Khrushchev's "Thaw" and Public Sentiment in the USSR in 1953-1964]. Moscow, ROSSPEN; Boris Yeltsin Presidential Center Foundation, 2010. (In Russ.)
4. Atlas M., Kadyshch L., Makarova M., Sorokin G., Figurnov P. Ob osnovnom ekonomicheskom zakone [On the Basic Economic Law]. *Voprosy ekonomiki*, 1962, no. 1, pp. 39-52. (In Russ.)
5. Belik Yu. Velichestvennaya programma povysheniya zhiznennogo urovnya sovetского народа [The Majestic Program for Raising the Standard of Living of the Soviet People]. *Planovoe khozyaystvo* [Planned Economy], 1962, no. 1, pp. 3-13. (In Russ.)
6. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v Rossii: voprosy teorii i praktika XIX - nachala XX v. [Economic Reforms in Russia: Theoretical Aspects and the Practice of 19th - Early 20th Century]. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 1, pp. 1-29. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46. (In Russ.)
7. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921-1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921-1985]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81-108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
8. Bespyatova E. B. Nekotorye aspekty motivatsii truda rukovodyashchikh rabotnikov v kontekste korrekturnoy "stalinskoy" ekonomicheskoy modeli [Some Aspects of Motivation of Management Employees in the Context of Adjustment of the "Stalinist" Economic Model] // *Zigzagi i tupiki rossiyskoy modernizatsii (kon. XIX - nach. XXI vv.): kollektivnaya monografiya i tupiki 85-letiya V. V. Zhuravleva* [Zigzags and Dead Ends of Russian Modernization (Late 20th - Early 21st Centuries): Collective Monograph in Honor of the 85th Anniversary of V. V. Zhuravlev]. Moscow, BukEkspert, 2023, pp. 233-252. (In Russ.)
9. Birman I. Ya - ekonomist (o sebe, lyubimom) [I Am an Economist (About Myself - Beloved)]. Moscow, Vremya, 2001. (In Russ.)
10. Boldin V. I. *Krushenie pedestal. Shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva* [The Collapse of the Pedestal. Strokes to the Portrait of M. S. Gorbachev]. Moscow, Respublika, 1995. (In Russ.)
11. Chernyaev A., Weber A., Medvedev V. (eds.). *V Politbyuro TSK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhmazarova (1985-1991)* [In the Politburo of the Central Committee of the CPSU... Based on the Notes of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhmazarov (1985-1991)]. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2006. (In Russ.)
12. Voznesenskiy N. A. K voprosu ob ekonomike sotsializma [On the Question of the Economics of Socialism]. *Bolshevik*, 1931, no. 23-24, pp. 33-54. (In Russ.)
13. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskemu chudu* [Growth Crystal for the Russian Economic Miracle]. Moscow, Nashe zavtra, 2021. (In Russ.)
14. Gorbachev M. S. *Zhizn' i reformy: v 2 kn. Kn. 1* [Life and Reforms, in 2 books. Book 1]. Moscow, Novosti, 1995. (In Russ.)
15. Grushin B. A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbachova i Yeltsina: v 4 kn. Kn. 1: Epokha Khrushcheva* [Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians During the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev, and Yeltsin, in 4 books. Book 1. The Khrushchev Era]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. (In Russ.)
16. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N. "Nuzhno podnyat' uroven' ekonomicheskikh znaniy". Stalinskaya metoda sozdaniya uchebnika politicheskoy ekonomiki ["It Is Necessary to Raise the Level of Economic Knowledge." Stalin's Method of Creating a Textbook on Political Economy]. *Rodina* [Homeland], 2014, no. 3, pp. 54-61. (In Russ.)
17. Zhuravlev V. V. Sovetskiy zakon o natsionalizatsii nedvizhimosti v gorodakh i ego dolgovremennyye sotsiokul'turnyye sledstviya [The Soviet Law on the Nationalization of Real Estate in Cities and Its Long-Term Socio-Cultural Consequences]. In: *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetской системы. 1920-1950-e gody: Materialy X mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 5-7 dekabrya 2017 g.* [Lessons of October and the Practices of the Soviet System. 1920-1950s: Proceedings of the 10th International Scientific Conference. Moscow,

- 5-7 December 2017]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya; Boris Yeltsin Presidential Center, 2018, pp. 797-804. (In Russ.)
18. Zemskov V. N. *Stalinskaya epokha. Ekonomika, repressii, industrializatsiya. 1924-1954 [The Stalin Era. Economy, Repressions, Industrialization. 1924-1954]*. Moscow, Veche, 2018. (In Russ.)
 19. Ignatovskiy P. A., Shcheglovskiy V. I. *Sovetskaya ekonomika: opyt i perspektivy [Soviet Economy: Experience and Prospects]*. Moscow, Politizdat, 1989. (In Russ.)
 20. Kronrod Ya. A. Za tvorcheskuyu diskussiyu protiv skholastiki [For a Creative Discussion Against Scholasticism]. *Problemy ekonomiki [Problems of Economics]*, 1940, no. 11, pp. 65-79. (In Russ.)
 21. Mau V. A. *Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskikh reform [State and Economy: Experience of Economic Reforms]*. Moscow, Delo, 2017. (In Russ.)
 22. Medvedev V. A. *Raspad. Kak on nazreval v "mirovoy sisteme sotsializma" [The Collapse. How It Was Brewing in the "World System of Socialism"]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. (In Russ.)
 23. Nayshul V. A. Problema sozdaniya rynka v SSSR [The Problem of Creating a Market in the USSR]. In: Borodkin F. M., Kosals L. Ya., Ryvkina R. V. (eds.). *Postizhenie: Sociologiya. Social'naya politika. Ekonomicheskaya reforma [Comprehension: Sociology. Social Policy. Economic Reform]*. Moscow, Progress, 1989, pp. 441-454. (In Russ.)
 24. Krasavchenko S. N., Podvoyskiy G. L. (eds.). *Narodnye deputaty SSSR: ekonomika segodnya i zavtra: sbornik [People's Deputies of the USSR: Economy Today and Tomorrow: Collection]*. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1990. (In Russ.)
 25. Ostrovityanov K. V. *Politicheskaya ekonomiya [Political Economy]*. Moscow, Sovetskie uchebniki, 2021. (In Russ.)
 26. Zhuravlev V. V. (ed.). *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX - nachalo XX v.: v 3 t. T. 3: Sotsialisticheskie partii [Political Parties of Russia. Late 19th - Early 20th Century, in 3 vols. Vol. 3: Socialist Parties]*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2022. (In Russ.)
 27. Popkova L. Gde pyshnee pirogi? [Where Are the Pies Fluffier?]. *Novyy mir [New World]*, 1987, no. 5, pp. 239-241. (In Russ.)
 28. Fetisov T. I. (ed.). *Prem'ér izvestnyy i neizvestnyy: Vospominaniya o A. N. Kosyginе [The Prime Minister Known and Unknown: Memories of A. N. Kosygin]*. Moscow, Respublika, 1997. (In Russ.)
 29. Zhuravlev V. V. (ed.). *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 4 t. T. 4: 1917-1991 gg. [Reforms in Russia From Ancient Times to the Present Day, in 4 vols. Vol. 4: 1917-1991]*. Moscow, ROSSPEN, 2016. (In Russ.)
 30. Ryzhkov N. I. *Desyat' let velikikh potryaseniy [Ten Years of Great Upheavals]*. Moscow, Association "Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie," 1995. (In Russ.)
 31. Safronov A. *Bol'shaya sovetskaya ekonomika: 1917-1991 [The Great Soviet Economy: 1917-1991]*. Moscow, Individuum, Eksmo, 2025. (In Russ.)
 32. Sogrin V. V. *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985-1994. Ot Gorbacheva do Yeltsina [Political History of Modern Russia. 1985-1994. From Gorbachev to Yeltsin]*. Moscow, Progress-Akademiya, 1994. (In Russ.)
 33. Stalin I. V. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR [Economic Problems of Socialism in the USSR]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952. (In Russ.)
 34. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N. (eds.). *Stalinskoe ekonomicheskoe nasledstvo: plany i diskussii. 1947-1953 gg.: Dokumenty i materialy [Stalin's Economic Legacy: Plans and Discussions. 1947-1953: Documents and Materials]*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017. (In Russ.)
 35. Mau V., Starodubrovskaya I. *The Challenge of Revolution: Contemporary Russia in Historical Perspective*. New York, Oxford University Press, 2001.
 36. Telitsyn V. L. *Aleksey Kosygin. «Vtoroy» sredi «pervykh», «pervyy» sredi «vtorykh» [Alexey Kosygin. "The Second" Among the "First", "The First" Among the "Second"]*. Moscow, AFK "Sistema," Politicheskaya entsiklopediya, 2022. (In Russ.)
 37. Bukher V. G. (ed.). "Uchebnik dolzhen pol'zovat'sya neprerekaemym avtoritetom." Besedy I. V. Stalina s uchenymi-ekonomistami. 1941, 1950, 1952 gg. ["The Textbook Must En-

- joy Unquestionable Authority.” Conversations of I. V. Stalin With Economists. 1941, 1950, 1952]. Istoricheskii arkhiv [Historical Archive], 2012, no. 4, pp. 3-31. (In Russ.)
38. Chuev F. I. *Molotov: Poluderkhavnyy vlastelin* [Molotov: The Semi-Sovereign Ruler]. Moscow, Olma-Press, 1999. (In Russ.)
39. Shelest P. E. *Da ne sudimy budete. Dnevnik i vospominaniya chlena Politbyuro TsK KPSS* [Let Ye Not Be Judged. Diaries and Memoirs of a Member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2016. (In Russ.)
40. Shepilov D. T. *Nepriknuvshiy. Vospominaniya* [Non-Aligned. Memories]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017. (In Russ.)

60 лет косыгинской реформе

Реформировать нельзя разрушить: косыгинская реформа в контексте реформ и революций XIX–XXI веков

Юрий Валерьевич Латов

ORCID: 0000-0001-7566-4192

Доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
главный научный сотрудник, Академия управления МВД России
(РФ, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)
E-mail: latov@mail.ru

Аннотация

60-летие так называемой косыгинской реформы 1965–1972 годов, направленной на улучшение советской экономики путем внесения в плановый институциональный механизм конкурентно-рыночных элементов, становится поводом для дедуктивного теоретизирования об общих закономерностях социально-экономических реформ и революций XIX–XXI веков в России и иных странах догоняющего развития. На основе концепций социологии революции (Ч. Тилли и др.) в статье рассматривается континуум бифуркационных социально-политических ситуаций, изменяющих правила игры, от обычной реформы до великой революции. Омечается высокая частота таких ситуаций в истории России последних двухсот лет как проявление институционального поиска, типичного для стран догоняющего развития. Чтобы «догнать и перегнать», избегая «великих потрясений», политические элиты таких стран стремятся заменить революции радикальными великими реформами («революциями сверху»). Революционные по своим последствиям, великие реформы хотя и имеют имманентные недостатки (воспроизводят этатизм), всё же могут решать задачи национальной модернизации. Первый недостаток реформы А. Н. Косыгина с такой точки зрения заключается в том, что она даже самими организаторами не была (возможно, не могла быть) четко осмыслена как великая — как решающая задачу смены пути развития национальной модели (с тотально-плановой модели, где доминируют институты власти-собственности, на модель смешанной экономики, где преобладает частная собственность). Второй, еще более важный ее недостаток — отсутствие стремления найти социальную опору среди потенциальных предпринимателей. Невнимание к социальным аспектам привело к передаче реализации идей реформы в руки государственного аппарата, интересы которого резко противоречили этим идеям. При отсутствии «давления снизу» такая реформа могла дать только ограниченные результаты, не меняющие путь развития.

Ключевые слова: социология революций, континуум социально-политических бифуркаций, великая реформа, власть-собственность

JEL: P31, Z13, B51, N00

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

Kosygin's Reform in the Context of Reforms and Revolutions of the 19th – 21st Centuries

Yury V. LATOV

ORCID: 0000-0001-7566-4192

Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,^a
e-mail: latov@mail.ru

^a 8, Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh ul., Moscow, 125171, Russian Federation

Abstract

The sixtieth anniversary of the Kosygin reform that was carried out from 1965 to 1972 has been the occasion for theoretical accounts of the characteristic patterns of Russian socio-economic reforms and revolutions from the nineteenth to the twenty-first century and also for comparisons with the way other countries have managed catch-up development and how their traditional and innovative institutions have interacted. The Kosygin reform attempted to improve the Soviet planned economy by introducing elements of market competition into it. Sociologist Charles Tilly's definition of revolution as a socio-political event that changes the "rules of the game" provides a guide for distinguishing such events along a continuum that ranges from ordinary reforms to major revolutions. The many instances of both circumstances in Russia during the last two hundred years is a manifestation of the typical groping ahead by institutions in countries undergoing catch-up development. The political elites of these countries have tried to replace revolutions with intensive and radical reforms ("revolutions from above") in order to "catch up and overtake" while avoiding "great upheavals." Although radical reforms may have certain shortcomings that are integral to them, such as fostering a dichotomy between a weak populace and a strong state, they may still have revolutionary outcomes and provide solutions for the problems of national modernization. The first shortcoming of the Kosygin reform from this point of view is that it was not (or could not be) clearly perceived even by its advocates as a far-reaching way to modify the Soviet Union's model of national development from a totally planned economy dominated by institutions that had consolidated power and ownership to a mixed economy with substantial private property. The second and even more important shortcoming was a reluctance to garner social support from potential entrepreneurs. Inattention to this social dimension of reform meant that the implementation of any new ideas was relinquished to the existing state apparatus, whose interests contrasted sharply with them. In the absence of "pressure from below," reform could have only limited results that did not materially change the course of development.

Keywords: sociology of revolutions, continuum of socio-political bifurcations, great reform, power-property

JEL: P31, Z13, B51, N00

Введение

История России последних примерно полутора столетий — это почти непрерывная череда глубоких реформ и взрывных революций (а также во многом близких к ним по последствиям контрреформ и контрреволюций). Их количество превышает десяток, так что любой россиянин XX века за свою жизнь пережил несколько крутых поворотов. И нет никаких гарантий, что этот долгий «бег с препятствиями» для России завершен. Хотя не раз утверждалось, будто наша страна «исчерпала лимит на революции» (см., например, [Зюганов, 1993. С. 77]), но это — лишь благое пожелание, ведь никакого такого лимита ни у одной страны мира нет. Поскольку крутые повороты почти наверняка находятся у россиян не только в прошлом, но и в будущем, давно назрела (и даже перезрела) необходимость теоретического осмысления общих закономерностей таких процессов.

Отмечаемое в 2025 году 60-летие так называемой косыгинской реформы — хороший повод, чтобы на этом конкретном примере рассмотреть некоторые общие закономерности реформ и революций в нашей стране. Обсуждение этой реформы гораздо менее политизировано, чем большинства других, что повышает его объективность. Реформа 1965–1972 годов проходила недавно и в то же время достаточно давно, чтобы ее обсуждение сохраняло актуальность и одновременно ее подводные камни успели обнажиться.

Обсуждение — чаще всего в относительно узком контексте советской экономической истории — реформы, связываемой с именем тогдашнего председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, ведется не одно десятилетие. Оно всегда носит явно или скрыто сравнительный характер, поскольку эта реформа сопоставляется в первую очередь с горбачёвскими и ельцинскими (гайдаровскими) реформами, по отношению к которым она была то ли предтечей, то ли антитезой. Это обсуждение замыкается на двух взаимосвязанных основных вопросах, полярные варианты решения которых (и одновременно полярные варианты определения сущности этой реформы) сформулированы в заглавии введения к одному из сборников юбилейных обсуждений — «Шанс, клапан, успех, иллюзия?..» [Упущенный шанс.., 2017. С. 5]. Первый вопрос — поиск ответа, давала ли косыгинская реформа шанс на мягкое (не как в России 1990-х, а по образцу Китая 1980-х) преобразование советской экономики или это был не более чем «последний клапан» (по аналогии со столыпинской реформой 1907–1911 годов, как назвал ее Ленин), в лучшем случае немного продливший жизнь

обреченной на гибель советской социально-экономической системы. Второй вопрос — определение степени успешности косыгинской реформы с точки зрения если не развития советской системы в целом, то хотя бы по меркам самих конструкторов реформы (удалось ли им добиться хотя бы временного успеха или официальные достижения той реформы были не более чем статистической иллюзией).

Искать ответы на эти два основных вопроса можно как индуктивным (от эмпирики к теории), так и дедуктивным (от теории к эмпирике) путем. Для осмысления косыгинской реформы как элемента длительных модернизационных процессов предпочтительнее второй путь. Он неизбежно будет во многом умозрительным, поскольку предполагает конструирование теоретического образа российской модернизации в целом, в то время как эта модернизация не завершена, а потому и не может быть ее завершенной теории. Однако хотя бы в форме научного эссе, опирающегося на предыдущие теоретические разработки¹, этот путь можно реализовать. Для этого сначала предпринята попытка сформулировать наиболее общие теоретические подходы к изучению реформ и революций, затем — закономерности реформ/революций в ходе российской модернизации, и только после этого речь пойдет о сравнительных качественных характеристиках косыгинской реформы как этапа долгосрочных модернизационных процессов.

1. Теория реформ как элемент теории революций

Доминирующий дискурс обсуждения в отечественной науке не только косыгинской, но и любых других реформ хорошо сформулирован в статьях [Белых, Мау, 2020. С. 2–3; 2023. С. 83], где повторяется следующее развернутое определение: «Реформы всегда рассматривались как альтернатива революций. При этом существование теории революций у исследователей никаких сомнений не вызывает... Однако с теорией реформ ситуация не такая простая. Революции означают неконтролируемый слом старых институтов и замену их новыми. Они могут возникать относительно спонтанно, порой даже неожиданно. В этом смысле революционные изменения относительно проще поддаются анализу. Реформы осуществляются путем управляемой транс-

¹ Излагаемая далее концепция опирается на совместные научные работы Рустема Махмудовича Нуреева и Юрия Валерьевича Латова 2000–2010-х годов, в которых была сделана попытка комплексно теоретически осмыслить социально-экономические закономерности эволюции российской цивилизации на основе синтеза институциональных, формационных и компаративистских подходов. Подход к интерпретации косыгинской реформы как упущенной бифуркации был ранее изложен в [Латов, 2015; Латов, Нуреев, 2016].

формации существующих институтов, для проведения реформ необходима подготовка, создание более или менее подробного плана действий. Эти планы могут быть недостаточно проработанными, и осуществляться они могут с разной степенью эффективности. В связи с этим реформы всегда более индивидуальны, чем революции, поэтому построить теорию реформ сложнее».

В этих рассуждениях не со всем можно согласиться. Главное возражение заключается в том, что антитеза «реформа как управляемая трансформация — революция как неконтролируемый слом» сомнительна даже по чисто формальным основаниям. Где и когда, спрашивается, была такая спонтанная революция, которую никто не готовил и не контролировал? Историкам известны, конечно, стихийные бунты (как, например, в Новочеркасске в 1962 году), но они никогда сами по себе ни в какие революции не переходили. Любая революция предполагает обязательное наличие организаций, которые готовят и осуществляют революционные действия по заранее намеченным планам (пусть даже такие организации формируются на волне стихийных бунтов, как в Париже в июле 1789 года или Петрограде — в феврале 1917-го). Обычно таких организаций много, так что революция оказывается не только борьбой революционеров со старым режимом, но и противостоянием разных групп революционеров, имеющих различные планы на будущее нации. Сугубая плановость и управляемость реформ — тоже скорее идеальный образ, чем отражение действительности (достаточно вспомнить радикальные рыночные реформы в России начала 1990-х годов).

Реформа и революция не являются полярно альтернативными процессами. Не случайно в российской науке давно используется термин «революционная реформа» (для обозначения, например, преобразований Петра I), которым называют слом старых институтов и замену их новыми без смены политической власти. А в англоязычной литературе широко используется термин *quiet revolution* (тихая революция)², которым обозначают радикальные институциональные изменения без применения вооруженного насилия. В терминах общей теории систем классическая (мирная) реформа и классическая (с вооруженным насилием для свержения старого режима) революция — это разновидности точек бифуркации, когда общество стремится перейти из одного системного состояния в другое, изменить правила игры. Точки бифуркации

² Этот термин изначально был связан с событиями 1960-х годов в Канаде, где франкоязычное население Квебека смогло мирными методами социального протеста добиться резкого усиления автономии региона и ряда других демократических социально-экономических изменений. Впрочем, есть мнение, что «первой современной революцией» — практически бескровной и одновременно открывшей дорогу комплексу радикальных институциональных инноваций — была уже Славная революция 1688 года в Великобритании [Пинкус, 2017].

(ситуации выбора альтернативных вариантов дальнейшего развития) возникают в обществе в общем-то непрерывно (например, можно принять какой-то новый закон или его отвергнуть). Но большинство из них связано с развитием общества внутри коридора возможностей, заданных существующим аттрактором (путем развития), и лишь некоторые — со сменой аттрактора (качественным изменением целей и/или методов, трансформирующих путь развития)³.

Теория реформ и революций — междисциплинарное поле научных дискурсов. В западном обществоведении в этом обсуждении главную роль играют специалисты по исторической социологии. Базисными считаются сформировавшиеся в 1970-х концепции американских историков-социологов Чарльза Тилли [Тилли, 2019] и Теды Скочпол [Скочпол, 2017]. Их труды, ставшие основой современной западной традиции анализа революций, удачно дополняли друг друга, поскольку первая концепция являлась общей теорией революционных политических процессов, а вторая — теоретической интерпретацией трех великих революций (французской в XVIII веке, российской и китайской — в XX веке).

Российское обществоведение в изучении революций и реформ пошло другим путем. Поскольку историческая социология в нашей стране до сих пор относительно слабо развита, то обсуждение бифуркаций в развитии общества возглавили в первую очередь экономисты [Белых, Мау, 2020; 2023; Мау, 2017; Попов, 2004; Стародубровская, Мау, 2001], опираясь на эмпирические материалы и обобщения историков (например, в замечательном четырехтомнике «Реформы в России с древнейших времен до наших дней» 2016 года). Такой акцент привел к тенденции, с одной стороны, резко противопоставлять «хорошие» экономические реформы «опасным» революциям, с другой — выдвигать во главу угла вопросы целей и методов экономической модернизации в ущерб вопросам ее социальных механизмов и субъектов⁴. Давно пора добавить к историко-экономическим подходам подходы историко-социологические, акцентирующие внимание на массовых социальных акторах модернизации.

³ Например, в СССР смена в 1950-х годах правления И. В. Сталина правлением Н. С. Хрущёва была внутрисистемной бифуркацией, а приход к власти М. С. Горбачёва в 1985 году — началом межсистемной бифуркации.

⁴ В то же время есть и более взвешенное мнение, что любые попытки теоретически обосновать преимущества реформ по сравнению с революцией носят внеисторический характер, поскольку «благоразумная Реформа и взбалмошная, отчаянная Революция — проявляют свой нрав в зависимости от страны, времени и обстановки» [Журавлев, 2016. С. 665].

Для построения общей типологии бифуркаций в развитии общества воспользуемся моделью Тилли [Тилли, 2019. С. 272] (см. рис.). В ней удачно показаны два главных критерия построения континуума бифуркаций: это, во-первых, желаемые и достигаемые результаты (цели) социального «смещения» и, во-вторых, ведущая к «расколу» общества социальная напряженность (ситуацию, когда «верхи не могут, а низы не хотят», американский социолог, тяготеющий к постмарксизму, обозначал восходящим к работам Ленина термином «революционная ситуация») как своего рода плата общества за «смещение». В результате мы видим широкий континуум ситуаций от минимума возможностей сменить аттрактор национального развития при минимуме издержек (в левом нижнем углу) до максимума возможностей при максимуме издержек (в правом верхнем углу).

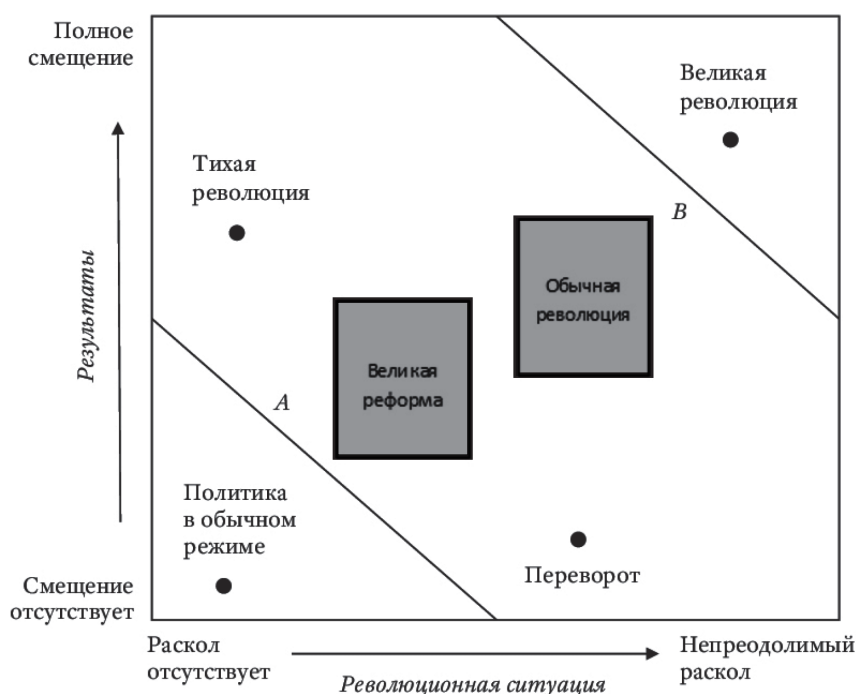

Рис. Континуум состояний общества, связанных с разными вариантами социально-политических бифуркаций (модель Тилли с дополнениями)

Fig. Continuum of States of Society Under Different Socio-Political Bifurcations (Tilly's Schema With Modifications)

Между «политикой в обычном режиме», когда без всяких социальных расколов воспроизводится существующая институ-

циональная система, и «великой революцией», когда резко меняющееся общество раскалывается на противоборствующих сторонников и противников коренных изменений, есть обширное пространство промежуточных вариантов. В частности, кроме великих революций есть — дополняя схему Тилли — также обычные (не великие) революции, как, например, революция 1830 года во Франции, а также революционные по своим результатам великие реформы, как в Российской империи в 1860-х годах⁵. При этом вполне возможны великие реформы, более значимые по своим последствиям (институциональным «смещениям»), чем обычные революции.

Надо также учитывать, что развитие общества часто происходит в режиме «два шага вперед, шаг назад», так что даже самые великие революции могут потерпеть поражение (как, например, западноевропейские революции 1848–1849 годов) или смениться через некоторое время реставрацией (как это было с реставрацией Стюартов в Англии в 1660 году или Бурбонов — во Франции в 1815-м)⁶. При наступлении реставрации/реакции результаты бифуркационных событий оказываются частично отыграны назад, но обычно лишь на время. В следующем раунде качественных перемен революционные завоевания возвращаются, причем с меньшими жертвами, поскольку общество учитывает свой предыдущий опыт⁷.

В рамках общей теории революций и реформ принципиально важно не путать два разных значения термина «революция», оба восходящих к марксизму. В одном случае речь идет, пользуясь марксистской терминологией, о революции в общественном базисе (то есть о радикальных институциональных изменениях в социально-экономической сфере — в производительных силах и

⁵ В данном эссе принципиально не рассматривается различие между социально-политическими и социально-экономическими реформами/революциями, поскольку такая грань тоже может быть лишь условной (любые политические процессы в конечном счете экономически обусловлены и обязательно проецируются на экономику).

⁶ Определение бифуркационного события как революции или контрреволюции (реформы или контрреформы) существенно зависит от идеологических предпочтений и объективно определяется лишь спустя значительный промежуток времени, когда полностью проявляются все прогрессивные и регрессивные последствия события. В качестве примера можно сослаться на «консервативный поворот» в России 2012 года, который получает противоположные оценки, хотя нет сомнений, что его очень существенные результаты (в том числе экономические) выводят данную бифуркацию за рамки обычных реформ.

⁷ Для минимизации расколов общества в новых раундах политических конфликтов радикальные институциональные изменения нередко происходят при сохранении старых форм. Например, в ряде стран мира, включая Великобританию и Японию, после буржуазных революций сохранилась монархическая форма власти, но в форме конституционной монархии, когда наследственный монарх играет чисто церемониальную роль. Нечто похожее произошло и с социалистической идентичностью в КНР: официально сейчас в этой стране — «социализм с китайской спецификой», но фактические правила игры не сильно отличаются от институтов постсоветской России, резко отринувшей социалистическую идеологию.

производственных отношениях), в другом — о революции в общественной надстройке (в социально-политической сфере). Это, по существу, те же два измерения схемы Тилли — революционные результаты и революционная ситуация. Революционные институциональные результаты в принципе возможны и без революционной ситуации, без раскола общества на противоборствующие социальные группы, именно это и можно считать идеальной великой реформой. Возможно и противоположное, когда политическая революция приводит к персональной смене политической элиты, практически не изменяя общих правил игры (то есть революция оказывается лишь переворотом).

В современной России, где своего рода идеей фикс стала политическая стабильность, политические революции как способы разрешения конфликтов решительно отвергаются во многом из-за стойких ассоциаций таких революций с вооруженным насилием и большими человеческими жертвами. Но надо учитывать, что в современных условиях политические революции с массовым участием населения стали возможны и практически без жертв (достаточно вспомнить распад СССР). Неоднозначные результаты «антисоциалистических» революций рубежа 1980–1990-х и цветных революций 2000–2010-х годов привели к их едва ли не демонизации как результата тайного влияния Запада, под зловредным воздействием которого только усиливаются национальная нестабильность и несамостоятельность. Не обсуждая противоречивые результаты этих политических катаклизмов, нужно подчеркнуть лишь, что перехват власти в революциях последних десятилетий почти всегда происходил с минимальными жертвами, совершенно не сопоставимыми с аналогичными событиями XIX–XX веков.

Относительная бескровность новейших политических революций отразилась в изменении их определений. Российские противники революций неявно апеллируют к их определению по Сэмуэлю Хантингтону: «Революция — это быстрая, фундаментальная и *наси́льственная* (курсив мой. — Ю. Л.), произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей... общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [Хантингтон, 2004. С. 269]). Раз речь идет о революционном насилии, то без больших жертв вряд ли обойдется. Но в современных социальных науках больше принято определение Джека Голдстоуна: революция — «это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституциона-

лизированными <то есть протестными> действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун, 2006. С. 61]. Как видим, из определения революции полностью ушли ссылки на насильственные действия при антиправительственной мобилизации протестующих масс. В обоих определениях, к сожалению, не подчеркивается, что преобразования политических институтов по своей значимости вторичны в сравнении с экономическими преобразованиями, так что критерием результативности любых бифуркационных событий является наличие/отсутствие вследствие них изменения социально-экономических правил игры и роста общественного благосостояния.

Можно ли утверждать, что в рамках модели Тилли разница между реформой и революцией совершенно отсутствует? Нет, она — пусть и относительно условно — существует. Но это различие связано не с антитезой «неконтролируемый слом — управляемая трансформация», а с различиями в направленности мобилизации масс. В самом первом приближении при революции массовые действия направлены *против* существующей власти, противящейся переменам, а при реформе — *в поддержку* власти, инициирующей перемены. Конечно, на практике представители власти никогда не становятся целиком на сторону перемен, к тому же понимание перемен у власти и у народа чаще всего разное. Поэтому общим правилом является скорее сочетание даже при реформах протестных и поддерживающих массовых действий⁸.

2. Особенности реформ и революций в странах догоняющего развития

Изложенное теоретическое введение характеризует реформы и революции как универсальные политические и экономические феномены развития обществ, сознательно нацеленных на комплексный прогресс. Эта «стрела времени» (если воспользоваться термином бельгийского физика Ильи Пригожина) как органичный элемент картины мира формируется в новое время сначала в культуре западноевропейской цивилизации, а потом транслируется во все остальные, включая российскую. Но в разных цивилизациях эти закономерности проявляются существенно по-разному.

В западноевропейских странах полоса революций (великих и обычных) протянулась на полтора столетия — с революции

⁸ При обсуждении реформ часто можно встретить упрощенное их понимание как совершенно нефундаментальных (в отличие от революции) изменений правил, которые не затрагивают основ существующей институциональной системы и вводятся законодательным путем. Это определение тоже возможно, но такие заведомо не великие реформы (реформы в узком смысле слова) есть часть «политики в обычном режиме». Поэтому приведенное определение не охватывает все виды реформ.

1775–1783 годов в Соединенных Штатах⁹ до революции 1931–1939 годов в Испании¹⁰. После этого бифуркации происходили почти исключительно в режиме реформ разного калибра (включая, например, реформы Франклина Рузвельта в США 1930-х годов или Сальтшебаденское соглашение в Швеции в 1938 году, имеющие черты великой реформы). В России полоса удачных и неудачных революций началась в 1825 году и до сих пор, два века спустя, вряд ли завершилась (последняя однозначная (контр)революция связана с распадом СССР в 1991 году). Наша страна в этом не уникальна. Многие страны догоняющего развития (с востока на запад — Южная Корея, Китай, Египет, Венесуэла...) демонстрируют в XIX–XXI веках похожие черты развития через череду революций и крупномасштабных реформ. Хотя по их общему количеству Россия, возможно, превосходит любую из этих стран: за последние 200 лет не было такого поколения, которое не пережило хотя бы один крутой поворот. Такие различия в эпохах и длительности «полосы революций» связаны в первую очередь с различиями между пионерным и догоняющим развитием в рамках модели трех эшелонов развития капитализма по Александру Гершенкрону [Гершенкрон, 2015].

Концепция догоняющего развития сформировалась еще в первой половине XIX века, когда догоняющими по отношению к передовой Великобритании были даже почти все другие западноевропейские страны. Именно тогда появилась идея (например, у Фридриха Листа), что догоняющие страны должны ставить долгосрочный социально-экономический и политический суверенитет выше текущей экономической эффективности и быть готовыми идти на временные жертвы. Полвека спустя эта идея была дополнена политической практикой (прежде всего в Соединенных Штатах, Германии и Японии, если смотреть с запада на восток), продемонстрировавшей, что государство вполне может ради национальной модернизации проводить революционные по своему значению социально-экономические и иные реформы. Вряд ли можно сомневаться, что на Великие реформы 1860-х в императорской России эти дискурсы (идеи радикальных реформ) и события (практики таких реформ) тоже повлияли.

В результате во второй половине XIX века под влиянием успехов реформ Александра II, Бисмарка, Линкольна и Мэйдзи сложи-

⁹ Крупные национальные революции были и раньше (достаточно назвать голландскую революцию XVI века и две английские революции XVII века), но они были исключительными событиями, а с конца XVIII века революции в истории стран западноевропейской цивилизации становятся частыми.

¹⁰ Самым последним крупным революционным событием в западноевропейских странах считается молодежная революция 1968 года. Нет сомнений, что это — крупномасштабные протестные выступления, но их цели (желаемые результаты) были не вполне ясны даже самим активистам протестов, так что называть те бунты революцией можно скорее метафорически.

лось мнение, что революционная по своим результатам великая реформа, осуществляемая сплоченным коллективом реформаторов, является отличной альтернативой дестабилизирующим нацию политическим революциям. На самом деле даже эти, казалось бы, явно успешные великие реформы были сопряжены с немалыми жертвами, поскольку сильные социальные расколы неизбежно выливались в силовую междоусобицу. Наиболее бескровными оказались Великие реформы в императорской России, хотя избежать вспышки крестьянских бунтов с их расстрелами не удалось и здесь. В США дело дошло до Гражданской войны 1863–1865 годов между Севером и Югом; в Германии своеобразной формой гражданской войны стал военный конфликт 1866 года между Пруссией и Австрией; гражданскую войну 1868–1869 годов пережила во время революции Мэйдзи Япония. К тому же все эти великие реформы пришлось долго «доделывать», так что Россия и Германия революций всё же не избежали. Тем не менее успех явно был, породив у марксистов концепцию «революции сверху»¹¹ — пусть незавершенной, но, несомненно, прогрессивной (см. [Эйдельман, 1989]). Поскольку из четырех стран, проводивших в XIX веке великие реформы («революции сверху»), три в XX веке вошли в число самых передовых в мире, это доказывало преимущества именно таких методов модернизации, решавших основные задачи национального догоняющего развития успешнее, чем «революции снизу». Что касается России, где великие реформы Александра II и Столыпина так и не смогли предотвратить великих революций 1905 и 1917 годов, то ее можно было до поры считать досадным исключением из правила.

Второе рождение дискурс догоняющего развития пережил во второй половине XX века, когда речь пошла об объяснении систематического отставания от стран ядра капиталистической мир-системы уже почти всех восточных (незападноевропейских) стран, включая Россию. Неуспех «социалистического эксперимента» как способа преодоления отставания привел к четкому осознанию, что сколько-нибудь универсального метода найти не удалось — ни через революции, ни через реформы. Немногочисленные переходы от догоняющего к опережающему развитию (хронологическая триада примеров успеха — Япония, Южная Корея, Тайвань, — сформировавшаяся в 1960–1970-е годы) остались уникальными. Сохранение (а временами и нарастание) отставания стран третьего эшелона развития капитализма от стран первого и второго эшелонов — главная причина регулярного макроэкспериментирования, попыток найти

¹¹ Начальные элементы трактовки крупномасштабных радикальных правительственных реформ как «революций сверху» находят в рукописи Фридриха Энгельса «Роль насилия в истории» [Энгельс, 1961. С. 449, 468] применительно к оценкам реформ Бисмарка в Германии.

способ если не перегнать страны ядра, то хотя бы их догнать или сократить разрыв с ними.

Про трудности попыток «догнать и перегнать» есть огромный массив научной литературы, давно сформировалась своего рода междисциплинарная «девелопментология», объединяющая экономику развития (Development Economics), социологию развития (Sociology of Development) и т. д. Не занимаясь разбором подходов к объяснению причин отставания и путей его сокращения/преодоления, обратим внимание только на аспекты, связанные с проблематикой бифуркационных событий — реформ и революций.

Даже на примерах великих реформ второй половины XIX века («революций сверху») было заметно, что когда государство оказывается альфой и омегой национальной модернизации, это порождает двойственные эффекты. На первых порах заметнее преимущества: если радикальную реформу возглавляет лидер государства, то ее акторами становится вся государственная бюрократия. Согласен с реформой чиновник или нет — он будет ее выполнять хотя бы ради сохранения своей должности. Явный саботаж реформы государственным аппаратом возможен только при каких-то особых обстоятельствах (власть лидера-реформатора ограничена, вертикаль власти ослаблена и т. д.). Но по мере развития событий всегда начинают быть заметны органические недостатки «революций сверху».

Функция полезности государственного аппарата всегда отличается от функции полезности общества. В частности, государство заинтересовано в росте контролируемых территорий, в то время как для реформируемого общества переключение с внутренних реформ на внешнеполитические успехи может быть опасным. Если Соединенные Штаты империалистической политикой увлекались до второй половины XX века относительно умеренно, то для Германии и Японии военная агрессия стала главной формой демонстрации успеха модернизации. Сначала это давало отличный результат, но в первой половине XX века привело к катастрофическим военным поражениям и национальным шокам. Хуже всего получилось у императорской России, поражения которой в Русско-японской и Первой мировой войнах стали триггерами великих революций 1905 и 1917 годов.

Даже если государство-реформатор не увлекается военными успехами и более-менее корректно воспринимает объективные потребности национального развития, всё равно «революция сверху» одновременно и подталкивает модернизацию, и тормозит ее. Высшая цель модернизации — формирование высокоразвитого гражданского общества, способного к самоуправлению, которое полностью или частично передает подконтрольным государствен-

ным служащим только определенные сферы (внешнюю политику, внутреннюю безопасность, образование, медицину, транспорт и т. д.), связанные с производством общих благ. Взаимоотношения государства-реформатора и гражданского общества обречены на противоречия, особенно если традиции самоуправления слабы (что как раз типично для «восточных» обществ, включая Россию). Государство-реформатор должно быть достаточно сильным, чтобы навязывать жителям страны новые и далеко не всегда сразу результативные правила игры, преодолевать сопротивление несогласных с реформами, но в то же время оно должно стремиться к отказу от навязывания, к максимальной передаче полномочий гражданам. На примере постсоветской России хорошо видно, что это противоречие реализуется по модели маятника: когда высшая власть предлагает местным властям «брать столько суверенитета, сколько сможете», это ведет к дезинтеграции общества; когда же восстанавливается жесткая управленческая вертикаль, это ведет к атрофии самоуправления. Нельзя создать гражданское общество, если нет граждан, но формирование гражданского самосознания и навыков тормозится традицией «азиатского» этатизма, когда «государство сильнее общества» [Виттфогель, 2024. С. 68]. Это — одна из проекций противоречия между институтами власти-собственности и частной собственности, красной нитью проходящего через всю историю России. Парадоксально, что чем более успешно отчужденное от граждан государственное управление, тем менее граждане чувствуют необходимость и желание его ограничивать и контролировать, поэтому после периодов успешности нередко следуют катастрофические провалы, убеждающие в опасности абсолютизации этатизма. Из этого противоречия нет быстрого выхода; чтобы найти золотую середину между крайностями, нужны многие десятилетия.

Поскольку реформистский путь модернизации дает странам догоняющего развития ограниченные результаты, велик соблазн заменить реформы «революциями снизу». Популярность революций с социалистическими лозунгами пошла на спад (Боливарианская революция в Венесуэле в 1998 году стала последним на данный момент макроэкспериментом такого рода), зато выросли возможности исламских и цветных (под общедемократическими лозунгами) революций. Проблема в том, что поскольку нет явных путей решения задач догоняющего/перегоняющего развития в развивающихся странах, то опора революционной власти на массовую поддержку населения не дает ей в долгосрочном периоде качественных преимуществ перед свергнутой властью. В результате то, что сначала казалось революцией, часто объективно оказывалось (по модели Тилли) скорее переворотом. В истории мно-

гих стран Латинской Америки и Африки в XIX–XX веках были длинные периоды, когда внутренняя политика превращалась в череду переворотов, а уровень национального развития в лучшем случае не изменялся.

3. Косыгинская реформа как неудачный подход к великой реформе

После длинных общетеоретических рассуждений разбор самой косыгинской реформы будет относительно коротким, поскольку правильно поставленный вопрос уже содержит половину ответа. При этом автор настоящего эссе принципиально уходит от обсуждения, насколько (не)удачными были конкретные мероприятия косыгинской реформы и что именно можно было бы сделать лучше. Эти вопросы важны, но это «технические» вопросы. Для понимания любых бифуркационных перемен гораздо важнее более общие вопросы — об их целях и акторах (движущих социальных группах).

Обсуждение бифуркационных событий слишком часто происходит в таких дискурсах, когда за деревьями плохо виден лес. При этом идеальная реформа мыслится как «Минимально Необходимое Воздействие» (термин из знаменитого фантастического романа Айзека Азимова «Конец Вечности»): нужно внести какое-то тщательно продуманное точечное изменение (принять новый показатель оценки, что-то разрешить или запретить, вбросить новую идею, привести к власти новатора...) — и общество станет развиваться качественно иначе. Но в реальном развитии общества эффект бабочки несомненен в краткосрочном периоде, однако сомнителен в долгосрочном. История демонстрирует, наоборот, что когда формируется массовый запрос на определенные перемены, то благоприятные субъективные возможности для них появляются одна за другой. Когда же такого массового запроса нет, то даже исключительно благоприятные субъективные возможности создают затухающие эффекты¹².

Прежде всего, каков был объективный запрос на перемены в СССР 1960–1970-х годов? С современной точки зрения видно, что 1960-е были зенитом советского общественного строя, по-

¹² Иллюстрацией может быть, например, история Реформации. Для победы реформаторов католической церкви в начале XV века в Чехии сложились исключительно благоприятные субъективные предпосылки (идеология харизматичного Яна Гуса и победное военное искусство Яна Жижки), но из-за незрелости объективных предпосылок гусизм остался локальным явлением и потерпел поражение. Зато в начале XVI века в «дозревшем» западноевропейском обществе одновременно сформировались сразу два конкурирующих друг с другом реформаторских центра (лютеранство в Германии и кальвинизм в Швейцарии), влияние которых быстро охватило всю Западную Европу, хотя военных гениев среди протестантов вовсе не было.

сле которого в рамках этой институциональной системы в целом можно было идти только вниз. Действительно, советский строй возник как реакция на слабую индустриальную модернизацию страны, с 1920-х он ставил во главу угла внутренней политики именно такую модернизацию (всеобщее среднее образование, урбанизация, доминирование промышленности). Ее завершение к 1960-м исчерпало начальную программу задач этого строя [Нуреев, Латов, 2014].

В странах ядра капиталистической мир-системы тем временем развертывалась научно-техническая революция (НТР). Переход к постиндустриальному (информационному) обществу диктовал принципиально новый набор критериев модернизации (расширение высшего образования, выравнивание развития поселений, внедрение инновационных наукоемких технологий). С требованиями НТР тотально-плановый механизм имманентно совместим гораздо хуже, чем с освоением достижений промышленной революции. Если производство простой продукции относительно нетрудно планировать и контролировать, то запланировать технологическую инновацию практически невозможно. Новое производство требовало массовизации уже не рабочих, а специалистов, работников с самостоятельным творческим мышлением, которые заведомо не будут терпеть имманентного для позднего СССР отчуждения «простых людей» от власти и от собственности. Одним словом, на повестке эпохи был переход от промышленной плановой к наукоемкой смешанной экономике. Это объективно революционная задача, принципиально не решаемая «политикой в обычном режиме».

Итак, запрос на перемены предполагал для советского общества 1960-х годов выбор между великими реформами и какими-либо революциями. Опыт реформ Дэн Сяопина, начавшихся в КНР в 1978 году с более низкого старта, чем в СССР, показывает, что принципиальная возможность перейти к смешанной экономике через великие реформы, сохранив существенные элементы социалистической идентичности национальных правил игры, в ту эпоху была. А опыт «социалистических» стран Восточной Европы конца 1980-х (за исключением Румынии) демонстрирует и что-то очень похожее на тихую революцию. Фактически же демонтаж советского строя произошел спустя 20 лет, на рубеже 1980–1990-х, по сценарию обычной или даже великой революции. Хотя сама революция 1989–1991 годов была практически бескровной, она породила несомненно сильный раскол нашего общества, который потом реализовался в «малой гражданской войне» в Москве в октябре 1993 года (а косвенно — также в последующих двух войнах на Северном Кавказе). Неоднозначность тех бифуркаци-

онных событий выражается в распространенности самых разных их оценок — от «успешной революции» до «предательства элит». Понимание умеренной, мягко говоря, успешности революции 1989–1991 годов является главным стимулом обсуждения ее альтернатив, включая реформу Косыгина.

Почему же косыгинская реформа не стала тихой революцией или великой реформой? Тихая революция в брежневском Советском Союзе заведомо осуществиться не могла. Для такого сценария бифуркационных событий нужна не только готовность власти идти на перемены, но также высокая массовость и сплоченность протестов населения, существенно недовольного действующими правилами игры. В 1960-е в СССР не было и близко ничего похожего. Наоборот, успехи в космическом соревновании (полет Юрия Гагарина в 1961 году) и политическом противостоянии с США (Карибский кризис 1963 года), постепенное улучшение быта (например, массовизация телевизоров, переселение из коммуналок в «хрущёвки») не без оснований рассматривались как доказательство успешности советской модели общества. До поражений СССР в лунной гонке и в Афганистане было еще далеко. Понимание, что наши успехи имеют во многом анклавный характер и категорически не позволяют «догнать и перегнать», а отставание по уровню и качеству жизни остается большим¹³, встречалось только у представителей элитных социальных групп (интеллигенции и бюрократии), причем и для них критическое отношение к советской модели не было типично. Хотя диссидентское движение сформировалось именно в 1960-е, оно и на пике роста в 1970-е годы оставалось крайне малочисленным (несколько тысяч человек) и маргинальным. Поэтому даже если бы, предположим, сам генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев заявил, что надо строить не просто развитой социализм, а качественно новую модель социализма, импортируя из капиталистических стран многие рыночные институты, такой призыв не нашел бы единодушного отклика¹⁴.

Для осуществления в СССР 1960–1970-х годов великих реформ противопозитивных стало меньше, но они тоже были очень серьезными. Прежде всего, для великих реформ нужны не толь-

¹³ «Делая космические корабли, в СССР не могли наладить массовое производство качественных телевизоров, холодильников, радиоприемников» [Лазарева, 2016. С. 468].

¹⁴ В [Лазарева, Маслов, 2025] показано, что даже во второй половине 1980-х годов при обсуждении горбачёвской перестройки мнения советских людей были очень разными. При этом надо учитывать, что к концу 1980-х оснований для критического отношения к «реальному социализму» накопилось заметно больше, чем в 1960-е: это не только поражения в лунной гонке и в Афганистане, но и массовая дефицитность потребительских товаров, усиление инфляции, разочарование в советской бюрократии.

ко великие идеи, но и великие реформаторы с сильной командой единомышленников. Второе, пожалуй, даже важнее первого. Если вспоминать выдающихся реформаторов (Александра II, Авраама Линкольна, Отто фон Бисмарка, Петра Столыпина, Франклина Рузвельта, Дэн Сяопина...), то ни у кого из них не было «дорожной карты» реформ — все работали методом проб и ошибок. Политическому лидеру, решившемуся на реформы, в общем-то достаточно знать общий вектор планируемых изменений, а также уметь подбирать и зажигать своих сподвижников. Японская революция Мэйдзи демонстрирует редкий случай, когда очень успешный коллектив реформаторов вообще обошелся без выдающегося руководителя, умело прячась за спиной императора как чисто формального лидера нации.

Если взглянуть на Косыгина, то распознать в нем потенциал (пусть не вполне реализовавшийся) великого реформатора нелегко, но ведь и Михаил Сергеевич Горбачёв до 1985 года отнюдь не имел репутации сторонника больших перемен. Хуже другое: Косыгин находился в тени генерального секретаря КПСС (современники отмечали, что «хозяйственник» Косыгин и «политик» Брежнев друг друга «не очень любили»), не являлся вполне самостоятельным партийно-государственным лидером и не имел, судя по всему, своей команды (хотя, конечно, у него были специальные сотрудники, которые готовили проект реформы) [Гвишиани, 2004. С. 105; Попов, 2009. С. 204]. Косыгинская реформа считается реализацией прорыночных идей Евсея Григорьевича Либермана, но этот экономист с начала 1960-х профессорствовал в провинциальном Харьковском университете и не привлекался к госуправлению¹⁵. В истории большинства других крупных реформ кроме реформатора-лидера нетрудно заметить «запасных» реформаторов, которые либо тесно сотрудничали с лидером (тандем Петра Аркадьевича Столыпина и Александра Васильевича Кривошеина в 1900-х), либо конкурировали с ним (взаимоотношения Михаила Сергеевича Горбачёва и Бориса Николаевича Ельцина в 1980-х годах). Косыгин же среди советской политической элиты выглядел реформатором-одиночкой. При этом даже среди советских экономистов, обсуждавших в 1960-х идеи Либермана, сторонники решительных рыночных реформ отнюдь не преобладали [Лазарева, 2016. С. 502].

Как видим, субъективные предпосылки превращения косыгинской реформы в великую реформу были небольшими. Но всё же и не нулевыми: можно вспомнить и юношеский коопе-

¹⁵ Нельзя не отметить разительного контраста с судьбой теоретиков либеральных преобразований 1980–1990-х годов (Егора Тимуровича Гайдара, Анатолия Борисовича Чубайса или Гавриила Харитоновича Попова), которые смогли хотя бы на время стать видными политическими фигурами.

ративный опыт Косыгина, дополненный постоянной специализацией на хозяйственном (а не партийном) руководстве, и явное наличие у него харизматичных черт, и критичное отношение к утопичной партийной программе перехода к коммунизму. Уместно вспомнить и гипотезу о том, что Брежнев, пока до 1976 года был более-менее здоров, сам являлся «несостоявшимся реформатором»: чувствовал необходимость реорганизации советской модели и, поддерживая (пусть не слишком активно) идею социально-экономических реформ, сознательно «прятался» за спиной Косыгина, чтобы иметь свободу маневра [Попов, 2009. С. 169–188].

Отрицающие революционный потенциал реформы Косыгина указывают на то, что она признавала «ограничения красных флажков государственного социализма» и мыслилась как его ремонт или обновление, а не замена другим строем, а потому «была обречена уже на старте» [Попов, 2009. С. 480]. В качестве контраргумента нужно сказать, что политики-практики совсем не обязательно мыслят категориями обновления/замены общественного строя. Китайский опыт 1970–1980-х годов показывает, как можно успешно перейти из государственного социализма в государственный капитализм, сохраняя не только социалистическую риторику, но и многие социалистические институты (например, фактическую однопартийность и элементы национального планирования). Поэтому у Косыгина и Брежнева не было непреодолимых препятствий для того, чтобы в рамках политики усиления рыночных институтов и реабилитации предпринимательства объявить «реальным социализмом» новый общественный строй, близкий к тогдашним шведской и/или польской моделям. Такой курс на «социализм с российской спецификой», конечно, предполагал определенную ревизию партийной идеологии (сопоставимую с критикой культа личности Сталина на XX и XXII съездах КПСС), но вовсе не требовал отказа от державничества и коммунизма (постиндустриализма) как долгосрочной цели.

Когда объективные факторы относительно уравнивают друг друга, многое зависит от субъективных обстоятельств — от личной воли и от воли случая. Можно построить контрфактический сценарий, что если бы Брежнев ушел из жизни или из политики на десятилетие раньше (в реальности в 1974 году у него был первый инсульт), то Косыгин автоматически превратился бы из второго человека в советском руководстве в первого и его реформаторский потенциал развернулся более успешно. При этом инновации, которые были объявлены в 1965 году (снижение числа обязательных показателей плановой отчетности, усиление роли

стоимостных показателей, рост премирования работников за перевыполнение плана и т. д.), оказались бы только самым первым шагом, поскольку они несколько (совсем не революционно) изменяли правила игры лишь внутри старого аттрактора и потому не давали долговременных эффектов¹⁶. Впрочем, в 1970-х годах и такое окно возможностей могло уже не сработать: подавление в 1968 году Пражской весны сильно ограничило возможность даже выносить на обсуждение вопрос о качественном реформировании советской модели.

Поскольку речь идет о необходимости проводить в СССР не обычную, а великую реформу, то для ее успеха необходима опора на массовые политически влиятельные социальные группы. Реформатор успешен лишь тогда, когда силен «не войском, нет, не польскою подмогой», а «мнением народным» (А. С. Пушкин). Правда, под народом в данном контексте надо понимать не всё население, а только политически активную его часть, хотя бы потенциально способную и желающую включаться в борьбу за и против реформ. Поэтому все реформы и революции, направленные на сдвиг от этатизма к рыночной конкуренции (от власти-собственности к частной собственности), должны учитывать в первую очередь интересы двух наиболее заинтересованных социальных групп. Это, с одной стороны, «старые» государственные менеджеры («номенклатура» в широком смысле слова), позиции которых (включая возможности получать личные законные и незаконные выгоды от должности) должны в ходе таких реформ ослабеть, а с другой стороны — «новые» предприниматели, чьи позиции должны укрепиться. И с этой *главной* социальной предпосылкой смены пути развития — с социалистического¹⁷ на путь смешанной экономики — ситуация была сложной.

Применительно к «социалистическим» странам, где предпринимательство (не только как частное использование наемного труда, но и как направленная на максимизацию дохода самозанятость) официально запрещалось или строго ограничивалось, можно даже сказать, что предприниматели в ходе революционной реформы должны сначала возникнуть, но это — преувеличение. На самом деле легальное и теневое предпринимательство в разных формах — от официально разрешенных личных

¹⁶ В исследовании [Попов, 2025] убедительно показано, что знаменитый щёкинский эксперимент, считавшийся символом успехов косыгинской реформы, на самом деле имел с самого начала низкий потенциал развития и тиражирования даже безотносительно саботажа плановых органов, не дававших демонстрировать высокое перевыполнение плана и обосновывать повышение зарплат работников.

¹⁷ О том, насколько правомерно считать институциональные системы «стран социалистического лагеря» XX века (СССР, КНР, Югославии и т. д.) действительно социалистическими, есть очень разные мнения даже среди современных марксистов (см., например, [Бузгалин, 2021; Латов, 2021]).

подсобных хозяйств колхозников до незаконной деятельности фарцовщиков и цеховиков — в СССР существовало, пусть и на периферии плановой системы хозяйства, на протяжении всей его истории (см., например, [Латов, 2019]). Крупными бизнес-теневиками становились обычно государственные менеджеры низшего и среднего звена, использующие свое официальное положение для теневого производства и продажи дефицита. Наличие получиновников-полупредпринимателей подсказывало радикальным реформаторам самый легкий путь разгосударствления: предложить наиболее активной части госаппарата обменять их участие в системе власти-собственности на обычную частную собственность. Именно этот вариант приватизации, как известно, стал де-факто основным в России начала 1990-х годов, заложив мину под ее будущее развитие. Поскольку большинство россиян не без оснований считали такую приватизацию нелегитимной (узаконенной коррупцией в особо крупных размерах), то со сменой в РФ высшего государственного руководства власть получила большую свободу рук для политизированного перераспределения крупной бизнес-собственности и даже ее частичной ренационализации. Ожидаемая радикальная смена власти-собственности «нормальной» частной собственностью реализовалась лишь частично, порождая сомнения в революционности отказа от советской модели.

Ситуация середины 1960-х отличалась от реалий середины 1980-х годов тем, что общая тенденция «стекания» власти-собственности с верхних уровней советского государства-класса на нижние уровни [Нуреев, Латов, 2016. С. 131–139] еще не набрала силу. Директорат советских предприятий пока еще относительно жестко контролировался министерским и партийным руководством, среди которого коррупционные связи тоже еще не стали массовыми. Поэтому тогда была, пожалуй, лучшая возможность реализовать путь, по которому позже пошли под руководством Дэн Сяопина китайские реформаторы, — стимулировать индивидуальную трудовую деятельность и предпринимательство «людей из народа» (в первую очередь специалистов), но максимально пресекать перетекание «номенклатуры» в бизнес-элиту. Именно такой демократический вариант приватизации госсобственности прокламировался в СССР рубежа 1980–1990-х годов, но не реализовался.

В то же время попытка перехода к «демократическому капитализму» в 1960–1970-х обязательно наткнулась бы на те же социальные препятствия, как и в 1980-х годах, — на низкую способность «простых советских людей» консолидироваться ради защиты своих интересов и на их высокую подверженность уль-

традиционной риторике самого разного толка (в стиле «не могу поступаться принципами» или «так жить нельзя»). Напротив, «номенклатурная» элита (чиновничество) в брежневскую эпоху встречала попытки либерализации экономики не менее неприязненно, чем 20 лет спустя в горбачёвскую эпоху. По свидетельствам современников, сопротивление исходило в первую очередь не от партийных идеологов, а «от отраслевых отделов и секретарей ЦК по направлениям. По-видимому, они почувствовали, что от них может ускользнуть контроль над экономикой» [Гвишиани, 2004. С. 106]. Поэтому более раннее начало могло в конечном счете скатиться ко всё тому же сценарию «номенклатурного капитализма», который наметился при Горбачёве и окончательно реализовался при Ельцине.

Правда, нужно отметить один объективный фактор, который мог бы смягчить гипотетические советские радикальные реформы 1960–1970-х годов, но в реальности стал фактором сворачивания косыгинской реформы. Во второй половине 1960-х стартовало активное освоение нефтегазовых месторождений в Тюмени, а с 1973 года начался взлет мировых цен на энергоносители. Если бы Косыгину удалось развернуть советские радикальные реформы, то они протекали бы в условиях высоких бюджетных доходов. Это, скорее всего, позволило бы избежать шоков для советских людей и повысить их лояльность к рыночным преобразованиям. Поэтому в мнении Гирша Ицыковича Ханина, что середина 1970-х годов являлась последним периодом, когда пересмотреть экономическую политику СССР можно было еще относительно безболезненно (см. [Лазарева, 2016. С. 547]), велика доля истины. В реальности же резкий рост доходов от экспорта энергоресурсов в начале 1970-х стал аргументом для тех советских политиков и бюрократов, кто считал, что советская экономика неплохо обходится и без всяких существенных реформ.

Заключение

Обобщая рассуждения, можно прийти к выводу о главном недостатке косыгинской реформы, который состоял в том, что она должна была выполнить роль великой реформы («революции сверху»), но по объективным и субъективным причинам не смогла ею стать. В то же время существовали некоторые объективные и субъективные предпосылки, чтобы Косыгин выполнил для СССР ту роль, которую для КНР десятилетие спустя успешно сыграл Дэн Сяопин. Можно предположить, что «Минимально Необходимым Воздействием» была бы замена на посту выс-

шего партийно-государственного лидера Брежнева Косыгиным в 1966–1967 годы, когда косыгинская реформа уже разворачивалась, а торможение, связанное с полузапретом идей реформирования советской модели в контексте подавления Пражской весны, еще не наступило. В [Попов, 2009. С. 169–188] на основе гипотезы о Брежневе как о «несостоявшемся реформаторе» предлагается фактически другой, альтернативный исторический сценарий радикальных реформ, при котором генеральный секретарь, сохраняя здоровье и тягу к реформам во второй половине 1970-х, инициирует с опорой на того же Косыгина новую волну решительных преобразований.

Доказывая обреченность косыгинской реформы, Г. Х. Попов сформулировал четыре фактора, только при наличии которых у нее было бы, по его мнению, будущее:

- реформа поставила бы задачу «выхода из социализма»;
- была бы концепция этого выхода;
- реформа опиралась бы на готовность правящих сил возглавить «выход из социализма»;
- лидер реформы одновременно находился бы во главе государственной пирамиды [Попов, 2009. С. 490].

Этот набор представляется избыточным и неточным. Как показывает опыт КНР, для отказа от сталинской модели социализма, основанной на жесткой централизации и гиперэтатизме, совсем не нужно ставить задачу отказа от социализма и иметь подробную концепцию реформы (такой концепции в общем-то не имели и советские реформаторы 1980–1990-х годов). Поскольку понятие «социализм» имеет широкий спектр трактовок, едва ли не любую современную реформу можно интерпретировать как отказ от одной разновидности социализма в пользу другой. Более важны два последних пункта. Любая крупная государственная реформа по определению тем успешнее, чем более высокий пост занимает ее лидер. При этом политический лидер страны может лично реформы не разрабатывать, а лишь формально одобрять, так что Косыгин при Брежневе в принципе мог сыграть ту же роль, которую в начале 1990-х годов сыграл Гайдар при Ельцине. Первоначально важным с социологической точки зрения является лишь один пункт из перечня Попова: необходимость опоры реформаторов на социальные группы, готовые поддержать радикальные институциональные перемены. Этими группами могут стать как представители «социалистической номенклатуры», так и внеэкономические протопредпринимательские слои. Если бы Косы-

гин смог найти такую социальную опору, его «просто реформа» могла бы стать великой реформой — «революцией сверху».

Таким образом, для того чтобы примерить на Косыгина роль советского Дэн Сяопина, нет категорических противопоказаний. В этой связи уместно вспомнить суждение, что «только те из социальных начинаний в истории страны давали благотворные результаты, которые вырастали из российских реальностей, шли из глубин собственных представлений о добре и зле, прогрессе и регрессе, проистекали из опыта собственной социальной жизнедеятельности, а не навязывались обществу теми или иными мессиями и миссионерами от политики» [Журавлев, 2016. С. 670]. Как известно, россияне за последние полторы сотни лет перебрали едва ли не десяток разных идеологий (от самодержавного монархизма до современного консерватизма), поэтому логично предположить у них наличие *очень* гетерогенных «представлений о добре и зле», в силу которых *любые* великие реформы *любого* общественного строя могут найти в нашей стране как сторонников, так и оппонентов. В то же время у российской цивилизации есть и определенные черты, сближающие Россию скорее со странами Востока (тем же Китаем), чем со странами Запада. Поэтому хотя и говорят, будто история не знает сослагательного наклонения, на самом деле опыт восточных стран может демонстрировать варианты и альтернативы нашего пути развития.

Более ранний (не в 1990-е, а в 1970-е) переход от плановой экономики к смешанной всё равно привел бы к сохранению сильного этатизма, типичного для стран догоняющего развития. Однако он позволил бы опереться на выгодные для нашей страны последствия нефтяных шоков 1970-х годов и, вероятно, ограничить институты «номенклатурного капитализма».

В реальной истории косыгинская реформа формулировалась и реализовывалась, по существу, как «политика в обычном режиме», не предполагающая институционального разрыва и массовой социальной поддержки. Поскольку она объективно ущемляла интересы усиливающихся средних и нижних уровней советской «номенклатуры» (в широком смысле слова), при ее реализации происходило постепенное не развертывание, а свертывание ее и без того невысокого реформаторского потенциала. Нефтяные шоки 1973 и 1979 годов вообще породили представление, что советская модель не нуждается ни в каком серьезном изменении, поскольку благодаря потоку доходов от энергоресурсов она и в существующем виде способна обеспечить Советскому Союзу долгосрочное благосостояние и военно-политическую мощь. Когда же в 1985 году цены на энергоресурсы обрушились, то реформирование советской модели

снова выдвинулось на повестку дня, но при существенно худших условиях, чем в 1965 году. Видимо, косыгинская реформа была всё же именно упущенным шансом на «благополучие для всех».

Литература

1. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в. // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 18–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46.
2. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
3. Бузгалин А. В. Социальные силы побед и поражений социализма в XX веке // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 56–66. DOI: 10.31857/S013216250015253-1.
4. Виттфогель К.-А. Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2024.
5. Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004.
6. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / под ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М.: Дело, 2015.
7. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения / пер. с англ. Н. Эйдельман // Логос. 2006. № 5(56). С. 58–103.
8. Журавлев В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до наших дней: в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2016. С. 663–671.
9. Зюганов Г. А. Драма власти. М.: Палея, 1993.
10. Лазарева Л. Н. Реформа А. Н. Косыгина: замысел, результаты, следствия // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4 т. Т. 4: 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2016. С. 465–650.
11. Лазарева Л. Н., Маслов Д. В. Эволюция осмысления сталинской экономической модели в реформаторском контексте // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 5. С. 156–189. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-156-189.
12. Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3. С. 424–439. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439.
13. Латов Ю. В. От «революции» — к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22.
14. Латов Ю. В. Феномены денежной реформы 1947 года как проявление двойного дуализма советской экономики (опыт социологического подхода) // Денежная реформа 1947 года и ее роль в восстановлении народного хозяйства СССР / под ред. Р. М. Нуреева, М. А. Эскиндарова. М.: КноРус, 2019. С. 161–180.
15. Латов Ю. В. Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 67–77.
16. Латов Ю. В., Нуреев Р. М. «Косыгинские» реформы в контексте советских политико-экономических циклов // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 488–504. DOI: 10.19181/snsr.2021.9.1.7869.
17. Мау В. А. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
18. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Между «реальным социализмом» и «восточным деспотизмом»: лабиринты институционального экономического развития Советской России // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 3. С. 6–45.
19. Пинкус С. 1688 год. Первая современная революция / пер. с англ. Н. Тартаковской. М.: АСТ, 2017.

20. Попов А. А. Экономические эксперименты в химической отрасли СССР (1965–1970 годы) // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 5. С. 90–121. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-90-121.
21. Попов Г. Х. О революции 1989–1991 годов. М.: Согласие, 2004.
22. Попов Г. Х. Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М.: Международный университет в Москве, 2009.
23. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
24. Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
25. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. С. Моисеева. М.: ИД ВШЭ, 2019.
26. Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / под науч. ред. Р. М. Нуреева. М.: Кнорус, 2017.
27. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. С. Л. Русакова и А. Г. Козеева. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
28. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.
29. Энгельс Ф. Роль насилия в истории // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 419–479.

References

1. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v Rossii: voprosy teorii i praktika XIX - nachala XX v. [Economic Reforms in Russia: Theoretical Aspects and the Practice of 19th - Early 20th Century]. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 1, pp. 18-46. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46. (In Russ.)
2. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921-1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921-1985]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81-108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
3. Buzgalin A. V. Sotsial'nye sily pobed i porazheniy sotsializma v XX veke [Social Forces of Victories and Defeats of Socialism in the 20th Century]. *Sociological Studies*, 2021, no. 12, pp. 56-66. DOI: 10.31857/S013216250015253-1. (In Russ.)
4. Wittfogel K.-A. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven, CT, London, Yale University Press, 1957.
5. Gvishiani A. D. *Fenomen Kosygina. Zapiski vnuka. Mneniya sovremennikov* [The Kosygin's Phenomenon. Notes of a Grandson. Opinions of Contemporaries]. Moscow, Ekaterina Cultural Foundation, 2004. (In Russ.)
6. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.
7. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*, 2001, no. 4, pp. 139-187.
8. Zhuravlev V. V. Dikhotomiya reform i revolyutsiy v protsessakh modernizatsii Rossii (nekotorye itogovyie suzhdeniya) [Dichotomy of Reforms and Revolutions in the Processes of Modernization of Russia (Some Final Judgments)]. In: *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Reforms in Russia From Ancient Times to the Present Day], in 4 vol., vol. 4, 1917-1991. Moscow, ROSSPEN, 2016, pp. 663-671. (In Russ.)
9. Zyuganov G. A. *Drama vlasti* [Drama of Power]. Moscow, Paleya, 1993. (In Russ.)
10. Lazareva L. N. Reforma A. N. Kosygina: zamysel, rezul'taty, sledstviya [Reform of A. N. Kosygin: Concept, Results, Consequences]. In: *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka* [Reforms in Russia From Ancient Times to the Present Day], in 4 vol., vol. 4, 1917-1991. Moscow, ROSSPEN, 2016, pp. 465-650. (In Russ.)
11. Lazereva L. N., Maslov D. V. Evolyutsiya osmysleniya stalinskoy ekonomicheskoy modeli v reformatorskoy kontekste [Evolution in the Understanding of the Stalinist Economic

- Model in the Context of Reform]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 156-189. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-156-189. (In Russ.)
12. Latov Yu. V. "Kosygin'skie" reformy - upushchennaya vozmozhnost' "densyaopinizatsii" sovetskogo obshchestva? [Kosygin's Reform - A Missed Opportunity of the Soviet Society "DengXiaoping-ization"?]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics]*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 424-439. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439. (In Russ.)
 13. Latov Yu. V. Ot "revolyutsii" - k "transformatsiyam" i "peremenam"? Razvitie diskursov analiza kachestvennykh obshchestvennykh izmeneniy [From "Revolution" to "Transformations" and "Changes"? Development of Discourses of Analysis of Qualitative Social Changes]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 7-22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869. (In Russ.)
 14. Latov Yu. V. Fenomeny denezhnoy reformy 1947 goda kak proyavlenie dvoynogo dualizma sovetskoy ekonomiki (opyt sotsiologicheskogo podkhoda) [Phenomena of the Monetary Reform of 1947 as a Manifestation of the Double Dualism of the Soviet Economy (An Experience of a Sociological Approach)]. In: Nureev R. M., Eskindarov M. A. (eds.). *Denezhnaya reforma 1947 goda i ee rol' v vosstanovlenii narodnogo khozyaystva SSSR [The Monetary Reform of 1947 and Its Role in the Restoration of the National Economy of the USSR]*. Moscow, KnoRus, 2019, pp. 161-180. (In Russ.)
 15. Latov Yu. V. Final fal'starta (o katastroficheskey revolyutsii 1991 g.) [Final False Start (About the Catastrophic Revolution of 1991)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2021, no. 12, pp. 67-77. DOI: 10.31857/S013216250015525-0. (In Russ.)
 16. Latov Yu. V., Nureev R. M. "Kosygin'skie" reformy v kontekste sovetskikh politiko-ekonomicheskikh tsiklov [Kosygin's Reforms in the Context of Soviet Political-Economic Cycles]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics]*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 488-504. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3). 488-504. (In Russ.)
 17. Mau V. A. *Revolutsiya: mekhanizmy, predposylki i posledstviya radikal'nykh obshchestvennykh transformatsiy [Revolution: Mechanisms, Prerequisites and Consequences of Radical Social Transformations]*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2017. (In Russ.)
 18. Nureev R. M., Latov Yu. V. Mezhdru "real'nym sotsializmom" i "vostochnym despotizmom": labirinty institutsional'nogo ekonomicheskogo razvitiya Sovetskoy Rossii [Between "Real Socialism" and "Oriental Despotism": The Labyrinths of Institutional Economic Development in Soviet Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociological Ethnology]*, 2014, no. 3, pp. 6-45. (In Russ.)
 19. Pinkus S. 1688: *The First Modern Revolution*. New Haven, CT, Yale University Press, 2009.
 20. Popov A. A. Ekonomicheskie eksperimenty v khimicheskoy otrasli SSSR (1965-1970 gody) [Soviet Experiments on Material Incentives for Workers in the Chemical Industry (1965-1970)]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2025, vol. 20, no. 5, pp. 90-121. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-5-90-121. (In Russ.)
 21. Popov G. Kh. *O revolyutsii 1989-1991 godov [On the Revolution of 1989-1991]*. Moscow, Soglasie, 2004. (In Russ.)
 22. Popov G. Kh. *Reformirovanie nereformiruemogo. Popytka Aleksey Kосygina [Reforming the Unreformable. Alexei Kosygin's Attempt]*. Moscow, International University in Moscow, 2009. (In Russ.)
 23. Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge, MA, Cambridge University Press, 1979.
 24. Mau V., Starodubovskaya I. *The Challenge of Revolution: Contemporary Russia in Historical Perspective*. New York, Oxford (UK): Oxford University Press, 2001.
 25. Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. New York, McGraw-Hill College, 1978.
 26. Nureev R. M. (ed.). *Upushchenny shans ili posledniy klapan? (K 50-letiyu kosygin'skikh reform 1965 g.) [A Missed Chance or the Last Valve? (On the 50th Anniversary of the Kosygin's Reforms of 1965)]*. Moscow, KnoRus, 2017. (In Russ.)

27. Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT, London, Yale University Press, 1968.
28. Eidelman N. Ya. "Revolutsiya sverkh" v Rossii [*"Revolution From Above" in Russia*]. Moscow, Kniga, 1989. (In Russ.)
29. Engels F. Die Rolle der Gewalt in der Geschichte. In: Marx K., Engels F. *Werke*. Berlin, (Karl) Dietz Verlag, 1962. Band 21. S. 405-461.

Экономическая теория

Многорегиональная модель экономики с ограниченными ожиданиями экономических агентов

Леонид Александрович Серков*ORCID: 0000-0002-3832-3978*

Кандидат физико-математических наук, доцент,
старший научный сотрудник, Институт экономики,
Уральское отделение Российской академии наук
(РФ, 620014, Екатеринбург, Московская ул., 29)
E-mail: serkov.la@uiec.ru

Аннотация

В статье анализируется поведение экономических агентов с ограниченной рациональностью в многорегиональной новой кейнсианской модели. В исследуемой модели в силу технологического суверенитета национальной экономики (макрорегиона) импортные ресурсы отдельных регионов наряду с трудовыми ресурсами являются факторами производства. Формирование ожиданий агентов происходит на основе эволюционного отбора среди относительно простых эвристик прогнозирования. Переключение ожиданий помогает объяснить координацию индивидуального поведения, приводящую к различным совокупным результатам. При этом индивиды изменяют свои стратегии с течением времени, основываясь на относительной эффективности прогнозирования эвристик. Весовые доли агентов, применяющих эти правила, изменяются эндогенно. Проведенные симуляционные эксперименты с исследуемой моделью переключения эвристик показали, что стабильность ее динамики, кроме параметров монетарной политики, существенным образом зависит от доли импорта в объеме выпускаемой продукции и от номинальной жесткости цен. Кроме того, эта стабильность зависит также от количества регионов, входящих в макрорегион, то есть от степени их интеграции. Номинальная жесткость региональных цен благоприятствует замещению труда импортной продукцией из других регионов и способствует стабильности динамики инфляции и разрыва выпуска. Жесткость цен снижает также волатильность инфляции, сдвигая коэффициент реакции инфляции в правиле Тейлора в сторону меньших значений. В настоящей статье получено и объяснено стабилизирующее значение интеграции регионов. Устойчивость равновесия траекторий исследуемых переменных анализируется также в контексте эволюционного механизма отбора различных эвристик. Полученный результат имеет практическое значение, которое заключается в том, что центральный банк может фактически достичь сходимости к устойчивому равновесию, управляя долей агентов с необходимыми для данного момента правилами ожидания, в частности управляя поведением агентов, связанным с адаптивными ожиданиями и ожиданиями экстраполяции тренда.

Ключевые слова: эволюционный отбор ожиданий, инфляция, разрыв выпуска, технологический суверенитет

JEL: D58

Economic Theory

Multiregional Model of the Economy With Limited Expectations of Economic Agents

Leonid A. Serkov

ORCID: 0000-0002-3832-3978

Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor,
Senior Research Fellow, Institute of Economics,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,^a
e-mail: serkov.la@ulec.ru

^a 29, Moskovskaya ul., Ekaterinburg, 620142, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the behavior of economic agents with bounded rationality in a multiregional New Keynesian model in which the technological sovereignty of the national economy (macroregion) entails that resources imported from individual regions along with labor resources are factors of production. Evolutionary selection among relatively simple forecasting heuristics determines how agents' expectations are formed. Adjustment in expectations provides an explanation for the coordination of individual behavior, which brings about different aggregate results. Under this model, individuals adapt their strategies over time in response to the relative effectiveness of forecasting heuristics. The weighted shares of agents applying these rules change endogenously. Simulation experiments that applied such heuristic switching showed that the stability of the model's dynamics exhibits considerable dependence on the share of imports in the volume of output and on nominal price rigidity, as well as on the parameters of monetary policy. That stability also depends on the number of regions included in the macroregion, which affects their degree of integration. Nominal rigidity of regional prices favors the substitution of labor by imported products from other regions and contributes to stability in inflation dynamics and to the output gap. Price rigidity also reduces the volatility of inflation and therefore diminishes the inflation reaction coefficient under the Taylor rule. The article demonstrates and explains the stabilizing value of regional integration. The stability of the equilibrium between trajectories of the variables examined is also analyzed in relation to the evolutionary mechanism for selecting among various predictive heuristics. One important practical conclusion that emerges from this study is that the Central Bank can actually achieve convergence toward a stable equilibrium by managing the share of economic agents that subscribe to the expectation rules that are preferable at a certain point. In particular, the Central Bank can influence the behavior of agents derived from their expectations about adapting and about extrapolation of trends.

Keywords: evolutionary selection of expectations, inflation, output gap, stability of model trajectories, technological sovereignty

JEL: D58

Acknowledgements

This study has been undertaken as part of the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Ожидания экономических агентов играют решающую роль в современной макроэкономической теории. Стандартные динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE-модели), используемые для научных исследований и анализа политики, обычно предполагают наличие репрезентативных полностью рациональных агентов [Muth, 1961]. Однако предположение о том, что все агенты в экономике полностью рациональны и способны определять согласованное с моделью ожидание динамики макропеременных, маловероятно. Множество исследований показало, что люди, как правило, реагируют не полностью рационально на окружающий их мир. Эти исследования варьируются от предоставления доказательств простых предубеждений до демонстрации неспособности людей работать с вероятностями и прогнозировать будущее экономическое поведение [Camerer et al., 2011]. Более того, основанное на эволюционных аргументах утверждение, что поведение, отклоняющееся от однородного решения рациональных ожиданий, будет со временем вытеснено с рынков, не выдержало критики [Brock, Hommes, 1997; De Grauwe, 2012a; 2012b; Driscoll et al., 2014].

В настоящей статье рассматривается нестандартная новая кейнсианская многорегиональная макроэкономическая модель в рамках поведенческих ожиданий. Она является расширенной версией модели, описанной в [McCallum, Nelson, 2001], в которой предполагались репрезентативность агентов и рациональность их ожиданий. В исследуемой модели в силу технологического суверенитета национальной экономики (макрорегиона) регионы не взаимодействуют с внешним миром и импортные ресурсы со стороны отдельных регионов наряду с трудовыми ресурсами являются факторами производства в каждом отдельном регионе. В статье изучается совокупное макроэкономическое поведение агентов в условиях региональной интеграции, вытекающее из альтернативных предположений о формировании ожиданий. Исследуемая поведенческая модель формирования ожиданий представляет собой эвристическую модель переключения, разработанную в течение длительного времени на основе исследований (в основном микроэкономических), изучающих, как люди формируют ожидания и как они адаптируют их с течением времени. Модели такого рода хорошо подходят для описания динамики ожиданий с использованием как данных опросов, так и экспериментальных данных [Branch, 2004; Hommes, 2021; Hommes et al., 2019].

Под термином «регион» будет пониматься выделенная территория внутри федеративного государства или внутри террито-

рии, объединяющей несколько регионов (макрорегион), обладающая целостностью и общностью экономических, политических и институциональных признаков¹. Так как в дальнейшем предполагается тестирование модели на данных российской экономики, то термин «регион» будет рассматриваться как синоним субъекта РФ.

Статья имеет следующую структуру: в первом разделе приводится обзор литературы; второй раздел посвящен описанию модели и формированию ожиданий; в третьем исследуется устойчивость траекторий инфляции и разрыва выпуска исследуемой модели, а также эволюционный отбор среди четырех эвристик прогнозирования, объясняющий эту устойчивость; в заключении подводятся итоги исследования.

1. Обзор литературы

Подавляющее большинство публикаций, исследующих много-региональные модели, посвящено анализу монетарной и фискальной политики стран еврозоны с помощью DSGE-моделей с рациональными ожиданиями агентов. Например, в работе [Badarau, Levieuge, 2011] этот вид модели позволяет продемонстрировать, как заданный симметричный шок вызывает циклические расхождения внутри гетерогенного валютного союза. Авторы показывают, что общая денежно-кредитная политика способствует усилению циклических расхождений по сравнению с денежно-кредитной политикой, которая проводилась бы на национальном уровне.

В работе [Konôrková, 2019] DSGE-модель оценивается для стран разных размеров, и обнаруживается, что существуют две области нестабильности равновесия, которые охватывают 11 из 19 членов европейского валютного союза. Согласно полученным результатам, размер страны имеет значение и влияет на стабильность равновесия.

Основное отличие настоящей работы от существующих исследований валютных союзов, не предполагающих полной рациональности экономических агентов [Bonam, Goy, 2019; De Grauwe, Ji, 2017; Kobielarz, 2017; Torój, 2010], заключается в том, что все модели, рассмотренные в этих публикациях, построены для двух экономических субъектов, а представленная в данной статье мо-

¹ Исходя из этого определения рассматриваемая в статье совокупность регионов России ввиду их ограниченного суверенитета во многом отличается от объединения стран внутри одного валютного союза. Последние сохраняют суверенитет в большинстве аспектов, кроме монетарной политики. Но при грубой аппроксимации рассматриваемая в публикации модель может описывать также страны внутри одного валютного союза.

дель является моделью с несколькими регионами внутри одного макрорегиона с единой монетарной политикой.

Есть и другие отличия. Так, в работе [Toró, 2010] анализируются валютные союзы в рамках различных однородных поведенческих правил формирования ожиданий. Переключения между правилами нет, и неоднородность есть только в случаях, когда половина агентов являются полностью рациональными. В [Toró, 2010] показано, что макроэкономическая волатильность выше, когда ожидания нерациональны. Кроме того, в этом исследовании также доказывается, что валютные союзы могут демонстрировать нестабильную экономическую динамику при поведенческих ожиданиях.

В [De Grauwe, Ji, 2017] показано, что бизнес-циклы среди индустриальных стран сильно коррелируют, и предлагается поведенческая макроэкономическая модель двух стран, в которой синхронизация бизнес-циклов производится эндогенно. Авторы приводят интересные и интуитивно понятные агрегированные уравнения, но без микрообоснований для них. Основной канал синхронизации в их модели происходит через распространение «животных духов», то есть волн оптимизма и пессимизма, которые коррелируют на международном уровне. Авторы обнаруживают, что это распространение происходит даже при относительно низких уровнях торговой интеграции без корреляции экзогенных шоков для генерации синхронизации.

В [Jang, 2015] рассматриваются эффекты ограниченно рациональных ожиданий на деловой цикл в двухстрановой новой кейнсианской модели. Эвристика прогнозирования в модели, которая анализируется в [De Grauwe, 2011], расширена, и эффекты гетерогенных агентов включены в открытую экономику. В результате модель способна объяснить групповое поведение на основе результатов прогнозирования, что оказывает значительное влияние на динамику выпуска и инфляции в двух странах. Результаты моделирования показывают, что гетерогенность в групповом поведении и номинальная жесткость цен, а также умеренная степень международной торговли усиливают побочные эффекты на международные деловые циклы, что приводит к высоким перекрестным корреляциям в выпуске и инфляции.

В [Kobielarz, 2017] моделируется небольшая страна, присоединяющаяся к большой стране, чтобы сформировать валютный союз. Основное внимание в этой статье уделяется небольшой присоединяющейся стране. Ожидания формируются посредством постоянного обучения параметрам уравнений модели. Различные начальные условия, представляющие разную историю экономических переменных до присоединения к валютному

союзу, могут затем препятствовать сходимости к новому устойчивому состоянию.

В [Bonam, Goy, 2019] агенты формируют ожидания, выполняя рекурсивный алгоритм наименьших квадратов для оценки параметров уравнений модели. В условиях валютного союза экономическая динамика может различаться в разных странах из-за региональных различий в инфляции и проциклического канала реальной процентной ставки, однако стабильность, как правило, обеспечивается за счет эндогенной корректировки реального обменного курса. Скорость корректировки зависит, в частности, от того, как агенты формируют ожидания. Авторы предлагают модель, в которой ожидания агентов в значительной степени основаны на внутренних переменных и в меньшей степени — на внешних. Они показывают, что такое внутреннее смещение в ожиданиях усиливает канал реальной процентной ставки и приводит к тому, что шоки, характерные для конкретной страны, порождают более крупные и более продолжительные макроэкономические дисбалансы.

Единственная публикация, анализирующая поведение многих стран в валютном союзе с ограниченно рациональными агентами, — работа [Akville et al., 2020]. В ней исследовалась стандартная новая кейнсианская модель, в которой единственным фактором производства являлись трудовые ресурсы. Полученные результаты показывают, что устойчивость равновесия зависит от уровня экономической интеграции, а эффективность денежно-кредитной политики в отсутствие экономической интеграции является низкой.

Среди отечественных публикаций, анализирующих много-региональные системы, следует отметить работу [Суслов и др., 2018]. В этой статье в рамках коалиционного анализа доказывалось, что устойчивость функционирования политического, экономического или торгового объединения регионов определяется тем, насколько выгодным для себя полагают членство в этом союзе его субъекты. В зависимости от преобладающих оценок могут происходить полный распад многорегиональных систем, расширение или сокращение состава участников, а также сохранение статус-кво. Интенсивность межрегионального обмена используется как показатель степени межрегиональной интеграции экономической системы. В работе [Суслов, 2011] доказывалась неправомочность критики межотраслевых моделей. Приводятся общие сведения о межотраслевых моделях пространственного развития и их спецификациях. В статьях [Джурка, 2021; 2024] рассматриваются проблемы измерения пространственных мультипликаторов на базе многорегиональ-

ных моделей экономических взаимодействий. В качестве базы для сравнения используются межрегиональные балансы Японии. Расчеты показали, что в многорегиональных системах действуют компенсационные механизмы обратных связей, в результате чего явной пропорциональной зависимости между количеством используемой при построении балансов фактической информации о межрегиональной торговле и точностью оценок пространственных мультипликаторов не обнаруживается. В исследовании [Дужински и др., 2018] подчеркивается, что результаты равновесного и межотраслевого моделирования экономических многорегиональных систем взаимно дополняют и модифицируют друг друга. Комплекс из двух моделей позволяет решать структурные проблемы экономики, вопросы устойчивости и качества переходных процессов, разрабатывать сценарии экономической политики и оценивать эффективность ее проведения.

В отличие от всех вышеприведенных публикаций в предлагаемой статье исследуется многорегиональная модель с ограниченно рациональными агентами и с переключением ожиданий, то есть агенты выбирают правила из группы простых правил прогнозирования или эвристик. Предполагается, что регионы находятся в одном макрорегионе, обладающем технологическим суверенитетом. Таким образом, регионы обмениваются между собой ресурсами, в результате чего объем выпуска продукции зависит от двух факторов — труда и импорта сырья и промежуточных продуктов из других регионов.

Научной новизной предлагаемой в настоящей статье модели является, во-первых, нестандартность макроэкономической модели взаимодействия регионов, а во-вторых, то, что устойчивость равновесия траекторий исследуемых переменных анализируется в контексте эволюционного механизма отбора различных эвристик.

2. Описание модели и формирование ожиданий экономических агентов

Описание модели

Исследуемая многорегиональная модель является расширенной версией новой кейнсианской модели с номинальными жесткими ценами и гибкими заработными платами, описанной в [McCallum, Nelson, 2001]. В этой публикации исследовалась однорегиональная модель с рациональными ожиданиями агентов. Аналогичная модель, но с ограниченной рациональ-

ностью агентов рассматривалась в [Серков, 2024]. В отличие от этих моделей в предлагаемой многорегиональной модели в силу технологического суверенитета национальной экономики (или макрорегиона) регионы не взаимодействуют с внешним миром² и импортные ресурсы со стороны отдельных регионов наряду с трудовыми ресурсами являются факторами производства в каждом отдельном регионе. В качестве макрорегиона может выступать, например, федеральный округ. Для упрощения модели, как и в модели из [McCallum, Nelson, 2001], предполагается, что домашние хозяйства потребляют только домашние товары и продукты (произведенные в этом регионе), то есть в данной модели импорт в отдельном регионе со стороны других регионов рассматривается не в качестве готовых потребительских товаров, а как сырьевые ресурсы или промежуточные товары для производственного процесса отдельной региональной экономики.

Особенностью предлагаемой модели является то, что все переменные в ней выражены относительно аналогичных переменных при гибких ценах. Уравнения модели записаны в лог-линеаризованном виде относительно стационарного состояния. Агрегированное уравнение Эйлера для потребления c_t^i домашних хозяйств i -го региона ($i \in N$) в период t , полученное из условий первого порядка, имеет вид³:

$$c_t^i = \bar{E}_t^i c_{t+1}^i - b_1^i \times (R_t - \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i - r_{n,t}^i) + \mu_t^i \quad (1)$$

где $\mu_t^i \sim N(0, (\sigma_\mu^i)^2)$, R_t — номинальная процентная ставка (единая для всех регионов), π_t^i — ценовая инфляция i -го региона, μ_t^i — шок потребления i -го региона, параметр b_1^i — эластичность межвременного замещения, $\bar{E}_t^i$ — оператор, характеризующий ограниченную рациональность агентов i -го региона, усредненный по всем возможным эвристикам⁴ (в данном случае по четырем правилам), $r_{n,t}^i$ — естественная процентная ставка, пропорциональная $\bar{E}_t^i \Delta y_{t+1}^{n,i}$ [Серков, 2024], где Δ — оператор разности, $y_t^{n,i}$ — объем выпуска при гибких ценах.

Как отмечалось выше, в исследуемой модели импорт является промежуточным продуктом. Производственная функция фирм, выпускающих промежуточный дифференцированный продукт j ($j \in [0, 1]$) в отдельном i -м регионе $Y_t^i(j)$, является

² Автором рассматривалась также более громоздкая версия модели с экзогенно заданным взаимодействием регионов с внешним миром. При этом качественные результаты моделирования не изменились.

³ В дальнейшем лог-линеаризованные переменные обозначаются строчными буквами, а исходные переменные в уровнях — прописными.

⁴ Более подробно об ожиданиях агентов — в следующем разделе.

CES-функцией с постоянной эластичностью замещения между трудом и импортом⁵:

$$Y_t^i = \left[(1 - \alpha^i) \times (A_t^i \times N_t^i)^{\sigma^i} + \alpha^i \times (IM_t^i)^{\sigma^i} \right]^{\frac{1}{\sigma^i}}, \quad (2)$$

где σ^i — эластичность замещения между трудом и импортной составляющей в объеме выпуска i -го региона, $(1 - \alpha^i)$ — доля трудовых ресурсов N_t^i , A_t^i — шок производительности труда (серийно коррелированный в логарифмическом выражении), α^i — доля импортируемых ресурсов IM_t^i в объеме выпуска i -го региона. Так как все переменные в модели выражены относительно аналогичных переменных при гибких ценах, то Y_t^i является разрывом выпуска.

Условие максимизации прибыли при заданных значениях индекса потребительских цен, стоимости трудовых и импортных ресурсов имеет вид:

$$\max_{\{N_t^i, IM_t^i\}} P_t^i \times Y_t^i - P_{N,t}^i \times N_t^i - P_{IM,t}^i \times IM_t^i \quad (3)$$

при условии (2). В выражении (3) P_t^i — индекс потребительских цен, $P_{N,t}^i$ — цена трудовых ресурсов (зарплата), $P_{IM,t}^i$ — стоимость импорта для i -го региона.

Условие первого порядка при максимизации прибыли приводит к следующему выражению для функции спроса на импортные ресурсы:

$$IM_t^i = \alpha^i \times \left(\frac{P_{IM,t}^i}{P_t^i} \right)^{-\sigma^i} \times Y_t^i. \quad (4)$$

Лог-линеаризация уравнения (4) приводит к следующему выражению функции спроса imp_t^i на импорт:

$$imp_t^i = y_t^i - \sigma^i \times s_t^i, \quad (5)$$

$$s_t^i = p_t^* - p_t^i. \quad (6)$$

В уравнениях (5)–(6) переменная s_t^i является аналогом условий торговли между регионом, входящим в макрорегион, и i -м регионом, p_t^i, p_t^* — индексы цен производителей в отдельных регионах⁶ (домашние хозяйства потребляют только продукцию собственного производства).

Аналогично функция спроса на экспортные товары и услуги из i -го региона со стороны соседних регионов имеет вид:

$$\exp_t^i = y_t^{*i} + \sigma^i \times s_t^i, \quad (7)$$

⁵ В дальнейшем индекс j будет опускаться.

⁶ Индекс i относится к рассматриваемому (домашнему) региону, индекс $*$ — к соседним регионам.

где exp_t^i — экспорт продукции из i -го региона в остальные регионы, y_t^{*i} — объем выпуска продукции в регионе, импортирующем товары и услуги из i -го региона. При этом эластичности замещения σ^i при экспорте и импорте принимаются равными.

Ресурсное ограничение для исследуемой модели имеет вид:

$$y_t^i = \omega_1^i \times c_t^i + \omega_2^i \times g_t^i + \omega_3^i \times \text{exp}_t^i, \quad (8)$$

где g_t^i — государственные расходы, $\omega_1^i \dots \omega_3^i$ — стационарные значения отношений соответствующих переменных к объему выпуска.

В соответствии с принципами новой кейнсианской модели цены в отдельном регионе не являются гибкими. Согласно модели, описанной в [Rotemberg, 1982], те, кто устанавливает цены, сталкиваются с квадратичными издержками для изменения цен по сравнению с ценами предыдущего периода. При получении кривой Филлипса автор настоящей статьи придерживался полуклассического подхода, изложенного в работе [McCallum, Nelson, 1998].

Решение динамической задачи минимизации общих межвременных издержек для фирм отдельного региона, корректирующих свои цены в период t , приводит к уравнению кривой Филлипса:

$$\pi_t^i = \beta \times \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i + \kappa_p^i \times y_t^i + u_t^i, u_t^i \sim N(0, (\sigma_u^i)^2), \quad (9)$$

где u_t^i — ценовой шок предложения⁷, зависящий от цены на импортную продукцию. В отличие от шока производительности труда этот шок не является серийно коррелированным. Коэффициент κ_p^i обратно пропорционален издержкам, связанным с изменением цены, $\bar{E}_t^i$ — оператор ожиданий агентов относительно переменной (в данном случае инфляции) в отдельном i -м регионе, y_t^i — разрыв выпуска между фактическим и потенциальным объемами производства товаров и услуг. Как будет показано ниже, цена импортного продукта в явном виде входит в потенциальный объем производства (уравнение (12)).

Замыкает систему уравнений правило Тейлора для номинальной процентной ставки R_t (единой для всех регионов):

$$R_t = \phi_\pi \times \bar{\pi}_t + \phi_y \times \bar{y}_t + \eta_t, \eta_t \sim N(0, \sigma_\eta^2), \quad (10)$$

где η_t — серийно некоррелированный шок монетарной политики, $\bar{\pi}_t, \bar{y}_t$ — усредненные по всем рассматриваемым регионам значения инфляции и разрыва выпуска.

⁷ Вклад в stagflation нефтяного шока середины 70-х годов прошлого века потребовал включения в уравнение показателя шоковых изменений предложения, которые повышают темпы инфляции независимо от колебаний спроса и инфляционных ожиданий.

Следуя работе [Серков, 2024], редуцируем систему уравнений (1)–(11) к двум уравнениям, соответствующим уравнению спроса IS и кривой Филлипса. В уравнении (1) фигурирует естественная процентная ставка $r_{n,t}^i$, пропорциональная $\bar{E}_t^i \Delta y_{t+1}^{n,i}$, где $y_t^{n,i}$ — потенциальный объем выпуска в i -м регионе. Поэтому необходимо найти выражение для потенциального объема выпуска.

Лог-линеаризованное уравнение (2) для потенциального объема выпуска $y_t^{n,i}$ в предположении неэластичности предложения труда со стороны домашних хозяйств при потенциальном объеме выпуска, когда задействованы все трудовые ресурсы, имеет вид:

$$y_t^{n,i} = (1 - \chi^i) \times a_t^i + \chi^i \times im_t^i. \quad (11)$$

В уравнении (11) коэффициент $\chi^i = \alpha^i \times \left(\frac{IM^{i,ss}}{y^{i,ss}} \right)^{\sigma^i}$, где $\left(\frac{IM^{i,ss}}{y^{i,ss}} \right)$ — доля импорта в объеме выпуска промежуточного продукта в отдельном регионе в стационарном детерминированном состоянии. В уравнении (11) серийно коррелированный шок производительности труда a_t^i изменяется в соответствии с авторегрессионным процессом первого порядка:

$$a_t^i = \rho_a^i \times a_{t-1}^i + \varepsilon_t^{a,i}, \varepsilon_t^{a,i} \sim N(0, (\sigma_a^i)^2).$$

Из уравнений (5) и (11) получаем равновесный потенциальный объем выпуска:

$$y_t^{n,i} = a_t^i - \frac{\sigma^i \times \chi^i \times s_t^i}{(1 - \chi^i)}. \quad (12)$$

Соответственно, редуцированная система уравнений имеет вид:

$$\begin{aligned} y_t^i = & \bar{E}_t^i y_{t+1}^i - \omega_1^i \times b_1^i \times [\phi_\pi \times \bar{\pi}_t + \phi_y \times \bar{y}_t - \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i] + \\ & + \left[\frac{\sigma^i \times \chi^i}{(1 - \chi^i) \times b_1^i \times \omega_1^i} \times \bar{E}_t^i (\pi_{t+1}^{*i} - \pi_{t+1}^i) \right] - \\ & - \omega_3^i \times (\bar{E}_t^i y_{t+1}^{*i} - y_t^{*i}) + \omega_3^i \times \sigma^i \times (\bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i - \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^{*i}) + \mu_t^i. \end{aligned} \quad (13)$$

$$\pi_t^i = \beta \times \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i + \kappa_p^i \times y_t^i + u_t^i. \quad (14)$$

В уравнении (13) явный вид шока потребления имеет вид:

$$\mu_t^i = \frac{1}{\omega_1^i \times b_1^i} \times (\bar{E}_t^i a_{t+1}^i - a_t^i) - \omega_2^i \times (\bar{E}_t^i g_{t+1}^i - g_t^i) - \omega_1^i \times b_1^i \times \eta_t. \quad (15)$$

В уравнении (15) переменная g_t^i является экзогенной серийно коррелированной и подчиняется авторегрессионному процессу первого порядка:

$$g_t^i = \rho_g^i \times g_{t-1}^i + \varepsilon_t^{g,i}, \varepsilon_t^{g,i} \sim N(0, \sigma_g^{2,i}).$$

Уравнение (13) получено с учетом того, что

$$\bar{E}_t^i s_{t+1}^i - s_t^i = \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^{*i} - \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i. \quad (16)$$

В матричной форме уравнения (13)–(14) можно записать в виде⁸:

$$\mathbf{x}_t = \mathbf{A}\mathbf{x}_{t+1}^e + \mathbf{R}\boldsymbol{\varepsilon}_t. \quad (17)$$

В уравнении (17) $\mathbf{x}_t$ — вектор — матрица переменных $y_t^1 \dots y_t^N, \pi_t^1 \dots \pi_t^N$ размерности $2N \times 1$, $\mathbf{A}, \mathbf{R}$ — матрицы размерности $2N \times 2N$, $\mathbf{x}_{t+1}^e$ — вектор — матрица ожиданий переменных $y_{t+1}^1 \dots y_{t+1}^N, \pi_{t+1}^1 \dots \pi_{t+1}^N$ размерности $1 \times 2N$, $\boldsymbol{\varepsilon}_t$ — вектор — матрица шоков $\mu_t^1 \dots \mu_t^N, u_t^1 \dots u_t^N$ размерности $2N \times 1$.

Формирование ожиданий экономических агентов

Временная эволюция совокупных экономических переменных, таких как инфляция и разрыв выпуска, зависит от рыночных ожиданий отдельных агентов. Как уже отмечалось выше, неоклассическая экономическая теория предполагает, что люди формируют ожидания рационально, тем самым заставляя цены следовать экономическим фундаментальным показателям и приводя к эффективному распределению ресурсов. Однако лабораторные эксперименты показали, что агенты не ведут себя полностью рационально, а следуют простым эвристикам.

В исследуемой имитационной модели агенты выбирают правила из группы простых правил прогнозирования или эвристик. Выбор эвристик регулируется эволюционным механизмом отбора, основанным на принципе, что более успешные стратегии привлекают больше последователей. Эффективность стратегии измеряется накопленными (отрицательными) квадратами ошибок прогнозирования.

В выборе различных эвристик автор настоящей публикации придерживался работ [Anufriev, Hommes, 2012; Hommes et al., 2019]. Для того чтобы сделать модель максимально простой, но достаточно богатой для объяснения различных наблюдаемых ценовых моделей, выбраны четыре эвристики. В основе каждой эвристики лежит своя поведенческая интерпретация. Уравнения эвристик представлены в табл. 1.

⁸ Ввиду ограниченного формата публикации явный вид матриц не приводится. Вид матриц может быть выслан по требованию.

Т а б л и ц а 1

Набор эвристик для исследуемой модели

T a b l e 1

Set of Heuristics for the Model

Обозначение эвристики	Наименование	Уравнение прогноза
ADA	Adaptive rule	$x_{1,t+1}^e = 0,65x_{t-1} + 0,35 \times x_{1,t}^e$ (18)
WTR	Weak trend-following rule	$x_{2,t+1}^e = x_{t-1} + 0,4 \times (x_{t-1} - x_{t-2})$ (19)
STR	Strong trend-following rule	$x_{3,t+1}^e = x_{t-1} + 1,3 \times (x_{t-1} - x_{t-2})$ (20)
LAA	Anchoring and adjustment rule	$x_{4,t+1}^e = 0,5 \times (x_{t-1}^{av} - x_{t-1}) + (x_{t-1} - x_{t-2})$ (21)

Примечания: 1. В качестве обобщенной переменной x_t выступает уровень инфляции π_t и разрыв выпуска y_t . 2. x_{t-1}^{av} — усредненное значение наблюдаемой переменной вплоть до момента времени $t-1$.

Источник: составлено автором на основе [Anufriev, Hommes, 2012; Hommes et al., 2019].

Первая эвристика — это правило адаптивных ожиданий (ADA), использующее средневзвешенное значение между последней наблюдаемой рыночной ценой и последним индивидуальным прогнозом. Следует обратить внимание, что в момент, когда прогнозируется значение переменной x_{t+1}^e , значение переменной x_t^e еще неизвестно (уравнение (1)), а последнее наблюдаемое значение переменной — x_{t-1} .

Вторая и третья эвристики — это правила следования за трендом, экстраполирующие слабый или сильный тренд соответственно. Они просто предсказывают последний наблюдаемый уровень цен, кратный последнему наблюдаемому изменению цен, и различаются только величиной фактора экстраполяции. В случае правила слабого тренда (WTR) этот фактор мал и равен 0,4. В случае правила сильного тренда (STR) этот фактор равен 1,3.

Четвертая эвристика (LAA) немного сложнее. Она объединяет среднее предсказание последней наблюдаемой цены и оценку долгосрочного равновесного уровня цен с экстраполяцией последнего изменения цены.

Таким образом, исследуемая имитационная модель основана на эволюционном переключении между четырьмя эвристиками прогнозирования, обусловленном прошлой относительной эффективностью эвристик. Эвристики, которые были более успешными в прошлом, привлекают больше последователей. Хотя агенты могут использовать простые правила для прогнозирования будущей инфляции и разрыва выпуска, на выбор таких правил

накладывается определенная дисциплина, чтобы избежать полностью нерационального поведения. В частности, вводится механизм выбора, который дисциплинирует выбор эвристик агентами в соответствии с критерием пригодности. Это позволяет агентам учиться на прошлых ошибках и выбирать эвристики, которые хорошо себя зарекомендовали в прошлом.

Выбор конкретного набора эвристик (табл. 1) мотивирован эмпирическими основаниями. Эти эвристики были получены в описании типичного индивидуального поведения при прогнозировании, наблюдаемого в работах [Hommes et al., 2005; 2008].

Мера пригодности U_h определенной стратегии прогноза h агентами определяется как:

$$U_h = \theta \times U_{h,t-2} - (x_{h,t-1}^e - x_{t-1})^2, \quad (22)$$

где θ ($0 \leq \theta \leq 1$) — параметр памяти, измеряющий относительный вес, который агенты придают прошлым ошибкам эвристики h . Эффективность прогноза полностью определяется самой последней ошибкой прогнозирования при $\theta = 0$. При $0 \leq \theta \leq 1$ эффективность зависит от всех прошлых ошибок прогнозирования с экспоненциально уменьшающимися весами или с равными весами, если $\theta = 1$. Если все агенты одновременно обновляют правило прогнозирования, которое они используют, то долю агентов, выбирающих правило h в каждом периоде t , при общем числе стратегий H можно описать:

$$n_{h,t} = \frac{\exp(\gamma \times U_{h,t-1})}{\sum_{h=1}^H \exp(\gamma \times U_{h,t-1})}. \quad (23)$$

Мультиномиальное логарифмическое выражение в уравнении (23) получено в работе [Brock, Hommes, 1997]. Параметр $\gamma \geq 0$, называемый «интенсивность выбора», отражает чувствительность агентов к выбору оптимальной стратегии прогнозирования в соответствии с мерой пригодности U_h . Если $\gamma = 0$, и $n_{h,t}$ является постоянным для всех h , то это означает, что агенты не проявляют никакой готовности учиться на прошлых результатах. Если $\gamma = \infty$, то все агенты принимают наилучшую эвристику с вероятностью 1.

Модель обучения агентов в уравнении (23) была расширена в работах [Diks, Van der Weide, 2005; Hommes et al., 2005] для включения асинхронного обновления, чтобы допустить возможность того, что не все агенты обновляют свое правило в каждом периоде. Это дает обобщенную версию уравнения (20):

$$n_{h,t} = \delta \times n_{h,t-1} + (1 - \delta) \times \frac{\exp(\gamma \times U_{h,t-1})}{\sum_{h=1}^H \exp(\gamma \times U_{h,t-1})}. \quad (24)$$

Параметр $0 \leq \delta \leq 1$ отражает персистентность в принятии агентами стратегий прогнозирования и может быть интерпретирован как средняя доля индивидуумов, которые в каждом периоде придерживаются своей предыдущей стратегии.

Еще раз нужно отметить, что описанная четырехэвристическая модель имеет наилучшую эмпирическую поддержку (она хорошо соответствует данным в экспериментах по обучению прогнозированию как на рынках финансовых активов, так и в макроэкономике).

Вышеприведенные уравнения в табл. 1 относятся к обобщенной переменной однорегиональной модели. Для многорегиональной экономики усредненные ожидания агентов относительно разрыва выпуска в i -м регионе равны:

$$\bar{E}_t^i y_{t+1}^i = \sum_{h=1}^H n_{h,t}^{y,i} \times y_{h,t+1}^{e,i} \quad (25)$$

где $n_{h,t}^{y,i}$ — доля агентов, выбирающих правило h для разрыва выпуска в каждом периоде t в i -м регионе при общем числе стратегий H [Akville et al., 2020]. Соответственно, усредненные инфляционные ожидания агентов в i -м регионе равны:

$$\bar{E}_t^i \pi_{t+1}^i = \sum_{h=1}^H n_{h,t}^{\pi,i} \times \pi_{h,t+1}^{e,i} \quad (26)$$

В общем случае доли агентов, выбирающих определенные эвристики, используемые в эвристической модели переключения, различны для прогнозируемых переменных в разных регионах. В уравнениях исследуемой модели также присутствуют ожидания в i -м регионе относительно инфляции и разрыва выпуска в других регионах. В данном исследовании предполагается, что средние ожидания в регионе i относительно инфляции и разрыва выпуска в регионе k равны средним ожиданиям этих переменных в регионе k . В частности, для инфляции:

$$\begin{aligned} \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^{*i} &= \frac{1}{\sum_{k \neq i} \varpi_k} \times \sum_{k \neq i} \varpi_k \times \bar{E}_t^i \pi_{t+1}^k = \\ &= \frac{1}{\sum_{k \neq i} \varpi_k} \times \sum_{k \neq i} \varpi_k \times \bar{E}_t^k \pi_{t+1}^k. \end{aligned} \quad (27)$$

Соответственно для разрыва выпуска:

$$\begin{aligned} \bar{E}_t^i y_{t+1}^{*i} &= \frac{1}{\sum_{k \neq i} \varpi_k} \times \sum_{k \neq i} \varpi_k \times \bar{E}_t^i y_{t+1}^k = \\ &= \frac{1}{\sum_{k \neq i} \varpi_k} \times \sum_{k \neq i} \varpi_k \times \bar{E}_t^k y_{t+1}^k. \end{aligned} \quad (28)$$

В уравнениях (27)–(28) ϖ_k — весовые факторы каждого региона, равные доли валового регионального продукта отдельного региона относительно объема выпуска в макрорегионе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Анализируемая многорегиональная модель с переключением эвристик является нелинейной. Поэтому важно исследовать устойчивость равновесного состояния этой модели в различных параметрических пространствах. Кроме того, необходимо понять, как эволюционный отбор среди приведенных выше четырех эвристик прогнозирования может объяснить устойчивость и стабильность равновесия модели.

Анализ динамики исследуемой модели проводился с использованием симуляционных экспериментов. Значения параметров при этих симуляциях приведены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Значения симуляционных параметров исследуемой модели

T a b l e 2

Simulation Parameter Values of the Model

Параметр	Значение
φ_{π}	Варьируется в интервале [1,2–2] ^a
φ_y	0,5
$\kappa_p^1 = \dots \kappa_p^N = \kappa_p$	Варьируется в интервале [0,03–2] ^a
$\alpha^1 = \dots \alpha^N = \alpha$	Варьируется в интервале [0,03–2] ^a
$\left(\frac{IM^{i,ss}}{Y^{i,ss}}\right)$	0,11
$\sigma^1 = \dots \sigma^N = \sigma$	0,5
$b_1^1 = \dots b_1^N$	1,0
β	0,99
$\omega_1^1 = \dots \omega_1^N$	0,6
$\omega_2^1 = \dots \omega_2^N$	0,2
$\omega_3^1 = \dots \omega_3^N$	0,2
$\delta^1 = \dots \delta^N$	0,8
$\theta^1 = \dots \theta^N$	0,7
$\gamma^1 = \dots \gamma^N$	0,4
$\varpi_1 = \dots \varpi_N$	1
ρ_a	0,7
ρ_g	0,7
$(\sigma^1)_u^2 = \dots (\sigma^N)_u^2$	(0,01)2
σ_{η}^2	(0,01)2
$(\sigma^1)_a^2 = \dots (\sigma^N)_a^2$	(0,01)2
$(\sigma^1)_g^2 = \dots (\sigma^N)_g^2$	(0,01)2

^a Объяснение выбора данных интервалов приведено далее в тексте.

Источник: составлено автором на основе работы [McCallum, Nelson, 2001].

Анализ устойчивости исследуемой модели

Проведенные симуляционные эксперименты с исследуемой многорегиональной моделью переключения эвристик показали, что стабильность ее динамики, кроме параметров монетарной политики (ϕ_π, ϕ_y), существенным образом зависит от доли импорта в объеме выпускаемой продукции α^i и от номинальной жесткости цен κ_p^i . Кроме того, эта стабильность зависит также от количества регионов, входящих в макрорегион, то есть от степени их интеграции.

Исследуемая поведенческая эвристическая модель переключения ожиданий не позволяет провести локальный анализ устойчивости. Поэтому стабильность динамики определялась по процедуре, предложенной в работе [Akville et al., 2020], то есть динамические процессы считаются стабильными, если отсутствуют значительные отклонения от равновесного стационарного состояния. При этом временные ряды, моделирующие разрыв выпуска и инфляцию, считаются нестабильными, если среднее значение (рассчитанное по всем регионам) абсолютных систематических (не шоковых⁹) отклонений этих переменных от устойчивого состояния превышает 10% хотя бы один раз при каждой симуляции. Количество симуляций при этом равнялось 1000. При проведении всех симуляций в этом и в следующем разделах значения варьируемых параметров для всех регионов принимались равными, то есть $\alpha^1 = \dots \alpha^N = \alpha, \kappa_p^1 = \dots \kappa_p^N = \kappa_p, \sigma^1 = \dots \sigma^N = \sigma$.

На рис. 1 приведена двумерная диаграмма стабильности временных рядов разрыва выпуска и инфляции исследуемой модели в зависимости от критических значений: от доли импорта в объеме выпускаемой продукции в каждом регионе $\alpha^1 = \dots \alpha^4 = \alpha$ (на диаграмме alpha) и от номинальной жесткости цен $\kappa_p^1 = \dots \kappa_p^4 = \kappa_p$ (на диаграмме карра) для макрорегиона, состоящего из четырех регионов при двух значениях эластичности замещения между трудом и импортной составляющей $\sigma^1 = \dots \sigma^4 = \sigma$. При пересечении значений параметров alpha и карра возникает описанное выше отклонение разрыва выпуска и инфляции от стационарного состояния, превышающее 10% хотя бы один раз при каждой симуляции. На границе между стабильным и нестабильным поведением инфляции и разрыва выпуска значения параметров равны критическим α_{cr} и κ_{cr} . Для пояснения получения на рис. 1 границы между стабильным и нестабильным поведением модели приведена одномерная диаграмма стабильности на рис. 2 при значении параметров $\phi_\pi = 1,5; \phi_y = 0,5; \sigma = 0,5$. Все остальные параметры модели (включая σ), приведенные в табл. 1, приняты равными для

⁹ Величина шоков, отсутствующих в модели, значительно ниже порога в 10%.

всех регионов. Из диаграммы рис. 2 следует, что значение параметра α_{cr} , отделяющее стабильность динамики инфляции и разрыва выпуска от их нестабильного поведения для модели из четырех регионов, при значении $\kappa_{rr} = 0,1$ равно 0,4 и совпадает с этим значением на рис. 1а. Следует отметить, что потеря стабильности для временных рядов разрыва выпуска и инфляции практически происходит при одном и том же определенном значении критических параметров. Как уже отмечалось выше при описании модели, параметр κ_r^i , определяющий номинальную жесткость цен, обратно пропорционален издержкам, связанным с установлением новой цены. Поэтому с ростом значения этого параметра номинальная жесткость цен уменьшается и, соответственно, их гибкость увеличивается. При построении диаграммы стабильности значения параметра κ_r^i для всех регионов также считались одинаковыми. В работе [McCallum, Nelson, 2001] калиброванное значение этого параметра равнялось 0,086. Поэтому при симуляциях интервал изменений параметра κ_r^i принимался равным [0,03–2].

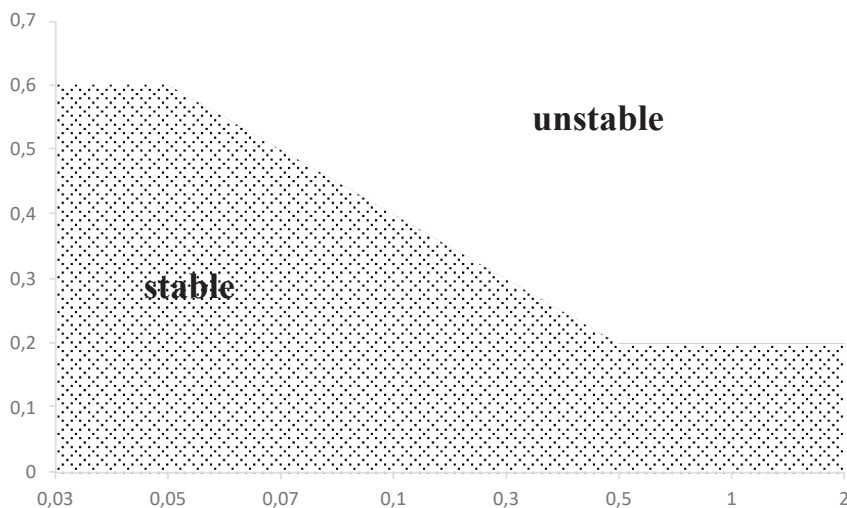
Как видно из рис. 1, с увеличением гибкости цен критическое значение (α_{cr}) уменьшается. То есть номинальная жесткость региональных цен благоприятствует замещению труда импортной продукцией из других регионов и способствует стабильности динамики инфляции и разрыва выпуска. Это является следствием того, что номинальная жесткость региональных цен способствует снижению издержек при использовании импортной составляющей в объеме выпуска продукции.

Следует отметить, что с ростом эластичности замещения труда импортной составляющей ($\sigma = 0,8$ на рис. 1b) стабильность модели уменьшается. Это следует из сравнения рис. 1а и 1b. При одной и той же гибкости цен критическое значение (α_{cr}) для модели из четырех регионов при росте σ снижается. Этот результат является вполне очевидным, так как при росте σ происходит уменьшение импорта (уравнение (3)).

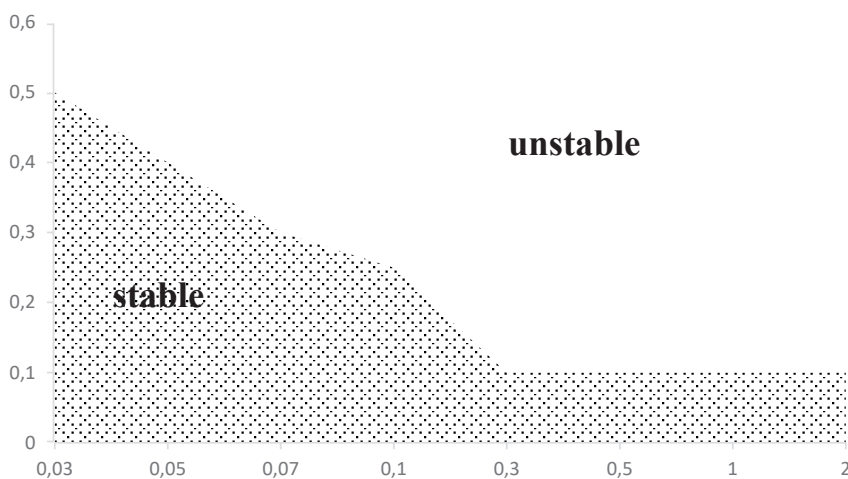
Гетерогенность значений параметров α_{cr} и κ_{rr} для исследуемых регионов не приводила к качественному изменению диаграммы стабильности. Этот результат может свидетельствовать о том, что неоднородность номинальных жесткостей играет важную роль в формировании высокой степени корреляции в динамике инфляции и разрыва выпуска между регионами ввиду ее перетоков.

Так как стабильность динамики исследуемой модели должна зависеть также от параметров монетарной политики в правиле Тейлора, то представляет интерес анализ зависимости стабильности динамики временных рядов разрыва выпуска и инфляции от коэффициента реакции инфляции ϕ_π и номинальной жесткости цен.

а) При $\sigma = 0,5$

б) При $\sigma = 0,8$

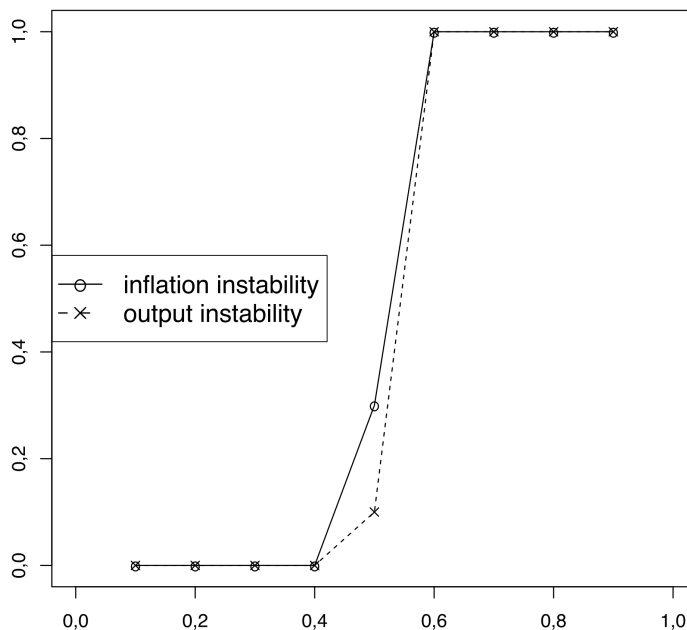

Примечание. Параметры модели, приведенные в табл. 1, приняты равными для всех регионов. Количество симуляций равно 1000. Параметры $\phi_\pi = 1,5$; $\phi_y = 0,5$.

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

Рис. 1. Двумерная диаграмма стабильности временных рядов разрыва выпуска и инфляции исследуемой модели в пространстве параметров κ_p^i (ось абсцисс) и α^i (ось ординат) для четырех регионов

Fig. 1. Two-Dimensional Diagram of the Stability of the Time Series for the Output Gap and Inflation of the Model in the Parameter Space κ_p^i (abscissa) and α^i (ordinate) for Four Regions

Примечание. Все параметры модели, приведенные в табл. 1, приняты равными для всех регионов. Количество симуляций равно 1000. Значение параметра α_{cr} , отделяющее стабильность динамики инфляции и разрыва выпуска от их нестабильного поведения, равно 0,4. Параметры $\phi_\pi = 1,5$; $\phi_y = 0,5$; $\sigma = 0,5$.

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

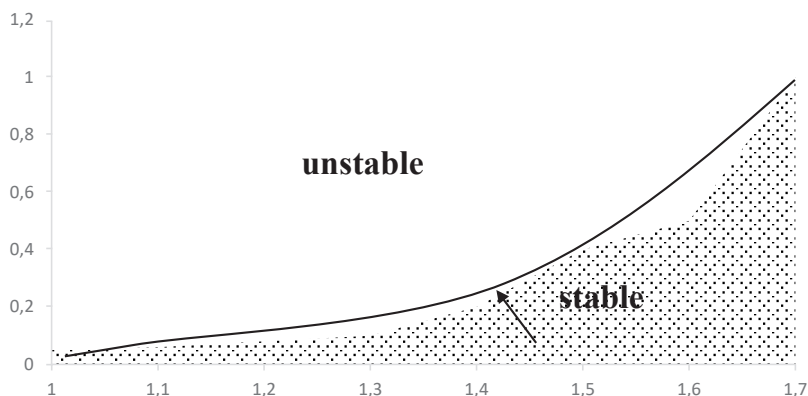
Рис. 2. Зависимость стабильных значений инфляции и разрыва выпуска (ось ординат) от параметра α (ось абсцисс) при значении параметра $\kappa = 0,1$ для модели из четырех регионов

Fig. 2. Graph of the Dependence of Stable Values for Inflation and Output Gap (ordinate) Depending on the Alpha Parameter (abscissa) With the Kappa Parameter Value of 0.1 for a Four-Region Model

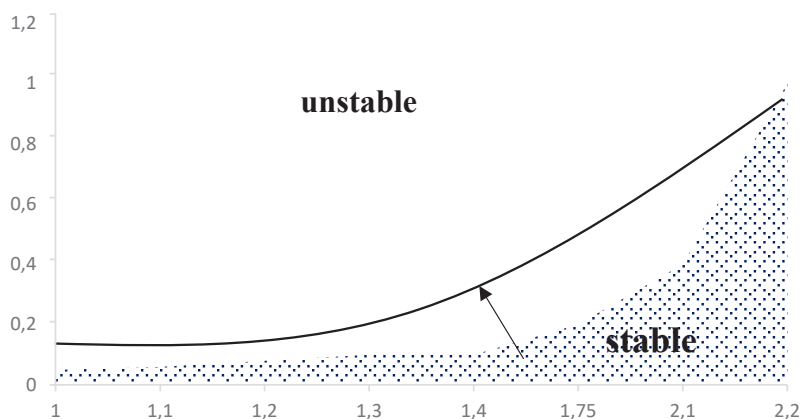
Соответствующая двумерная диаграмма стабильности в пространстве параметров (κ_p^i, ϕ_π) приведена на рис. 3 для четырех (а) и двух (б) регионов. При этих симуляциях интервал изменений параметра κ_p^i принимался равным $[0,02-1,2]$.

Из приведенных на рис. 3 диаграмм следует, что в макрорегионе более гибкие цены приводят к менее стабильному экономическому поведению. Это означает, что более значительная положительная обратная связь от разрыва выпуска на инфляцию в новой кейнсианской кривой Филлипса является дестабилизирующей. Более явно этот результат проявляется для модели из четырех регионов по сравнению с двухрегиональной моделью, так как при одной и той же гибкости цен значение коэффициента реакции ϕ_{pi_cr} для первой модели меньше по сравнению со второй, то есть модель из четырех регионов является более стабильной по сравнению с двухрегиональной моделью.

а) Для четырех регионов

б) Для двух регионов

Примечание. Параметры модели, приведенные в табл. 1, приняты равными для всех регионов. Количество симуляций равно 1000. Описание диаграммы приведено в тексте. Параметры $\sigma = 0,5$; $\alpha = 0,5$; $\phi_y = 0,5$. Сплошная линия на диаграмме обозначает границу между стабильным и нестабильным состоянием модели без переключения при адаптивных ожиданиях агентов.

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

Рис. 3. Двумерная диаграмма стабильности временных рядов разрыва выпуска и инфляции исследуемой модели в пространстве параметров κ_p^t (ось ординат) и ϕ_π (ось абсцисс)

Fig. 3. Two-Dimensional Diagram of the Stability of the Time Series for the Output Gap and Inflation of the Model in a Parameter Space κ_p^t (ordinate) and ϕ_π (abscissa)

Стабилизирующая сила интеграции заключается в следующем. Когда некоторые регионы переживают рост экономики, а другие — спад, ожидаемый рост инфляции в первых регионах приводит к росту спроса в субъектах со спадом, и наоборот, так что существует тяга к устойчивому состоянию. Это очевидным образом связано с тем, что товары в регионах с экономическим спадом становятся относительно дешевле и, таким образом, будут импортироваться в большей степени другими регионами. Этот стабилизирующий эффект возрастает с количеством интегрированных друг с другом регионов.

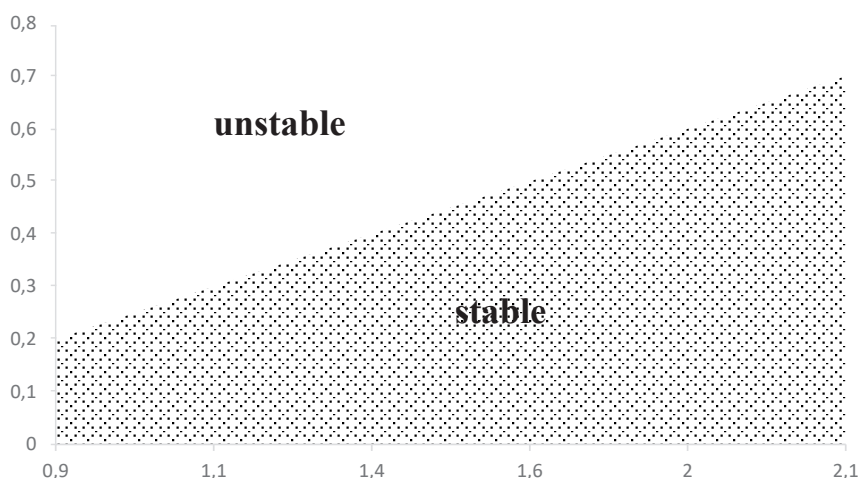
Результаты на рис. 3 можно объяснить следующим образом. С увеличением гибкости цен (параметра κ) отклонения разрыва выпуска от его стационарного состояния приводят к росту инфляции. Если рост инфляции увеличивается, например через самоисполняющиеся ожидания экономических агентов, следующие за трендом, это может привести к еще большим колебаниям инфляции и разрыва выпуска, то есть к уменьшению стабильной динамики этих переменных. Поведение в экономике с жесткими ценами в целом гораздо более стабильно. Когда в жесткой экономике разрыв выпуска увеличивается, то это окажет более слабое влияние на инфляцию, заставляя центральный банк повышать процентную ставку, но меньше, чем в гибкой экономике.

Для проверки приведенного вывода были проведены симуляционные эксперименты с исследуемой моделью без переключения эвристик с адаптивными ожиданиями агентов. На рис. 3 сплошная черная линия является границей между стабильным и нестабильным состоянием модели. Стрелка показывает смещение этой границы в направлении увеличения стабильности. Это справедливо как для модели из четырех регионов, так и для двухрегиональной модели, то есть экономическое поведение в модели с адаптивными ожиданиями агентов гораздо более стабильно по сравнению с моделью переключения эвристик, в которой агенты обладают большим выбором формирования ожиданий. Это происходит потому, что адаптивные правила формирования ожиданий не экстраполируют прошлые тенденции в наблюдаемых переменных по сравнению с правилами формирования ожиданий экономических агентов, следующих за трендом. Поэтому самоисполняющегося усиления между ожиданиями и реализацией макроэкономических переменных при адаптивных ожиданиях агентов не происходит.

Интересно, что в [Pfajfar, Zakelj, 2018] авторы приходят к аналогичному выводу и отмечают, что более высокая доля экстраполяции тренда увеличивает стандартное отклонение инфляции, в то

время как наличие большего количества агентов, ведущих себя в соответствии с адаптивными ожиданиями, снижает стандартное отклонение инфляции.

Нужно отметить, что полученные результаты справедливы также для диаграмм, приведенных на рис. 1, 2, 4.

Примечание. Параметры модели, приведенные в табл. 1, приняты равными для всех регионов. Количество симуляций равно 1000. Описание диаграммы приведено в тексте. Параметры $\sigma = 0,5$; $\phi_y = 0,5$.

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

Рис. 4. Двумерная диаграмма стабильности временных рядов разрыва выпуска и инфляции исследуемой модели в пространстве параметров α^i (ось ординат) и ϕ_π (ось абсцисс) для четырех регионов

Fig. 4. Two-Dimensional Diagram of the Stability of the Time Series for the Output Gap and Inflation of the Model in a Parameter Space α^i (ordinate) and ϕ_π (abscissa) for Four Regions

На рис. 4 приведена двумерная диаграмма стабильности временных рядов разрыва выпуска и инфляции исследуемой модели в пространстве параметров (α^i, ϕ_π) для макрорегиона, состоящего из четырех регионов. Из приведенной диаграммы следует, что с ростом импортной составляющей в объеме выпуска каждого региона коэффициент реакции инфляции на шок процентной ставки возрастает, что вызвано, вероятно, ростом издержек, связанных с импортом промежуточной продукции. Аналогичная диаграмма для двух регионов практически не отличается от приведенной.

Так как исследуемая многорегиональная модель является моделью с переключением эвристик, то представляет интерес анализ стабильности инфляции и разрыва выпуска в контексте поведения ожиданий экономических агентов.

Анализ эволюции ожиданий ограниченной рациональности экономических агентов

Временная эволюция экономических переменных, таких как инфляция и разрыв выпуска, зависит от рыночных ожиданий экономических агентов. Во введении отмечалось, что неоклассическая экономическая теория предполагает, что агенты формируют ожидания рационально, тем самым заставляя цены следовать экономическим фундаментальным показателям и приводя к эффективному распределению ресурсов. Однако лабораторные эксперименты [Hommes, 2021; Hommes et al., 2019] показали, что агенты обладают ограниченной рациональностью и следуют простым эвристикам. При этом эволюционный отбор среди приведенных выше четырех эвристик прогнозирования может объяснить координацию индивидуального поведения, приводящую к различным совокупным результатам. С течением времени индивиды адаптируют свои стратегии, основываясь на относительной эффективности прогнозирования эвристик.

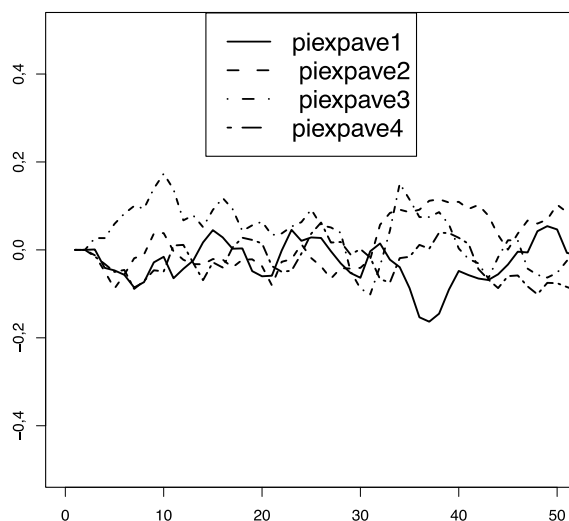
В связи с этим представляет интерес анализ эволюционного отбора среди эвристик прогнозирования при различных режимах динамики исследуемых переменных, соответствующих стабильному и нестабильному состояниям модели.

На рис. 5 представлена динамика ожиданий инфляции агентов ($\pi_{\text{ехрв}}$) для каждого из четырех регионов, усредненная по четырем предикторам и 1000 симуляциям в области стабильного (рис. 5a) и нестабильного (рис. 5b) состояний в пространстве параметров исследуемой модели (κ , α). Значения параметров модели указаны в примечании к рисунку. Динамика ожиданий разрыва выпуска ($y_{\text{ехрв}}$) аналогична динамике ожиданий инфляции и поэтому не приводится.

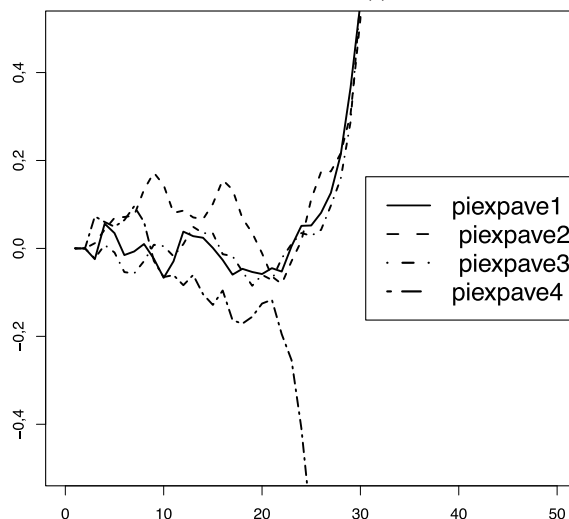
Как видно из рис. 5a, усредненные по всем эвристикам ожидания ограниченной рациональности экономических агентов каждого региона относительно будущей инфляции и разрыва выпуска сходятся к целевому фундаментальному стационарному состоянию. В этом случае большая часть пространства параметров (κ_r^i , α^i) связана с устойчивостью равновесного состояния. То есть в стабильном состоянии реализованная инфляция и выпуск будут близки к своим значениям устойчивого состояния. Аналогичная динамика ожиданий проявляется также в пространстве параметров (κ_r^i , φ_π) и (α^i , φ_π), и поэтому не приводится. Этот результат свидетельствует о том, что субъекты изучают и со временем обновляют способ формирования ожиданий таким образом, что усредненные по всем регионам доли агентов, использующие разные эвристики, равны друг другу. То есть агенты более или менее

равномерно распределены между предикторами, а средняя ожидаемая инфляция и разрыв выпуска близки к целевым.

а) Для стабильного состояния модели

б) Для нестабильного состояния модели

Примечание. Значения параметров для рис. 5а: $\kappa_p^i = 0,1$; $\alpha = 0,2$; $\text{phi_pi} = 1,5$; $\text{phi_y} = 0,5$; $\sigma = 0,5$; для рис. 5б: $\kappa_p^i = 0,1$; $\alpha = 0,6$; $\text{phi_pi} = 1,5$; $\text{phi_y} = 0,5$; $\sigma = 0,5$. Значения остальных параметров приведены в табл. 1. Значения параметров для всех регионов равны.

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

Рис. 5. **Временная (ось абсцисс) зависимость ожиданий инфляции агентов (ось ординат) для каждого из четырех регионов (piexpave1 ... piexpave4), усредненная по четырем предикторам и 1000 симуляциям**

Fig. 5. **Time Dependence (abscissa) of Agents' Inflation Expectations (ordinate) for Each of the Four Regions (piexpave1 ... piexpave4), Averaged Over Four Predictors and 1,000 Simulations**

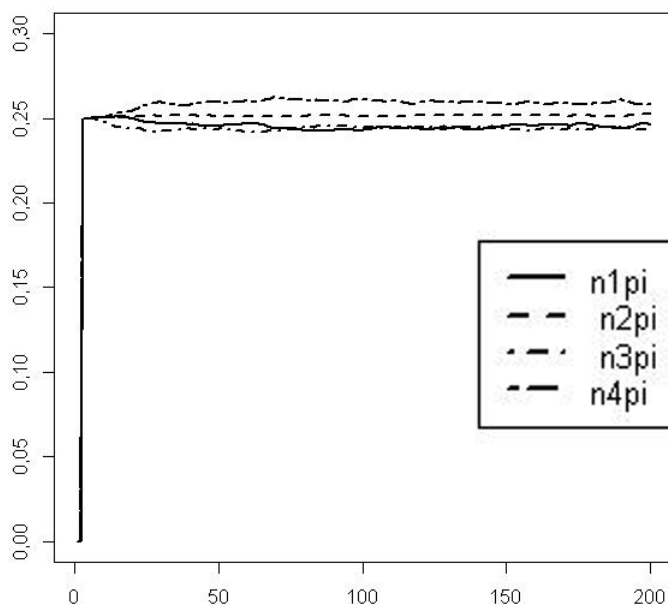
При переходе в пространстве параметров (κ_r^i, α^i) в состояние неустойчивого равновесия (нестабильное состояние) усредненные по всем эвристикам ожидания ограниченной рациональности экономических агентов каждого региона относительно будущей инфляции и разрыва выпуска по истечении некоторого времени расходятся (рис. 5b). Аналогичная динамика ожиданий проявляется также в пространстве параметров $(\kappa_r^i, \varphi_\pi)$ и (α^i, φ_π) . В состоянии неустойчивого равновесия агенты быстрее переключаются на лучшие для себя предикторы, делая систему неопределенной.

Подтверждением приведенных выше выводов является представленная на рис. 6 динамика усредненной по четырем регионам и 1000 симуляциям доли агентов с различными предикторами относительно инфляции в пространстве параметров (κ_r^i, α^i) для стабильного (рис. 6a) и нестабильного (рис. 6b) состояний модели. Из рис. 6a следует, что в равновесном стабильном состоянии доли агентов практически равномерно распределены между предикторами. В этом состоянии доли агентов с различными предикторами $n1pi = n2pi = n3pi = n4pi = 0,25$, а реализованная инфляция и разрыв выпуска¹⁰ будут близки к своим значениям устойчивого стационарного состояния.

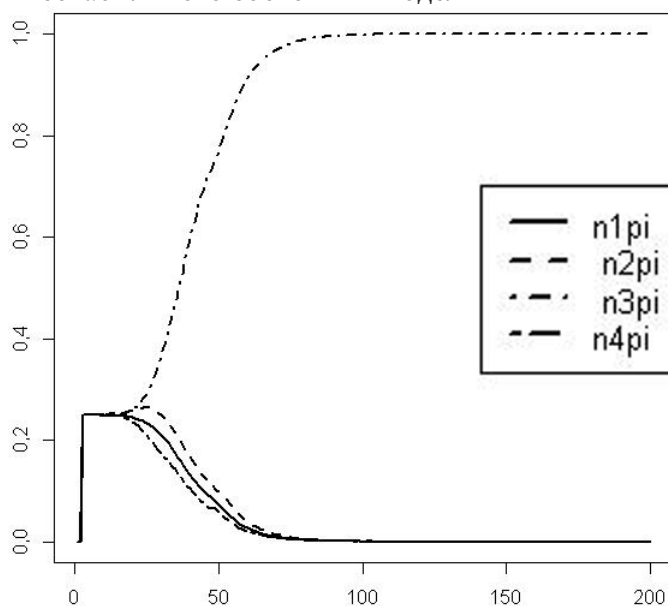
В состоянии неустойчивого равновесия (нестабильном состоянии) агенты быстрее переключаются на лучшие для себя предикторы, делая систему неопределенной. На рис. 6b показано, что в этом состоянии лучшими для себя предикторами агенты считают эвристику следования за сильным трендом. На рис. 6b доля агентов, выбирающих этот предиктор, обозначена как $n3pi$, и она стремится к 100%. Следовательно, реализованная инфляция и разрыв выпуска будут близки к своим значениям неустойчивого состояния равновесия. Таким образом, если реализованный разрыв выпуска и инфляция далеки от своих фундаментальных значений, то агенты будут выбирать свои предикторы соответствующим образом (то есть в данном случае выбирать предиктор следования за сильным трендом), что приведет к самоисполняющемуся усилению между ожиданиями и реализацией макроэкономических переменных. Аналогичная динамика проявляется также в пространстве параметров $(\kappa_r^i, \varphi_\pi)$ и (α^i, φ_π) . Эта динамика имеет важное значение для проведения центральным банком монетарной политики. Предположим, что разрыв выпуска и инфляция реализуются при установленных центральным банком в правиле Тейлора коэффициентах реакции ϕ_π и ϕ_y . Агенты оценивают эффективность своих прогнозов на основе меры приспособленности и в конечном итоге пере-

¹⁰ Динамика доли агентов с различными предикторами относительно разрыва выпуска аналогична приведенной на рис. 6 для предикторов инфляции.

а) Для стабильного состояния модели

б) Для нестабильного состояния модели

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

Рис. 6. Временная (ось абсцисс) зависимость усредненной по четырем регионам и 1000 симуляциям доли агентов (ось ординат) с различными предикторами относительно инфляции ($n1pi \dots n4pi$) в пространстве параметров (κ_p^t, α^t)

Fig. 6. Time Dependence (abscissa) of the Average Share of Agents (ordinate) With Different Predictors Regarding Inflation ($n1pi \dots n4pi$) Over Four Regions and 1,000 Simulations in the Parameter Space (κ_p^t, α^t)

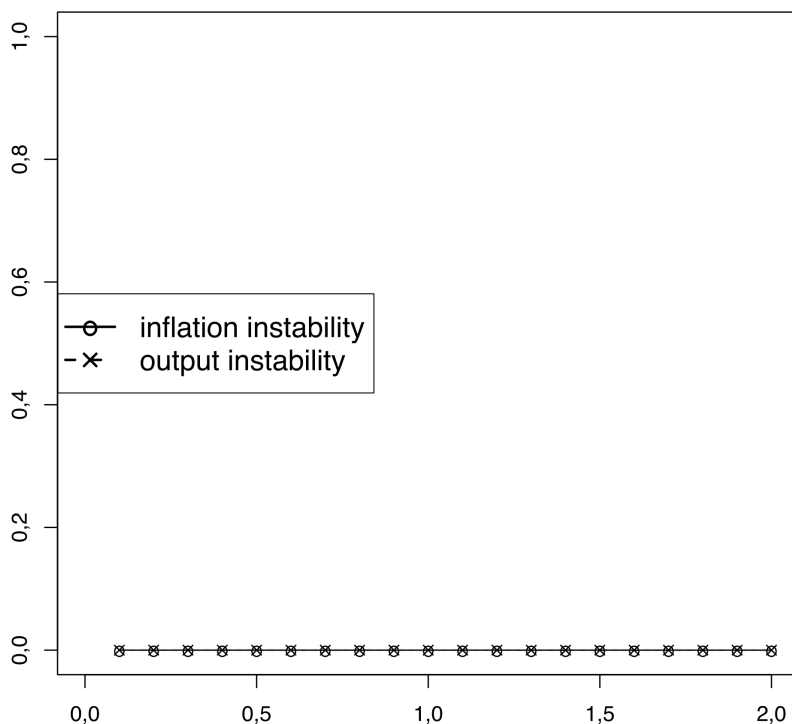
ключаются на предикторы, которые лучше сработали в последний период. Если реализованный разрыв выпуска и инфляция далеки от своих фундаментальных значений, то агенты будут выбирать свои предикторы соответствующим образом (в данном случае выбирать предиктор следования за сильным трендом), и это приведет к самоисполняющемуся усилению между ожиданиями и реализацией макроэкономических переменных.

Таким образом, центральный банк играет фундаментальную роль в предотвращении этого самоисполняющегося механизма, закрепляя выбор убеждений агентов путем надлежащего фиксирования степени реакции правила процентной ставки, которая, в свою очередь, зависит от распределения предикторов агентов относительно целевого равновесия. Следовательно, параметры реакции ϕ_π и ϕ_y должны быть точно установлены в соответствии с распределением предикторов, если центральный банк заинтересован в получении более быстрой сходимости к цели.

При этом, как показано в предыдущем разделе, сходимость к устойчивому равновесию достигается быстрее, когда доля агентов, принимающих адаптивное правило ожидания, достаточно велика по сравнению с конкурирующими правилами экстраполяции тренда. Прямое следствие этого результата заключается в том, что центральный банк может фактически достичь сходимости к устойчивому равновесию, управляя долей агентов с необходимыми для данного момента правилами ожидания, в частности управляя поведением агентов с адаптивными ожиданиями (ADA) и ожиданиями экстраполяции тренда (LAA).

Представляет интерес сравнение полученных результатов с аналогичными результатами устойчивости исследуемой модели при рациональных ожиданиях экономических агентов. Главный вывод из этого сравнения заключается в том, что при рациональных ожиданиях агентов во всем интервале изменения параметров доли импорта в объеме выпуска $\alpha^1 = \dots \alpha^4 = \alpha$ и параметров, характеризующих гибкость цен $\kappa_p^1 = \dots \kappa_p^4 = \kappa_p$, потери стабильности временных рядов разрыва выпуска и инфляции не происходит. Интервал изменения этих параметров принимался равным интервалам на рис. 1. При этом стабильность модели сохранялась как для четырех, так и для двух регионов. С ростом эластичности замещения труда импортной составляющей стабильность модели не изменяется. В качестве примера на рис. 7 приведена одномерная диаграмма стабильности инфляции и разрыва выпуска при изменении параметра гибкости цен в интервале $[0,03-2]$ при значении параметра доли импорта в объеме выпуска 0,65. При этих значениях параметров временные ряды инфляции и разрыва выпуска на рис. 1 для модели с

ограниченно рациональными ожиданиями агентов находятся в области неустойчивости. Напротив, для модели с рациональными ожиданиями агентов эти временные ряды характеризуются устойчивостью.

Примечание. Все параметры модели, приведенные в табл. 1, приняты равными для всех регионов. Количество симуляций равно 1000. Параметры $\phi_\pi = 1,5$; $\phi_y = 0,5$; $\sigma = 0,5$.

Источник: составлено автором на основе модельных расчетов.

Рис. 7. График зависимости стабильных значений инфляции и разрыва выпуска (ось ординат) от параметра κ (ось абсцисс) при значении параметра $\alpha = 0,65$ для модели из четырех регионов при рациональных ожиданиях агентов

Fig. 7. Dependence of Stable Values for Inflation and the Output Gap (ordinate) the Kappa Parameter (abscissa) With the Alpha Parameter = 0.65 for a Four-Region Model in Which Agents Have Rational Expectations

Аналогичный результат получен и для временных рядов разрыва выпуска и инфляции исследуемой модели с рациональными ожиданиями агентов в пространстве параметров (α^i, ϕ_π) . На всем интервале изменения этих параметров потери стабильности модели не происходит. Это справедливо как для двух, так и для четырех регионов.

В пространстве параметров (κ_p^i, ϕ_π) устойчивость временных рядов инфляции и разрыва выпуска в модели с рациональными

ожиданиями агентов практически не отличается от аналогичной устойчивости в модели с ограниченной рациональностью экономических агентов, приведенной на рис. 3. Также более гибкие цены приводят к менее стабильному экономическому поведению. Есть некоторые небольшие количественные отличия, но они, по мнению автора статьи, не являются предметом для дискуссии ввиду ограниченного формата публикации.

Полученные различия поведения агентов с рациональными ожиданиями являются важными. Дело в том, что экономисты, полагающиеся на поведение агентов с рациональными ожиданиями, могут ошибочно заключить об отсутствии проблем при разработке и описании многорегиональных моделей, по крайней мере с точки зрения их стабильности или сохранения отклонений исследуемых переменных от устойчивого состояния, так как экстремальная стабильность сохраняется практически для всех возможных значений параметров.

Заключение

Настоящее исследование посвящено анализу поведения экономических агентов с ограниченной рациональностью в рамках многорегиональной новой кейнсианской модели. Особенностью рассматриваемой модели является то, что национальная экономика (макрорегион) характеризуется технологическим суверенитетом, при котором импортные ресурсы из отдельных регионов выступают факторами производства наряду с трудовыми ресурсами.

Формирование ожиданий агентами осуществляется через механизм эволюционного отбора среди простых прогнозируемых эвристик. Динамическое переключение между стратегиями прогнозирования позволяет объяснить координацию индивидуального поведения, приводящую к различным макроэкономическим исходам. Индивиды адаптивно корректируют свои стратегии во времени, основываясь на относительной эффективности используемых эвристик. Весовые доли агентов, применяющих различные правила прогнозирования, изменяются эндогенно.

Проведенные симуляционные эксперименты демонстрируют, что стабильность динамики модели зависит не только от параметров монетарной политики, но и от таких ключевых факторов, как доля импорта в объеме произведенной продукции, уровень номинальной жесткости цен, а также от количества регионов, входящих в макрорегион. Показано, что региональная номинальная жесткость цен способствует замещению трудовых ресурсов импортными товарами из других регионов, что оказывает стабилизирующее воздействие на динамику инфляции и разрыв выпу-

ска. Установлено, что жесткость цен снижает волатильность инфляции, сдвигая коэффициент реакции на инфляцию в правиле Тейлора в сторону меньших значений.

Особое внимание уделено анализу стабилизирующего эффекта экономической интеграции регионов. Исследование устойчивости равновесных траекторий переменных проведено в контексте эволюционного механизма отбора эвристик. Получен важный результат практической значимости: центральный банк может обеспечить сходимость системы к устойчивому равновесию путем управления распределением агентов между различными правилами формирования ожиданий. В частности, это достигается за счет целенаправленного воздействия на поведение агентов, ориентированных на адаптивные ожидания или экстраполяцию тренда. Полученные результаты исследования позволяют обосновать рекомендации для центральных банков по управлению экономическими ожиданиями в условиях региональной интеграции.

Главным ограничением используемого в работе подхода являются трудности вычислительного характера, растущие с увеличением числа регионов.

На следующем этапе исследования предполагается тестирование модели на реальных данных российской экономики, в частности на данных Уральского федерального округа.

Литература

1. Джурка Н. Г. Многорегиональные модели экономических взаимодействий: сравнение альтернативных постановок // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 2. С. 7–39. DOI: 10.14530/se.2024.2.007-039.
2. Джурка Н. Г. Система пространственных рынков в национальной экономике: проблемы измерений // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 4. С. 16–40. DOI: 10.14530/se.2021.4.016-040.
3. Дужински Р. Р., Торонцев Е. Л., Мараховский А. С. Равновесное и межотраслевое моделирование устойчивости экономических систем // *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. Т. 17. № 8. С. 1528–1544. DOI: 10.24891/ea.17.8.1528.
4. Серков Л. А. Поведение экономических агентов с ограниченной рациональностью в полуоткрытой новой кейнсианской модели // *Экономическая политика*. 2024. Т. 19. № 3. С. 44–75. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-3-44-75.
5. Суслов В. И., Ибрагимов Н. М., Мельникова Л. В. Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 4. С. 1131–1144. DOI: 10.17059/2018-4-6.
6. Суслов В. И. Многорегиональная оптимизационная модель: реальное значение и современная спецификация // *Регион: экономика и социология*. 2011. № 2. С. 19–45.
7. Akvile B., Massaro D., Weber M. The Behavioral Economics of Currency Unions: Economic Integration and Monetary Policy // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2020. Vol. 112. P. 1–19. DOI: 10.1016/j.jedc.2020.103850.
8. Anufriev M., Hommes C. Evolutionary Selection of Individual Expectations and Aggregate Outcomes in Asset Pricing Experiments // *American Economic Journal: Microeconomics*. 2012. Vol. 4(4). P. 35–64. DOI: 10.1257/mic.4.4.35.

9. *Badarau C., Leveuge G.* Assessing the Effects of Financial Heterogeneity in a Monetary Union a DSGE Approach // *Economic Modelling*. 2011. Vol. 28(6). P. 2451–2461. DOI: 10.1016/j.econmod.2011.06.016.
10. *Bonam D., Goy G.* Home Biased Expectations and Macroeconomic Imbalances in a Monetary Union // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2019. Vol. 103. P. 25–42. DOI: 10.1016/j.jedc.2019.04.004.
11. *Branch W., McGough B.* A New Keynesian Model With Heterogeneous Expectations // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2009. Vol. 33(5). P. 1036–1051. DOI: 10.1016/j.jedc.2008.11.007.
12. *Branch W. A.* The Theory of Rationally Heterogeneous Expectations: Evidence From Survey Data on Inflation Expectations // *The Economic Journal*. 2004. Vol. 114(497). P. 592–621. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2004.00233.x.
13. *Brock W., Hommes C.* A Rational Route to Randomness // *Econometrica*. 1997. Vol. 65. P. 1059–1095. DOI: 10.2307/2171879.
14. *Camerer C., Loewenstein G., Rabin M.* *Advances in Behavioral Economics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. DOI: 10.2307/j.ctvc4j8j.
15. *De Grauwe P.* Animal Spirits and Monetary Policy // *Economic Theory*. 2011. Vol. 47(2–3). P. 423–457. DOI: 10.1007/s00199-010-0543-0.
16. *De Grauwe P.* Booms and Busts in Economic Activity: A Behavioral Explanation // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012a. Vol. 83(3). P. 484–501.
17. *De Grauwe P.* *Lectures on Behavioral Macroeconomics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012b.
18. *De Grauwe P., Ji Y.* The International Synchronisation of Business Cycles: The Role of Animal Spirits // *Open Economies Review*. 2017. Vol. 28(3). P. 383–412. DOI: 10.1007/s11079-017-9434-3.
19. *Diks C., Van der Weide R.* Herding, A-Synchronous Updating and Heterogeneity in Memory in a CBS // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2005. Vol. 29. P. 741–763. DOI: 10.1016/j.jedc.2003.12.004.
20. *Driscoll J. C., Holden S.* Behavioral Economics and Macroeconomic Models // *Journal of Macroeconomics*. 2014. Vol. 41(C). P. 133–147. DOI: 10.1016/j.jmacro.2014.05.004.
21. *Hommes C.* Behavioral and Experimental Macroeconomics and Policy Analysis: A Complex Systems Approach // *Journal of Economic Literature*. 2021. Vol. 1(59). P. 149–219. DOI: 10.1257/jel.20191434.
22. *Hommes C., Massaro D., Weber M.* Monetary Policy Under Behavioral Expectations: Theory and Experiment // *European Economic Review*. 2019. Vol. 118. P. 193–212. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2019.05.009.
23. *Kobielarz M.* Unstable Monetary Unions — The Role of Expectations and Past Experience. SSRN, 2022. <https://ssrn.com/abstract=4138260>. DOI: 10.2139/ssrn.4138260.
24. *Konôpková Z.* Pitfalls of DSGE Model Approach in Monetary Union // *DANUBE: Law, Economics and Social Issues Review*. 2019. Vol. 10(4). P. 369–382. DOI: 10.2478/danb-2019-0019.
25. *McCallum B., Nelson E.* Monetary Policy for an Open Economy: An Alternative Framework With Optimizing Agents and Sticky Prices. NBER Working Paper 8175. 2001.
26. *McCallum B., Nelson E.* Performance of Operational Policy Rules in an Estimated Semiclassical Structural Model. NBER Working Paper 6599. 1998.
27. *Muth J.* Rational Expectations and the Theory of Price Movements // *Econometrica*. 1961. Vol. 29. P. 315–335.
28. *Pfajfar D., Zakelj B.* Experimental Evidence on Inflation Expectations Formation // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2014. Vol. 44. P. 147–168. DOI: 10.1016/j.jedc.2014.04.012.
29. *Rotemberg J. J.* Monopolistic Price Adjustment and Aggregate Output // *Review of Economic Studies*. 1982. Vol. 44. P. 517–531. DOI: 10.2307/2297284.

30. Tae-Seok Jang. Animal Spirits in Open Economy: An Interaction-Based Approach to Bounded Rationality. Dynare Working Papers Series. Working Paper 46. 2015. <https://www.dynare.org/wp-repo/dynarewp046.pdf>.
31. Toró J. A. Rationality of Expectations: Another OCA Criterion? A DSGE Analysis // Journal of Economic Modelling and Econometrics. 2010. Vol. 3(2). P. 205–252.

References

1. Dzhurka N. G. Mnogoregional'nye modeli ekonomicheskikh vzaimodeystviy: sravnenie al'ternativnykh postanovok [Multiregional Models of Economic Interactions: Comparative Analysis]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 7–39. DOI: 10.14530/se.2024.2.007-039. (In Russ.)
2. Dzhurka N. G. Sistema prostranstvennykh rynkov v natsional'noy ekonomike: problemy izmereniy [Spatial Markets in a National Framework: Measurement Issues]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 16–40. DOI: 10.14530/se.2021.4.016-040. (In Russ.)
3. Duzhinski R. R., Toroptsev E. L., Marakhovskii A. S. Ravnovesnoe i mezhotraslevoe modelirovanie ustoychivosti ekonomicheskikh sistem [Equilibrium and Input-Output Modeling of Economic System Stability]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*, 2018, vol. 17, no. 8. pp. 1528–1544. DOI: 10.24891/ea.17.8.1528. (In Russ.)
4. Serkov L. A. Povedenie ekonomicheskikh agentov s ogranichennoy ratsional'nost'yu v poluotkrytoy novoy keynsianskoy modeli [Behavior of Economic Agents With Bounded Rationality in a Semi-Open New Keynesian Model]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2024, vol. 19, no. 3, pp. 44–75. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-3-44-75. (In Russ.)
5. Suslov V. I., Ibragimov N. M., Melnikova L. V. Koalitsionnyy analiz i efekty mezhregional'noy integratsii [Coalition Analysis and Effects of Regional Integration]. *Ekonomika regiona [Economy of the Region]*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 1131–1144. DOI: 10.17059/2018-4-6. (In Russ.)
6. Suslov V. I. Mnogoregional'naya optimizatsionnaya model': real'noe znachenie i sovremennaya spetsifikatsiya [Multiregional Optimization Model: Real Meaning and Modern Specification]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 2011, no. 2, pp. 19–45. (In Russ.)
7. Akvile B., Massaro D., Weber M. The Behavioral Economics of Currency Unions: Economic Integration and Monetary Policy. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2020, vol. 112, pp. 1–19. DOI: 10.1016/j.jedc.2020.103850.
8. Anufriev M., Hommes C. Evolutionary Selection of Individual Expectations and Aggregate Outcomes in Asset Pricing Experiments. *American Economic Journal: Microeconomics*, 2012, vol. 4(4), pp. 35–64. DOI: 10.1257/mic.4.4.35.
9. Badarau C., Leveuge G. Assessing the Effects of Financial Heterogeneity in a Monetary Union a DSGE Approach. *Economic Modelling*, 2011, vol. 28(6), pp. 2451–2461. DOI: 10.1016/j.econmod.2011.06.016.
10. Bonam D., Goy G. Home Biased Expectations and Macroeconomic Imbalances in a Monetary Union. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2019, vol. 103, pp. 25–42. DOI: 10.1016/j.jedc.2019.04.004.
11. Branch W., McGough B. A New Keynesian Model With Heterogeneous Expectations. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2009, vol. 33(5), pp. 1036–1051. DOI: 10.1016/j.jedc.2008.11.007.
12. Branch W. A. The Theory of Rationally Heterogeneous Expectations: Evidence From Survey Data on Inflation Expectations. *The Economic Journal*, 2004, vol. 114(497), pp. 592–621. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2004.00233.x.
13. Brock W., Hommes C. A Rational Route to Randomness. *Econometrica*, 1997, vol. 65, pp. 1059–1095. DOI: 10.2307/2171879.

14. Camerer C., Loewenstein G., Rabin M. *Advances in Behavioral Economics*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 2004. DOI: 10.2307/j.ctvc4j8j.
15. De Grauwe P. Animal Spirits and Monetary Policy. *Economic Theory*, 2011, vol. 47(2-3), pp. 423-457. DOI: 10.1007/s00199-010-0543-0.
16. De Grauwe P. Booms and Busts in Economic Activity: A Behavioral Explanation. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2012a, vol. 83(3), pp. 484-501.
17. De Grauwe P. *Lectures on Behavioral Macroeconomics*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2012b.
18. De Grauwe P., Ji Y. The International Synchronisation of Business Cycles: The Role of Animal Spirits. *Open Economies Review*, 2017, vol. 28 (3), pp. 383-412. DOI: 10.1007/s11079-017-9434-3.
19. Diks C., Van der Weide R. Herding, A-Synchronous Updating and Heterogeneity in Memory in a CBS. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2005, vol. 29, pp. 741-763. DOI: 10.1016/j.jedc.2003.12.004.
20. Driscoll J. C., Holden S. Behavioral Economics and Macroeconomic Models. *Journal of Macroeconomics*, 2014, vol. 41(C), pp. 133-147. DOI: 10.1016/j.jmacro.2014.05.004.
21. Hommes C. Behavioral and Experimental Macroeconomics and Policy Analysis: A Complex Systems Approach. *Journal of Economic Literature*, 2021, vol. 1(59), pp. 149-219. DOI: 10.1257/jel.20191434.
22. Hommes C., Massaro D., Weber M. Monetary Policy Under Behavioral Expectations: Theory and Experiment. *European Economic Review*, 2019, vol. 118, pp. 193-212. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2019.05.009.
23. Kobielarz M. Unstable Monetary Unions - The Role of Expectations and Past Experience. SSRN, 2022. <https://ssrn.com/abstract=4138260>. DOI: 10.2139/ssrn.4138260.
24. Konópková Z. Pitfalls of DSGE Model Approach in Monetary Union. *DANUBE: Law, Economics and Social Issues Review*, vol. 10(4), pp. 369-382. DOI: 10.2478/danb-2019-0019.
25. McCallum B., Nelson E. Monetary Policy for an Open Economy: An Alternative Framework With Optimizing Agents and Sticky Prices. *NBER Working Paper* 8175, 2001.
26. McCallum B., Nelson E. Performance of Operational Policy Rules in an Estimated Semi-classical Structural Model. *NBER Working Paper* 6599, 1998.
27. Muth J. Rational Expectations and the Theory of Price Movements. *Econometrica*, 1961, vol. 29, pp. 315-335.
28. Pfajfar D., Zakelj B. Experimental Evidence on Inflation Expectations Formation. *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 44, pp. 147-168. DOI: 10.1016/j.jedc.2014.04.012.
29. Rotemberg J. J. Monopolistic Price Adjustment and Aggregate Output. *Review of Economic Studies*, 1982, vol. 44, pp. 517-531. DOI: 10.2307/2297284.
30. Tae-Seok Jang. Animal Spirits in Open Economy: An Interaction-Based Approach to Bounded Rationality. *Dynare Working Papers Series*, Working Paper 46, 2015. <https://www.dynare.org/wp-repo/dynarewp046.pdf>.
31. Torój A. Rationality of Expectations: Another OCA Criterion? A DSGE Analysis. *Journal of Economic Modelling and Econometrics*, 2010, vol. 3(2), pp. 205-252.

Макроэкономика

Влияние шоков бюджетной политики на инфляцию в российской экономике

Павел Борисович Коляденко*ORCID: 0009-0002-6484-9794*

Стажер-исследователь, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1)
E-mail: kolyadenko-pb@ranepa.ru

Юрий Николаевич Перевышин*ORCID: 0000-0001-7507-8361*

Кандидат экономических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1)
E-mail: perevyshin-yn@ranepa.ru

Аннотация

В статье оценено влияние шоков бюджетной политики на инфляцию в российской экономике с помощью современных эконометрических методов. SVAR-модель с декомпозицией по Холецкому, которая является наиболее популярным методом для решения подобного рода задач, не позволила получить значимых откликов из-за сильных ограничивающих предпосылок, в связи с чем возникла необходимость применения более современных моделей. На основе методики МВФ в исследовании были построены показатели фискального импульса, которые использовались в качестве инструментов в гроху-SVAR-подходе и в методе локальных проекций с инструментальными переменными для оценки влияния шоков фискальной политики на инфляцию в российской экономике в период с 2012 по 2024 год. Показатели структурного бюджетного дефицита свидетельствуют о том, что пик бюджетного стимулирования после начала СВО пришелся на середину 2023 года, а к середине 2024 года бюджетная политика находилась в нейтральной области. За последние 15 лет наибольшей жесткости бюджетная политика достигла в середине 2019 года. Влияние шока бюджетной политики на инфляцию при гроху-SVAR- и LP-IV-оценивании длится четыре – шесть кварталов, медианный вклад в инфляцию резкого изменения переменной бюджетной политики на 1 п.п. ВВП находится в диапазоне 0,9–1,3 п.п. спустя год после шока. Ключевой рекомендацией по возвращению инфляции к цели является нормализация бюджетной политики. Для этого необходимо снизить долю государственных расходов бюджетной системы в ВВП до уровня 34,5–35,0% ВВП и строго следовать бюджетному правилу при формировании расходов федерального бюджета.

Ключевые слова: фискальный импульс, структурные шоки, денежно-кредитная политика, инструментальные переменные, метод локальных проекций

JEL: C36, C53, E31, E63

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Macroeconomics

Fiscal Policy Shocks and Inflation in Russia

Pavel B. Kolyadenko

ORCID: 0009-0002-6484-9794

Intern-Research Assistant, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration,^a
e-mail: kolyadenko-pb@ranepa.ru

Yurii N. Perevyshin

ORCID: 0000-0001-7507-8361

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,^a
e-mail: perevyshin-yn@ranepa.ru

^a 82, str. 1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The article evaluates the impact of fiscal policy shocks on inflation in the Russian economy using updated econometric methods. Although a SVAR model with Cholesky decomposition would commonly be employed for this kind of analysis, it had to be replaced by more current models because its excessively narrow assumptions made it unsuitable for this article. Fiscal impulse indicators based on IMF methodology were constructed and applied in a proxy-SVAR approach, as well as in a local projections method with instrumental variables (LP-IV), in order to assess the impact of fiscal policy shocks on inflation in the Russian economy from 2012 to 2024. The structural budget deficits establish that the peak of fiscal stimulus following the start of the Special Military Operation occurred in mid-2023 and that fiscal policy had returned to a neutral stance by mid-2024. The most restrictive fiscal policy during the past fifteen years came in mid-2019. The proxy-SVAR and LP-IV methods indicate that fiscal policy shocks affect inflation for the next 4 to 6 quarters and that an abrupt change in fiscal policy by 1% of GDP produces a median change in inflation of 0.9–1.3% after a year. The key recommendation for returning inflation to its target value is normalization of fiscal policy. This requires reducing the level of government expenditures to 34.5–35.0% of GDP and strictly adhering to that fiscal rule when devising the federal budget.

Keywords: fiscal impulse, structural shocks, monetary policy, instrumental variables, local projections

JEL: C36, C53, E31, E63

Acknowledgements

This article has been prepared as part of RANEPa's state-commissioned research program.

Введение

Одной из причин ускорения инфляции в российской экономике после 2020 года могла стать стимулирующая бюджетная политика. В период пандемии коронавируса в 2020–2021 годах, а также после начала СВО в 2022 году расходы федерального бюджета превышали уровень, соответствующий бюджетному правилу. Если рост инфляции в 2021–2022 годах был характерен для многих развитых и развивающихся стран, то ускорение инфляции во второй половине 2023 года и ее сохранение на повышенном уровне в 2024 году стали особенностью российской экономики.

В современной теоретической литературе влияние бюджетной политики на инфляцию рассматривается в рамках двух подходов: новокейнсианской теории и фискальной теории уровня цен. Новокейнсианская теория предполагает ускорение инфляции в ответ на рост государственных расходов через механизм разрыва выпуска [Palley, 2013]. Согласно фискальной теории цен текущий уровень инфляции определяется будущими параметрами бюджетной политики, а рост государственных расходов оказывается проинфляционным, если он не обеспечен улучшением фискальных балансов в будущем [Cochrane, 2001; 2023; Leeper, 1991]. Таким образом, оба теоретических подхода предполагают ускорение инфляции в ответ на положительный шок государственных расходов или увеличение бюджетного дефицита.

Однако в эмпирических работах не всегда удается обнаружить проинфляционное влияние роста бюджетных расходов или дефицита бюджета. Ряд исследований на данных США обнаруживает отрицательное влияние роста государственных расходов на инфляцию [Jørgensen et al., 2022; Ricco et al., 2016]. В некоторых работах для обоснования этого рассматриваются модели, основанные на росте факторной производительности в ответ на увеличение государственных расходов, что приводит к росту потенциального выпуска и возникновению отрицательного разрыва выпуска, оказывающего дезинфляционное влияние [D'Alessandro et al., 2019].

Отсутствие консенсуса в эмпирической литературе активизировало дискуссию по вопросу идентификации шоков бюджетной политики. Среди наиболее популярных методов идентификации шоков бюджетной политики выделяют SVAR-модели с декомпозицией по Холецкому [Bernanke et al., 1992], а также подход, основанный на наложении знаковых ограничений [Mountford et al., 2009]. Однако оба этих подхода требуют использования строгих априорных предположений, которые не всегда оказываются обо-

снованными и могут являться причинами получения смещенных результатов.

Еще один метод идентификации структурных шоков государственных расходов — метод Бланшара — Перотти (далее — BP) — предложен в работе [Blanchard, Perotti, 2002]. Метод BP приобрел популярность благодаря менее жестким предпосылкам и возможности учитывать особенности бюджетных систем рассматриваемых стран, что делает его широко используемым для вычисления мультипликатора государственных расходов [Boiciuc, 2015; Perotti, 2005].

В эмпирических исследованиях по российской экономике крайне мало внимания уделено влиянию шоков бюджетной политики на инфляцию. Однако существует пласт работ, изучающих влияние бюджетной политики на динамику других макроэкономических переменных в России, в частности посвященных оценке фискальных мультипликаторов. В таких работах моделирование чаще всего проводится с помощью авторегрессионных моделей.

Например, в исследовании [Кудрин, Кнобель, 2017] авторы с помощью SVAR-модели с наложением рекурсивных ограничений оценивали мультипликаторы отдельных статей бюджетных расходов по ВВП, которые оказались в промежутке 0,22–1,64 (мультипликатор совокупных расходов составил 0,91). В работах [Вотинов, Станкевич, 2017; Власов, Пономаренко, 2010] авторы использовали подход Бланшара — Перротти для оценки фискальных мультипликаторов и пришли к схожим значениям мультипликатора государственных доходов — приблизительно 0,6. В исследовании [Власов, Дерюгина, 2018] авторы использовали байесовскую векторную авторегрессию (BVAR) с комбинацией знаковых и краткосрочных ограничений на функции импульсного отклика для оценки фискального мультипликатора, который составил 0,28. Помимо знаковых и краткосрочных ограничений в эмпирической литературе по экономике использовались и нарративные, например в работе [Зяблицкий, 2018]. С использованием такого подхода авторы получили значение мультипликатора, равное 1,92 (совокупный вклад шока в рост ВВП по итогам двадцати кварталов). Таким образом, при моделировании бюджетной политики в российской экономике в исследованиях были получены различные оценки ее вклада в ВВП, что может быть связано с использованием разных методологий.

В некоторых работах проводится анализ вклада бюджетной политики в динамику макроэкономических показателей в российской экономике с помощью различных DSGE-моделей. Так, в исследовании [Полбин, 2024] с помощью оценок DSGE-моделей авторами была рассчитана величина фискальных мультипликато-

ров. Помимо этого, было обнаружено проинфляционное воздействие бюджетных шоков на инфляцию: при увеличении госрасходов на 1% ВВП рост базисного ИПЦ в течение первого года после шока может составлять 4,5–4,7%.

В современных эмпирических работах, исследующих влияние шоков бюджетной политики на инфляцию, популярность приобрели подходы с инструментальными переменными — метод локальных проекций (LP-IV) и *proxy*-SVAR.

Proxy-SVAR был развит и детально описан в работах [Mertens et al., 2013; Stock et al., 2012] и нашел широкое применение в эмпирической литературе по выявлению эффектов бюджетной политики [Ferrara et al., 2021]. Метод локальных проекций с использованием инструментальных переменных получил развитие в исследованиях [Jordà et al., 2015; Stock et al., 2018]. Его основным преимуществом перед *proxy*-SVAR-подходом является устойчивость к ошибкам в спецификации модели и возможность получения менее смещенных оценок функций импульсного отклика на средних и длинных горизонтах.

Главной сложностью применения этих методов является подбор инструментальной переменной, которая удовлетворяла бы одновременно условиям экзогенности и релевантности. В исследованиях по американской экономике инструменты для идентификации шоков бюджетной политики строятся на основе нарративного (описательного) подхода [Ferrara et al., 2021; Mertens et al., 2013; Ramey, 2011].

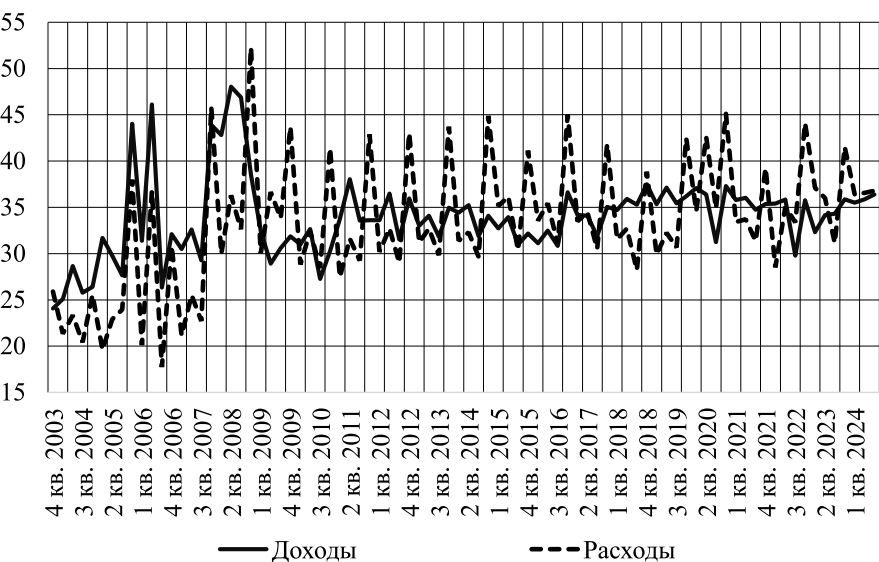
Настоящее исследование посвящено оценке влияния шоков бюджетной политики на инфляцию в российской экономике. Авторы используют *proxy*-SVAR-подход, а также метод LP-IV для оценки функций импульсного отклика инфляции на шоки переменных бюджетной политики, а как бенчмарк-модель рассматривается стандартная SVAR-модель с идентификацией по Холецкому. В качестве инструмента для переменной бюджетной политики применяется рассчитанный вне модели (согласно методике МВФ) показатель фискального импульса. Использование более современных, по сравнению с бенчмарк-подходом, методов идентификации позволяет получить статистически значимые функции импульсного отклика инфляции на шоки фискальной политики. Проинфляционное влияние проявляется как в увеличении государственных расходов, так и в расширении дефицита бюджетной системы в российской экономике. Медианное значение отклика инфляции на шок государственных расходов в 1 п.п. ВВП составляет 1,1 п.п. через два квартала после шока в терминах сезонно скорректированной инфляции в годовом выражении, а спустя год шок бюджетных расходов текущего

квартала добавляет 1,3 п.п. к инфляции. Медианный отклик инфляции на шок бюджетного дефицита в 1 п.п. ВВП оценивается в 0,9 п.п. через год.

1. Описание используемых данных

Авторы настоящей статьи использовали данные о расходах и доходах бюджетной системы, ВВП, инфляции, валютном курсе рубля к доллару и ставке межбанковского рынка RUONIA с I квартала 2011 по III квартал 2024 года.

Данные по государственным доходам и расходам бюджетной системы, полученные с официальных сайтов Минфина и Росказначы и выраженные в долях ВВП, представлены на рис. 1. Из динамики бюджетных показателей следуют два наблюдения: (1) до 2010-х годов данные по доходам и расходам бюджетной системы были сильно волатильными из-за происходивших структурных изменений в российской бюджетной системе, поэтому включать в рассмотрение этот период нецелесообразно; (2) в данных присутствует сезонность, при этом с конца 2019 года сезонная волна начала меняться, что обусловлено шоками, с которыми столкнулась российская бюджетная система, — мерами поддержки во время пандемии COVID-19 и ростом расходов на оборону в период СВО.

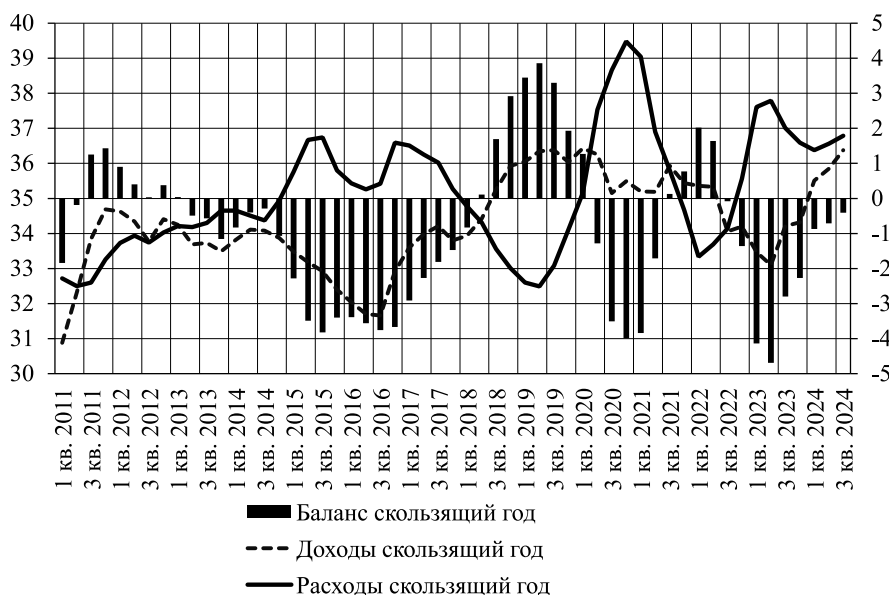

Источники: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud>.

Рис. 1. Динамика государственных доходов и расходов (% ВВП)

Fig. 1. Dynamics of Government Revenues and Expenditures (% GDP)

Даже после проведения сезонной корректировки временной ряд государственных расходов и особенно ряд доходов (из-за колебаний мировых цен на нефть и изменений в системе налогообложения) остаются волатильными на правом конце выборки. В связи с этим авторы рассматривают показатели бюджетной политики за скользящий год (сумма за текущий и три предшествующих квартала) в долях ВВП (рис. 2) (оценки моделей с сезонно скорректированными данными приводятся в разделе 7 с проверкой результатов на устойчивость).

Источники: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud>; расчеты авторов.

Рис. 2. Доходы, расходы (левая ось) и баланс (правая ось) бюджетной системы за скользящий год (% ВВП)

Fig. 2. Income, Expenditure (left scale), and Budget Balance (right scale) for a Rolling Year (% GDP)

Данные по ИПЦ взяты с сайта Росстата, на их основе построен базисный индекс цен (p_t), который был сезонно скорректирован. На основе сезонно скорректированного уровня цен рассчитана квартальная аннуализированная инфляция (π_t , переменная интереса) по формуле:

$$\pi_t = 400 \times \log\left(\frac{p_t}{p_{t-1}}\right). \quad (1)$$

Валютный курс рубля по отношению к доллару ($exch$) (руб. за долл., без сезонной коррекции) использовался для контроля эффекта переноса курса в цены и рассчитывался в процентах изменения за квартал согласно следующей формуле:

$$e_t = 100 \times \log \left(\frac{exch_t}{exch_{t-1}} \right). \quad (2)$$

Для учета влияния фазы экономического цикла на инфляцию использовался разрыв выпуска (*gdp_gap*), а потенциальный ВВП оценивался на основе базисного сезонно скорректированного индекса фактического ВВП с помощью фильтра Ходрика — Прескотта (со стандартным для квартальных данных параметром $\lambda = 1600$). Для оценки степени жесткости денежно-кредитной политики использовались данные по процентной ставке межбанковского рынка RUONIA (*ruonia*).

2. Бенчмарк-модель: SVAR с идентификацией по Холецкому

В качестве бенчмарка использовалась SVAR-модель с идентификацией по Холецкому с пятью переменными, расположенными в порядке нарастания эндогенности: переменная бюджетной политики, разрыв выпуска, валютный курс, инфляция, ставка процента. В качестве переменной фискальной политики рассматривались два показателя: бюджетный дефицит (разница между расходами и доходами) в долях ВВП и государственные расходы в долях ВВП.

Информационные критерии свидетельствуют о том, что стоит выбрать один лаг для SVAR-модели. Таким образом, формально модель можно записать с помощью уравнения:

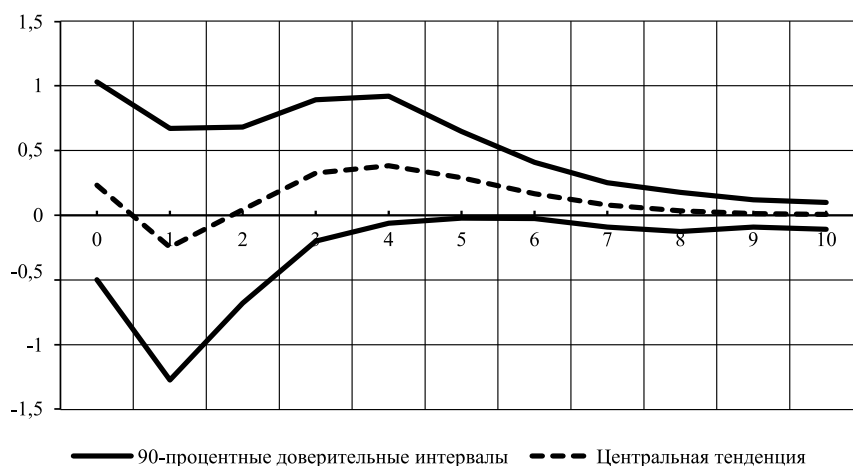
$$Y_t = A + BY_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (3)$$

где $Y_t = \begin{pmatrix} fisc_t \\ gap_t \\ exch_t \\ \pi_t \\ Ruonia_t \end{pmatrix}$ — вектор эндогенных переменных, A (5; 1) —

вектор констант, B (5; 1) — вектор коэффициентов, ε_t — вектор остатков.

Переменной интереса в текущем исследовании является инфляция, поэтому в дальнейшем будем приводить графики функций импульсного отклика инфляции на шоки переменных фискальной политики.

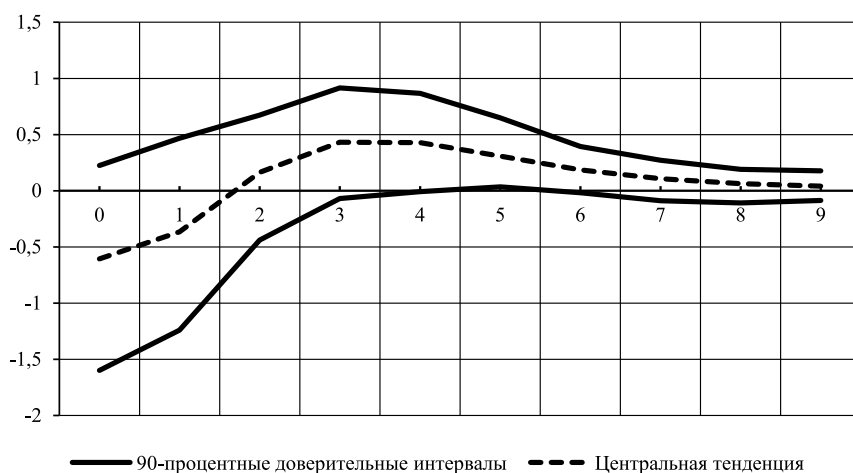
После оценивания SVAR-модели с рекурсивной идентификацией и построения функций импульсного отклика получается стандартный для российской экономики результат о незначимости откликов инфляции и на шок дефицита бюджетной системы, и на шок государственных расходов (рис. 3–4).

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. Шок дефицита и инфляция, идентификация по Холецкому

Fig. 3. Shortage Shock and Cholesky Inflation Identification

Источник: расчеты авторов.

Рис. 4. Шок расходов и инфляция, идентификация по Холецкому

Fig. 4. Expense Shock and Cholesky Inflation Identification

Возможным решением этой проблемы является использование проху-SVAR-подхода, метода локальных проекций с инструментальными переменными LP-IV либо другой схемы идентифика-

ции, например предложенной в работе [Blanchard, Perotti, 2002]; эти три подхода будут применены в дальнейшем.

3. Метод Бланшара — Перотти для получения структурных шоков расходов

Мы использовали модификацию метода, предложенную в работе [Perotti, 2005] и включающую в себя пять переменных: государственные расходы (g) и доходы (t), выпуск (y), инфляция (p) и процентная ставка (i). В рамках этого подхода сначала требуется получить вектор остатков $U_t = [u_t^t, u_t^g, u_t^y, u_t^p, u_t^i]$, оценив VAR-модель, представленную следующим образом:

$$Y_t = A_0 + \sum_{i=1}^3 A_i Y_{t-i} + U_t, \quad (4)$$

где $Y_t = [y_t^t, y_t^g, y_t^y, y_t^p, y_t^i]$ — вектор эндогенных переменных, A_0 — вектор констант, A_i — матрицы коэффициентов. Количество лагов VAR-модели было выбрано равное трем, основываясь на Байесовском информационном критерии (BIC). Оценивание модели производилось с помощью метода наименьших квадратов.

На следующем этапе требуется определить остатки структурной формы с помощью АВ-модели, отражающей связь между остатками приведенной формы VAR-модели и структурными шоками. В рамках подхода Бланшара — Перотти предполагается, что шоки государственных расходов (u_t^g) и налогов (u_t^t) можно представить как комбинацию двух типов шоков: неструктурных шоков выпуска (u_t^y), процентной ставки (u_t^i), инфляции (u_t^p) и структурных шоков государственных расходов и налогов. Таким образом, остатки приведенной формы в этой модели выглядят следующим образом:

$$u_t^t = a_{ty}u_t^y + a_{tp}u_t^p + a_{ti}u_t^i + b_{tg}e_t^g + e_t^t, \quad (5)$$

$$u_t^g = a_{gy}u_t^y + a_{gp}u_t^p + a_{gi}u_t^i + b_{gt}e_t^t + e_t^g, \quad (6)$$

$$u_t^y = a_{yt}u_t^t + a_{yg}u_t^g + e_t^y, \quad (7)$$

$$u_t^p = a_{py}u_t^y + a_{pt}u_t^t + a_{pg}u_t^g + e_t^p, \quad (8)$$

$$u_t^i = a_{iy}u_t^y + a_{ip}u_t^p + b_{it}e_t^t + b_{ig}e_t^g + e_t^i, \quad (9)$$

где a_{ij} — внутриквартальная (в силу использования в исследовании квартальных данных) эластичность переменной i по переменной

j , u_t^k — остатки регрессии k -й переменной из оценки приведенной VAR-модели, e_t^k — вектор структурных шоков k -й переменной, b_{ij} — коэффициенты, отражающие реакцию i -й переменной на структурные изменения j -й переменной.

Уравнения предполагают внутриквартальную зависимость шоков рассматриваемых макроэкономических переменных друг от друга, а также от структурных изменений в бюджетной системе. В спецификации модели с пятью переменными возникает ряд коэффициентов a_{ij} , которые необходимо идентифицировать.

Как и в работе [Blanchard, Perotti, 2002], на первом шаге мы определяем значения внутриквартальных эластичностей с помощью институциональной информации об устройстве и функционировании российской бюджетной системы.

Предполагается, что внутриквартальная эластичность доходов по процентной ставке в российской экономике равна нулю: если и происходят изменения доли бюджетных доходов в ВВП в ответ на шок процентной ставки, то не ранее следующего после момента шока ДКП квартала ($a_{ti} = 0$).

Внутриквартальную эластичность доли доходов в ВВП по выпуску мы полагаем равной единице, поскольку до изменений, вступивших в силу с начала 2025 года, налоги в российской бюджетной системе были по большей части пропорциональными.

Внутриквартальную эластичность доходов по инфляции мы принимаем равной нулю, что связано с использованием данных по доходам бюджета в долях ВВП, в результате шоки инфляции будут приводить к пропорциональному изменению как числителя, так и знаменателя.

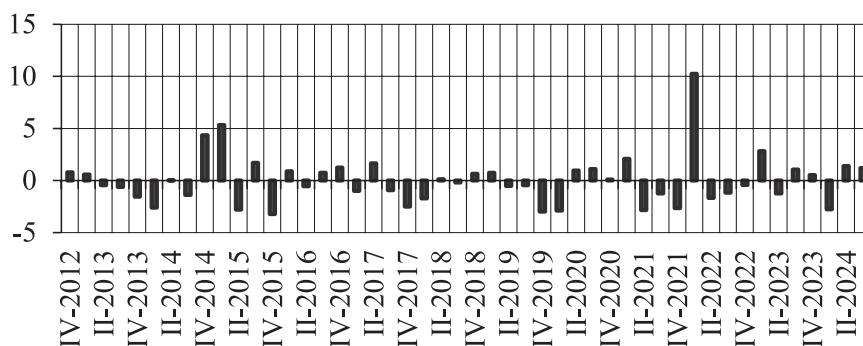
Наконец, для получения структурных шоков налогов необходимо определить порядок принятия решений относительно доходов и расходов при планировании российского бюджета. Как и в работе [Власов, Пономаренко, 2010], мы полагаем, что Минфин при планировании бюджета сначала определяет объем налогов и исходя из него принимает решения об объеме расходов. Следовательно, коэффициент b_{tg} равен нулю.

На следующем этапе устанавливаются ограничения на коэффициенты для уравнения (6). Предполагается, что внутриквартальная эластичность государственных расходов по выпуску равна нулю: положительные шоки выпуска приводят к росту доходов, которые затем увеличивают расходы бюджета, однако на это требуется более одного квартала ($a_{gy} = 0$).

При определении эластичности государственных расходов по инфляции мы следовали логике, предложенной в работе [Perotti, 2005]. Во-первых, индексация доходов бюджетников в соответствии с уровнем инфляции в российской экономике происходит

с лагом, превышающим один квартал. Во-вторых, большая часть расходов зафиксирована в номинальном выражении на протяжении года, однако некоторые расходы всё же могут изменяться в ответ на рост цен внутри одного квартала, о чем свидетельствует растущая на протяжении года величина бюджетной росписи. Поскольку расходы, как и доходы, бюджетной системы представлены в долях ВВП, то практически неизменный числитель (расходы) и растущий при шоках инфляции знаменатель (номинальный ВВП) позволяют предположить, что эластичности государственных расходов по инфляции находятся в интервале от 0 до -1 ; предположим, что $a_{gp} = -0,5$.

Наконец, внутриквартальную эластичность государственных расходов по процентной ставке мы полагаем равной нулю: $a_{gi} = 0$. Несмотря на наличие в структуре государственных расходов процентных платежей по государственному долгу с плавающим купоном и расходов на субсидирование льготных кредитов, которые напрямую зависят от величины процентной ставки, их величина в общем объеме расходов достаточно мала, в связи с чем можно принять внутриквартальную эластичность государственных расходов по процентной ставке, равной нулю. Полученный с помощью модели Бланшара — Перотти ряд структурных шоков государственных расходов в российской экономике представлен на рис. 5.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 5. Структурные шоки государственных расходов

Fig. 5. Structural Shocks From Government Spending

Как видно из рис. 5, метод Бланшара — Перотти выделяет положительный фискальный импульс в конце 2014 — начале 2015 года вследствие рецессии, начавшейся в российской экономике из-за резкого падения мировых цен на нефть, сильной девальвации рубля и введения экономических санкций против

российских компаний и финансового сектора. Правительство перешло к наращиванию государственных расходов. Рост расходов также требовался для интеграции новых субъектов Российской Федерации (Республики Крым и города Севастополя) и реализации ряда инфраструктурных проектов. Финансирование новых расходов было осложнено резким сокращением доходов бюджета РФ. Это произошло из-за снижения мировых цен на нефть и, соответственно, сокращения нефтегазовых доходов бюджета. Такая ситуация привела к увеличению дефицита федерального бюджета в 2015 году по сравнению с 2014-м с 0,4 до 2,4% ВВП.

Также на основе метода Бланшара — Перотти выделяется период активной фискальной консолидации, происходившей в 2017–2019 годах. Наибольший по абсолютному значению отрицательный фискальный шок в этот период пришелся на IV квартал 2017 года.

Шоки бюджетной политики, происходившие в 2020–2023 годах, также выявляются методом Бланшара — Перотти. В период пандемии COVID-19 Правительство РФ перешло к наращиванию фискального импульса. Бюджетные расходы были направлены на поддержание спроса в российской экономике, которая в тот момент находилась в состоянии рецессии. Кроме того, метод идентифицирует отмену во второй половине 2021 года стимулирующих мер после окончания пандемии.

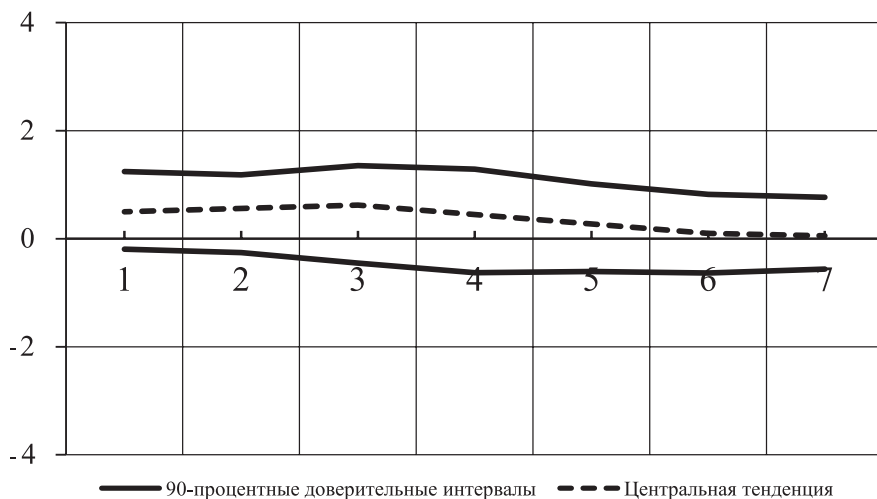
Второй эпизод роста фискального импульса в российской экономике происходил в 2022–2023 годах. Рост расходов был обусловлен усилением санкционного давления, что потребовало оказания финансовой помощи наиболее пострадавшим секторам экономики и финансирования инициатив, направленных на импортозамещение в стратегических отраслях. Дополнительного финансирования потребовали военные расходы и обеспечение социальных обязательств.

Далее с помощью полученных рядов структурных шоков параметров бюджетной системы можно рекурсивно получить оставшиеся ряды структурных шоков выпуска, инфляции и процентной ставки.

Функция импульсного отклика инфляции на шок государственных расходов, полученная с помощью SVAR при использовании структурных шоков из метода Бланшара — Перотти, представлена на рис. 6.

Полученные импульсные отклики инфляции на шок государственных расходов вновь оказались незначимыми. Возможным решением этой проблемы является использование проху-SVAR-подхода и метода локальных проекций с инструментальными переменными LP-IV. Для реализации этих подходов нужен времен-

ной ряд инструментов бюджетной политики: фискальных шоков или фискальных импульсов; их построение проводится в следующем разделе.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 6. Отклик инфляции на шок дефицита в SVAR с использованием В-Р-метода идентификации шоков

Fig. 6. Inflation Response to a Deficit Shock Using SVAR and the B-P Shock Identification Method

4. Построение показателей фискального импульса в российской экономике

В работах [Fedelino et al., 2009; Villafuerte et al., 2010; Vladkova-Hollar et al., 2008] представлены различные способы оценки показателя фискального импульса. В [Fedelino et al., 2009] государственные расходы и доходы корректируются на фазу экономического цикла и используются для расчета циклически скорректированного фискального баланса. В [Vladkova-Hollar et al., 2008] для расчета фискального баланса предлагается использовать доходы, скорректированные на мировой цикл цен на сырье, что актуально для российской экономики, в структуре доходов которой существенную часть составляют нефтегазовые доходы. Для расчета показателя фискального импульса мы следуем логике, изложенной в [Fedelino et al., 2009], и оцениваем циклически скорректированный фискальный баланс (CAРВ) как разницу между структурными расходами (G) и доходами (R):

$$CAPB = R \left(\frac{Y^p}{Y} \right)^{\varepsilon_R} - G \left(\frac{Y^p}{Y} \right)^{\varepsilon_G}, \quad (10)$$

где ε_R — эластичность государственных доходов по разрыву выпуска, ε_G — эластичность государственных расходов по разрыву выпуска, Y^p и Y — потенциальный и фактический ВВП соответственно.

Ресурсные доходы бюджета практически не зависят от внутреннего экономического цикла, но существенно зависят от цикла мировых цен на сырьевые товары. Поэтому для получения структурного компонента доходов бюджета российские нефтегазовые доходы необходимо корректировать на мировой цикл цен на нефть.

При расчете структурного баланса в российской экономике используется предпосылка о единичной эластичности государственных несырьевых доходов относительно ВВП и нулевой эластичности государственных расходов относительно ВВП. Первая предпосылка позволяет упростить анализ, поскольку чувствительность налоговых сборов к изменению налогооблагаемой базы в России менялась в течение рассматриваемого периода — под действием, например, мер Минфина по повышению собираемости налогов. В то же время эти изменения носили плавный характер, выраженных структурных сдвигов не наблюдалось. Поэтому такое предположение не должно приводить к существенному искажению результатов.

Также предположим, что ресурсные доходы — это только доходы от нефтегазового сектора, нефтегазовые доходы. Еще одним предположением будет равенство долгосрочной равновесной цены ресурсов той, что установлена в бюджетном правиле. Эта предпосылка позволяет в качестве ресурсных доходов, скорректированных на цикл цен сырьевых товаров, использовать базовые (расчетные) нефтегазовые доходы.

С 2017 года в рамках бюджетного правила выделяется базовая цена нефти, которая до 2023 года составляла 40 долл./барр. в ценах 2017 года¹. С 2017 года базовая цена нефти индексировалась ежегодно на 2%. С 2018 года Минфин ежемесячно рассчитывает объем базовых нефтегазовых доходов, которые мы в дальнейшем будем называть структурными ресурсными доходами. В период с 2011 по 2017 год структурные ресурсные доходы требуется оценить. Для этого необходима оценка базовой мировой цены нефти *Urals*. Будем предполагать, что каждый год начиная с 2011-го структурная мировая цена нефти увеличивалась на 2%, чтобы к 2017 году достичь уровня в 40 долл./барр.

¹ В 2023 году базовые нефтегазовые доходы Минфин оценивал в 8 трлн руб. в год, что соответствовало цене нефти в 60 долл./барр., с 2024 года базовая цена нефти составляет 60 долл./барр.

Кроме цены нефти на базовые нефтегазовые доходы влияет курс рубля относительно доллара, так как добывающие компании платят налоги в рублях. Таким образом, объем базовых нефтегазовых доходов (БНГД) зависит от базовой рублевой цены нефти (БРЦН), которая рассчитывается как произведение базовой цены нефти в долларах и валютного курса. Оценим эту парную регрессию в период с 2017 по 2021 год, когда объем добычи был относительно стабильным. Результаты свидетельствуют о высокой степени связи между БРЦН и БНГД (коэффициент детерминации R^2 составляет 0,59, константа равна 529, угловой коэффициент при БРЦН — 0,284), а само уравнение для квартальных данных имеет вид:

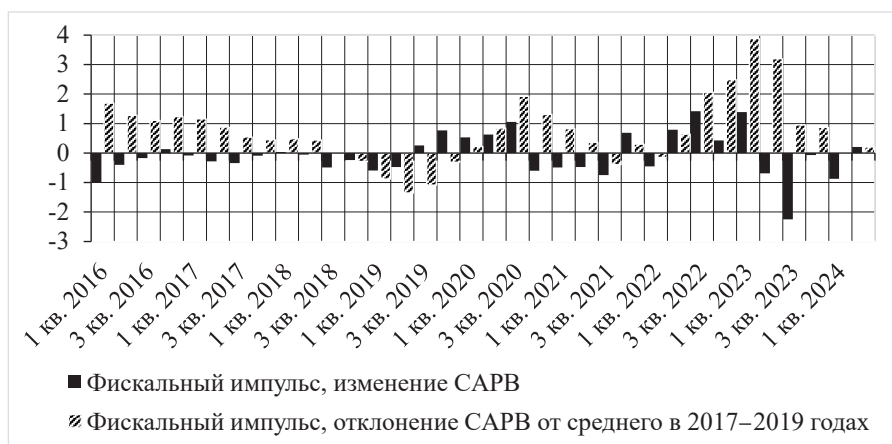
$$\text{БНГД} = 529 + 0,284 \times \text{БРЦН}. \quad (11)$$

На основе оцененной зависимости появляется возможность рассчитать величину базовых нефтегазовых доходов ретроспективно в период с 2011 по 2016 год.

Для устранения циклической составляющей ненефтегазовых доходов (ННГД) оценивался потенциальный уровень выпуска в российской экономике на основе фильтра Ходрика — Прескотта, после чего проводилась корректировка фактических ННГД на отношение потенциального ВВП к фактическому. Затем рассчитывался показатель циклически скорректированного фискального баланса (САРВ). На его основе вычислялась величина фискального импульса. Под фискальным импульсом понимается ситуация, при которой бюджетно-налоговая политика усиливает или ослабляет давление на совокупный спрос в экономике. Одним из подходов к оценке фискального импульса является расчет изменения структурного первичного баланса [Philip et al., 2002]. Еще один подход — сравнение текущего САРВ с уровнем баланса, при котором бюджетная политика была нейтральной (не оказывала воздействия на инфляцию).

На рис. 7 представлен расчет фискального импульса в российской экономике как разницы между циклически скорректированным фискальным балансом в соседние периоды времени и отклонением фискального баланса от его среднего за период с 2017 по 2019 год уровня (наша оценка нейтрального уровня бюджетной политики). Ввиду того что в расчетах используются показатели бюджетной политики за скользящий год, фискальный импульс, рассчитанный как разность между соседними САРВ, указывает на состояние бюджетной политики в рассматриваемом квартале по сравнению с аналогичным кварталом предшествующего года (импульс в III квартале 2020 года, равный 1,1, означает, что в III квартале 2020 года бюджетная политика была на 1,1 п.п. ВВП мягче,

чем в III квартале 2019-го). Интерпретация импульса в терминах отклонения от среднего в 2017–2019 годах соответствует средней мягкости или жесткости бюджетной политики за год: так, импульс в 3,9 п.п. ВВП в III квартале 2023 года говорит о том, что в среднем за период со II квартала 2022 по I квартал 2023 года бюджетная политика была на 3,9 п.п. ВВП мягче, чем в период с 2017 по 2019 год.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 7. **Фискальный импульс** (п.п. ВВП)

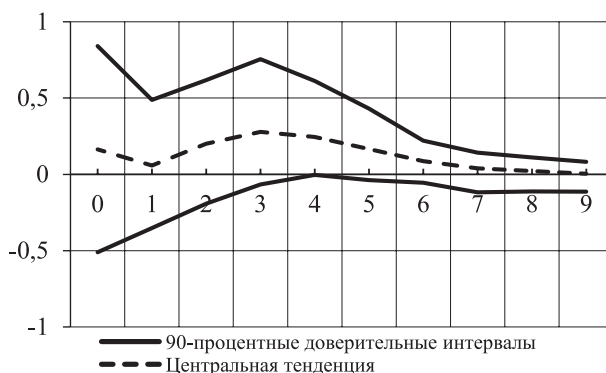
Fig. 7. **Fiscal Impulse** (% GDP)

Из рис. 7 следует, что в 2022–2023 годах бюджетная политика носила стимулирующий характер относительно нейтрального уровня 2017–2019 годов, а пик стимулирования пришелся на первую половину 2023 года. К началу 2024 года бюджетная политика перешла в нейтральную область как с точки зрения изменения циклически скорректированного фискального баланса, так и с точки зрения отклонения от нейтрального уровня 2017–2019 годов.

5. Оценка функций импульсного отклика с помощью proxy-SVAR

Полученные ряды фискальных импульсов можно использовать в качестве инструментальных переменных для показателей бюджетной политики в рамках proxy-SVAR-подхода.

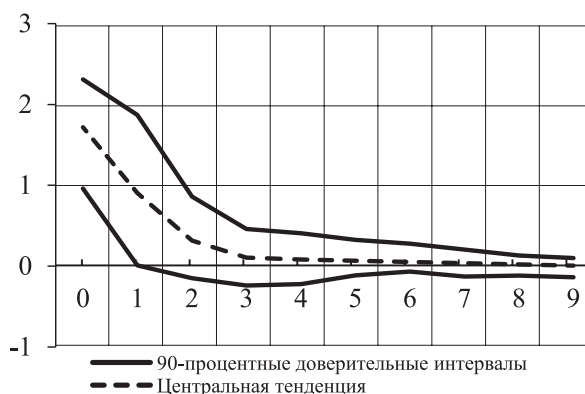
На рис. 8 приведена функция импульсного отклика инфляции на шок дефицита бюджета в ситуации, когда инструментом для бюджетного показателя была оценка фискального импульса, рассчитанная как разность соседних циклически скорректированных фискальных балансов.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 8. Отклик инфляции на шок дефицита в проху-SVAR: инструмент — разность САРВ

Fig. 8. Inflation Response to a Deficit Shock Using Proxy-SVAR With the Cyclically Adjusted Primary Balance Deviation as the Instrumental Variable

Источник: расчеты авторов.

Рис. 9. Отклик инфляции на шок дефицита в проху-SVAR: инструмент — отклонение циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов

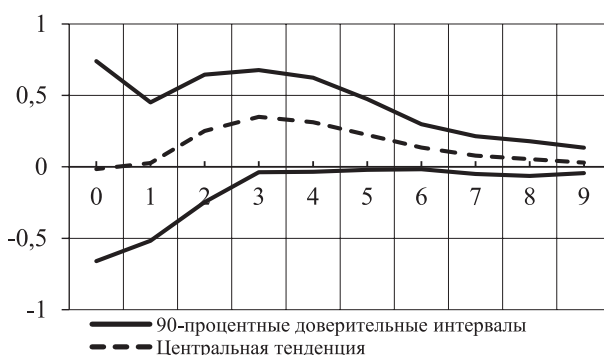
Fig. 9. Inflation Response to a Deficit Shock Using Proxy-SVAR With the Deviation of the Cyclically Adjusted Fiscal Balance From the 2017–2019 Level as the Instrumental Variable

Как и в случае с идентификацией по Холецкому, доверительный интервал включает ноль, что не позволяет сделать вывод о значимом влиянии шока бюджетного дефицита на инфляцию.

При использовании в качестве инструмента отклонения циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов шок дефицита бюджета оказывает значимое положительное влияние на инфляцию на протяжении двух кварталов: в первом квартале средний вклад шока дефицита в одно стандартное отклонение (2,2 п.п. ВВП) составляет 1,7 п.п. в квар-

тальную аннуализированную инфляцию, в следующем квартале вклад снижается до 0,9 п.п., а к третьему кварталу эффект становится незначимым (рис. 9).

Аналогичные расчеты для шока государственных расходов приведены на рис. 10–11.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 10. Отклик инфляции на шок расходов в proxy-SVAR: инструмент — разность CAPB

Fig. 10. Inflation Response to an Expenditure Shock Using Proxy-SVAR
With the Cyclically Adjusted Primary Balance Deviation as the Instrumental Variable

Источник: расчеты авторов.

Рис. 11. Отклик инфляции на шок расходов в proxy-SVAR: инструмент —
отклонение циклически скорректированного фискального баланса
от уровня 2017–2019 годов

Fig. 11. Inflation Response to Expenditure Shock Using Proxy-SVAR
With the Deviation of the Cyclically Adjusted Fiscal Balance From the 2017–2019
Level as the Instrumental Variable

Если в качестве инструмента использовать разность CAPB, то отклик инфляции на шок бюджетных расходов оказывается незначимым. При использовании в качестве инструмента откло-

нения циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов шок бюджетных расходов в одно стандартное отклонение (1,6 п.п. ВВП) оказывает значимое влияние на инфляцию в текущем и следующем кварталах в размере 2,6 и 1,1 п.п. соответственно. По истечении двух кварталов влияние шока становится незначимым.

Идентификация шоков бюджетной политики в российской экономике на основе проху-SVAR-подхода с использованием показателей фискального импульса в качестве инструментальных переменных позволяет получить результаты, согласующиеся со стандартными неокейнсианскими моделями: неожиданное увеличение дефицита бюджета приводит к ускорению инфляции, а фискальная консолидация, напротив, ведет к ее замедлению. Статистически значимое воздействие на инфляцию шоки бюджетной политики оказывают два квартала.

6. Оценка функций импульсного отклика с помощью LV-IV

Оценим функции импульсного отклика инфляции на шоки бюджетных переменных с помощью LP-IV. В нашей спецификации модель выглядит следующим образом:

$$y_{t+h} = \alpha_h + \beta_h x_t + \gamma_h W_t + \varepsilon_t^h, \quad (12)$$

где y_t — переменная интереса (инфляция), α_h — константа, рассчитанная для регрессии на горизонте h кварталов, x_t — переменная, влияние которой на переменную интереса мы стремимся оценить, β_h — оценка влияния переменной x_t (бюджетной политики) на переменную интереса на горизонте h , $W_t = [gdp_gap, ruonia, exchange_t]$ — вектор контрольных переменных (разрыв выпуска, курса доллара, процентная ставка RUONIA), ε_t^h — вектор остатков.

На первом этапе реализации метода локальных проекций с инструментальными переменными оценивается регрессия переменной бюджетной политики на инструментальную переменную и вектор оставшихся экзогенных переменных модели:

$$x_t = bInstr_t + aW_t + u_t. \quad (13)$$

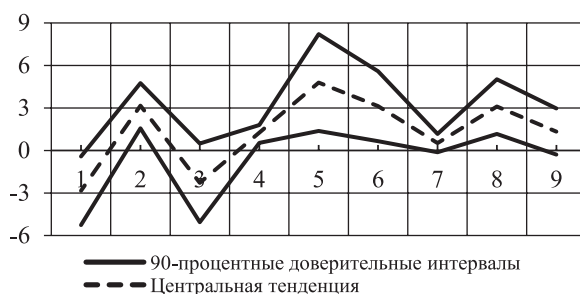
На втором этапе полученные оценки переменной бюджетной политики $\hat{x}_t$ используются в регрессии локальных проекций для каждого горизонта h :

$$y_{t+h} = \alpha_h + \beta_h \hat{x}_t + \gamma_h W_t + \varepsilon_t^h. \quad (14)$$

Полученные ранее показатели фискального импульса используются в качестве инструментальных переменных для метода локальных проекций ввиду их коррелированности с показателем бюджетной политики.

В качестве показателя бюджетной политики, как и в проху-SVAR-подходе, использовался дефицит бюджета в долях ВВП и бюджетные расходы в долях ВВП.

На рис. 12–13 приведены функции импульсного отклика инфляции на шок дефицита бюджета.

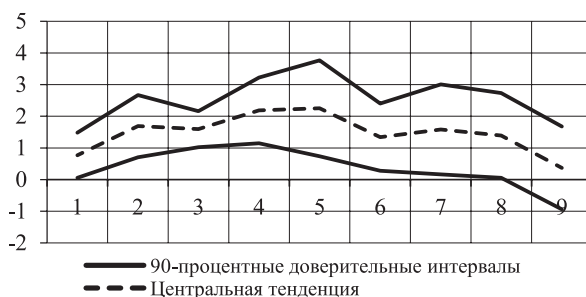

Примечание. На рис. 12–19 90-процентные доверительные интервалы построены с использованием устойчивых к гетероскедастичности и автокорреляции ошибок Ньюи — Веста.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 12. Отклик инфляции на шок дефицита в LP-IV: инструмент — разность CAPB

Fig. 12. Inflation Response to an LP-IV Deficit Shock
With the Cyclically Adjusted Primary Balance Deviation as the Instrumental Variable

Источник: расчеты авторов.

Рис. 13. Отклик инфляции на шок дефицита в LP-IV: инструмент — отклонение циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов

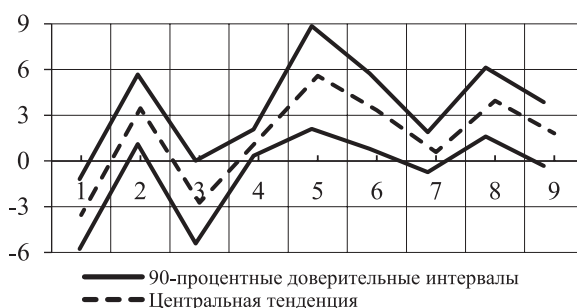
Fig. 13. Inflation Response to an LP-IV Deficit Shock With the Deviation of the Cyclically Adjusted Fiscal Balance From the 2017–2019 Level as the Instrumental Variable

При использовании в качестве инструмента разности CAPB шок дефицита начинает оказывать значимое положительное влияние на инфляцию уже в следующем после шока квартале (+3,2 п.п.), при

этом влияние вновь оказывается значимым в четвертом, пятом, шестом и восьмом кварталах, что отличается от результатов, полученных с помощью *proxy-SVAR*.

Если в качестве инструмента использовать отклонение *CAPB* от среднего в 2017–2019 годах уровня, то влияние шока дефицита на инфляцию оказывается положительным и статистически значимым с первого по восьмой кварталы, достигая своего пика в +2,3 п.п. в пятом квартале. После восьмого квартала влияние шока на инфляцию становится незначимым.

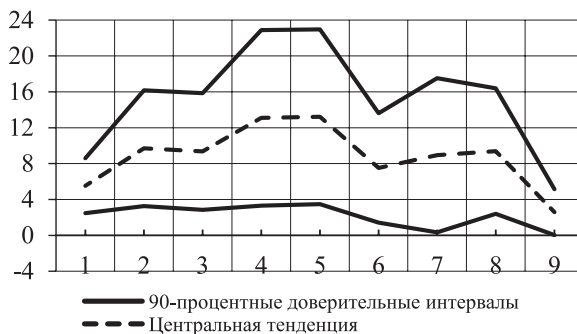
По аналогии оценивалось влияние шока государственных расходов на инфляцию. Функции импульсных откликов изображены на рис. 14–15.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 14. Отклик инфляции на шок расходов в LP-IV: инструмент — разность *CAPB*

Fig. 14. Inflation Response to an Expenditure Shock in LP-IV With the Cyclically Adjusted Primary Balance Deviation as the Instrumental Variable

Источник: расчеты авторов.

Рис. 15. Отклик инфляции на шок расходов в LP-IV: инструмент — отклонение циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов

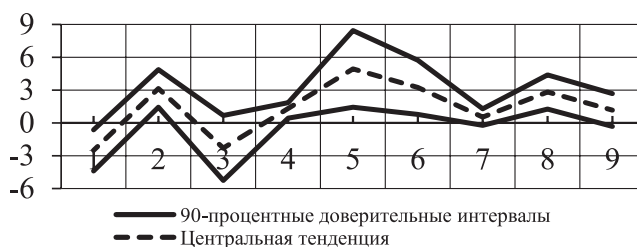
Fig. 15. Inflation Response to an Expenditure Shock in LP-IV With the Deviation of the Cyclically Adjusted Fiscal Balance From the 2017–2019 Level as the Instrumental Variable

Влияние шока государственных расходов оказывается положительным и статистически значимым в обоих случаях, однако его вклад в инфляцию оказывается значительно выше (достигает максимума в +5,6 п.п. по итогам пяти кварталов после шока в первом случае и +13,2 п.п. — по итогам пяти кварталов во втором случае). Это может быть связано с тем, что рассматриваемые показатели фискальных импульсов лучше подходят для использования в качестве инструментов к шокам дефицита, чем к шокам государственных расходов. Для исключения влияния на итоговые результаты этих аномально больших оценок в дальнейшем мы рассчитываем медианные отклики. По истечении восьми кварталов после шока бюджетных расходов его влияние на инфляцию становится статистически незначимым.

Постепенное снижение влияния шока государственных расходов на инфляцию в целом соответствует выводам неокейнсианских моделей о временном воздействии шоков на макроэкономические показатели и может быть обусловлено действиями центрального банка, направленными на возвращение инфляции к целевому уровню.

7. Проверка результатов на устойчивость

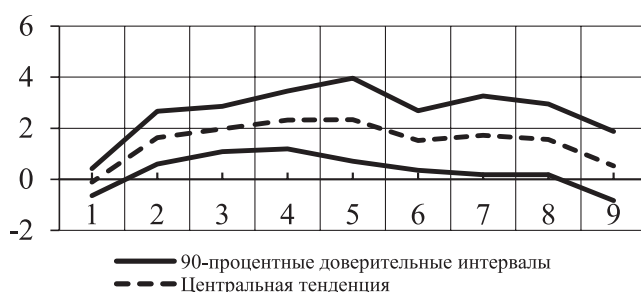
Проверка результатов метода локальных проекций на устойчивость проводилась добавлением дамми-переменных на периоды высокой инфляции, не связанной с факторами бюджетной политики, в IV квартале 2014 года, I квартале 2015 года и I квартале 2022 года. Функции импульсного отклика инфляции на шок дефицита с 90% доверительными интервалами в модели с дамми-переменными представлены на рис. 16–17.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 16. Отклик инфляции на шок дефицита в LP-IV с фиктивной переменной: инструмент — разность CAPB

Fig. 16. Inflation Response to a Deficit Shock in LP-IV With a Dummy Variable and the Cyclically Adjusted Primary Balance Deviation as the Instrumental Variable

Источник: расчеты авторов.

Рис. 17. Отклик инфляции на шок дефицита в LP-IV с фиктивной переменной: инструмент — отклонение циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов

Fig. 17. Inflation Response to an LP-IV Deficit Shock With a Dummy Variable and the Deviation of the Cyclically Adjusted Fiscal Balance From the 2017–2019 Level as the Instrument Variable

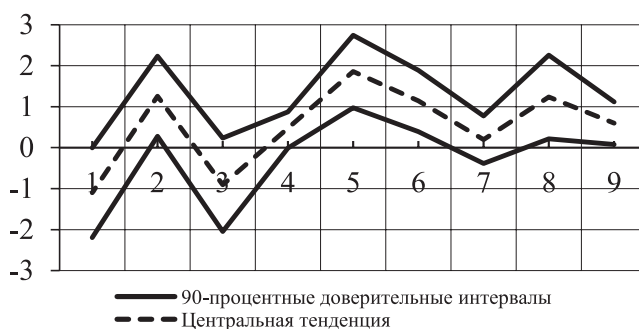
Включение фиктивной переменной не привело к существенному изменению результатов. Отклик инфляции на шок дефицита по-прежнему остался положительным и статистически значимым. Влияние шока становится незначительными по прошествии восьми кварталов после шока.

В качестве дополнительной проверки результатов исследования на устойчивость проводилась оценка модели с применением метода локальных проекций с инструментальными переменными с использованием сезонно сглаженных рядов государственных расходов и доходов вместо данных за скользящий год. Несмотря на существующие сложности с использованием сезонно сглаженных рядов ввиду изменения характера сезонности рядов после 2022 года, такая проверка на устойчивость позволяет подтвердить проинфляционность шоков бюджетной политики в российской экономике. Корректировка на сезонность проводилась с использованием автоматической процедуры X-13ARIMA-SEATS, которая широко применяется и позволяет получить корректную сезонную корректировку в большинстве случаев.

Функции импульсного отклика инфляции на шок дефицита с 90-процентными доверительными интервалами в модели с сезонно сглаженными рядами расходов и доходов представлены на рис. 18–19.

Как видно из рис. 18–19, даже при оценке такой модели результаты остались устойчивыми, что свидетельствует о явном проинфляционном влиянии бюджетных шоков в экономике РФ. Влияние шока государственных расходов оказывается положительным и статистически значимым в обоих случаях. При использовании

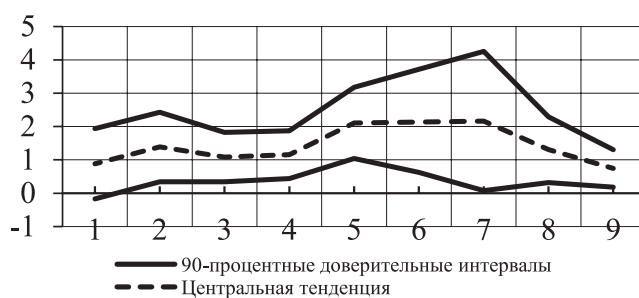
разности САРВ в качестве инструмента вклад оказывается статистически значимым и положительным во втором, пятом, шестом, восьмом и девятом кварталах после шока, достигая своего пика в +0,9 п.п. в пятом квартале. В случае модели с отклонением циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов шок по-прежнему оказывает значимое влияние на инфляцию, однако статистическая значимость этого влияния становится более стабильной: бюджетный шок не приводит к ускорению инфляции только спустя один квартал после шока. Пик влияния шока на инфляцию в такой модели достигается по итогам шестого квартала после шока и составляет +2,2 п.п.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 18. Отклик инфляции на шок дефицита в LP-IV с фиктивной переменной: инструмент — разность САРВ

Fig. 18. Inflation Response to an LP-IV Deficit Shock With a Dummy Variable and the Deviation from the Cyclically Adjusted Primary Balance as the Instrumental Variable

Источник: расчеты авторов.

Рис. 19. Отклик инфляции на шок дефицита в LP-IV с фиктивной переменной: инструмент — отклонение циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов

Fig. 19. Inflation Response to an LP-IV Deficit Shock With a Dummy Variable and the Deviation of the Cyclically Adjusted Fiscal Balance From the 2017-2019 Level as the Instrumental Variable

Постепенное снижение влияния шока государственных расходов на инфляцию укладывается в логику неокейнсианских моделей о временном воздействии шоков на макроэкономические показатели, которые нейтрализуются в том числе денежно-кредитной политикой: отклик ставки RUONIA в модели с фиктивной переменной на периоды высокой инфляции оказывается положительным и статистически значимым.

В качестве одной из проверок результатов на устойчивость исследовалась обоснованность использования построенных фискальных импульсов в качестве инструмента для переменных фискальной политики. Не представляется возможным проверить экзогенность фискальных импульсов с помощью эконометрических процедур из-за совпадения числа инструментов и количества эндогенных переменных, однако выполнение этого условия обеспечивается процедурой построения инструмента. Расчет эффективной F-статистики, а также проведение F-тестов, устойчивых к возможной гетероскедастичности в данных, продемонстрировали релевантность использования фискального импульса, рассчитанного как отклонение циклически скорректированного фискального баланса от уровня 2017–2019 годов, в качестве инструмента для дефицита бюджета.

Заключение

Проведенное исследование показало, что экспансионистская бюджетная политика в российской экономике оказывает проинфляционное воздействие. Это утверждение согласуется с неокейнсианскими теориями о влиянии бюджетных шоков на инфляцию. Используя подход rgo-xu-SVAR и метод локальных проекций с инструментальными переменными (LP-IV), мы получили статистически значимые оценки влияния фискальных шоков на инфляцию.

Оценки свидетельствуют, что медианный отклик квартальной сезонно скорректированной инфляции в годовом выражении на шок государственных расходов в одно стандартное отклонение (1,6 п.п. ВВП) составляет 1,9 п.п. через два квартала и 0,8 п.п. — через четыре квартала, а по итогам года медиана влияния такого шока на инфляцию достигает 2,2 п.п. При пересчете на шок государственных расходов в 1 п.п. ВВП его вклад в инфляцию по итогам года составит 1,3 п.п.

Шок дефицита бюджета в одно стандартное отклонение (2,2 п.п. ВВП) приводит к ускорению сезонно скорректированной инфляции в годовом выражении на 1,7 п.п. через два квартала и на 1,2 п.п. — через четыре квартала, а по итогам года медиана влияния такого шока на инфляцию составляет 1,9 п.п. При пересчете на шок

дефицита в 1 п.п. ВВП его медианный вклад в инфляцию по итогам года оказался равен 0,9 п.п. В среднем длительность воздействия шока на инфляцию составила четыре — шесть кварталов.

Таким образом, рост расходов на 1,5 п.п. ВВП в IV квартале 2022 года добавил в инфляцию 2023 года (составляла 7,4%) порядка 2,0 п.п. Последующий рост расходов в 2023 году на 1,0 п.п. ВВП привел к дополнительному ускорению инфляции в 2024 года на 1,3 п.п., а неожиданное увеличение государственных расходов на дополнительные 1,5 трлн руб., анонсированное Минфином в конце сентября 2024 года (составляет порядка 0,8 п.п. ВВП), увеличит инфляцию в 2025 году на 1,0 п.п. Для возвращения инфляции к целевому уровню необходимо нормализовать бюджетную политику. Это предполагает снижение доли государственных расходов в ВВП до уровня 34,5–35,0% и строгое следование бюджетному правилу при формировании расходов федерального бюджета.

Литература

1. Власов С. А., Дерюгина Е. Б. Фискальные мультипликаторы в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 2. № 38. С. 104–119.
2. Власов С. А., Пономаренко А. А. Роль бюджетной политики в условиях финансово-экономического кризиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 111–133.
3. Вотинцов А. И., Станкевич И. П. VAR-подход к оценке эффективности мер фискального стимулирования экономики // Финансовый журнал. 2017. № 6. С. 64–74.
4. Зяблицкий И. Е. Оценка фискальных мультипликаторов в российской экономике // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 24. № 2. С. 268–294. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-2-268-294.
5. Кудрин А. Л., Кнобель А. Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5–26. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-10-5-26.
6. Полбин А. В. Анализ фискальных мультипликаторов для российской экономики на основе DSGE-модели с предпочтениями Яймовича и Ребело // Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 6. С. 82–119. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-82-119.
7. Bernanke B., Blinder A. The Federal Funds Rate and the Channels of Monetary Transmission // The American Economic Review. 1992. Vol. 82(4). P. 901–921.
8. Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output // The Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. No 4. P. 1329–1368. DOI: 10.1162/003355302320935043.
9. Boiciuc I. The Effects of Fiscal Policy Shocks in Romania. A SVAR Approach // Procedia Economics and Finance. 2015. No 32(1). P. 1131–1139. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)01578-6.
10. Cochrane J. H. Long-Term Debt and Optimal Policy in the Fiscal Theory of the Price Level // Econometrica. 2001. Vol. 69. No 1. P. 69–116. DOI: 10.2139/ssrn.224441.
11. Cochrane J. The Fiscal Theory of the Price Level. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023.
12. D'Alessandro A., Fella G., Melosi L. Fiscal Stimulus With Learning-By-Doing // International Economic Review. 2019. Vol. 60. No 3. P. 1413–1432. DOI: 10.1111/iere.12391.
13. Fedelino A., Ivanova A., Horton M. A. Computing Cyclically-Adjusted Balances and Automatic Stabilizers. Washington, DC: International Monetary Fund. 2009. No 2009/05. DOI: 10.5089/9781462359622.005.

14. Ferrara L., Metelli L., Natoli F., Siena D. Questioning the Puzzle: Fiscal Policy, Real Exchange Rate and Inflation // *Journal of International Economics*. 2021. Vol. 133. Article 103524. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103524.
15. Jordà Ò., Schularick M., Taylor A. Betting the House // *Journal of International Economics*. 2015. Vol. 96. P. 2–18. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.12.011.
16. Jørgensen P. L., Ravn S. H. The Inflation Response to Government Spending Shocks: A Fiscal Price Puzzle? // *European Economic Review*. 2022. Vol. 141. Article 103982. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2021.103982.
17. Leeper E. M. Equilibria Under “Active” and “Passive” Monetary and Fiscal Policies // *Journal of Monetary Economics*. 1991. Vol. 27(1). P. 129–147.
18. Medlin A. Federal Reserve Monetary Policy and Wealth Inequality: An Instrumental-Variable Local Projections Approach. Preprint 2023. October. DOI: 10.2139/ssrn.4650805.
19. Mertens K., Ravn M. The Dynamic Effects of Personal and Corporate Income Tax Changes in the United States // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103(4). P. 1212–1247. DOI: 10.1257/aer.103.4.1212.
20. Mountford A., Uhlig H. What Are the Effects of Fiscal Policy Shocks? // *Journal of Applied Econometrics*. 2009. Vol. 24. No 6. P. 960–992. DOI: 10.1002/jae.1079.
21. Palley T. Keynesian, Classical and New Keynesian Approaches to Fiscal Policy: Comparison And Critique // *Review of Political Economy*. 2013. Vol. 25(2). P. 179–204. DOI: 10.1080/09538259.2013.775821.
22. Perotti R. Estimating the Effects of Fiscal Policy in OECD Countries. San Francisco, CA: Federal Reserve Bank of San Francisco, 2005.
23. Philip R., Janssen J. Indicators of Fiscal Impulse for New Zealand. Treasury Working Paper Series 02/30. Wellington: New Zealand Treasury, 2002.
24. Ramey V. A. Identifying Government Spending Shocks: It's All in the Timing // *The Quarterly Journal of Economics*. 2011. Vol. 126. No 1. P. 1–50.
25. Ricco G., Callegari G., Cimadomo J. Signals From the Government: Policy Disagreement and the Transmission of Fiscal Shocks // *Journal of Monetary Economics*. 2016. Vol. 82. P. 107–118. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2016.07.004.
26. Stock J. H., Watson M. W. Disentangling the Channels of the 2007–2009 Recession // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2012. Vol. 43. No 1. P. 81–156. DOI: 10.1353/eca.2012.0005.
27. Stock J., Watson M. Identification and Estimation of Dynamic Causal Effects in Macroeconomics Using External Instruments // *The Economic Journal*. 2018. Vol. 128. No 610. P. 917–948. DOI: 10.1111/econj.12593.
28. Murphy P. L., Villafuerte M., Ossowski R. Riding the Roller Coaster: Fiscal Policies of Nonrenewable Resource Exporters in Latin America and the Caribbean. IMF Working Paper 10(251). 2010. DOI: 10.5089/9781455209514.001.
29. Vladkova-Hollar I., Zettelmeyer J. Fiscal Positions in Latin America: Have They Really Improved? IMF Working Paper 08(137). 2008. DOI: 10.5089/9781451869965.001.

References

1. Vlasov S. A., Deryugina E. B. Fiskal'nye mul'tiplikatory v Rossii [Fiscal Multipliers in Russia]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2018, vol. 2, no. 38, pp. 104–119. (In Russ.)
2. Vlasov S. A., Ponomarenko A. A. Rol' byudzhethnoy politiki v usloviyakh finansovo-ekonomicheskogo krizisa [The Role of Fiscal Policy at the Time of Financial Crisis]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2010, no. 7, pp. 111–133. (In Russ.)
3. Votinov A. I., Stankevich I. P. VAR-podkhod k otsenke effektivnosti mer fiskal'nogo stimulirovaniya ekonomiki [VAR Approach to Efficiency Evaluation of Fiscal Economy Encouragement Measures]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2017, no. 6, pp. 64–74. (In Russ.)

4. Zyablitskiy I. E. Otsenka fiskal'nykh mul'tiplikatorov v rossiyskoy ekonomike [Estimating Fiscal Multipliers in Russian Economy]. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal]*, 2020, vol. 24, no. 2, pp. 268-294. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-2-268-294. (In Russ.)
5. Kudrin A. L., Knobel A. Yu. Byudzhelnaya politika kak istochnik ekonomicheskogo rosta [Fiscal Policy as a Source of Economic Growth]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 10, pp. 5-26. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-10-5-26. (In Russ.)
6. Polbin A. V. Analiz fiskal'nykh mul'tiplikatorov dlya rossiyskoy ekonomiki na osnove DSGE-modeli s predpochteniyami Yaymovicha i Rebelo [Analyzing Fiscal Multipliers in the Russian Federation Using a DSGE Model With Jaimovich-Rebelo Preferences]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2024, vol. 19, no. 6, pp. 82-119. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-82-119. (In Russ.)
7. Bernanke B., Blinder A. The Federal Funds Rate and the Channels of Monetary Transmission. *The American Economic Review*, 1992, vol. 82(4), pp. 901-921.
8. Blanchard O., Perotti R. An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output. *The Quarterly Journal of Economics*, 2002, vol. 117, no. 4, pp. 1329-1368. DOI: 10.1162/003355302320935043.
9. Boiciuc I. The Effects of Fiscal Policy Shocks in Romania. A SVAR Approach. *Procedia Economics and Finance*, 2015, no. 32(1), pp. 1131-1139. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)01578-6.
10. Cochrane J. H. Long-Term Debt and Optimal Policy in the Fiscal Theory of the Price Level. *Econometrica*, 2001, vol. 69, no. 1, pp. 69-116. DOI: 10.2139/ssrn.224441.
11. Cochrane J. *The Fiscal Theory of the Price Level*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2023.
12. D'Alessandro A., Fella G., and Melosi L. Fiscal Stimulus With Learning-By-Doing. *International Economic Review*, 2019, vol. 60, no. 3, pp. 1413-1432. DOI: 10.1111/iere.12391.
13. Fedelino A., Ivanova A., Horton M. A. *Computing Cyclically-Adjusted Balances and Automatic Stabilizers*. Washington, DC, International Monetary Fund, 2009, no. 2009/05. DOI: 10.5089/9781462359622.005.
14. Ferrara L., Metelli L., Natoli F., Siena D. Questioning the Puzzle: Fiscal Policy, Real Exchange Rate and Inflation. *Journal of International Economics*, 2021, vol. 133, article 103524. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103524.
15. Jordà Ò., Schularick M., Taylor A. Betting the House. *Journal of International Economics*, 2015, vol. 96, pp. 2-18. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.12.011.
16. Jørgensen P. L., Ravn S. H. The Inflation Response to Government Spending Shocks: A Fiscal Price Puzzle? *European Economic Review*, 2022, vol. 141, article 103982. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2021.103982.
17. Leeper E. M. Equilibria Under "Active" and "Passive" Monetary and Fiscal Policies. *Journal of Monetary Economics*, 1991, vol. 27(1), pp. 129-147.
18. Medlin A. Federal Reserve Monetary Policy and Wealth Inequality: An Instrumental-Variable Local Projections Approach. Preprint 2023, October. DOI: 10.2139/ssrn.4650805.
19. Mertens K., Ravn M. The Dynamic Effects of Personal and Corporate Income Tax Changes in the United States. *American Economic Review*, 2013, vol. 103(4), pp. 1212-1247. DOI: 10.1257/aer.103.4.1212.
20. Mountford A., Uhlig H. What Are the Effects of Fiscal Policy Shocks? *Journal of Applied Econometrics*, 2009, vol. 24, no. 6, pp. 960-992. DOI: 10.1002/jae.1079.
21. Palley T. Keynesian, Classical and New Keynesian Approaches to Fiscal Policy: Comparison and Critique. *Review of Political Economy*, 2013, vol. 25(2), pp. 179-204. DOI: 10.1080/09538259.2013.775821.
22. Perotti R. *Estimating the Effects of Fiscal Policy in OECD Countries*. San Francisco, CA, Federal Reserve Bank of San Francisco, 2005.
23. Philip R., Janssen J. *Indicators of Fiscal Impulse for New Zealand*. Treasury Working Paper Series 02/30. Wellington, New Zealand Treasury, 2002.
24. Ramey V. A. Identifying Government Spending Shocks: It's All in the Timing. *The Quarterly Journal of Economics*, 2011, vol. 126, no. 1, pp. 1-50.

25. Ricco G., Callegari G., Cimadomo J. Signals From the Government: Policy Disagreement and the Transmission of Fiscal Shocks. *Journal of Monetary Economics*, 2016, vol. 82, pp. 107-118. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2016.07.004.
26. Stock J. H., Watson M. W. Disentangling the Channels of the 2007-2009 Recession. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2012, vol. 43, no. 1, pp. 81-156. DOI: 10.1353/eca.2012.0005.
27. Stock J., Watson M. Identification and Estimation of Dynamic Causal Effects in Macroeconomics Using External Instruments. *The Economic Journal*, 2018, vol. 128, no. 610, pp. 917-948. DOI: 10.1111/eoj.12593.
28. Murphy P. L., Villafuerte M., Ossowski R. Riding the Roller Coaster: Fiscal Policies of Non-renewable Resource Exporters in Latin America and the Caribbean. *IMF*, Working Paper 10(251), 2010. DOI: 10.5089/9781455209514.001.
29. Vladkova-Hollar I., Zettelmeyer J. Fiscal Positions in Latin America: Have They Really Improved? *IMF*, Working Paper 08(137), 2008. DOI: 10.5089/9781451869965.001.

Экономическая политика

Влияние господдержки на развитие предпринимательства в регионах России в условиях внешних шоков

Роза Игоревна Семенова

ORCID: 0000-0002-6839-8647

Научный сотрудник, Центр экономической географии и регионалистики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: r0za.semenova@yandex.ru

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: zemtsov@ranepa.ru

Никита Александрович Пойлов

ORCID: 0009-0001-2401-5560

Младший научный сотрудник, лаборатория исследований экономики развития, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82); аспирант, школа вычислительных социальных наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге (РФ, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А)
E-mail: poylov-na@ranepa.ru

Степан Петрович Земцов

ORCID: 0000-0003-1283-0362

Доктор экономических наук, заведующий, лаборатория исследований экономики развития, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного

Аннотация

Внешние шоки 2020–2021 и 2022–2023 годов не только потребовали от российского правительства принятия решений по смягчению налоговой, административной и иной нагрузки для ускорения адаптации бизнеса к кризисным условиям, но и стали причиной расширения бюджетной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП). Однако прямое субсидирование не всегда может приводить к желаемому эффекту. Цель настоящего исследования — изучить особенности господдержки МСП и оценить ее влияние на динамику числа субъектов МСП в регионах во время шоков. Согласно расчетам авторов на основе данных ФНС России, за полтора года санкционного шока (2022 – первое полугодие 2023 года) была предоставлена помощь в объеме 931,4 млрд руб., что в 1,7 раза больше (в номинальном выражении), чем во время пандемии (2020 – первое полугодие 2021 года). При этом 83% ее объема — гарантии и поручительства, хотя ранее их доля не превышала 50%. Одновременно кратно вырос размер помощи поддерживаемым предприятиям: федеральное правительство переориентировалось с предоставления массовых небольших субсидий и грантов на более адресную гарантийную поддержку производств и технологических компаний с целью импортозамещения. Росла доля косвенных мер, включая инструменты институтов развития, что можно считать движением в сторону экосистемной политики. В статье эконометрически показано, что в целях сохранения числа субъектов МСП для непрямых мер поддержки более результативным было наращивание удельных объемов, а для прямых мер, включая субсидии и гранты, — рост охвата предприятий мерами поддержки. В дальнейшем государству следует дифференцированно подходить к оказанию помощи МСП на основе различных инструментов и выстраивать систему поддержки с учетом вектора перехода от традиционных стратегий к развитию региональных и локальных предпринимательских экосистем.

Ключевые слова: МСП, региональная экономика, санкции, пандемия, экосистемный подход, деловой климат, ставки кредита, обобщенный метод моментов

JEL: R11, R58

Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС. Авторы благодарят А. В. Петряеву за помощь в сборе данных.

Economic Policy

How State Support Affected the Development of Entrepreneurship in Russian Regions During External Shocks

Roza I. Semenova

ORCID: 0000-0002-6839-8647

Research Fellow at the Center for Economic Geography and Regional Studies, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: rOza.semenova@yandex.ru

Nikita A. Poylov

ORCID: 0009-0001-2401-5560

Junior Research Fellow at the Development Economics Research Laboratory, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Graduate Student at the School of Computational Social Sciences, European University at Saint Petersburg,^b e-mail: poylov-na@ranepa.ru

Stepan P. Zemtsov

ORCID: 0000-0003-1283-0362

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Development Economics Research Laboratory, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: zemtsov@ranepa.ru

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

^b 6/1A, Gagarinskaya ul., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation

Abstract

The external shocks from 2020 to 2021 and again from 2022 to 2023 induced an economic crisis that required the Russian government not only to ease tax, administrative, and other burdens so that businesses could quickly adapt, but also prompted greater financial support for small and medium-sized enterprises (SMEs). However, direct subsidies may not always produce the desired effect. This study examines the specifics of state support for SMEs and assesses how well it sustained the number of SMEs in the regions during these shocks. Official data from the register of SMEs receiving support indicates that assistance totaling 931.4 billion rubles was provided over the eighteen months from 2022 to the first half of 2023; that amount was 1.7 times greater than pandemic assistance (issued from 2020 to the first half of 2021). Guarantees and sureties accounted for 83% of the later rounds of support, whereas those instruments made up less than 50% of previous pandemic support. The coverage of SMEs by state assistance nevertheless decreased from 26.6% in 2020 to 6.3% in 2022. The federal government had shifted its focus from providing a mass of small subsidies and grants to more targeted guaranteed support for manufacturing and technology companies in order to stimulate import substitution. Overall, state support became more concentrated; approximately 2.1 million rubles per supported SME were allocated in 2022, which was 6.4 times more than during the pandemic. The proportion of indirect measures, such as those provided by development institutions, also increased, which could be attributed to a more ecosystem-based entrepreneurship policy. The study employed a system-GMM (system Generalized Method of Moments) approach to assess the effectiveness of various government policy approaches. The econometric results show that indirect assistance with increased volume per SME is effective for maintaining the number of SMEs, while increasing the coverage of SMEs has a beneficial effect when coupled with such direct measures as subsidies and grants. Going forward, the government should differentiate its approach to providing SME assistance using various instruments and build a support system that takes into account the shift from traditional strategies to the development of regional and local entrepreneurial ecosystems.

Keywords: SMEs, regional economy, sanctions, pandemic, ecosystem approach, business climate, interest rates, generalized method of moments

JEL: R11, R58

Acknowledgements

This study was carried out as part of a RANEPa state assignment. The authors would like to thank A. V. Petryaeva for her help with data collection.

Введение

Разрыв производственных цепочек, ограничение внешнеэкономических операций и иные ужесточающие требования к деятельности предприятий в период внешних шоков пандемии и санкций 2020–2023 годов создавали риски для предпринимательского сектора¹ и экономики регионов России [Российская экономика., 2023; Zemtsov, 2024]. Российским предпринимателям приходилось вести свою деятельность в беспрецедентных условиях и адаптироваться к вызовам структурной трансформации экономики [Кнобель и др., 2019; Смородинская, Катуков, 2022; 2023; Morgan et al., 2023]. При этом, несмотря на экономический спад в 2020 и 2022 годах, в секторе малого и среднего предпринимательства (МСП) была отмечена относительно стабильная позитивная динамика общего числа субъектов и количества работников, в том числе за счет роста самозанятых² [Демидова, 2022; Земцов и др., 2023]. Только в одиннадцати регионах России количество субъектов МСП в 2024 году остается меньшим, чем в 2021-м [Земцов, 2025]. Если сравнивать период с середины 2022 до середины 2023 года с аналогичным периодом пандемии 2020–2021 годов, наиболее сильно затронувшей более 70% всего сектора МСП [Барина и др., 2023; Иванов, Бухвальд, 2022], можно выделить в целом положительный тренд в предпринимательской активности, то есть открытия новых предприятий³. Это связано с ростом спроса на отечественную продукцию на фоне ухода ряда зарубежных компаний с российских рынков, а также может быть обусловлено увеличением государственной поддержки в рамках так называемого бюджетного импульса [Земцов, 2025].

Внешние ограничения для российских предпринимателей усиливались с 2014 года. В кризисный период 2014–2015 годов государство поддерживало преимущественно системообразующие компании. С 2016 года смертность всех организаций в России стала превышать их рождаемость [Образцова, Чепуренко, 2020], что в значительной мере было вызвано борьбой Федеральной налоговой службы России (ФНС) с фирмами-однодневками, но также отражало некоторое замедление деловой активности. Во время пандемии банкротства и сокращение числа субъектов МСП стали серьезными и потребовали вмешательства властей [Барина и др., 2023; Zemtsov et al., 2022], что привело к значительному

¹ Под предпринимательским сектором мы понимаем совокупность микро-, малых и средних предприятий, составляющих более 96% всех фирм и иных субъектов экономической деятельности в России [Барина и др., 2023].

² Имеются в виду самозанятые граждане, зафиксировавшие свой статус и применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход».

³ <https://issek.hse.ru/news/823673251.html>.

усилению их поддержки. И если ранее информация об оказании и размерах помощи компаниям не всегда становилась публичной, то после введения в 2020 году специального реестра⁴ (далее — Реестр субъектов МСП — получателей поддержки) появилась возможность получать оперативные данные и оценивать результативность государственной поддержки субъектов МСП.

Начиная с февраля 2022 года одна из задач властей в связи с многократно возросшими санкционными ограничениями заключается в стимулировании появления на российском экономическом пространстве конкурентоспособных предприятий для ускоренного импортозамещения [О долгосрочном научно-технологическом..., 2023]⁵. Благодаря большей гибкости и адаптивности именно малый и средний бизнес играет важную роль в этом процессе, включая освоение новых направлений деятельности в связи с освобождением рыночных ниш после ухода иностранных компаний с российского рынка [Земцов и др., 2023]. Поэтому одним из факторов адаптации экономики к новым условиям может выступать политика стимулирования МСП, а ввиду ограниченности бюджетных ресурсов актуальна оценка результативности всей системы господдержки и ее отдельных инструментов с учетом разных подходов к предоставлению помощи.

Цель настоящего исследования — изучить особенности государственной поддержки МСП в 2019–2023 годах и оценить ее влияние на рост численности субъектов МСП в регионах России с учетом воздействия внешних шоков.

Структура статьи выглядит следующим образом: вначале с целью построения гипотез на основе обзора литературы обсуждаются предпосылки и особенности антикризисной поддержки бизнеса в России, далее описываются гипотезы и методика исследования, затем на основе открытых данных выявляются основные тенденции в системе оказания помощи субъектам МСП и анализируется влияние различных стратегий господдержки на сохранение сектора МСП в регионах России, в конце даются некоторые рекомендации.

1. Предпосылки и особенности поддержки бизнеса в России

Прямые целевые расходы бюджета через традиционные механизмы не всегда оказывают устойчивое положительное воздействие на развитие сектора МСП, поскольку могут вести к проблемам не-

⁴ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки ФНС России. <https://rmsp-pp.nalog.ru>.

⁵ Об этом сразу после введения санкций в 2022 году написал также Д. Р. Белоусов в аналитической записке ЦМАКП «О возможностях развития в условиях санкций: некоторые предварительные замечания». http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/DB/2022-03sanks.pdf.

достаточности охвата и селективности поддержки, вмешательству в деловую конкурентную среду регионов и т. д. [Barinova, Zemtsov, 2023]. В такой крупной стране, как Россия, имеет место высокая региональная дифференциация условий и особенностей развития предпринимательства [Баринаова и др., 2023; Образцова, Чепуренко, 2020], недостаточно учитываемая при проведении централизованной государственной политики.

При выявлении факторов, влияющих на сохранение числа субъектов МСП в регионах России в 2020 году, был обнаружен положительный вклад удельной совокупной помощи и региональных усилий [Zemtsov et al., 2022]: в наиболее пострадавших регионах господдержка МСП была кратно выше за счет ее увеличения именно на субнациональном уровне. На основе метода разности разностей (Diff-in-Diff) авторами статьи доказана целесообразность проведения в ковидный период проактивной политики регионов, то есть улучшения условий ведения бизнеса и роста и охвата целевой поддержки пострадавших предприятий. В тот момент такая политика обоснованно проводилась в большинстве развитых стран [May и др., 2020; Образцова, Чепуренко, 2020; Coronavirus (COVID-19)..⁶, 2020]. Проактивными регионами России, одновременно увеличившими объем поддержки МСП более чем в два раза и обеспечившими удельный размер помощи, долю регионального участия и охват поддержкой выше среднерегиональных значений, стали: город Севастополь, Белгородская, Курганская, Магаданская, Смоленская, Тюменская, Ульяновская области, республики Алтай, Карелия, Крым, Мордовия, Хакасия, Чувашия, Чукотский АО. В этих регионах сокращение числа субъектов МСП было на 1,6% меньше, чем в остальных субъектах Российской Федерации. Но в целом для ковидного периода целевая антикризисная поддержка МСП не смогла переломить негативный тренд закрытия предприятий, а значение сектора МСП для экономики несколько сократилось [Баринаова и др., 2023].

Несмотря на общую адекватность набора мер государственной поддержки субъектов МСП во время пандемии [Бухвальд, 2020], в России в сравнении с другими странами эти меры характеризовались меньшим охватом и более низкими удельными объемами финансирования [May и др., 2020]. Совокупная помощь субъектам МСП в 2020 году, отображаемая в статистике, чуть превысила 434,2 млрд руб. и, по расчетам, приведенным в [Баринаова и др., 2023], составила около 13% от антикризисного плана⁶. Как

⁶ <https://opora.ru/news/anti-crisis-support/pravitelstvo-predstavilo-aktualnyy-antikrizisnyy-plan-podderzhki-malogo-i-srednego-biznesa>.

было справедливо замечено авторами указанной выше статьи, доля МСП в ВВП страны на тот момент составляла 20,8%, что в совокупности со сложностью положения сектора породило представления о недостаточности помощи. По мнению авторов статьи [Образцова, Чепуренко, 2020], господдержка могла быть эффективнее в случае расширения охвата программы выдачи кредитов под 0% на выплату зарплат (отсутствия условия кредитования предприятий исключительно наиболее пострадавших отраслей), а также если бы размер выплат по субсидиям на сохранение занятости с коэффициентом не менее 60% устанавливался исходя из средней заработной платы в регионе, а не из расчета 1 МРОТ. Но важно также иметь в виду, что сохранялись риски долгосрочного спада в экономике, в том числе из-за продолжительного режима нерабочих дней (с 30 марта по 11 мая 2020 года), обусловленного введением комплекса ограничительных мер в ответ на угрозу распространения вируса COVID-19. Это существенно ограничивало деловую активность и, соответственно, сокращало налоговые и иные поступления в бюджетную систему, требуя повышения эффективности государственных расходов.

О необходимости концептуально новой предпринимательской политики для России, связанной с возможностями повышения устойчивости экономики на основе экосистемного подхода, ученые стали чаще писать с начала пандемии⁷. Под ним понимается проактивная политика властей, сочетающая комплекс мер по улучшению предпринимательской среды (делового климата) и выстраиванию устойчивых сетей бизнес-агентов с учетом особенностей территории их деятельности [Барина и др., 2023]. Концепция в наиболее общем виде предполагает выполнение шести базовых принципов при проведении политики:

- 1) согласованность — координация различных мер на общегосударственном, региональном и локальном уровнях;
- 2) взаимосвязанность — кооперация большого числа заинтересованных сторон (стейкхолдеров), включая предпринимателей, для выработки и реализации решений;
- 3) инклюзивность — формирование единых (равных) норм и правил для всех экономических агентов;
- 4) публичность — создание открытой системы отбора направлений и объектов поддержки с использованием внешней экспертизы;

⁷ В частности, одними из первопроходцев в отношении обоснования преимуществ новой политики выступили авторы статьи [Образцова, Чепуренко, 2020].

- 5) приоритетность — дифференцированная поддержка приоритетных отраслей с учетом «умной специализации» региона⁸;
- 6) локальность — учет местных особенностей МСП и интересов местных стейкхолдеров.

Цели такой политики связаны с ростом числа субъектов МСП, масштабированием предприятий, повышением их разнообразия и связанности⁹. Экосистемный подход представляет собой в определенном смысле альтернативу традиционной прямой финансовой поддержке предприятий, не предполагая перераспределение финансовых средств между экономическими агентами с помощью привычных инструментов: субсидий, грантов, инвестиций в капитал и др. Косвенные механизмы поддержки, преобладающие в экосистемном подходе, направлены на формирование благоприятной среды ведения бизнеса для всех компаний без исключения: повсеместное снижение административной нагрузки, консалтинг, информационные сервисы и т. д.¹⁰ Экосистемная предпринимательская политика нацелена на снижение прямой бюджетной поддержки предприятий за счет расширения функций институтов развития, включая как федеральные институты помощи МСП¹¹, так и специализированные организации на местном уровне. Институты развития за счет своих программ поддержки формируют и укрепляют предпринимательские сети в регионах.

Формирование системы гарантийной поддержки и расширение льготного кредитования последних лет в России представляет собой важный шаг в сторону экосистемного подхода: при такой схеме не происходит прямого субсидирования фирм ведомствами, а создается институт оценки кредитных заявок МСП государственными и банковскими агентами [Баринова и др., 2023], а также институт государственных гарантий по кредитным рискам коммерческих банков. Вводится инструмент компенсации государством потерь банков при выдаче льготных кредитов.

Финансовая, информационная и в меньшей степени консультационная поддержка положительно влияет на рентабельность поддержанных субъектов МСП [Найденова и др., 2025]. При этом

⁸ Имеется в виду определение перспективной специализации экономики региона исходя из имеющегося потенциала и возможностей по достраиванию производственных и иных цепочек.

⁹ Выстраивание устойчивых сетей бизнес-агентов должно приводить к росту доверия между агентами и повышению устойчивости экономики, привлекательности предпринимательской деятельности [Баринова и др., 2023].

¹⁰ Подобный подход может обладать ограниченной эффективностью из-за цепочки сформировавшихся институциональных ловушек, включая рентоориентированное поведение экономических агентов, сложившееся недоверие и отсутствие мотивации к кооперации бизнеса и власти (в частности, отсутствие стимулов к взаимодействию с сообществом предпринимателей у местных властей из-за недостатка бюджетных полномочий), выгодность асимметрии информации о поддержке для отдельных агентов и пр.

¹¹ В России примером такого верхнеуровневого института является федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства (Корпорация МСП), действующая с 2015 года.

нужно иметь в виду, что, несмотря на распространение финансовых форм поддержки, связанных с развитием системы гарантий бизнеса [Brown et al., 2020; Coronavirus (COVID-19)..¹², 2020], сама по себе такая поддержка не способна решать долгосрочные проблемы устойчивости сектора МСП [Infelise, 2014].

В быстро меняющихся внешних условиях повышаются требования к компетенциям и заинтересованности региональных элит, требуется расширение их полномочий для ускорения адаптации мер поддержки с учетом местных проблем и условий. В период коронакризиса в России наблюдалось некоторое повышение роли региональной составляющей в поддержке МСП [Zemtsov et al., 2023]. Однако во время санкционного шока в 2022–2023 годах поддержка снова сконцентрировалась на федеральных инструментах, в том числе в рамках институтов развития. По нашим расчетам на основе данных Реестра субъектов МСП — получателей поддержки, доля регионального участия в общем объеме помощи снизилась с 46% в 2020 году до 38% в 2022-м.

В условиях ужесточения санкций в первом полугодии 2022 года было введено более тридцати целевых мер поддержки субъектов МСП и самозанятых [Демидова, 2022]. В связи с новой приоритизацией отраслей¹² и оттоком востребованных специалистов за рубеж был разработан беспрецедентный пакет мер поддержки ИТ-сектора, включающий освобождение от уплаты налога на прибыль и всех текущих проверок, право на кредитные каникулы, льготные кредиты, отсрочку от мобилизации и льготную ипотеку сотрудникам. Адресную поддержку, в том числе льготные кредиты, освобождение от налогов, гранты и субсидии, также получили высокотехнологичные МСП¹³, сельхозпроизводители, гостиничный бизнес, экспортеры и молодые предприниматели до 25 лет. Отличительной чертой системы экономической политики стало преобладание следующих инструментов: стимулирование госзакупок у субъектов МСП¹⁴, в частности расширение доступа к офсетным контрактам с регионами и

¹² В число приоритетных отраслей вошли сельское хозяйство, наука, образование, здравоохранение, культура, гостиничный бизнес, спорт, общественное питание, информационные технологии (в том числе производство компьютеров и разработка ПО), оптовая и розничная торговля, сфера услуг и различные производства: лекарств, продуктов питания, одежды, мебели, бытовой химии, электрического оборудования, резиновых и пластмассовых изделий — всего более 70 кодов ОКВЭД. Перечень составлен с учетом введенных в отношении России западных санкций и предложений представителей бизнеса и утвержден Постановлением Правительства РФ от 10.03.2022 № 337. <http://government.ru/news/44778>.

¹³ В санкционный период основным фокусом и приоритетом поддержки стали российские компании, которые создают технологии и вкладывают инвестиции в новые производства материалов, компонентов и промышленной продукции в целях обеспечения технологического суверенитета РФ [О долгосрочном научно-технологическом..¹⁴, 2023].

¹⁴ Фактическая доля участия МСП в поставках крупным компаниям по 223-ФЗ за 9 месяцев 2022 года выросла в 1,6 раза и составила 48,5%. https://www.economy.gov.ru/material/news/zakupki_kompaniy_s_gosuchastiem_u_msp_v_tekushchem_godu_prevysili_3_trln_rubley.html.

муниципалитетами, стимулирование оборотного и инвестиционного кредитования¹⁵, разработка зонтичного механизма поручительств для МСП¹⁶, льготные кредиты на приобретение приоритетной для импорта продукции на основе компенсации выпадающих доходов банкам за счет субсидии из федерального бюджета. Вместо предоставления субсидий в целях сохранения занятости для бизнеса стала действовать программа субсидирования найма с выплатами в размере 3 МРОТ на каждого принятого безработного сотрудника в возрасте до 30 лет или работника, который ранее был уволен в связи с ликвидацией предприятия или сокращением штата.

Ключевым решением российского правительства в ответ на усиление внешнего санкционного давления также стала легализация параллельного импорта¹⁷. Благодаря возросшему в пандемию уровню цифровизации, адаптации МСП к онлайн-торговле через маркетплейсы и разрешению параллельного импорта малый и средний бизнес стал важным экономическим звеном, поддерживающим потребительский спрос на фоне закрытия торговых точек иностранных компаний и приостановки прямых поставок комплектующих [Земцов и др., 2023; Российская экономика., 2023].

2. Гипотезы и методика исследования

На основе обзора исследований были выдвинуты четыре гипотезы.

Гипотеза 1. В изучаемые кризисные периоды на развитие сектора МСП могли значимо влиять в совокупности такие механизмы целевой государственной поддержки, информация по которым содержится в открытом доступе, как инвестиции в капитал, субсидии и гранты, гарантии и поручительства, льготные кредиты, лизинг и предоставление отсрочек и льгот по арендным платежам.

Гипотеза 2. Рост удельного совокупного объема господдержки из федерального и регионального бюджетов на один субъект МСП стал эффективной стратегией для сохранения размера сектора МСП в регионе в период внешних шоков¹⁸. Альтернативной страте-

¹⁵ С 2023 года введены единые условия выдачи займов для субъектов МСП по обеим программам. <https://sberfactoring.ru/blog/gosudarstvennoe-finansirovanie-biznesa>.

¹⁶ Модель гарантийной поддержки, когда примерно 50% риска берет на себя Корпорация МСП. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427260/4bedab9d52a80e28b67bb62a354c36b7b5ca062b.

¹⁷ Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48008>.

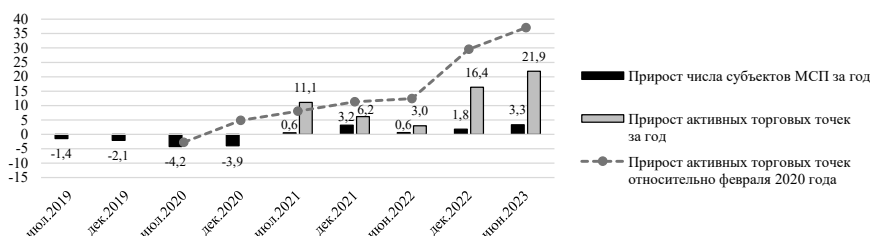
¹⁸ Это возможно при рациональном использовании целевых бюджетных средств, то есть в качестве предпосылки берется то, что государство, определяя набор мер, объемы помощи, охват и другие показатели поддержки, ориентируется на актуальные потребности предприятий, в том числе корректируя заложенные в бюджет расходы на поддержку сектора МСП и перераспределяя их между инструментами.

гией при фиксированном объеме господомощи могло быть наращивание числа получателей мер поддержки (рост охвата) со снижением удельного финансирования поддерживаемых предприятий.

Гипотеза 3. В условиях внешних шоков значимым было усиление децентрализации господдержки, то есть передача полномочий регионам, из-за высокой скорости изменений: соответственно, чем выше была доля региональной поддержки в объеме предоставленной помощи МСП, тем лучше это сказывалось на динамике роста / сохранении субъектов МСП в этом регионе.

Гипотеза 4. Стратегия государственной поддержки МСП за счет мер возвратной финансовой помощи, в частности системы гарантий и льготного кредитования, оказалась эффективнее предоставления прямых мер невозвратной помощи, таких как субсидирование, выделение грантов и пр. Поэтому приоритет при формировании системы господдержки обоснованно менялся в пользу первых.

Для проверки гипотез в качестве инструмента используется построение эконометрической модели на базе 765 наблюдений (85 регионов, 9 полугодий). Объясняемой переменной являются годовые темпы роста числа субъектов МСП¹⁹, рассчитанные на основе Единого реестра субъектов МСП ФНС России с первого полугодия 2019 по первое полугодие 2023 года, что включает периоды внешних шоков (рис. 1).

Примечание. Для расчета прироста активных торговых точек в последний рассматриваемый период авторы использовали доступные данные на 05.03.2023.

Источник: расчеты авторов по данным: Единого реестра субъектов МСП ФНС России (июль 2018 — июнь 2023 года). <https://rmsp.nalog.ru>; СберИндекса (февраль 2020 — март 2023 года). <https://sberindex.ru/ru/dashboards/izmenenie-kolichestva-aktivnikh-torgovo-servisnikh-tochek-po-kategoriyam>.

Рис. 1. Динамика развития и активности сектора МСП в России на середину и конец года, 2019–2023 годы (%)

Fig. 1. Dynamics of Russian SME Development and Activity, Mid-Year Compared to Year-End, 2019–2023 (%)

¹⁹ Годовой рост числа субъектов МСП включает появление новых предприятий за вычетом вышедших за год. Он может быть обеспечен за счет стимулирования предпринимательской активности и путем предоставления МСП своевременной государственной помощи и тем самым недопущения роста банкротств.

Источник данных о господдержке МСП — Реестр субъектов МСП — получателей поддержки. Авторами были разработаны специальные алгоритмы сбора и обработки отрытых данных реестров, представленных на сайте ФНС России²⁰, на несколько дат: 15.07.2021, 15.07.2022 и 15.07.2023. В качестве основных источников предоставления помощи рассматривались два уровня бюджетов — федеральный и региональный. Федеральную поддержку оказывают как органы власти (Федеральная налоговая служба, Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации), так и институты развития (АО «Федеральная корпорация по развитию МСП», АО «Российский экспортный центр», ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», АО «Российский банк поддержки МСП» и др.²¹).

Для проверки последней гипотезы, кроме того, были выделены прямые безвозвратные и не прямые возвратные формы финансовой помощи. В случае прямых инструментов, таких как инвестиции в капитал, субсидии и гранты, отсрочки и льготы по арендным платежам²², речь идет о предоставлении денег на безвозвратной основе, а в случае не прямых — о стимулировании предприятий к использованию средств на возвратной основе²³, лизинга путем льготных ставок и/или гарантийного обеспечения. Принцип разделения может показаться условным: при использовании механизмов у предпринимателя так или иначе появляется больше средств, которые он может вложить в бизнес для покрытия операционных расходов или на инвестиционные цели. Помощь требует бюджетных расходов, иными словами, происходит не за счет рыночных механизмов или косвенных мер политики, направленных на улучшение общей деловой среды. Однако, как уже было отмечено выше, стратегия государственной поддержки МСП путем обеспечения институциональных условий для бизнеса и соответствующего расширения системы

²⁰ <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-rsmppp>.

²¹ После 2021 года большинство институтов развития, поддерживающих МСП, входят в Группу ВЭБ.

²² Несмотря на то что предоставление отсрочек и льгот по арендным платежам является имущественной, а не финансовой формой поддержки, с точки зрения получения дополнительных денег (за счет высвобождения оборотных средств) они сравнимы с безвозвратным финансированием и были условно отнесены к категории прямых мер поддержки, аналогично тому, как лизинг в большей мере сопоставим с заемным финансированием и, соответственно, был отнесен к непрямым механизмам.

²³ Что касается обеспечения кредитными ресурсами, по данному виду не прямой помощи в реестрах содержится информация в части количества получателей, но не в части объемов предоставленных средств в рублях (при этом приводится информация по процентным ставкам выданных кредитов). Этот вид был учтен только при расчете показателя охвата поддержкой, но не для показателей объемов государственной помощи МСП.

гарантий и льготного кредитования в какой-то мере может отражать вектор перехода от традиционных стратегий финансовой помощи в сторону экосистемной предпринимательской политики. Поэтому имеет смысл разделить рассматриваемые механизмы на две группы.

Для проверки гипотез в рамках эконометрической модели также учтены базовые факторы предпринимательской активности как контрольные переменные [Баринова и др., 2023], дополнительные релевантные факторы в форме фиктивных переменных, например близость к так называемым недружественным странам²⁴, введившим санкционные ограничения, периоды внешних шоков — 2020 и 2022 годы (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Описание переменных, использованных при оценке эконометрической модели

Table 1

Variables Used in the Econometric Model			
Фактор	Индикатор	Источник данных	Ожидаемое влияние
Зависимая переменная			
Рост или развитие сектора МСП	Годовые темпы роста числа субъектов МСП	Расчеты авторов по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России (до 2022 года — июль к июлю, январь к январю; с 2022 года — июнь к июню, декабрь к декабрю)	
Контрольные переменные			
Контроль на размер сектора МСП	Число субъектов МСП на душу населения (ед.)	Расчеты авторов по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России и Росстата	–
Доступность трудовых ресурсов	Уровень безработицы, по выборке от 15 лет и старше (%)	Росстат	+/-
Деловой климат (экономические стимулы)	Реальные процентные ставки по кредитам МСП, выданным на срок свыше 1 года в рублях (% годовых)	Расчеты авторов по данным ЦБ РФ и Росстата (ставки по кредитам МСП взяты по федеральным округам; за вычетом инфляции)	–
Деловой климат (институты: качество правовой среды)	Общее количество преступлений на душу населения (ед.)	МВД РФ «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений»	–

²⁴ Понятие недружественных стран закреплено Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-п. <http://government.ru/docs/44745>.

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 1

Фактор	Индикатор	Источник данных	Ожидаемое влияние
Стимулирование рыночного спроса	Рост реальных денежных доходов населения (РДДН)	Росстат	+
Объем регионального рынка сбыта	Валовые денежные доходы населения за вычетом прожиточного минимума в ценах IV квартала 2018 года (руб.)	Расчеты авторов по данным Росстата. Корректировка с помощью индексов цен для межрегиональных сопоставлений и приведения к ценам IV квартала 2018 года с помощью индекса потребительских цен (ИПЦ)	+
Факторы государственной поддержки МСП			
Господдержка МСП	Гипотезы 1, 4. Совокупный объем помощи МСП из всех госбюджетов в расчете на 1 субъект МСП в регионе (руб.), в том числе отдельно для прямой и не прямой поддержки	Расчеты авторов на основе открытых данных Единого реестра субъектов МСП — получателей поддержки ФНС России от 15.07.2021, Реестра от 15.07.2022 и Реестра от 15.07.2023. Корректировка межрегиональных различий в ценах с помощью индекса бюджетных расходов и приведения к ценам IV квартала 2018 года с помощью ИПЦ	+
	Гипотезы 2, 4. Удельная помощь в расчете на 1 поддерживанный субъект МСП (руб.), в том числе отдельно для прямой и не прямой поддержки		+
	Гипотезы 2, 4. Охват всеми видами поддержки: число поддерживанных предприятий к числу субъектов МСП в регионе (%), в том числе отдельно для прямой и не прямой поддержки		+
	Гипотеза 3. Доля региональной составляющей в объеме прямой господдержки (%)		+
Дополнительные релевантные факторы			
Близость к недружественным странам	Граница с Украиной	5 регионов: Республика Крым, Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская области	–
	Граница с другими недружественными странами	5 регионов: Республика Карелия, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Псковская области	–
Периоды внешних шоков	2020 год	1 — если 2020 год, 0 — иначе	–
	2022 год	1 — если 2022 год, 0 — иначе	–

Источник: составлено авторами.

Все переменные, кроме фиктивных, логарифмированы. Эконометрическая оценка моделей на основе панельных данных с большим количеством групп (регионов) обычно производится с использованием моделей с фиксированными эффектами, однако они требуют строгую экзогенность (несвязанность) факторов²⁵. В нашем случае есть основания предполагать взаимосвязь между показателями господдержки и динамикой числа субъектов МСП. Поэтому в работе используется системный обобщенный метод моментов (далее — ОММ) для моделей динамических панельных данных²⁶, для которого допускается эндогенность регрессоров, но при этом необходима верная спецификация модели. Для этого важно разграничить экзогенные, эндогенные и преддетерминированные переменные. В роли эндогенных переменных, на наш взгляд, могут выступать лаги зависимой переменной и оценки господдержки МСП; в роли преддетерминированных — факторы делового климата: количество преступлений на душу населения и реальная процентная ставка Банка России с лагом; в роли экзогенных — иные контрольные и фиктивные переменные²⁷.

Исходная модель для оценки выглядит следующим образом:

$$\log(\text{Темпы роста МСП})_t = bX,$$

где X — $(\log(\text{Темпы роста МСП})_{t-1}, \dots, \log(\text{Темпы роста МСП})_{t-i}, \log(\text{Факторы господдержки МСП})_i, \log(\text{Количество МСП на душу населения})_{t-1}, \log(\text{Уровень безработицы})_{t-1}, \log(\text{Реальная процентная ставка})_{t-1}, \log(\text{Преступления на душу населения})_i, \log(\text{Темпы роста РДДН})_i, \log(\text{Объем рынка})_i, \text{фиктивные переменные})$, b — вектор коэффициентов.

Величина i зависит от автокорреляции, то есть если, согласно тесту, одного лага зависимой переменной достаточно, то параметр i будет равен 1²⁸.

²⁵ Иначе возникает смещение оценок [Leszczensky, Wolbring, 2022; Roodman, 2009].

²⁶ Метод system-GMM (системный обобщенный метод моментов / ОММ) является расширением метода difference-GMM (разностный ОММ), разработанного в [Arellano, Bond, 1991]. Метод Ареллано — Бонда является одним из наилучших способов в борьбе с эндогенностью при больших N и малых T [Leszczensky, Wolbring, 2022; Roodman, 2009]. При этом метод system-GMM показывает себя еще более выгодным [Bond, 2022]. При использовании двухшаговой процедуры системного ОММ оценки становятся более точными с меньшими стандартными ошибками [Bun, Windmeijer, 2007; Windmeijer, 2005]. Так как ожидается гетероскедастичность, то используются устойчивые к ней оценки.

²⁷ В работе [Roodman, 2009] не рекомендуется использовать фиктивные переменные фиксированных эффектов (в данном случае это границы/близость к недружественным странам и Украине — см. табл. 1): это может внести искажения в модель. Поэтому в работе оценивается модель с ними и без них.

²⁸ Для проверки на автокорреляцию в модели используются соответствующие тесты первого и второго порядка, предложенные в [Arellano, Bond, 1991], при этом автокорреляция первого порядка должна присутствовать в модели, тогда как второго порядка — отсутствовать.

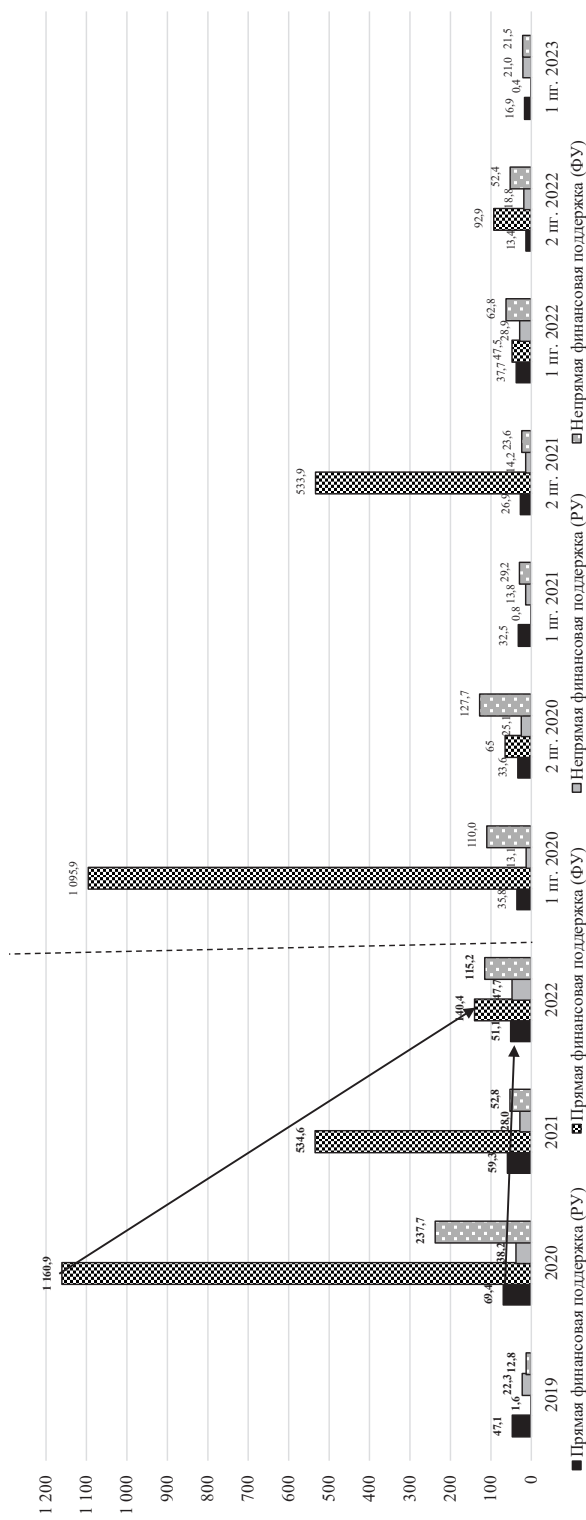
В модели, оцениваемой системным ОММ, может быть довольно большое количество инструментов, так как в этом случае оцениваются два уравнения: уравнение в уровнях и уравнение в первых разностях. При этом для первого инструментами выступают первые разности, тогда как для последнего — уровни. Благодаря первым разностям инструменты становятся экзогенными для фиксированных эффектов [Arellano, Bover, 1995]. То же самое верно и для уравнения в разностях: инструменты в уровнях экзогенны для фиксированных эффектов. Однако слишком большое количество инструментов может привести к проблеме переопределения, в результате чего снижается эффективность тестов на качество инструментов и может возникнуть смещение оценок. Поэтому мы используем общепринятое правило по количеству инструментов — их число не должно превышать количество групп (в данном случае регионов) [Leszczensky, Wolbring, 2022]. Иными словами, количество инструментов в наших моделях не может превышать 85. Для оценки качества инструментов мы используем тест Хансена [Hansen, 1982] с нулевой гипотезой о том, что инструменты не валидны. Однако важно иметь в виду, что при проблеме переопределения тест Хансена может показывать ложную валидность инструментов. В этом случае p -значения становятся сильно завышенными, поэтому рекомендуется крайне осторожно относиться к результатам теста при p -значениях выше 0,85 [Leszczensky, Wolbring, 2022].

Важно отметить, что есть некоторые ограничения и особенности применения системного ОММ: отсутствуют тесты на сравнение моделей между собой, и, кроме того, полученные в моделях коэффициенты отражают только краткосрочное влияние.

3. Результаты исследования

Основные тенденции в системе оказания помощи субъектам МСП

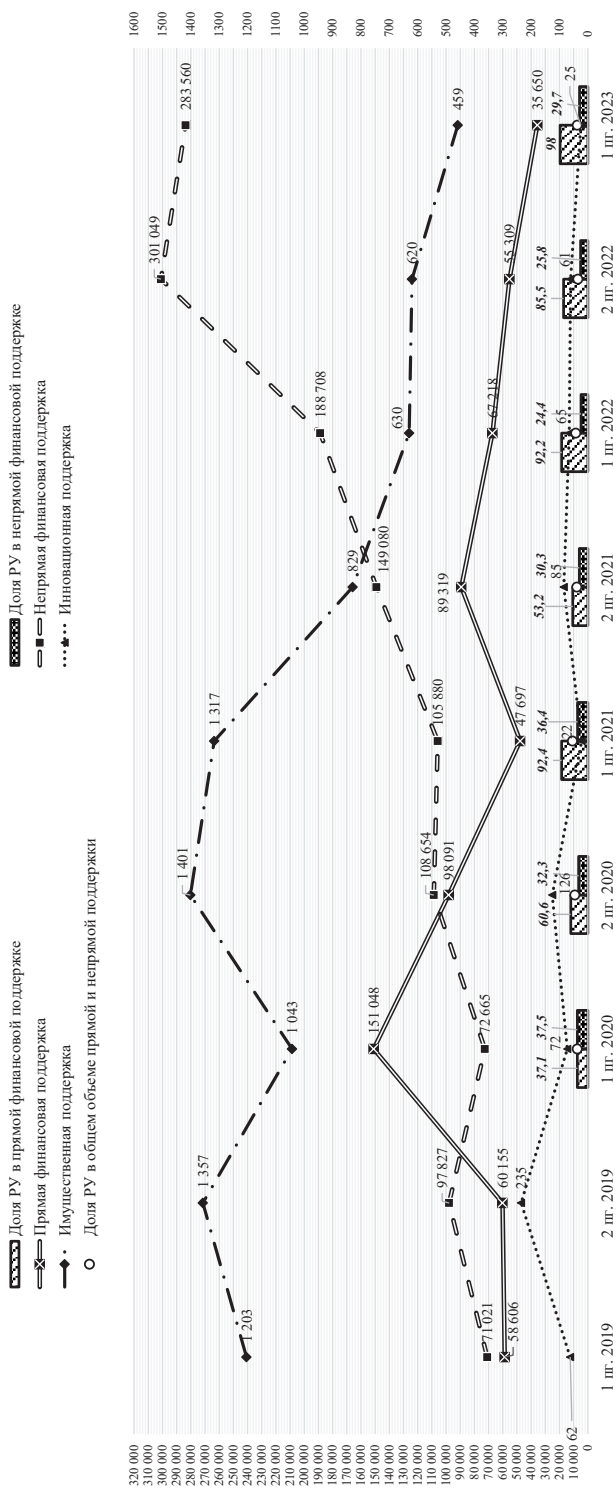
Для выявления ключевых векторов политики федеральных и региональных властей по оказанию помощи малому и среднему бизнесу была рассмотрена динамика охвата (рис. 2) и объемов поддержки субъектов МСП в номинальных ценах (рис. 3) в разрезе прямых безвозвратных и непрямых возвратных форм финансовой помощи за 2019–2023 годы. В целом антикризисная поддержка сектора МСП потребовала значительного расширения бюджетного финансирования. По нашим оценкам на основе обработки открытых данных Реестра субъектов МСП — получателей поддержки, за полтора года (2022 — первое полугодие 2023 года)

Источники: расчеты авторов на основе данных реестров субъектов МСП — получателей поддержки от 15.07.2020, 15.07.2021 и 15.07.2023.

Рис. 2. Количество субъектов МСП — получателей поддержки регионального уровня (РУ) и федерального уровня (ФУ) в РФ по прямым и косвенным видам финансовой помощи, 2019 — первое полугодие 2023 года (тыс.)

Fig. 2. Number of SMEs Receiving Regional and Federal Support (RS, FS) in Russia by Direct and Indirect Financial Assistance, 2019 — Mid-2023 (thousands)

Источники: расчеты авторов на основе данных реестров субъектов МСП — получателей поддержки от 15.07.2020, 15.07.2021, 15.07.2023.

Рис. 3. Динамика господдержки МСП в РФ в разных формах: прямая и не прямая финансовая поддержка (левая шкала, млн руб.), имущественная и инновационная поддержка (правая шкала, млн руб.), доля регионального участия (РУ) в прямой и не прямой финансовой поддержке (правая шкала, %), первое полугодие 2019 — первое полугодие 2023 года

Fig. 3. Dynamics of Russian State Support for SMEs: Direct and Indirect Financial Support (left scale, RUB mln); Property and Innovation Support (right scale, RUB mln); Share of Regional Participation in Direct and Indirect Financial Support (right scale, %), Mid-2019 — Mid-2023

всем субъектам и самозанятым была выделена финансовая помощь в объеме 931,4 млрд руб., что в 1,7 раз больше, чем во время пандемии за сопоставимый период (2020 — первое полугодие 2021 года). При этом 769,5 млрд руб. (83%) — это гарантии и поручительства трехуровневой национальной гарантийной системы. Для сравнения: за период в 2020 по первое полугодие 2021 года объем гарантий и поручительств МСП составил 248 млрд руб. (48%). По нашим оценкам, по сравнению с 2019 годом²⁹ в 2020-м общий объем господдержки сектора МСП вырос в 1,5 раза (объем федеральных субсидий и грантов — в 8 раз), охват всеми мерами поддержки, включая льготные кредиты, увеличился с 1,5 до 26,6% (при снижении объема удельной помощи на одно поддерживаемое предприятие в 11,5 раза).

Как видно на рис. 2, в 2020 году количество получателей по прямым безвозвратным и непрямым возвратным формам поддержки в совокупности выросло почти в 18 раз, и их общее количество составило 1,5 млн. Особенно вырос охват прямыми мерами поддержки за счет субсидий и грантов из федерального бюджета: более 80% поддерживаемых субъектов МСП получили соответствующую помощь. В этот период 92,6% получателей было поддержано за счет средств организаций федерального уровня.

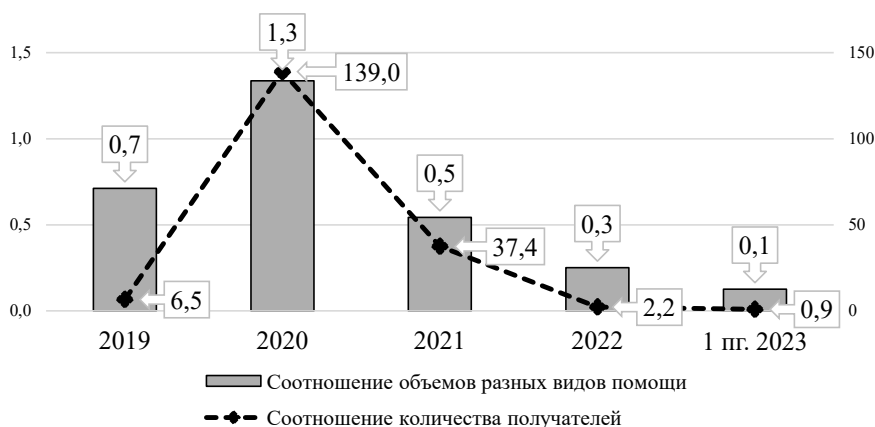
В 2022 году ситуация значительно изменилась по сравнению с 2020 годом: сектор МСП оказался под воздействием очередного сильного шока, а ключевые векторы политики государства были скорректированы. Охват предприятий сектора МСП мерами господдержки снизился с 26,6 до 6,3%. В сравнении с 2020 годом общее количество получателей уменьшилось в 4,2 раза, составив 354 375. Заметно увеличилась доля охвата получателей региональными мерами помощи — с 7,4% в 2020 году до 28,5% в 2022-м, что связано не с ростом регионального участия, а с более чем с пятикратным снижением количества получателей в результате того, что федеральное правительство переориентировалось с предоставления мелких объемов субсидий и грантов на более адресную гарантийную поддержку.

Прямая финансовая поддержка субъектов МСП в 2019 году составляла 118 761 млн руб. (доля регионального участия в ней — 87,3%), а не прямая — 168 848 млн руб. (доля регионального участия — 52,1%) (см. рис. 3). Имущественная и инновационная поддержка практически полностью обеспечивались за счет региональных бюджетов. В ковидный период в 2020 году общий объем субсидий и грантов по сравнению с 2019 годом вырос в 2 раза, а предоставление отсрочек и льгот по арендным платежам — в

²⁹ Информация по данным за 2019 год собрана на основе Реестра от 15.07.2021 года.

30 раз. Непрямая поддержка с точки зрения объемов выделенных средств выросла при этом менее значительно. На фоне роста общего объема государственной помощи в 1,5 раза доля регионального участия снизилась как по прямым, так и по косвенным формам поддержки — до 46,3 и 34,4% соответственно.

В целом по России доля регионального участия в общем объеме господдержки в 2022 году снизилась до 38% против 46% в 2020 году. Таким образом, усилилась роль политики федерального центра в распределении финансовой помощи МСП, и только в отношении прямых мер поддержки (субсидий и грантов, инвестиций в капитал и пр.), доля которых в общем объеме сократилась в 2 раза и в первом полугодии 2023 года впервые составила менее 50%, имела место обратная тенденция. Это говорит о том, что региональные власти в целом обладали меньшими полномочиями и более суженным набором средств для управления предпринимательскими экосистемами. Очевидным трендом на протяжении всего рассматриваемого периода являлось наращивание не прямой финансовой поддержки сектора МСП, в основном в форме гарантий и поручительств за счет федеральных источников.

Примечание. На графике представлено отношение объемов (количества получателей) помощи в виде субсидий и грантов к аналогичным параметрам помощи в виде гарантий и поручительств.

Источник: расчеты авторов на основании данных официальных реестров.

Рис. 4. Динамика соотношения объемов (левая шкала) и числа получателей (правая шкала) разных видов помощи МСП по годам, 2019 — первое полугодие 2023 года

Fig. 4. Dynamics of the Ratio of Volumes (left scale) and Number of SME Recipients (right scale) of Different Types of Assistance, 2019 — Mid-2023

Основной отличительной особенностью государственной антикризисной политики поддержки субъектов МСП в условиях

санкций является ее сфокусированность на повышении удельного объема предоставляемой помощи: в 2022 году объем совокупной помощи на один поддерживаемый субъект МСП увеличился в 6,4 раза и составил 2193 тыс. руб. (против 343 тыс. руб. в 2020 году). В первом полугодии 2023 года выявленные черты и соотношения в целом сохраняются. На рис. 4 можно увидеть, что соотношение таких ключевых механизмов, как прямое субсидирование и гарантийное обеспечение кредитов, с пика в 2020 году устойчиво менялось в пользу последнего, как по размеру, так и по охвату.

Таким образом, на фоне снижения региональной части в господдержке МСП росла доля мер не прямой (возвратной) финансовой помощи и ее сфокусированность³⁰. Отчасти это можно считать движением в сторону экосистемной предпринимательской политики.

Выявление взаимосвязей между переменными

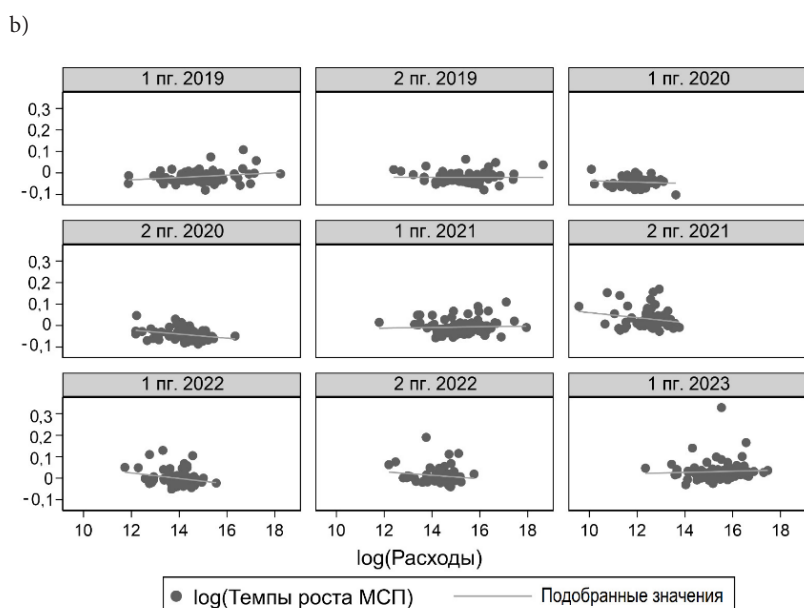
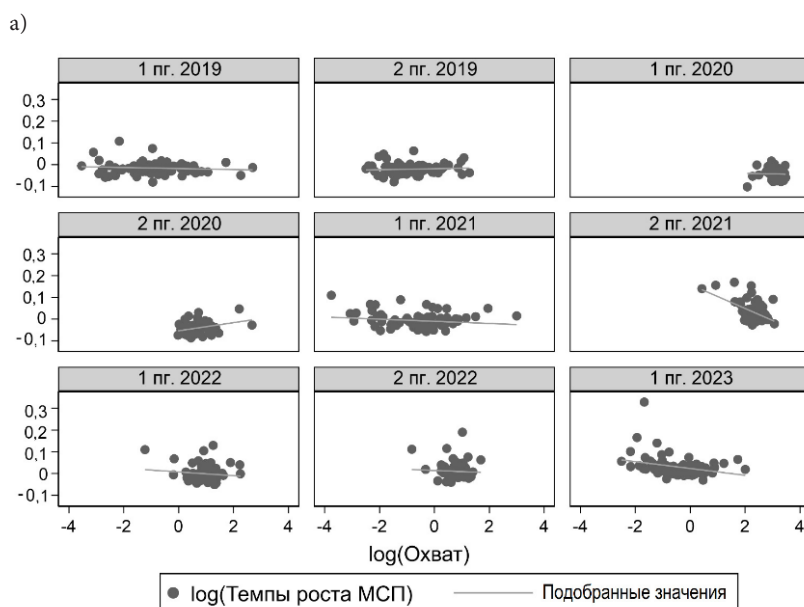
Как видно на графиках рассеяния (рис. 5), влияние удельной помощи в расчете на один поддерживаемый субъект МСП и охвата субъектов МСП не связано или может быть негативно связано с темпами роста числа субъектов МСП в регионе. Дело в том, что поддержка может выделяться тем регионам, которые сильнее пострадали от внешнего шока и где наблюдались низкие темпы роста числа субъектов МСП, то есть имеет место обратная причинность. Так или иначе, прямые линейные взаимосвязи неоднозначны, слабы и могут быть разнонаправленными в различные периоды.

Графоаналитический метод и расчет коэффициентов корреляции могут вводить в заблуждение, так как не учитывают все факторы развития сектора МСП, а также упомянутые проблемы эндогенности.

Результаты оценки многофакторной модели развития сектора МСП

В настоящей работе приводятся результаты моделирования с тремя лагами зависимой переменной, поскольку в таких моделях не выявлена автокорреляция. Также все представленные модели имеют количество инструментов меньше числа регионов, а тест

³⁰ Под ростом сфокусированности (с точки зрения выбора оптимального подхода к оказанию помощи МСП) имеется в виду как возможное преобладание селективности в поддержке субъектов МСП (меньшая ширина охвата), так и обязательное увеличение объема государственной помощи в расчете на один поддерживаемый субъект.

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Графики рассеяния между логарифмами темпов роста числа субъектов МСП по регионам России по полугодиям и (а) охватом всеми видами поддержки, (б) удельным объемом господдержки (в расчете на 1 поддерживаемый субъект МСП), первое полугодие 2019 — первое полугодие 2023 года

Fig. 5. Scatter Plots Between Logarithms of Growth in the Number of SMEs by Russian Regions Over 6-Month Periods and (a) Coverage by All Types of Support, (b) Unit Volume of State Support (per Each Supported SME), Mid-2019 — Mid-2023

Хансена показывает адекватные p -значения (входят в промежуток от 0,05 до 0,85), что говорит о том, что в моделях нет проблем с переопределением, а инструменты валидны.

Результаты оценки представлены в табл. 2. Все лаги зависимой переменной значимы. Согласно модели 1 реальная процентная ставка и количество МСП на душу населения в предыдущем периоде значимо отрицательно влияли на темпы роста МСП, что соответствует ожиданиям авторов (табл. 1). Уровень безработицы не влиял на темпы роста МСП (модель 2). Переменные доступности рынка незначимы (модели 8 и 9), так как в период внешних шоков выросли ограничения для трансграничной торговли. Уровень преступности значимо отрицательно влиял на темпы роста МСП (модель 3), что согласуется с представлениями о высокой значимости делового климата, особенно в периоды шоков [Барина и др., 2023].

Взаимодействие охвата и удельной помощи значимо положительно влияло на темпы роста числа субъектов МСП (модель 6). При этом в условиях ресурсной ограниченности госбюджетов стратегия наращивания объема удельной поддержки МСП без увеличения охвата (модель 5) не приводила к росту числа субъектов МСП, а альтернативная стратегия, связанная с ростом ширины охвата МСП без фокусировки на размер помощи бенефициарам (модель 4), показала себя более результативным подходом.

Доля региона в прямой безвозвратной господдержке отрицательно (модель 7) или незначимо (модель 10) связана с темпами роста числа субъектов МСП. Это служит основанием для обсуждения роли региональных властей в господдержке МСП.

Кроме того, близость границы с Украиной значимо отрицательно влияет на темпы роста числа субъектов МСП, а граница с недружественными странами незначима (модель 10).

В табл. 3 представлены результаты с разделением факторов господдержки на прямую безвозвратную помощь (модели 2, 4, 6) и непрямую возвратную помощь (модели 3, 5, 7).

Полученные результаты не противоречат здравому смыслу. Они свидетельствуют о том, что для разных механизмов поддержки МСП требуется выбор разных стратегий их имплементации: для не прямых мер, включая госгарантии, более результативным было наращивание удельных объемов помощи, например для производственных предприятий, а для прямых мер, включая субсидии и гранты, — рост охвата, особенно начинающих предпринимателей.

Устойчивая значимость лагов темпов роста числа субъектов МСП указывает на важность учета инерции при оценке влияния на

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 2

Гипотеза	Переменная	Модель									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Близость к недружественным странам	Граница с Украиной										-0,017***
	Граница с другими недружественными странами										
Периоды внешних шоков	2020 год	-0,028***	-0,029***	-0,029***	-0,030***	-0,031***	-0,030***	-0,031***	-0,018***	-0,021***	-0,035***
	2022 год	-0,036***	-0,034***	-0,033***	-0,034***	-0,034***	-0,034***	-0,034***	-0,035***	-0,037***	-0,031***
	Константа	-0,084***	-0,08	-0,124***	-0,111***	-0,037	-0,077**	-0,066**	-0,313**	-0,161*	-0,096***
	N	503	503	480	503	503	503	490	503	503	467
	Регионы	85	85	81	85	85	85	85	85	85	81
	Инструменты	76	67	66	66	66	66	66	46	46	78
	AR(1)	0	0	0	0,002	0,001	0,002	0	0,001	0,001	0,002
	AR(2)	0,945	0,912	0,97	0,718	0,772	0,667	0,555	0,91	0,886	0,239
	Тест Хансена	0,182	0,059	0,112	0,097	0,096	0,078	0,097	0,089	0,103	0,247

Примечание. Значимость оценивалась по t-статистике. Уровни значимости коэффициентов: * — 10%, ** — 5%, *** — 1%.
Источник: рассчитано авторами.

Т а б л и ц а 3

Результаты оценки многофакторной модели развития сектора МСП в кризис с выделением прямой возвратной и непрямой безвозвратной поддержки

T a b l e 3

Assessment of the Multifactor Model of SME Sector Development During the Crises With Allocation of Direct Repayable and Indirect Non-Repayable Forms of Support

Типотеза	Переменная	Модель						
		1	2	3	4	5	6	7
Лаги зависимой переменной	Темпы роста числа субъектов МСП (-1)	0,813***	0,673***	0,864***	0,706***	0,899***	0,693***	0,778***
	Темпы роста числа субъектов МСП (-2)	-0,244***	-0,162*	-0,274***	-0,156*	-0,269***	-0,208**	-0,241**
	Темпы роста числа субъектов МСП (-3)	0,234***	0,202***	0,198***	0,212***	0,247***	0,302***	0,249***
База	Число субъектов МСП на душу населения (-1)	-0,041***	-0,043***	-0,043***	-0,051***	-0,027***	-0,009	-0,003
Экономические стимулы	Реальная процентная ставка (-1)	-0,018***	-0,015***	-0,016***	-0,015***	-0,014***	-0,013***	-0,013***
Институты	Преступления на душу населения						-0,023***	-0,021***
Господдержка	Прямая господдержка: Удельный размер помощи		-0,004***					
	Непрямая господдержка: Удельный размер помощи			0,006**				
	Прямая господдержка: Охват				0,003***			
	Непрямая господдержка: Охват					-0,013***		
	Прямая господдержка: Охват × Удельный размер помощи						0,0004***	
	Непрямая господдержка: Охват × Удельный размер помощи							-0,004***
	Доля региона в прямой господдержке						-0,004***	-0,004***

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 3

Гипотеза	Переменная	Модель						
		1	2	3	4	5	6	7
Периоды внешних шоков	2020 год	-0,028***	-0,031***	-0,030***	-0,033***	-0,036***	-0,036***	-0,037***
	2022 год	-0,036***	-0,034***	-0,029***	-0,035***	-0,018***	-0,031***	-0,020***
	Константа	-0,084***	-0,046	-0,199***	-0,120***	-0,064**	-0,102***	-0,087***
	N	503	492	501	492	501	467	465
	Регионы	85	85	85	85	85	81	81
	Инструменты	76	66	66	66	66	76	76
	AR(1)	0	0	0	0	0	0,001	0
	AR(2)	0,945	0,495	0,587	0,458	0,758	0,289	0,698
	Тест Хансена	0,182	0,126	0,134	0,119	0,092	0,229	0,333

Примечания: 1. Значимость оценивалась по t-статистике. Уровни значимости коэффициентов: * — 10%, ** — 5%, *** — 1%. 2. Знак ³ означает, что ко-
эффициент умножен на 10.

Источник: рассчитано авторами.

этот показатель. Базовое количество субъектов МСП на душу населения значимо не во всех моделях, что указывает на то, что на темпы роста сектора МСП влияет не только эффект низкой базы, но и противоположный ему эффект: например, высокая концентрация МСП может отражать лучшие условия делового климата. В пользу этого предположения говорит отсутствие значимого влияния базы при включении в модель показателя числа преступлений на душу населения. Реальные процентные ставки Банка России значимо и негативно влияют на рост размера сектора МСП во всех моделях, так как увеличение ставки ограничивает доступ к заемному финансированию и возможности рефинансирования в сложных условиях. Также влияют на темпы роста числа субъектов МСП переменные господдержки, но неоднозначность влияния разных инструментов свидетельствует о необходимости дальнейших исследований.

Заключение

Несмотря на высокую устойчивость российского бизнеса во время внешних шоков, для более безболезненной адаптации к новым условиям потребовались усилия властей по смягчению административной, налоговой и иной нагрузки, оптимизации использования различных финансовых мер поддержки сферы МСП. Согласно расчетам авторов на основе данных Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки ФНС России за полтора года санкционного шока (2022 — первое полугодие 2023 года) была предоставлена помощь в объеме 931,4 млрд руб., что в 1,7 раза больше, чем во время пандемии (2020 — первое полугодие 2021 года) в номинальном выражении. При этом 83% ее объема — гарантии и поручительства, хотя ранее их доля не превышала 50%. Одновременно охват субъектов МСП мерами господдержки снизился с 26,6% в 2020 году до 6,3% в 2022-м, а сфокусированность мер выросла: на один подержанный субъект МСП в 2022 году выделено около 2,1 млн руб., что в 6,4 раза выше, чем в период пандемии. Федеральное правительство переориентировалось с предоставления массовых небольших субсидий и грантов на более адресную гарантийную поддержку производств и технологических компаний с целью импортозамещения.

Установлено положительное влияние совокупности механизмов государственной поддержки сектора МСП на темпы роста его размера в российских регионах в условиях внешних шоков при совмещении двух стратегий: наращивания объемов удельной поддержки субъектов МСП в расчете на одного бенефициара и

увеличения их охвата³¹. Поэтому первая и вторая гипотезы не отвергаются. При этом стратегия наращивания объемов удельной поддержки МСП без увеличения охвата, реализуемая в ряде регионов, не приводила к росту числа субъектов МСП. Это может быть связано с внесением искажений в деловую среду региона, но вероятнее всего, объясняется невозможностью полностью исключить двунаправленную причинно-следственную связь: государство при реализации совместной политики федерального центра и субнациональных властей в кризис стремилось увеличивать объем помощи в тех регионах, где ситуация была хуже. Нацеленность на больший охват мерами поддержки в условиях внешних шоков с большей вероятностью приводила к успеху — расширению предпринимательского потенциала региона и ожидаемому росту сектора МСП.

Влияние увеличения роли децентрализованной (региональной) государственной поддержки, имевшей положительный эффект на развитие сектора МСП в регионах России в 2020–2021 годах [Zemtsov et al., 2022], на рассматриваемом более длительном промежутке при одновременном росте объемов всей поддержки (модель 10) не выявлено. Это может косвенно свидетельствовать о недостаточной результативности региональной поддержки в условиях шоков, но также означать, что в ряде регионов положительная связь всё же могла наблюдаться. В будущих исследованиях следует проверить наличие такой связи в зависимости от качества регионального управления, развитости предпринимательской экосистемы и степени подверженности рассматриваемым шокам. К тому же местные власти могут целенаправленно поддерживать предприятия, находящиеся в более неустойчивом положении в связи с нехваткой источников финансирования и высокой вероятностью закрытия, чем те, что получают помощь из федерального бюджета, то есть имеет место двунаправленная причинно-следственная связь. В ряде зарубежных работ неэффективность подобной поддержки местных властей также объясняется недостатком компетенций, рисками злоупотребления полномочий, в частности содействием аффилированным с властями субъектами МСП (см. обзор в [Барина и др., 2023]).

³¹ В определенной степени этот вывод может показаться очевидным: чем больше государством закладывается ресурсов на поддержку всех предприятий в регионе, тем вероятнее, что это будет способствовать развитию сектора МСП. Однако если бы механизм такой поддержки не работал в периоды внешних шоков из-за того, например, что условия их получения не были своевременно скорректированы в зависимости от характера шока, а также соотношение прямых и косвенных мер помощи, как и сфокусированность поддержки, менялись бы иначе, можно было бы говорить о неэффективности системы государственной помощи даже в случае роста удельного объема бюджетных затрат.

Расчетами не подтверждается, что реализация государственной поддержки МСП за счет мер возвратной финансовой помощи в целом более обоснована, чем использование прямых мер невозвратной помощи. Однако для непрямых мер, включая выдачу льготных кредитов, госгарантии и лизинг, значимо результативным был фокус на объеме помощи поддерживаемым предприятиям. Интересным результатом является то, что для прямых мер помощи, таких как инвестиции в капитал, субсидии и гранты, отсрочки и льготы по арендным платежам, выводы являются прямо противоположными.

В целом можно констатировать постепенный отход властей от прямой госпомощи предприятиям к построению экосистемной политики. Так, политика поддержки МСП в период внешних шоков последних лет была направлена на сохранение и повышение плотности экономических агентов в связи с выбранным курсом на импортозамещение. Кроме того, ее целью также можно считать повышение разнообразия субъектов МСП, поскольку правительство оказывало поддержку предприятиям ИТ-сектора и различным производственным проектам. Повышение связанности сети бизнес-агентов как одна из основных целей экосистемной предпринимательской политики достигалось путем достраивания и локализации производственных цепочек внутри регионов, а также при формировании региональной системы поддержки. Задачи динамичного развития и масштабирования МСП решались путем увеличения числа индустриальных парков, кредитования основных фондов, в том числе за счет промышленной ипотеки и проектов фонда развития промышленности. Хотя доля региональной части поддержки сокращалась, интересы местных предпринимателей могли учитываться лучше за счет развития гарантийной системы, которая формируется в том числе на основе региональной инфраструктуры поддержки МСП. Важно также подчеркнуть, что в период санкций в основе отбора поддержанных проектов банками лежал принцип селективности, поскольку они были заинтересованы в отдаче вложенных средств, в то время как распределение субсидий и имущественной поддержки в предшествующие периоды не всегда удовлетворяло данному принципу. Следовательно, можно утверждать, что многие меры государственной поддержки субъектов МСП в России в санкционный период осуществлялись согласно целям и принципам экосистемной предпринимательской политики.

В дальнейшем государству следует дифференцированно подходить к оказанию помощи МСП на основе различных инструментов и продолжать выстраивать систему поддержки с учетом

перехода от традиционных стратегий к развитию региональных и локальных предпринимательских экосистем.

Литература

1. *Баринова В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В.* В поисках предпринимательства в России. Ч. I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. М.: Дело, 2023
2. *Бухвальд Е. М.* Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1319–1336. DOI: 10.18334/err.10.5.110134.
3. *Демидова К. В.* МСП в условиях антироссийских санкций: итоги первого полугодия 2022 года и возможные направления поддержки // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 11. С. 46–58.
4. *Земцов С. П.* Источники роста деловой активности в регионах России в условиях внешних шоков // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1(66). С. 291–300.
5. *Земцов С. П.* Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 1. С. 23–45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2.
6. *Земцов С. П., Баринова В. А., Михайлов А. А.* Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 2. С. 44–79. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79.
7. *Иванов О. Б., Бухвальд Е. М.* Малый бизнес России: третий год тяжелых испытаний // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 2. С. 7–27. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-2-7-27.
8. *Кнобель А. Ю., Багдасарян К. М., Лоценкова А. Н., Прока К. А.* Санкции: всерьез и надолго. М.: Дело, 2019.
9. *Найденова Ю. Н., Паклина С. Н., Паршаков П. А., Теплых Г. В., Чередникова Е. И.* Влияние государственной поддержки на финансовую эффективность малых и средних предприятий // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 3. С. 62–95. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-3-62-95>.
10. *Образцова О. И., Чепуренко А. Ю.* Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 71–95.
11. О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / под ред. Д. Р. Белоусова, И. Э. Фролова. М.: Динамик принт, 2022.
12. Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 44). М.: Издательство Института Гайдара, 2023.
13. *Смординская Н. В., Катукоев Д. Д.* Российский санкционный кризис: концептуальные аспекты // ЭКО. 2023. Т. 53. № 12. С. 8–29. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29.
14. *Смординская Н. В., Катукоев Д. Д.* Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.
15. *Arellano M., Bond S.* Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations // The Review of Economic Studies. 1991. Vol. 58. No 2. P. 277–297. DOI: 10.2307/2297968.
16. *Arellano M., Bover O.* Another Look at the Instrumental Variables Estimation of Error-Component Models // Journal of Econometrics. 1995. No 68. P. 29–51. DOI: 10.1016/0304-4076(94)01642-D.
17. *Barinova V. A., Zemtsov S. P.* From Direct SMEs' Support to Entrepreneurship Policy in Russia: Why Do Regional Entrepreneurial Ecosystems Matter? // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13. No 3. P. 440–457. DOI: 10.1134/S2079970523700776.

18. Bond S. R. Dynamic Panel Data Models: A Guide to Micro Data Methods and Practice // Portuguese Economic Journal. 2002. No 1. P. 141–162. DOI: 10.1007/s10258-002-0009-9.
19. Brown R., Rocha A., Cowling M. Financing Entrepreneurship in Times of Crisis: Exploring the Impact of COVID-19 on the Market for Entrepreneurial Finance in the United Kingdom // International Small Business Journal. 2020. Vol. 38. No 5. P. 380–390. DOI: 10.1177/0266242620937464.
20. Bun M. J. G., Windmeijer F. The Weak Instrument Problem of the System GMM Estimator in Dynamic Panel Data Models. University of Bristol, Economics Department, Discussion Paper No 07/595. 2007. https://www.bristol.ac.uk/efm/media/workingpapers/working_papers/pdf/dp07595.pdf.
21. Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses. OECD, 2020. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/07/coronavirus-covid-19-sme-policy-responses_c7ff14a3/04440101-en.pdf.
22. Hansen L. P. Large Sample Properties of Generalized Method of Moments Estimators // Econometrica: Journal of the Econometric Society. 1982. Vol. 50. No 4. P. 1029–1054. DOI: 10.2307/1912775.
23. Infelise F. Supporting Access to Finance by SMEs: Mapping the Initiatives in Five EU Countries. ECMI Research Report No 9. 2014. https://aei.pitt.edu/52461/1/ECMI_RR_No_9_Infelise_SME_Access_to_Finance.pdf.
24. Juodis A., Karavias Y., Sarafidis V. A Homogeneous Approach to Testing for Granger Non-Causality in Heterogeneous Panels // Empirical Economics. 2021. Vol. 60. No 1. P. 93–112. DOI: 10.1007/s00181-020-01970-9.
25. Leszczensky L., Wolbring T. How to Deal With Reverse Causality Using Panel Data? Recommendations For Researchers Based on a Simulation Study // Sociological Methods & Research. 2022. Vol. 51. No 2. P. 837–865. DOI: 10.1177/0049124119882473.
26. Morgan T. C., Syropoulos C., Yotov Y. V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37. No 1. P. 3–30. DOI: 10.1257/jep.37.1.3.
27. Nickell S. Biases in Dynamic Models With Fixed Effects // Econometrica: Journal of the Econometric Society. 1981. Vol. 49. No. 6. P. 1417–1426.
28. Roodman D. How to Do Xtabond2: An Introduction to Difference and System GMM in Stata // The Stata Journal. 2009. Vol. 9. No 1. P. 86–136. DOI: 10.1177/1536867X0900900106.
29. Windmeijer F. A Finite Sample Correction for the Variance of Linear Efficient Two-Step GMM Estimators // Journal of Econometrics. 2005. Vol. 126. No 1. P. 25–51. DOI: 10.1016/j.jeconom.2004.02.005.
30. Zemtsov S. P., Barinova V. A., Semenova R. I., Mikhailov A. A. Entrepreneurship Policy and SME Development During Pandemic Crisis in Russia // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12. No 3. P. 321–334. DOI: 10.1134/S2079970522700071.

References

1. Barinova V. A., Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. *V poiskakh predprinimatel'stva v Rossii. Ch. I. Chto meshaet malomu i srednemu biznesu razvivat'sya [In Search of Entrepreneurship in Russia. Part I. What Prevents Small and Medium Businesses From Developing]*. Moscow, Delo, 2023. (In Russ.)
2. Bukhvald E. M. Perezhivet li malyy biznes Rossii shok 2020 goda? [Will Russia's Small Business Survive the Shock of 2020?]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 1319–1336. DOI: 10.18334/epp.10.5.110134. (In Russ.)
3. Demidova K. V. MSP v usloviyakh antirossiyskikh sanktsiy: itogi pervogo polugodiya 2022 g. i vozmozhnye napravleniya podderzhki [SMEs Under Anti-Russian Sanctions: Results of the First Half of the Year and Possible Support Measures]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Russian Economic Development]*, 2022, vol. 29, no.11, pp. 46–58. (In Russ.)

4. Zemtsov S. P. Istochniki rosta delovoy aktivnosti v regionakh Rossii v usloviyakh vneshnikh shokov [Sources of Business Activity Growth in the Russian Regions During the External Shocks]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2025, vol. 66, no. 1, pp. 291-300. (In Russ.)
5. Zemtsov S. P. Sanktsionnye riski i regional'noe razvitiye (na primere Rossii) [Sanctions Risks and Regional Development: Russian Case]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]*, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 23-45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2. (In Russ.)
6. Zemtsov S. P., Barinova V. A., Mikhaylov A. A. Sanktsii, ukhod inostrannykh kompaniy i delovaya aktivnost' v regionakh Rossii [Sanctions, Exit of Foreign Companies and Business Activity in the Russian Regions]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 44-79. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-2-44-79. (In Russ.)
7. Ivanov O. B., Bukhvald E. M. Malye biznes Rossii: tretiy god tyazhelykh ispytaniy [Small Business in Russia: The Third Year of Severe Trials]. *Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice]*, 2022, no. 2, pp. 7-27. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-2-7-27. (In Russ.)
8. Knobel A. Yu., Bagdasaryan K. M., Loshchenkova A. N., Proka K. A. Sanktsii: vser'ez i na dolgo [Sanctions: Serious and For Long]. Moscow, Delo, 2019. (In Russ.)
9. Naydenova Yu. N., Paklina S. N., Parshakov P. A., Teplykh G. V., Cherednikova E. I. Vliyaniye gosudarstvennoy podderzhki na finansovuyu effektivnost' malykh i srednikh predpriyatiy [The Impact of Government Support on the Financial Efficiency of Small and Medium-Sized Enterprises]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2025, vol. 20, no. 3, pp. 62-95. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-3-62-95>. (In Russ.)
10. Obraztsova O. I., Chepurenskiy A. Yu. Politika v otnoshenii MSP v RF: obnoveniye posle pandemii? [SME Policy in the Russian Federation: Renewal After the Pandemic?]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2020, no. 3, pp. 71-95. (In Russ.)
11. Belousov D. R., Frolov I. E. (eds.). *O dolgosrochnom nauchno-tekhnologicheskoy razvitiy Rossii: monografiya [On the Long-Term Scientific and Technological Development of Russia: Monograph]*. Moscow, Dinamik print, 2022. (In Russ.)
12. *Rossiyskaya ekonomika v 2022 godu. Tendentsii i perspektivy (Vypusk 44) [Russian Economy in 2022. Trends and Prospects (Issue 44)]*. Moscow, Gaidar Institute Press, 2023. (In Russ.)
13. Smorodinskaya N. V., Katukov D. D. Rossiyskiy sanktsionnyy krizis: kontseptual'nye aspekty [The Russian Sanctions Crisis: Conceptual Aspects]. *EKO [ECO]*, 2023, vol. 53, no. 12, pp. 8-29. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-8-29. (In Russ.)
14. Smorodinskaya N. V., Katukov D. D. Rossiya v usloviyakh sanktsiy: predely adaptatsii [Russia Under Sanctions: Limits of Adaptation]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 2022, no. 6, pp. 52-67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67. (In Russ.)
15. Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *The Review of Economic Studies*, 1991, vol. 58, no. 2, pp. 277-297. DOI: 10.2307/2297968.
16. Arellano M., Bover O. Another Look at the Instrumental Variables Estimation of Error-Component Models. *Journal of Econometrics*, 1995, no. 68, pp. 29-51. DOI: 10.1016/0304-4076(94)01642-D.
17. Barinova V. A., Zemtsov S. P. From Direct SMEs' Support to Entrepreneurship Policy in Russia: Why Do Regional Entrepreneurial Ecosystems Matter? *Regional Research of Russia*, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 440-457. DOI: 10.1134/S2079970523700776.
18. Bond S. R. Dynamic Panel Data Models: A Guide to Micro Data Methods and Practice. *Portuguese Economic Journal*, 2002, no. 1, pp. 141-162. DOI: 10.1007/s10258-002-0009-9.
19. Brown R., Rocha A., Cowling M. Financing Entrepreneurship in Times of Crisis: Exploring the Impact of COVID-19 on the Market for Entrepreneurial Finance in the

- United Kingdom. *International Small Business Journal*, 2020, vol. 38, no. 5, pp. 380-390. DOI: 10.1177/0266242620937464.
20. Bun M. J. G., Windmeijer F. The Weak Instrument Problem of the System GMM Estimator in Dynamic Panel Data Models. *University of Bristol, Economics Department, Discussion Paper* no. 07/595, 2007. https://www.bristol.ac.uk/efm/media/workingpapers/working_papers/pdffiles/dp07595.pdf.
 21. *Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses*. OECD, 2020. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/07/coronavirus-covid-19-sme-policy-responses_c7ff14a3/04440101-en.pdf.
 22. Hansen L. P. Large Sample Properties of Generalized Method of Moments Estimators. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 1982, vol. 50, no. 4, pp. 1029-1054. DOI: 10.2307/1912775.
 23. Infelise F. Supporting Access to Finance by SMEs: Mapping the Initiatives in Five EU Countries. *ECMI, Research Report* no. 9, 2014. https://aei.pitt.edu/52461/1/ECMI_RR_No_9_Infelise_SME_Access_to_Finance.pdf
 24. Juodis A., Karavias Y., Sarafidis V. A Homogeneous Approach to Testing for Granger Non-Causality in Heterogeneous Panels. *Empirical Economics*, 2021, vol. 60, no. 1, pp. 93-112. DOI: 10.1007/s00181-020-01970-9.
 25. Leszczensky L., Wolbring T. How to Deal With Reverse Causality Using Panel Data? Recommendations For Researchers Based on a Simulation Study. *Sociological Methods & Research*, 2022, vol. 51, no. 2, pp. 837-865. DOI: 10.1177/0049124119882473.
 26. Morgan T. C., Syropoulos C., Yotov Y. V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges. *Journal of Economic Perspectives*, 2023, vol. 37, no. 1, pp. 3-30. DOI: 10.1257/jep.37.1.3.
 27. Nickell S. Biases in Dynamic Models With Fixed Effects. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 1981, vol. 49, no. 6, pp. 1417-1426.
 28. Roodman D. How to Do Xtabond2: An Introduction to Difference and System GMM in Stata. *The Stata Journal*, 2009, vol. 9, no. 1, pp. 86-136. DOI: 10.1177/1536867X0900900106.
 29. Windmeijer F. A Finite Sample Correction for the Variance of Linear Efficient Two-Step GMM Estimators. *Journal of Econometrics*, 2005, vol. 126, no. 1, pp. 25-51. DOI: 10.1016/j.jeconom.2004.02.005.
 30. Zemtsov S. P., Barinova V. A., Semenova R. I., Mikhailov A. A. Entrepreneurship Policy and SME Development During Pandemic Crisis in Russia. *Regional Research of Russia*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 321-334. DOI: 10.1134/S2079970522700071.

**«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»
В ИНТЕРНЕТЕ**

В электронном виде

- <http://ecpolicy.ru/>
- ulrichsweb.serialssolutions.com/
- <http://scholar.oversea.cnki.net/>
- <http://ideas.repec.org/>
- <http://biblioclub.ru/>
- <http://www.econbiz.de/>
- <http://e.lanbook.com/>
- <http://elibrary.ru/>
- <http://cyberleninka.ru/>
- <http://ipscience.thomsonreuters.com/>

Адрес редакции: 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Тел.: +7 (495) 691-77-21

E-mail: mail@ecpolicy.ru

Сайт: <http://ecpolicy.ru/>

Отпечатано в типографии: ООО «Онлайн Принт»

115487, Москва, ул. Нагатинская, д. 16Б.

Тираж 75 экз.

Editorial address: 3–5, str 1, Gazetnyy per.,

Moscow, 125009, Russian Federation

Тел.: +7 (495) 691-77-21

E-mail: mail@ecpolicy.ru

Printed by “Online Print” Ltd. Adress: 16B, ul. Nagatinskaya,

Moscow, 115487, Russian Federation

75 copies